

Фердинанд ШАЛАНДОН

АЛЕКСЕЙ I КОМНИН

ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ
1081–1118 гг.

Е В Р А З И Я

FERDINAND CHALANDON

ESSAI SUR LE RÈGNE
D'ALEXIS IER COMNÈNE
(1081-1118)

Paris:
A.Picard et fils, 1900

ФЕРДИНАНД ШАЛАНДОН

АЛЕКСЕЙ I КОМНИН:
ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ
(1081–1118)

Санкт-Петербург
2017

ББК 63.3(0)4
УДК 94(495)03
Ш 18

Научный редактор:
к. и. н. Морозов М. А.

Шаландон Ф.

Алексей I Комнин: история правления (1081–1118). Пер. с франц.
Некрасова М. Ю. — СПб.: Евразия, 2017. — 432 с.

ISBN 978-5-8071-0354-3

Книга французского историка Ф. Шаландона посвящена периоду правления императора Алексея I Комнина (1081–1118), первого императора из династии Комнинов. Основанный на большом фактическом материале, этот труд до сих пор остается единственной сводной работой по начальному периоду правления Комнинов и уже поэтому заслуживает внимания. Будучи основателем новой династии, Алексей I дал византийской политике то направление, которое она сохраняла в продолжение всего XII века. Его царствование открыло новую эру в истории взаимоотношений между Востоком и Западом. Непосредственной заслугой Ф. Шаландона является разработка фактической истории византийской политики в Малой Азии и реконструкция хронологии всего периода правления Алексея I. На основании анализа всех доступных ученому сведений он воссоздал датировку войн этого императора с итальяскими норманнами, с печенегами и половцами на Балканском полуострове, с Иконийским султанатом и отдельными эмиратами турок-сельджуков в Малой Азии. В книге так же скрупулезно анализируется внешняя политика Византийской Империи, в частности, реконструируется хронология взаимоотношений Алексея Комнина и лидеров Первого Крестового похода.

©Некрасов М. Ю., перевод с франц., 2017

© Морозов М. А., вступительная статья, 2017

©Еременко С. Е., дизайн обложки, 2017

©Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2017

ISBN 978-5-8071-0354-3

ФЕРДИНАНД ШАЛАНДОН И ЕГО КНИГА ОБ АЛЕКСЕЕ I КОМНИНЕ

В нынешнее время Византийская империя все чаще становится объектом внимания не только специалистов-византинистов, но и людей, никак не связанных с исторической наукой. И это вполне понятно, поскольку интерес к истокам русской цивилизации и культуры не ослабевает, и даже имеет тенденцию к росту. Однако на фоне этого процесса общие представления о византийской цивилизации остаются весьма туманными, в результате чего возникают многочисленные мифы, которые благополучно уживаются в наших головах с немногочисленными воспоминаниями из школьного или университетского курса истории. Поэтому у широкого круга людей эта империя ассоциируется с одной стороны с православием, которое благодаря политике Византии благополучно утвердилось на Руси в X в., а с другой — с постоянными дворцовыми интригами, в результате которых (в основном) в 1453 г. империя была завоевана турками, а на месте Константинополя появился Стамбул.

Византийских императоров чаще всего представляют себе хитрыми и вероломными, но по именам может быть знают лишь Юстиниана и Алексея Комнина, и то больше по художественным произведениям и кинофильмам. Так, последний представляется в духе романа Вальтера Скотта «Граф Роберт Парижский» недостойным правителем, который то и дело обманывал и строил козни против «чистых и благородных» крестоносцев, шедших освобождать Гроб Господень от «неверных». Все это является результатом также и того обстоятельства, что академическая наука, в том числе византистика, остается занятием узкого круга лиц, и ее разработки весьма редко доходят до широкой аудитории. В связи с этим

издание книги Ф. Шаландона об императоре Алексее Комнине в издательстве «Евразия» должно помочь любознательному читателю узнать истинное лицо этого правителя, поскольку данный труд представляет собой хорошее сочетание научного анализа и систематики с одной стороны и прекрасного изложения материала — с другой.

Фердинанд Шаландон родился в 1875 г. в Лионе. Он окончил Лицей Людовика Великого в Париже и в 1895 г. поступил в Школу хартий, где в 1897 г. получил диплом Высших Исследований, а через два года — диплом архивиста-палеографа. В том же 1899 г. был направлен на работу во Французскую школу в Риме, располагавшуюся в Палаццо Фарнезе. Но уже в 1901 г. молодой ученый вернулся в Париж.

Фердинанд Шаландон изначально зарекомендовал себя не только кабинетным ученым. Те два года, которые он провел в Италии, наполовину были заполнены поездками по стране и изучением архитектурных памятников Средневековья. Посвятив себя исследованиям норманнского владычества на юге Италии, исследователь постоянно ездил в Неаполь, Калабрию, Апулию и Сицилию. Одновременно он занимался изучением письменных документов той эпохи в монастырских библиотеках и архивах. Результатом этих поездок и исследований Ф. Шаландона становится его капитальный труд «История норманнского господства в Италии и Сицилии» (вышедший в 1907 г.), посвященный становлению и развитию Норманнского королевства и охватывающий период с 1016 по 1194 г. В нем история королевства реконструировалась на основе привлечения и анализа новых, найденных ученым в Италии архивных материалов. Некоторые из них впервые были им опубликованы на страницах данного исследования. К тому же, Ф. Шаландон во многом уточнил хронологию норманнских завоеваний и периодов правления правителей Южной Италии. Ученая общественность высоко оценила работу историка, и в 1909 г. этот труд получил от Французской Академии Большую премию Гобера. Он и по сей день не потерял своего значения и остается важным подспорьем для тех исследователей, кто занимается историей норманнской Италии. Одновременно с этим Ф. Шаландон специально занимался

изучением южноитальянских монет эпохи норманнского господства. В результате этих исследований в 1903 г. появилась монография «Нумизматика в норманнской Сицилии».

В связи с этими исследованиями Ф. Шаландон приступил к изучению византийской истории. Надо сказать, что здесь он также не изменил себе и скрупулезно собирал и изучал весь известный ему материал источников, как нарративных, так и материальных. Его замыслом было написать полную историю Византийской империи, начиная со времени Юстиниана Великого. Однако этим мечтам не суждено было сбыться, а после его смерти в 1921 г. в его бумагах было обнаружена рукопись незавершенного тома, который должен был стать исследованием византийской истории до периода Комнинов, и наброски нескольких книг по раннему и позднему византийскому периоду. Одновременно историк занимался и изучением истории Первого Крестового похода, однако основной труд по этой проблематике — «История Первого крестового похода до избрания Готфрида Бульонского» — вышел только после смерти Ф. Шаландона, которая случилась в 1921 г. До конца своей жизни не оставлял он и источниковедческих штудий, занимаясь прежде всего исследованием печатей Византийской империи и стран латинского Востока. Совместно с Г. Шлюмберже он стал автором основательного труда «Сигиллография Латинского Востока», который не потерял своего значения до сегодняшнего дня и используется при исследованиях истории крестоносных государств на Ближнем Востоке.

Однако важнейшие его исследования были связаны с историей Византийской империи при трех первых Комнинах: Алексее I, Иоанне II и Мануиле I (1081–1180). В результате в Париже появились на свет два основательных тома, посвященные данной проблематике: первый — посвященный правлению Алексея I Комнина, вышел в 1900 г., а второй — являющийся непосредственным его продолжением и освещающий политику Иоанна II и Мануила I Комнинов, — в 1912 г. Исследования Ф. Шаландона были весьма благосклонно приняты научной общественностью, и оба тома удостоились от Французской Академии престижной премии Бордена. Впоследствии ученого пригласили написать ряд глав, посвященных

норманнскому правлению в Южной Италии и периоду Комнинов в Византии в Кембриджской истории Средних веков.

Предлагаемая вниманию читателей первая часть этого исследования Ф. Шаландона, посвященная периоду правления императора Алексея I Комнина (1081–1118), первого императора из дома Комнинов, является в то же время самостоятельным и законченным научным трудом. Этот труд, основанный на большом фактическом материале, до сих пор остается единственной сводной работой на данную тему, и уже поэтому заслуживает внимания. Ведь Алексей I занимает значительное место как в истории собственно Византийской империи, так и вообще в истории XI и XII вв. Будучи основателем новой династии, этот император дал византийской политике то направление, которое она сохраняла в продолжение всего XII в. Его царствование открыло новую эру в истории отношений между Востоком и Западом, и можно сказать, что для понимания отношений между византийцами и латинянами на протяжении всего данного периода и событий, окончившихся для империи столь трагически в 1204 г., нужно обратиться к первоначальным отношениям между подданными византийского императора и спутниками крестоносных лидеров. С точки зрения истории Византийской империи правление Алексея I также очень важно. Его вступление на престол положило конец той анархии, которая в течение всего XI в. господствовала и особенно благоприятствовала нападениям на империю ее соседей. Алексей возвратил большую часть ее прежней территории и своей политикой подготовил благополучные царствования Иоанна II и Мануила I Комнинов.

Ф. Шаландон изображает деятельность Алексея I как в высшей степени благоприятную для Византии и говорит о том, что ранее первого Комнина на престоле судили с точки зрения его отношений к крестоносцам, не воздавая должного тому делу, которое он выполнил собственно по отношению к своей империи. Достигнув власти при условиях чрезвычайно трудных, когда границы подвергались нападениям со стороны соседей, он сумел дать отпор всем им: норманнам, печенегам, туркам, крестоносцам. Его правление знаменует

собой период перехода к стабилизации и остановки в процессе падения Византии. С территориальной точки зрения был даже заметен некоторый прогресс. Император добился этих выгод как переговорами, так и оружием. Алексей был ловким дипломатом. Его сильно упрекали за его политику по отношению к крестоносным вождям, но, по мнению Ф. Шаландона, вероломство последних является более очевидным, чем вероломство Алексея.

Однако поскольку книга Ф. Шаландона вышла более столетия назад, и многие вопросы эпохи правления Алексея I были пересмотрены или уточнены, поэтому необходимо сказать, как в современной науке оценивается тот период, изучению которого посвящена данная книга, и кратко выделить те проблемы, которые в историографии последнего времени получили несколько иную интерпретацию.

Прежде всего, новые исследования (из зарубежных историков назовем исследования П. Лемерля, М. Энголда, из отечественных — Г. Г. Литаврина) скорректировали традиционную точку зрения о том, что в XI в. Византийскую империю поразил серьезный системный кризис. Когда в декабре 1025 г. император Василий II умер после почти пятидесяти лет царствования, он оставил империю доминирующей силой на Балканах и Ближнем Востоке, обезопасив границы вдоль линии Дуная, на Армянском нагорье и за Евфратом. Однако последующие пятьдесят лет она вынуждена бороться за свое существование. Со всех сторон на византийские границы усилили натиск внешние противники. Во внутренние районы Малой Азии проникают турецкие кочевники, дунайские провинции империи были заняты еще одними кочевниками, печенегами. К 70-м гг. XI в. остатки южных итальянских фем Византии были завоеваны норманнскими авантюристами. Об этом всем вполне подробно рассказывается в книге Ф. Шаландона. Почти столь же поразительным оказалось восстановление Византийской империи в период правления Алексея I Комнина (1081–1118). Нельзя объяснить всего этого лишь кризисом византийской социальной и экономической систем.

Если мы посмотрим на период византийской истории после смерти Василия II, то увидим, что это были годы

политических и социальных потрясений. У Василия детей не было, а потому ему наследовал брат, Константин VIII, который правил всего три года. Теперь выбор правителя зависел от его старшей дочери Зои. В период с 1028 по 1042 г. у нее последовательно было трое мужей, ставших благодаря этому императорами — Роман III Аргир (1028–1034), Михаил IV Пафлагонец (1034–1041) и Константин IX Мономах (1042–1055). Получив даром и приняв как должное мир и стабильность, достигнутые к концу правления Василия II, эти правители империи радикально сократили расходы на постоянную армию и пограничные войска, чтобы ограничить влияние военной элиты провинции, без учета изменившейся внешнеполитической ситуации. Можно утверждать, что этого изменения не понимали и провинциальные военные элиты, озабоченные, как правило, лишь своим положением в империи и взаимоотношениями с правящей кликой и самим императором. Более глубокие проблемы были в то время заслонены восстаниями в Болгарии в 1030–1040-х гг., вызванными необдуманной налоговой политикой и политическим гнетом. Восстание 1042–1043 гг. под руководством Георгия Маниака, командира имперских войск на Сицилии, быстро прекратилось из-за гибели предводителя, но оно показало, что недовольство провинциальной знати легко может найти поддержку военных. Кратковременное правление Исаака I Комнина (1057–1059), потомственного военного из Малой Азии, показало, к чему идет дело. Хотя империя еще продолжала расширять свои пределы на Кавказе, ее попытки восстановить контроль над Сицилией и Южной Италией провалились. Однако следует признать, что с ослаблением центральной власти в XI в., новые стимулы получило экономическое развитие. Развивается торговля, причем как внутренняя, так и внешняя, интенсивно развивается сельское хозяйство, ориентированное на торговый оборот. Второе рождение переживают в связи с этим ремесленные корпорации и малые города.

Но это было также время культурных и интеллектуальных инноваций и достижений. Активно идет строительство церковных и светских зданий, изобразительного искусства — прежде всего иконописи и книжной миниатюры.

Одновременно растет интерес к классическому античному образованию. Ведущей фигурой здесь был Михаил Пселл. Он привнес новую жизнь в практику риторики и утверждал, с некоторой долей преувеличения, что возродил изучение философии в Константинополе. Культурный подъем XI в. предвосхитил собственно Комниновское возрождение.

Именно поэтому современные исследователи связывают кризис XI в. не с экономическими проблемами и социальной трансформацией, не с вызревaniem феодальных институтов, а с кризисом традиционных институтов власти, основанных на бюрократической централизации, и с противостоянием внутри имперской элиты: между старым константинопольским чиновничеством и новой военной знатью.

В связи с обозначенными выше мнениями по поводу развития византийского общества в XI в., несколько по-иному представляется теперь и политика Алексея I Комнина и его непосредственных преемников, направленная на консолидацию правящей элиты империи. Изменения происходили практически на всех уровнях общественной жизни и самосознания. Исследования А. П. Каждана и П. Магдалино показали, что эти изменения были связаны с развитием семейно-клановых связей, активно поощряемых императорами из дома Комнинов. Уже Алексей I, устроив выгодные браки для всех своих детей, вместе с собой приблизил к участию в управлении империей своих ближайших родственников, мать и брата, а также назначил многочисленных родственников и родственников жены на высокие военные посты. Более того, он возвысил всю эту семейную группу до особого статуса высшей социальной и политической иерархии, предоставляя им высокие титулы императорского происхождения. Однако комниновская эпоха привнесла традиции семейно-кланового общества и в другие сферы жизни, которые традиционно рассматривались как принадлежавшие контролю со стороны государственного аппарата и церкви.

Комниновская элита изначально и в основном являлась военной элитой, ведущие представители которой, включая императоров, осуществляли свою власть в качестве военачальников. Таким образом, Алексей восстановил и еще более

увеличил влияние военных кругов и военного идеала, от которых всегда зависели выживание и возрождение империи. Режим, созданный Алексеем I, создал из военной элиты империи коллективную личность и дал ей положение единой группы, чем она никогда ранее не обладала. Столетие политической стабильности, которой этот режим наслаждался, тоже являлось беспрецедентным и находилось в разительном контрасте с периодом 1025–1081 гг., с его быстрой сменой императоров, резкими изменениями политики и администрации, городскими бунтами, успешными дворцовыми переворотами и военными мятежами. Комнины сталкивались с многочисленными заговорами, особенно в первой половине правления Алексея, но ни один из них не достиг стадии открытого мятежа, а после 1100 г. ни один из них не угрожал наследованию власти в доме Комнинов. Ни разу до 1180 г. император из династии Комнинов не должен был бороться с провинциальными военными мятежами такого типа, который позволил непосредственно Алексею занять престол. Частично это являлось следствием того, что Алексей, Иоанн и Мануил регулярно возглавляли свое войско, а частично — следствием того, что их империю, которая была меньше по размерам, было легче держать под контролем. Но это также во многом должно быть связано с «групповым сознанием» военных магнатов, которых императоры вводили в состав обширного императорского семейства и назначали на высшие военные и административные посты в центре и в провинции.

Однако не следует думать, что это было чисто феодальной системой передачи власти на местах представителям местных династий. Нельзя рассматривать комниновскую военную знать в качестве группы баронов западного образца, которые обладали полномочиями верховной власти в своих провинциальных цитаделях. Все свидетельства источников относительно провинциальных наместников в период 1081–1180 гг. — правления Комнинов — показывают, что они никогда не были достаточно далекими от двора, чтобы в каком-либо отдельном регионе попытаться создать эффективную основу для своей независимой провинциальной власти. Все же социальная культура Комнинов была культурой придворной. Это

и являлось силой того режима, который был создан первым представителем данной династии.

В то же самое время мы должны признать, что книга Ф. Шаландона, посвященная правлению Алексея Комнина в Византийской империи, имеет ряд таких достоинств, которые заставляют исследователей считать этот труд не потерявшим своей актуальности. Некоторые вопросы, разрешенные автором, заслуживают самого серьезного внимания. Так, непосредственной и основополагающей заслугой Ф. Шаландона является разработка фактической истории византийской политики в Малой Азии и реконструкция хронологического остова для всего периода правления Алексея I. На основании анализа всех доступных ученому сведений он воссоздал в целом вполне обоснованную датировку войн этого императора с италийскими норманнами Роберта Гвискара и Боэмунда Тарентского, а также с печенегами и половцами на Балканском полуострове, а также с Иконийским султанатом и отдельными эмиратами турок-сельджуков в Малой Азии. Можно отметить и заслуживающую всяческого внимания реконструкцию хронологической последовательности взаимоотношений Алексея Комнина и лидеров Первого Крестового похода.

В то же время следует сказать несколько слов об определенных историографических новациях Ф. Шаландона, которые в трудах ученых уже XX в. получили свое обоснование. Так, ему удалось вполне обстоятельно показать, что отрицательный образ византийского императора, который сложился в Европе после Крестового похода, не являлся результатом «хитрой» политики Алексея I по отношению к крестоносцам и их вождям, а появился вследствие пропаганды Боэмунда Тарентского, который активно создавал отрицательный портрет этого правителя в 1102–1105 гг., желая организовать коалицию христианских правителей против византийского императора для похода на Константинополь в 1107 г.

Таким образом, книга Фердинанда Шаландона является не только своего рода памятником историографической мысли начала XX в., но и добротным, и в то же время увлекательным исследованием непростой эпохи в истории Византийской

империи, которое продолжает быть актуальным в современной византистике. Его перевод на русский язык будет полезным как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей этой во многом неизвестной империи и историей крестового движения. Ниже представлена некоторая новая литература по эпохе правления императора Алексея I Комнина.

После выхода в свет книги Ф. Шаландона уже прошло столетие, и за этот период в исторической науке появилось немало новых подходов к исследованию периода правления Алексея I Комнина и оценок его деятельности. Поэтому для читателей, которые захотят ближе познакомиться с современными исследовательскими проблемами, связанными с этим императором, в конце библиографии мы приводим список наиболее значимых работ новейшего времени, в которых рассматривается деятельность Алексея Комнина.

Морозов М. А.

ФЕРДИНАНД ШАЛАНДОН

АЛЕКСЕЙ I КОМНИН:
ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ
(1081–1118)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Фигура Алексея I Комнина занимает важное место как во всеобщей истории, так и в истории Византии в частности. Основатель династии Комнин задал византийской политике направление, какого она придерживалась целый век. Его царствование открыло новую эпоху в истории отношений Востока и Запада, и можно сказать: чтобы понять взаимоотношения между греками и латинянами в течение всего XII в. и события, трагической развязкой которых стал поход 1204 г., надо приглядеться к первым отношениям, возникшим между греками и соратниками Готфрида Бульонского. Царствование Алексея было очень важным и с точки зрения истории Византийской империи. Восшествие Комнина на престол закончилось с анархией, которая царила весь XI в. и особо способствовала вторжениям варваров — соседей Византии. Алексей вернул империи огромную часть прежних территорий и подготовил славные царствования Иоанна и Мануила Комнинов.

При всем интересе, какой представляет это исследование, царствованию Алексея не посвящена ни одна специальная работа. Один только Вилькен¹ сделал краткий его обзор в книге по истории династии Комнинов, получившей премию Академии надписей.

Это исследование о царствовании Алексея — диссертация Школы хартий. Я рассчитываю вскоре продолжить его очерками о царствованиях Иоанна и Мануила Комнинов. Да будет мне дозволено выразить благодарность Обществу при Школе хартий, которое оказало мне честь, опубликовав мою работу в своей серии «*Mémoires et Documents*». Благодарю также г-на Огюста Молинье, преподавателя Школы хартий, за заботу, какую он сообразовал проявить по отношению ко мне, проверив текст и вычитав гранки.

ГЛАВА I

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ ВАСИЛИЯ II (1025–1108)

С момента смерти Василия II до восшествия на престол Алексея Комнина Византийская империя переживала одну из самых тяжелых стадий своего существования. Болгаробойца был последним представителем династии сильных и энергичных императоров, таких как Фоки и Цимисхии, которые могли временно возродить переменчивую фортуна Византии. Преемники Василия были либо фаворитами, которым императорскую власть принес каприз какой-нибудь Зои, либо удачливыми полководцами, чаще всего неумелыми. На троне побывал ряд любовников Багрянородной, которая даже поселила у себя во дворце любовницу мужа и поделила с ней императорские почести². Все императоры были бездарны и занимались только жалкими придворными интригами либо, как Михаил VII, богословскими и философскими спорами. Василевсов, которые оказывались способными, быстро свергали. Исаак Комнин по малоизвестным причинам отрекся после двух лет царствования, а против Романа Диогена после его возвращения из плена поднялось все государство.

Зато по границам империи в этот период упадка росли и укреплялись более молодые и сильные государства, использовавшие любой удобный случай, чтобы отхватить часть от ее большого тела. Бóльшую часть XI в. Византия вела борьбу в Европе с печенегами и норманнами, в Азии — с турками-сельджуками. Каждому шагу вперед кого-либо из этих противников соответствовал шаг назад греческой державы.

С печенегами империя была знакома давно. Этот варварский народ, из того же племени, что и турки³, уже долго

поддерживал отношения с Византией. Обосновавшись в IX в. в современной Валахии и на равнинах Южной Руси, печенеги расселились от Дуная до берегов Дона⁴. Они обступили Херсонесскую фему — самое дальнее из византийских владений на Черном море. Их связи с греками были постоянными. Печенеги «были посредниками богатой византийской фактории Херсонес на всех внутренних землях материка, на Руси, в Хазарии, в Зихии и т. д.»⁵ Поэтому Константин Багрянородный советовал сыну сохранять с ними дружеские связи⁶. Значительную перемену в их положение по отношению к империи внесло завоевание Болгарии. Последствия этого события были настолько значимыми, что можно сказать: покорение Болгарии, нарушив политическое равновесие на севере, оказалось вредным для Византии. Печенеги, вынуждавшие соседние народы, русских⁷ и венгров, оставаться в мире, служили центром этого равновесия, не соседствуя с империей непосредственно⁸. В результате успехов Цимисхия в Восточной Болгарии⁹ греческие войска вышли на берега Дуная. Печенеги оказались в прямом соприкосновении с византийскими провинциями, и их орды, пользуясь ослаблением центральной власти, не замедлили пересечь Дунай, чтобы поселиться на греческой территории. Первое переселение, упоминание которого мы находим в хрониках, произошло при Константине Мономахе. В результате внутренних распрей часть печенегов попросила убежища у василевса, который сделал неосторожный шаг, доверив им три крепости на берегах Дуная и поручив обеспечивать безопасность на границах¹⁰.

Постоянные войны между варварами, поселившимися на греческой территории, и варварами левобережного Подунавья вскоре повлекли за собой частые вторжения в византийские провинции, и территория, занятая печенегами, понемногу начала расширяться. Обосновавшееся там население было еще очень диким и еще долго оставалось в варварском состоянии; свидетельств чему множество¹¹. Византийское правительство исчерпало все средства, чтобы цивилизовать печенегов. Обращение некоторых из них в христианство при Константине Мономахе¹², их включение в греческую армию¹³ не дали ничего. Постоянное проникновение орд из Южной

Руси мешало довести до конца цивилизаторскую миссию, взятую на себя Византией. Постепенно осознав свою силу, печенеги осмелели и начали проникать все дальше вглубь земель, так что настал момент, когда они заняли всю страну между Балканами и Дунаем. С тех пор их дерзкие набеги достигали самого сердца империи; в 1064 г. они вторглись во Фракию и Македонию и дошли до ворот столицы. Ситуация тогда выглядела столь отчаянной, что при дворе одно время подумывали, как некогда во времена Ираклия¹⁴, покинуть Европу¹⁵.

Византия трепетала перед этими опасными союзниками; чтобы добиться некоторого спокойствия, она должна была платить печенегам дань и ежегодно приносить им богатые дары¹⁶. В 1074 г., при Михаиле VII, подумали было сократить выплаты — едва не вспыхнуло общее восстание¹⁷, и пришлось вернуться к прежнему порядку вещей. Даже во время мира с варварами империя не могла рассчитывать на их верность. Атталиат¹⁸ сообщает, что во время похода на турок, которому предстояло закончиться плачевным поражением Романа Диогена, корпус печенегов перешел на сторону врага за несколько мгновений до битвы. Еще очень повезло тем василевсам, чьи полководцы, посланные сражаться с печенегами, не становились во главе последних, чтобы нападать на империю и разорять ее, как бывало не раз¹⁹.

Период смут и гражданских войн, продолжавшийся с 1078 по 1081 гг., особо способствовал усилению могущества печенегов. Разные претенденты на императорский трон, желая опереться на них, едва ли не приглашали их грабить империю. Печенеги переходили из лагеря в лагерь и, присоединяясь к тому, кто больше платил, могли сначала напасть на Вриенния, а потом соединиться с ним против Вотаниата. В царствование последнего они не раз пересекали Балканы и вступали в бой с императорскими войсками, которыми командовал Алексей Комнин²⁰.

Короче, можно сказать, что к моменту, когда власть захватил Комнин, империя потеряла все плоды завоеваний Цимисхия в Восточной Болгарии²¹: от склонов Балканских гор к северу до Дуная расселились печенеги.

Результаты политики Болгаробойцы в Западной Болгарии тоже в большой мере сошли на нет. Условия, на каких произошло присоединение Болгарии к империи, точно не известны. Вероятно, Василий обещал соблюдать часть привилегий духовенства и знати²². Но греческое правительство не выполняло взятых тогда обязательств. Так, акт Василия²³, сохранявший за болгарской церковью привилегии и независимость, конечно, был нарушен, коль скоро у этой церкви больше не было патриарха, а был греческий архиепископ²⁴. По тем немногим документам, которые дошли до нас, ясно видно, что византийцы попытались провести эллинизацию. Бывшее Болгарское царство разделили на фемы, и в письмах Феофилакта мы встречаем целый ряд упоминаний штатных чиновников фем — дук, стратигов, сборщиков налогов и т. д.²⁵ Но ассимиляцию, предпринятую Византией, завершить не удалось — болгарский дух, очень живучий, противился греческому, и эллинизм восторжествовать не смог. У всего населения, принадлежавшего к болгарскому племени, любовь к независимости была еще очень жива. В 1040 г. на призыв Петра Деяна поднялась вся страна²⁶, и Маниак²⁷ во время своего мятежа рассчитывал на поддержку со стороны болгар²⁸.

В конце XI в. общее настроение там было еще очень неприязненным к византийцам. Разительные свидетельства такой враждебности в отношениях между греками и болгарам мы находим в письмах Феофилакта. Вся переписка архиепископа Охридского наполнена руганью по адресу его славянской паствы: «Я чувствую запах плесени, — писал он, — когда они (болгары) чувствуют запах овечьей шкуры»²⁹. В другом месте, вспоминая учение Эмпедокла³⁰, он восклицает: «Ненависть порождает головы без туловищ, а здесь неустройство породило множество туловищ без голов, ибо не является ли каждый охридец существом без головы, не умеющим почитать ни Бога, ни человека? С подобными чудищами я вынужден общаться». И добавляет: «Какими бы созидательными силами ты ни обладал, от надежды присоединить голову к этим туловищам надо отказаться». В том же письме Феофилакт сравнивает себя с орлом Зевса, которого осаждают квакающие лягушки³¹. В письме, адресованном Никифору Вриеннию, зятю

Алексея Комнина, архиепископ Охридский говорит о натуре болгар как о *матери всех зол*³².

Цитаты, говорящие об этом озлоблении, можно было бы приводить долго — все письма Феофилакта изобличают враждебное отношение епископов, духовенства, крестьян к грекам. Архиепископ жалуется всем своим адресатам на печаль и скуку, какие он чувствует, живя среди этих дикарей. Отсюда соответственно легко сделать выводы о чувствах, какие должны были испытывать болгары к своим угнетателям. Именно в этом плане очень интересна переписка Феофилакта, в которой мы находим отзвук национального протеста Болгарии против иноземного ига. Знание о состоянии духа населения всей западной части империи позволит нам понять описанный далее быстрый успех похода Роберта Гвискарда, к которому из ненависти к византийцам примкнуло много болгар.

На западной границе упадком империи воспользовались хорваты и сербы, чтобы разорвать все узы, связывавшие их с Византией. С восшествием на престол Звонимира Хорватское королевство достигло наивысшего могущества, и в 1076 г. в Сплите два легата Григория VII короновали Звонимира королевской короной Хорватии³³.

Южная Сербия, частично завоеванная Василием Болгаробойцей, не была подчинена. Ею управлял Константин Бодин, один из вождей восстания 1071 г. В результате энергичного подавления восстания Бодин, попав в плен, был заключен в монастырь святого Сергия в Константинополе, а потом через недолгое время передан Исааку Комнину, которого тогда назначили дукой Антиохии. Вскоре он был освобожден венецианцами, которым заплатил отец; вернувшись на родину, он воспользовался внутренними распрями в империи и добился, чтобы его признали королем. Во время восшествия Алексея на престол он спокойно правил. Он был союзником империи, но при первых же ее неудачах он ее предаст³⁴.

Теперь мы переходим к византийским владениям на берегах Адриатики. Вопрос отношений фемы Далмация с Византией в XI в. очень запутан. Еще «Василий I разрешил далматинским городам платить славянам, чтобы жить в мире,

то, что они прежде платили империи. Они должны были отдавать стратегу только *некую малость*, βραχὺ τί διδόνθαι τῷ στρατήγῳ, выражая покорность василевсу или его представителю»³⁵. В 998 г. император, признав, несомненно, свершившийся факт, пожаловал дожу Венеции титул *Dux Dalmatiae* [дуки Далмации (*лат.*)] и поручил ему управлять в качестве патрикия и проконсула³⁶. В последующие годы случился целый ряд нападений хорватов на города Адриатики. В 1018 г. Венеции при доже Оттоне Орсеоло пришлось сразиться с хорватским князем Крешимиром II, атаковавшим Зару и другие далматинские города³⁷. Рачки³⁸ и Васильевский³⁹, исходя из актов дарения хорватских государей Заре, полагают, что с 1010 г. Венеция потеряла далматинские города, а в 1018 г. боролась за то, чтобы вернуть их под свою власть. После побед Василия II в Болгарии хорваты добровольно покорились⁴⁰. В 1057 г. Византия еще обладала правами, коль скоро за этот год мы находим упоминание об экспедиции византийского стратега из Бари, который взял в плен жену Крешимира II и отправил ее в Константинополь⁴¹. Васильевский считает, что Крешимир в то время управлял в качестве стратега и патрикия⁴². За несколько лет до этого, в 1050 г., Венеция якобы вернула себе Зару и еще некоторые города⁴³.

До 1075 г. нам больше ничего не известно. В этом году Венеция запретила далматинским городам принимать на своей территории норманнов⁴⁴. Мне кажется вероятным, что к тому времени она вернула себе прибрежные города. Впрочем, должно быть, ее власть была не очень сильной, коль скоро мы увидим, что Рагуза примет сторону Роберта Гвискарда против республики.

Об отношениях Италии с империей в период, который занимает нас, и о завоеваниях норманнов я еще буду говорить дальше. Здесь достаточно сказать, что к моменту восшествия Алексея Комнина на престол у Византии в Италии не осталось больше ничего и что норманны уже готовились к высадке на берегах Иллирии.

На всех своих европейских границах византийцы отходили назад. Ситуация в империи, в Малой Азии, была не лучше, и греки повсюду отступали перед сельджуками. Создавать

свою державу потомки Сельджука принялись в начале XI в. Они лишили монархов Буидов их государств, а через недолгое время стали независимыми от халифов, перестав признавать их религиозный авторитет⁴⁵. Благодаря быстрому расширению своих завоеваний они скоро подошли к границам Византийской империи. Византия с давних пор пыталась захватить Армению. В результате вторжения Тогрул-бека в 1018–1019 г.⁴⁶ Сенекерим, царь Васпуракана⁴⁷, в 1021 г. уступил свое государство Василию в обмен на Севастию⁴⁸, Лариссу⁴⁹ и еще несколько городов⁵⁰. После этого греки решили завоевать все мелкие армянские государства. Завоевание шло медленно, и лишь в 1046 г. Константин Мономах наконец, прибегнув к хитрости, взял верх над последним царем Ани из династии Багратидов, Гагиком II⁵¹, добившись от него уступки государства в обмен на несколько городов⁵². Теперь вся Армения была в руках греков, но с того дня Армянское государство перестало играть роль буфера, и произошло столкновение между греками и турками.

За несколько лет могущество турок-сельджуков значительно выросло: они завоевали Азербайджан, Месопотамию и Мосул⁵³. В 1049 г. Тогрул-бек продвинулся до Трапезунда, и Исааку Комнину пришлось отражать вторжение⁵⁴. В том же году турецкий флот появился перед Константинополем⁵⁵. Воспользовавшись волнениями, которые возникли после смерти Константина Мономаха в 1054 г., турки достигли Евфрата, через который вскоре переправились. С тех пор они почти непрерывно добивались успехов. Они потерпели неудачу под Манцикертом, но в 1057–1058 гг. оказались под Мелитеной⁵⁶, в 1059 г. разорили Васпуракан, Галатию, Фригию⁵⁷ и осадили Севастию.

Алп-Арслан, преемник Тогрул-бека, продолжил его завоевания с неменьшим успехом⁵⁸: в 1062 г. он занял Ани, столицу Армении и последний оплот независимости⁵⁹. В царствование Евдокии Макремволитиссы турки взяли Мелитену, подступили к Кесарии и разорили область Антиохии⁶⁰.

Под управлением женщины империя сражаться не могла; поэтому василисса Евдокия повторно вышла замуж и привела к власти Романа Диогена, одного из самых блестящих

полководцев империи. Первые походы нового василевса замедлили, не остановив, продвижение турок, которые дошли до Неокесарии⁶¹. Тогда ситуация осложнилась из-за мятежа франкского командира Роберта Криспина, попытавшегося стать независимым⁶². Однако греческая армия подошла к Кесарии и Лариссе; но между тем турки достигли Икония, который станет центром их владений в Малой Азии. Через недолгое время Роман Диоген был разбит и попал в плен при Манцикерте; ему пришлось платить за себя выкуп, а также выплачивать дань султану.

Гражданская война, вспыхнувшая в то время, облегчила туркам завоевание. В Византии воцарилась анархия, и каждый пытался урвать для себя частицу империи. Руссель де Байоль, один из франкских командиров на византийской службе, мечтал создать себе независимое государство в Малой Азии⁶³. Вотаниат, которого восставшие в Азии войска провозгласили императором, обратился к сельджукам за помощью, чтобы идти на Константинополь. Вероятно, этими событиями воспользовались и другие греческие вожди, чтобы стать независимыми, и я вместе с Фишером склонен допустить существование мелких греческих государств в Пафлагонии и Трапезунде⁶⁴.

Общая дезорганизация империи сильно упростила туркам продвижение; надо добавить, что им посчастливилось оказаться под властью трех выдающихся людей подряд — Тогрул-бека, Алп-Арслана и Малик-шаха. Даже не исключено, что население империи, задавленное налогами, не слишком враждебно воспринимало завоевания турок⁶⁵. Последних всегда изображают безжалостными и жестокими по отношению к побежденным, однако надо принять в расчет мнение Самуила Анийского, изобразившего Малик-шаха идеальным образцом государя⁶⁶.

Итого к моменту восшествия Алексея Комнина на престол турки владели в Малой Азии Кесарией Каппадокийской, Иконом, Филадельфией, Смирной, Себастией, Неокесарией. Греки еще были хозяевами северных провинций — Ираклии Понтийской, части Каппадокии⁶⁷, Пафлагонии, Трапезунда⁶⁸.

Таким образом, с внешней стороны упадок был полным; ему значительно способствовали внутренние раздоры византийцев. Весь период, о котором я только что говорил, был заполнен борьбой партий за власть. Прежде всего мы встречаем очень сильную аристократию: «Все памятники правовой документации из провинций наряду с *praesides* [председателями (*лат.*)] или стратигами, чиновниками фиска, епископами и игуменами монастырей сообщают о могущественных местных домах, которые злоупотребляют старинными правами патронажа, посягая на свободу подданных империи»⁶⁹. Было выдвинуто утверждение, что эта аристократия состояла из городских семейств, которые, как в Италии, образовали особую касту⁷⁰. Но такая трактовка неточна. Лев Мудрый отменил всякую городскую автономию, потому что «эти учреждения, — пишет он в своей новелле, — более не соответствуют существующему порядку вещей, при котором один только император должен заботиться обо всем»⁷¹. Эта новелла уничтожила влияние старинных семейств. Однако есть несколько примеров его сохранения, прежде всего, должно быть, в отдаленных провинциях; так, у Никифора Вриенния мы читаем, что в конце XI в. в далеких провинциях Азии еще некоторое влияние имели архонты⁷². Тем не менее это были лишь исключения. Чаще всего старая аристократия трансформировалась и приспособливалась к новым условиям, в которых оказалась.

При Льве Мудром окончательно восторжествовала бюрократия. И старинная аристократия поняла: чтобы по-прежнему играть некую роль, нужно войти в состав всемогущей администрации. Ей легко было проникнуть в новую иерархию. Действительно, в Византии все должности, за исключением высших правительственных, если и не были совсем продажными, тем не менее требовали от тех, кто их получал, выплатить некую денежную сумму по тарифу, очень высокому⁷³. Тем самым аристократия получала преимущество и могла за деньги приобретать должности или почести. В самом деле, продавались не только реальные должности, но и почетные титулы, что существенно упрощало провинциальным землевладельцам доступ в ряды новой чиновничьей и титулованной аристократии. При Романе Лакапине некоторое количество

архонтов с Пелопоннеса получило от правительства разные почетные титулы и заняло места в иерархии⁷⁴.

Таким образом, потомки старинных семейств архонтов, крупных землевладельцев вступали в иерархию, и тем самым старинная знать сливалась с сенаторским сословием, которое составляли высшие чиновники на действительной службе или в отставке и их потомки⁷⁵. Это сословие административной знати отнюдь не было замкнутой кастой. Доступ в него имел любой чиновник, получавший место в иерархии; после этого он пытался окончательно упрочить свое положение, приобретя особую земельную собственность, то есть отдельно записанную в податной книге⁷⁶. То есть любой чиновник был склонен злоупотреблять своим служебным положением, дабы во что бы то ни стало сделаться землевладельцем. Этим объясняется, почему центральная власть запрещала правителям провинций покупать и приобретать движимое и недвижимое имущество в тех областях, которыми они управляли⁷⁷.

Этот класс чиновничьей аристократии стал с X в. врагом мелкой собственности. «Сильные» были тяжким бременем для народного класса. «Оно [сословие властелей] не только вымучивало от имени государства, в звании воевод (стратиггов), писцов и дозорщиков, протонотариев — государственные подати и повинности, но и действовало в свою собственную пользу, прикрываясь покупными титулами, цену которых все-таки следовало воротить в продолжение как можно более краткого срока. Государственное жалование, получаемое по должности, представляло только проценты на внесенную при получении должности сумму; оплачиваемая жалованьем должность была своего рода помещением капитала с целью получения ренты. Но проценты были недостаточно высоки; а притом многие ограничивались покупкой одних чинов и титулов без жалованья. Ловкий и оборотливый грек редко руководился при этом одним честолюбием; он надеялся воротить свое другим путем; он полагал, что взносом двенадцати литр⁷⁸, чего стоил титул протоспафария, он вместе с тем приобретал некоторые полномочия в отношении к “убогим” и к их крестьянским участкам. Жадность к стяжанию,

своекорыстие, бессовестная готовность на всякий обман и незаконную проделку составляли общую и характеристическую принадлежность сословия властителей, по свидетельству самих византийских государей X столетия»⁷⁹.

Злоупотребления, порождаемые таким порядком вещей, побуждали государство в X и XI вв. вести борьбу с крупной собственностью. Эта борьба, следить за ходом которой довольно наглядно позволяют новеллы императоров, в течение всего этого периода происходила с переменным успехом. Но после смерти Василия Болгаробойцы в ней побеждала знать, и центральная власть больше не могла давать отпор торжествующей аристократии.

В то время существовали очень могущественные семейства: в Адрианополе — Вриеннии, в Малой Азии — Фоки, Склиры, Маниаки, Вурцы, Вотаниаты, Комнины⁸⁰.

Именно эта азиатская знать была самой многочисленной и сильной. Поэтому в Малой Азии чаще всего и вспыхивали мятежи — Варды Фоки, Склира и Исаака Комнина, если упоминать лишь самые известные. Именно эта знать брала верх вместе с Исааком Комнином, Романом Диогеном, Вотаниатом. Особо ее заботила турецкая война, поскольку от нашествий сельджуков больше всех доставалось ей, и поэтому, выбирая императора, она всегда передавала власть знаменитому полководцу.

Влияние аристократии опиралось на настоящую военную силу. Уже в V в. в империи были частные воины⁸¹; в XI в. у частных лиц имелись уже настоящие армии. «Василий II, возвращаясь в 995 г. из похода в Сирию против сарацин, остановился дорогой у богатого магната, принадлежавшего к фамилии Малейнов [...] Евстафий Малейн принадлежал к тем богачам, которые в состоянии были, вооружив своих рабов и крестьян (париков), выставить военный отряд в несколько тысяч человек. [...] Он [василевс] подумал, — говорят историки, — что человек, располагающий 3.000 вооруженных рабов и пользующийся большим влиянием на соседей, может поднять бунт не менее опасный, чем восстания Фоки и Варды Склира. Малейн приглашен был сопровождать императора в столицу и затем более не возвращался из Константинополя на свою родину»⁸².

Между европейской и азиатской знатью отношения были не просто соперническими, а даже откровенно враждебными. Можно сказать, что в конце XI в существовала едва ли не тенденция к разрыву между Европой и Азией. Атталиат пишет о презрении, какое жители Адрианополя питали к азиату, а Никифор Мелиссин предложит Алексею Комнину разделить с ним империю — Запад одному, Восток другому.

Рядом с аристократией мы видим сенат, который, очень вероятно, пополнялся за счет ее представителей. Какими возможностями в те времена располагал византийский сенат, наследник римского? Г-н Лекривен⁸³ полагает, что он играл роль законодательной власти, но определить эту роль очень трудно. Действительно, мы знаем, что законодательную власть у сената отняли⁸⁴, и тем не менее Вотаниат читает новеллу именно перед ним⁸⁵. Во всяком случае, в делах о ереси сенат, конечно, играл роль — мы увидим, как он участвовал в процессе Итала и проводил предварительное следствие вместе с представителями патриарха⁸⁶. Принял он участие и в дебатах церковного собора, созданного для осуждения Льва Халкидонского⁸⁷. Главное, у сената был престиж, связанный с его названием. «Его власть далеко не слабела, она росла до самого падения Константинополя. Несмотря на деспотизм правительства, сенат выгадывал от врожденного порока империи — отсутствия наследования власти, отсутствия императорской фамилии. Эта аристократия штатских и военных чиновников образовала, при недолговечных династиях, постоянную корпорацию, значение которой было тем больше, что империя представляла собой не более чем администрацию, а резиденция сената находилась в ее административном центре — Константинополе. Это был один из главных органов власти Византийской империи — в той же степени, что император, Святой дворец и народ Константинополя»⁸⁸. Права избирать императора у него больше не было, но он всегда это избрание утверждал⁸⁹.

Наряду с аристократией и сенатом существенную роль играла армия. Ее надо представлять себе скорее как римские легионы, чем как западноевропейские армии, в которых в ту эпоху важнейшую роль играла личная храбрость⁹⁰. Военная

экспансия Византии началась со вступлением на престол Македонской династии. Ее первым важным успехом было завоевание Крита в 961 г. С тех пор, в славные царствования Фоки, Цимисхия, Василия Болгаробойцы, завоевания следовали одно за другим, укрепляя боевой дух и значимость армии. Отныне войска уже имели традиции, уставы; для них писали трактаты по тактике⁹¹. Воины были важным фактором в империи. Константин VII Багрянородный в одной из новелл говорит, что армия для государства все равно что голова для тела⁹². Пселл, которому любой милитаризм был противен, писал, что армия — это нерв государства⁹³. После смерти Болгаробойцы армия обнаружила, что эпоха больших и выгодных походов на болгар и нечестивых агарян для нее закончилась. Начиная с мятежа Маниака центральная власть ощущала непреодолимое недоверие к себе со стороны военного элемента. С тех пор армия проявляла открытую враждебность в отношении власти, опасавшейся мятежа в любой момент⁹⁴. Как раз этот дух неповиновения и проявился в провозглашении Исаака Комнина василевсом, так что в восшествии Комнина на престол надо видеть победу военной партии. Исаак сам постарался заверить, что намерен придать своему царствованию военный характер, и велел изображать себя на монетах с мечом в руке. Но отречение Комнина быстро лишило военную партию превосходящей позиции, которую та, как ей казалось, закрепила за собой. Новое значение армии придали нашествия турок; но после поражения Романа Диогена большие походы временно прекратились. С тех пор ни один император не вставал во главе своих войск, и, совершенно естественно, армия привязывалась к своим полководцам, Вриенниям, Вотаниатам, Комнинам, стараясь делать их императорами⁹⁵.

Политические инициативы военной партии провалились в результате усилий партии, которую мы знаем плохо. Царствование Зои было чрезмерно благоприятным для расширения влияния дворцовых служащих и, в частности, евнухов императорского гинекея⁹⁶. Они использовали доверие к себе, чтобы раздавать должности и почести своим ставленникам. Так сформировалась партия, которую можно было бы назвать гражданской в противоположность военной. Вся политика

этой партии сводилась к тому, чтобы сохранять свое влияние всеми возможными средствами и прежде всего — отстраняя от дел тех, кто мог бы свергнуть их власть. При императрице Феодоре эта партия была всемогущей, она добивалась удаления способных полководцев, как Исаак Комнин или Вриенний, и поддерживала бездарного воина Никиту⁹⁷. Именно вожди этой партии выбрали в преемники Феодоре патрикия Михаила Стратиотика, которого заставили поклясться, что он всегда будет с ними советоваться⁹⁸. Недоверие, которое Стратиотик по наущению гражданской партии выказывал армии, привело к мятежу Исаака Комнина⁹⁹. Победенная им, эта партия возродилась при слабых преемниках этого василевса. В царствование Евдокии она вернула себе все влияние, и мы увидим, что в событиях, предшествовавших восшествию на престол Алексея Комнина, она сыграла важную роль.

Сильную партию представляло собой духовенство. Политическая и религиозная роль, какую сыграл Михаил Керуларий, принесла патриарху громадную популярность¹⁰⁰. Керуларий «остался в глазах соотечественников поборником православия в борьбе с заблуждениями латинян»¹⁰¹. Народ Византии испытывал к нему настоящее почтение. После его смерти в тюрьме, куда его заключили, Исаак Комнин был вынужден, чтобы успокоить народ, устроить патриарху торжественные похороны¹⁰². Отблеск славы Керулария падал на его преемников, и между византийским народом и духовенством, которое, на взгляд большинства, хранило настоящее православие от нападков латинян, установилось более тесное единство, чем когда-либо.

Таковы были главные партии, непрерывная борьба между которыми заполняла историю империи в течение всего XI в. Было высказано утверждение¹⁰³, что, несмотря на эти раздоры, Византия все еще сохраняла большую способность к ассимиляции. Не думаю, что с этой теорией можно согласиться. Валахи Афона и Фессалии, турки из долины Вардара, печенег с берегов Дуная, павликиане из Филиппополя — все они сохраняли индивидуальность. В Болгарии эллинизация, несмотря на усилия Византии, не продвинулась со времен Василия II. Империя все еще манила к себе армян или турок,

занимавших высокое положение в своих странах, но это были единичные случаи. У Византии в XI в. больше не было умения ассимилировать народы, которые она подчинила. В разных элементах, из которых состояла империя, мы замечаем «зародыш раздробленности и будущих конфедераций». Этот зародыш, который весь XI в. рос, казалось, должен был привести к скорому распаду империи; но развитие в этом направлении остановилось благодаря тому усилию, какое к управлению Византией приложил Алексей Комнин.

ГЛАВА II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОМНИНОВ. ЮНОСТЬ АЛЕКСЕЯ И ЕГО ПРИШЕСТВИЕ К ВЛАСТИ

Среди больших семейств, фамилии которых упоминаются на каждой странице византийской истории в XI в., семейство Комнинов — одно из самых знаменитых. Думаю, надо отказаться от выдвинутой Дюканжем гипотезы, которая связывает с ним старинный римский род, последовавший в Византию за Константином¹⁰⁴. Если предание об этом древнем и славном происхождении сохранилось, то как объяснить, что мы не находим упоминаний о нем ни у Анны Комниной, ни у Никифора Вриенния, притом что оба с такой готовностью распространяются о более или менее мифическом происхождении Дук и о их брачных союзах с болгарским царским домом¹⁰⁵? К этому столь решающему соображению надо добавить свидетельство современника — Пселла¹⁰⁶, который сообщает, что Комнины были родом из деревни Комни в долине Тунджи, под самым Адрианополем¹⁰⁷. Позже они приобрели большие владения в Малой Азии близ Кастамона¹⁰⁸, на реке Гёкырмак, притоке Кызылырмака.

Впервые под пером византийских историков фамилия Комнин появляется при Василии II¹⁰⁹. Хронисты упоминают двух персонажей с такой фамилией: Никифора¹¹⁰, правителя Васпуракана, и Мануила, но ничего не говорят о родственных отношениях между ними. Слуга¹¹¹ и друг Василия II Мануил Комнин, часто упоминаемый в истории под именем Эротик, был родоначальником семьи. Он оставил двух сыновей, Исаака и Иоанна.

Восхождение своего дома к высотам начал Исаак¹¹². Он прославился в войне с турками, и когда, устав от владычества

Михаила Стратиотика, полководцы азиатской армии восстали, василевсом они в 1057 г. провозгласили его¹¹³. После двух лет царствования Исаак по малоизвестным причинам отошел от власти¹¹⁴. Он предложил корону своему брату Иоанну, который был куропалатом и великим домашником¹¹⁵. Тот был женат на Анне Далассине, дочери одного из высших чиновников Италии, которая родила ему восемь детей: Мануила, Исаака, Алексея, Адриана, Никифора, а также Марию, Евдокию и Феодору. Анна Далассина тщетно пыталась убедить мужа принять власть, которую ему предлагают. Она напоминала ему об опасностях, какие в Византии грозили членам любой семьи, когда-либо обладавшей властью: как потенциальные претенденты на престол они всегда вызывали подозрение у царствующего василевса. Все старания оказались напрасны, и куропалат отказался наследовать брату¹¹⁶, притом что нет никаких объяснений этого бескорыстия, необычного во времена, когда верховной власти вождели все. Тогда Исаак Комнин выбрал преемником Константина Дуку. Некоторое время существовала причудливая ситуация, которую мы знаем очень плохо. Исаак как будто передумал отречься от власти, и только когда Пселл добился провозглашения Константина, василевс решился удалиться в Студийский монастырь, где вскоре умер¹¹⁷.

У нас нет никаких сведений об истории Иоанна Дуки и его семьи в царствование Константина. Вриенний указывает только, что новый василевс неизменно выказывал величайшее уважение предшественнику и его брату¹¹⁸. Иоанн Комнин умер вскоре после Константина, несомненно, во второй половине 1067 г.

Анна Далассина осталась одна с восемью детьми на руках. Мы точно не знаем, сколько лет тогда было Алексею. Зонара¹¹⁹ говорит, что в 1118 г. ему было семьдесят, откуда следует, что в 1067 г. ему было девятнадцать. Но Анна¹²⁰, рассказывая о походе византийцев на турок в 1070 г., пишет, что к тому времени ее отцу было четырнадцать лет. Думаю, надо исходить из возраста, указанного к моменту смерти, — такая гипотеза более правдоподобна и к тому же делает другие события более вероятными. В таком случае не придется допускать, что

главнокомандующим греческими войсками Алексей стал в двадцать два года. Какими бы ни были его таланты, мне это представляется маловероятным¹²¹.

Смерть Иоанна Комнина вынудила Анну Далассину играть решающую роль в воспитании детей. Эта женщина, которой предстояло оказать очень сильное влияние на судьбу сыновей, была любопытной личностью. У нас мало сведений о ней, но все данные, какие мы можем собрать, говорят о том, что большой ум и перворазрядные политические способности она ставила на службу громадному честолюбию. Она так никогда и не утешилась после утраты императорской короны, возложить которую ей на голову следовало бы только мужу, и навсегда сохранила глубокую ненависть к Дукам, которые эту корону у нее похитили¹²². Всю жизнь Анна Далассина пыталась вновь обрести утраченную возможность; наконец одному из сыновей удалось достичь той самой власти, которая была предметом всех ее мечтаний.

О воспитании и школах в Византии мы не знаем почти ничего. Несомненно, Алексей должен был получить образование, аналогичное тому, какое через несколько лет дали Константину, сыну Михаила VII. Феофилакт, который был учителем юного принца, сообщает, что физические упражнения, верховая езда, охота, тренировки с копьем и луком чередовались с обучением истории и с умственными упражнениями, пригодными для того, чтобы облагораживать речь и развивать ум¹²³. Но это очень неопределенные данные. Среднее образование в Византии должны были давать довольно хорошее, коль скоро «Пселл, когда учился в школе, знал наизусть всю “Илиаду” и мог объяснить в ней просодию, тропы и все образные выражения»¹²⁴. Позже Алексей, видимо, прошел курс той высшей школы в Константинополе, которая сверкала тогда ярким блеском и привлекала отовсюду в столицу империи молодых людей, жаждущих знания. Пселл, который в те времена был одним из самых просвещенных и знаменитых преподавателей, хвалился, что среди его учеников есть арабы, кельты и даже один вавилонянин¹²⁵. Несомненно, именно там Алексей вместе с необходимыми философскими и богословскими познаниями усвоил столь выраженное пристрастие

к религиозным дискуссиям, которое позже побуждало его лично дискутировать с еретиками.

Но это только гипотезы; однако что бесспорно, так это результат, которого добилась мать Комнинов. Ей удалось сделать из своих сыновей Исаака и Алексея — я говорю лишь о тех, за чьей политической карьерой мы можем проследить, — людей, которые неизменно выказывали умение выполнить задачу, продиктованную тем высоким положением, какого они сумели достичь. Это наглядно показывает, какое влияние на их формирование оказала мать, какой авторитет Анна сумела сохранить у них впоследствии. В первые годы царствования Алексей предоставил ей просто неограниченные полномочия.

Анна Комнина сохранила для нас текст хрисовула, каким новый василевс жаловал Анне Далассине регентство. Вся преамбула этого акта — не более чем длинное изъявление благодарности сына матери, и всемогущий василевс, Изапостолос¹²⁶, в конце восклицает, что он и мать — прямо-таки одна и та же душа в двух телах¹²⁷. В то время империя попала под власть женщины, и, чего в Святом дворце очень давно не видели, эта женщина совершила при дворе реформы и ввела почти монастырские обычаи¹²⁸ вместо распущенности, какая были в чести уже много лет. В то время Анна Далассина осуществила мечту, какую лелеяла очень давно, и смогла несколько лет наслаждаться властью и считать себя всемогущей василиссой; как и у императора, у нее была печать, на которой вырезали слова: «Боже, защити Анну I Далассину, мать василевса»¹²⁹. Но ее триумф был лишь скоротечным, сохраняться ее влиянию довелось недолго, и она сама печально завершила жизнь в большом Пантепоптском монастыре.

После смерти мужа Анна Далассина примкнула к партии василиссы Евдокии Макремволитиссы, своей родственницы¹³⁰, и Романа Диогена¹³¹. Ее поведение, несомненно, объяснялось ненавистью к Дукам, которых Роман как раз отстранил от опеки над юными василевсами. Мать Комнинов оказалась тогда в большом фаворе и выдала дочь Феодору за одного из сыновей Романа Диогена — Константина. Должно быть, это был политический брак с целью закрепить положение семьи

Комнинов, ведь Константин как будто имел очень дурную репутацию, на что намекает Вриенний¹³².

Комнины пользовались тогда при дворе большим доверием; старший, Мануил, был поочередно назначен протостратором¹³³, потом командующим Восточной армией¹³⁴ и за успехи в войне с турками получил титулы протопроедра и куропалата¹³⁵. Если верить Зонаре, Мануил своими успехами якобы внушил подозрения василевсу¹³⁶. Проверить это утверждение очень трудно — как его согласовать с поведением Алексея, который вскоре после смерти Мануила попросил императора принять его на службу¹³⁷?

Переворот, который совершил кесарь Иоанн Дука в пользу Михаила VII, разрушил всё строение, возведенное Анной Далассиной. Падение Романа Диогена на время лишило Комнинов фавора. Мать Алексея сохранила верность свергнутому василевсу. Вопреки опровержению Вриенния она, должно быть, продолжала переписываться с низложенным императором¹³⁸. Подвергшись за это преследованиям¹³⁹, она была изгнана с детьми на один из Принцевых островов¹⁴⁰. Изгнание Анны Далассины продлилось недолго — вскоре ее призвали обратно и вернули в милость. Тогда Михаил VII женил Исаака Комнина, ставшего старшим после смерти брата, на Ирине, дочери одного из аланских князей и двоюродной сестре василиссы Марии — дочери Баграта IV, царя Армении¹⁴¹.

Как объяснить этот внезапный перелом событий? Известно, что Роман Диоген, освободившись из турецкого плена, обосновался в Малой Азии и начал гражданскую войну с партией, которую возглавляли Михаил VII и кесарь Иоанн Дука¹⁴². А ведь у Комнинов в Пафлагонии были значительные владения¹⁴³; их сторонники могли предоставить Диогену существенную поддержку. Значит, одной из причин возвращения Комнинов в фавор был страх¹⁴⁴.

Кроме того, это повторное обретение милости произошло тогда же, когда стало расти влияние евнуха Никифорицы. Кесарь Иоанн Дука приблизил его к Михаилу VII как доверенного человека, Никифорица же обратился против собственного господина и сумел вытеснить его из фаворитов императора. После этого Дука удалился в Малую Азию¹⁴⁵. А ведь Исаак

Комнин был назначен командующим восточными схолами¹⁴⁶ как раз по удалении кесаря¹⁴⁷. Между разными событиями не могло не быть тесной связи; к несчастью, об интригах, ареной которых тогда был Священный дворец, мы не знаем ничего¹⁴⁸.

До тех пор Алексей играл неприметную роль, и его биография сливалась с историей его семьи. Отныне будущий василевс сам примет активное участие в политических интригах. Боевое крещение Алексей получил под командованием брата¹⁴⁹. Вриенний долго распространяется о возникших в то время всевозможных трудностях¹⁵⁰. К войне с турками добавился мятеж Русселя де Байоля, одного из многочисленных норманнских вождей на византийской службе, попытавшегося стать независимым правителем в феме¹⁵¹ Армениак¹⁵². Поход, предпринятый против мятежника, сложился для императорской армии неудачно, и Алексею, поскольку его брат Исаак попал в плен, пришлось сыграть некую роль. Если верить его дочери и зятю, он якобы сумел не допустить полного разгрома византийских войск, вызволил брата и даже одержал некоторые успехи в борьбе с турками. Молва об этих подвигах якобы обогнала обоих братьев на пути в Константинополь, и они, вернувшись в столицу, оказались в атмосфере энтузиазма и услышали восторженные возгласы населения¹⁵³.

Атталиат¹⁵⁴ и Скилица¹⁵⁵, списывавший с него, изображают события далеко не столь славными. Вилькен напрочь отвергает свидетельства Никифора Вриенния и Анны Комниной¹⁵⁶. Однако я думаю, что часть рассказа обоих хронистов следует признать истиной, сделав большую скидку на преувеличение. Алексей в своем первом походе должен был показать военные таланты и обратить на себя внимание, ведь в противном случае было бы очень трудно объяснить, почему ему доверили столь важную командную должность, на которую, как мы скоро увидим, его назначили. Кроме того, в связи с этим назначением Атталиат¹⁵⁷ и Скилица¹⁵⁸ говорят об Алексее в таких выражениях, которые побуждают предположить, что он уже зарекомендовал себя.

В результате событий, о которых мы только что говорили, ситуация в империи лишь ухудшилась, и Руссель де Байоль только что провозгласил василевсом родного дядю

Михаила VII — опального кесаря Иоанна Дуку. Евнух Никифорица, в то время всевластный, благодаря помощи турок сумел взять верх над мятежниками, и кесарь, чтобы избежать наказания, добровольно облачился в монашескую рясу¹⁵⁹. Остался самый опасный противник, Руссель: жена выкупила его у турок, и он еще держался в феме Армениак¹⁶⁰. Один из самых знаменитых византийских полководцев того времени, Никифор Вриенний, отец историка, потерпел от мятежника тяжелое поражение¹⁶¹. Именно тогда Алексею было поручено возглавить новый поход на Русселя де Байоля¹⁶². Михаил VII назначил Комнина стратопедархом¹⁶³, но из-за скудости императорских финансов войско ему предоставили лишь очень малочисленное¹⁶⁴.

Таким образом, Комнин выступил в поход в худших условиях. Возможно, в поведении императора нужно видеть следствие интриг Никифорицы. Избавившись от Иоанна Дуки, логофет мог видеть угрозу своему влиянию только в популярности Комнинов. Союзные императору, оба брата обладали значительным авторитетом. А ведь Атталиат говорит, что как раз в момент, когда Алексею было поручено командовать походом на турок, евнух попытался удалить от императора его мать и родственников¹⁶⁵, чтобы, несомненно, не осталось никого, кто мог бы затмить его самого. Кроме того, мы обнаруживаем, что Анна Далассина пыталась помешать Алексею принять командование, предложенное ему¹⁶⁶; и, наконец, назначение Исаака Комнина на пост *δοῦξ* [дуки (зреч.)] Антиохии на самом краю азиатских владений¹⁶⁷ совпало с отправкой Алексея в одну самых отдаленных фем восточной границы. Я не стану настаивать, что у логофета был тайный замысел избавиться от обоих братьев, мешавших осуществлению его амбиций, и обвинять его, что он намеренно хотел их сжить со света, не давая им войск, но как минимум могу сказать, что, удаляя Исаака и Алексея Комнинов из Константинополя, Никифорица отсылал подальше двух потенциальных соперников и в то же время обрекал их лишиться популярности после почти заведомого поражения — во всяком случае, одного из них.

Планы евнуха, если таковые были, потерпели провал благодаря ловкости молодого стратопедарха, сумевшего компенсировать малочисленность войск мудрой тактикой. Не давая боя, Алексей смог при помощи нескольких искусных операций отсечь Русселя де Байоля и его сторонников от поставок провизии¹⁶⁸. «К внезапной развязке привело неожиданное событие: Руссель, узнав о появлении на землях империи сельджука Тутуша, или Тутаха, во главе значительных сил, попросил его о союзе. Тутуш сделал вид, что согласен; но, поскольку его убедили хитрые послания Алексея, он завлек Урселя под предлогом личной встречи к себе в лагерь только затем, чтобы захватить в плен. Когда разоруженные франки, оставшись беззащитными, заняли пиршественные места, их схватили и связали. Урсель в цепях был выдан Алексею. Все франки, рассредоточенные в Романии, сложили оружие»¹⁶⁹.

По длинным рассказам, впрочем, не очень интересным, какие Анна Комнина и Вриенний оставили о переговорах Алексея с жителями Амасии, можно судить о ловкости, с какой будущий василевс уже тогда вел политические интриги. Лишь преодолев тысячу препятствий, стратопедарх смог завершить поход и доставить своего пленника в Константинополь через Малую Азию, целиком охваченную восстанием. Алексей сумел привнести в свою победу умеренность и не побоялся помочь Русселю в тюрьме, куда его заключил император¹⁷⁰.

Успехи, каких в то же время добился Исаак Комнин в управлении Антиохией, лишь укрепили репутацию и популярность обоих братьев.

Только что описанные события пришились на 1073 и 1074 гг.¹⁷¹ О роли, какую Алексей играл в следующие годы, мы с уверенностью не знаем ничего. Империя переживала тогда жестокий кризис. Мы только что говорили о событиях в Малой Азии; не спокойней был и запад. Восстали все славяне западных фем¹⁷²; италийские норманны, раззадоренные успехами, с каждым днем делались опасней и уже появились на берегах Далмации¹⁷³. На Дунае волновалось население пограничных городов, а печенеги в ходе одного из вторжений дошли до стен Константинополя¹⁷⁴.

Своей алчностью евнух Никифорица вызвал всеобщее недовольство¹⁷⁵. Скупка зерна, которую он организовал, привела к страшному голоду¹⁷⁶. В то же время, поскольку великий логофет исчерпал финансы империи, у василевса больше не было денег, чтобы платить солдатам, и вспомогательные войска Адрианопольской области бунтовали, требуя жалованья¹⁷⁷.

Это общее недовольство скоро проявилось в мятеже войск Запада, провозгласивших василевсом своего полководца Никифора Вриенния¹⁷⁸, тогда как через несколько месяцев¹⁷⁹ солдаты азиатской армии, вожди сената и знати объединились вокруг другого полководца — Никифора Вотаниата, которого приветствовали как императора в Ираклии¹⁸⁰.

Во время этих событий Алексей хранил верность Михаилу VII. Комнин в то время был одной из известнейших фигур в Византии. Его военные таланты и успехи, престиж его дяди Исаака, одного из последних полководцев, чьи победы прославили империю, — все это способствовало его выдвижению на первый план. Его положение было настолько видным, что мы сейчас узнаем, как Дуки и сама императорская семья старались с ним породниться.

Удалившись после своего мятежа в монастырь, кесарь Иоанн Дука вовсе не отошел от политики; сам его уход, не давая активно участвовать в событиях, позволял ему более здраво судить о вещах и людях. Дука угадал, какую роль сыграют Комнины, и с тех пор пытался породниться с этой семьей. Поскольку его старший сын Андроник был на пороге смерти, кесарь хотел обеспечить своему дому сильную поддержку и счел, что лучше всего выбрать для этого Алексея. Несомненно, в уединении политическая ненависть кесаря улеглась; с согласия невестки он задумал связать свою семью с семьей Комнинов путем брака своей внучки Ирины с Алексеем, овдовевшим после смерти первой жены из рода Аргиров¹⁸¹.

Этот план, предполагавший объединение двух из самых могущественных семейств византийской аристократии и слияние в будущем их интересов и прав, имел в высшей степени политический характер и, естественно, поначалу встретил общее сопротивление. Алексей, похоже, сразу же понял все

его преимущества и очень активно поддержал его. Сначала ему надо было преодолеть сопротивление матери, у которой ненависть к фамилии Дук в данном случае мешала осознать политические интересы собственного дома. Против этого брачного плана выступил и василевс Михаил VII. Он, несомненно, действовал под влиянием своего брата Константина, который, сознавая слабость императора и империи, опасался, что союз Комнинов и Дук может создать угрозу для его семьи, и пытался обеспечить поддержку первых своим родичам, женив Алексея на своей сестре Зое¹⁸².

Ловкость кесаря Иоанна Дуки и его невестки в конечном счете преодолели все эти препятствия. Анна Далассина уступила, и сам император был вынужден дать согласие в результате ссоры, которая произошла между его братом и Алексеем во время осады Константинополя сторонниками Вриенния в ноябре 1077 г.¹⁸³ Багрянородный Константин не смог простить соратнику, отразившему врага, успеха, к которому не был причастен он¹⁸⁴. Свадьбу сыграли, должно быть, в последние месяцы 1077 г. или в начале 1078 г.

Во время этих интриг и вспыхнул мятеж Вриенния. Михаил VII поручил Алексею защищать империю от мятежника и дал ему в подкрепление Русселя де Байоля, освобожденного по этому случаю из тюрьмы.

В поддержку Вриенния, семья которого была родом из Адрианополя, поднялась вся Фракия. Он, как мы сказали, потерпел неудачу при наступлении на столицу и после этого отступил к Афире¹⁸⁵. Алексей преследовал его и одержал близ этого города победу над мятежниками¹⁸⁶. Но к тому времени измена Азиатской армии осложнила положение василевса, который, оказавшись меж двух врагов, был вынужден ограничиться защитой Константинополя; малонадежной была и сама столица, где Вотаниат насчитывал немало сторонников¹⁸⁷.

Алексей попытался организовать оборону Константинополя, но малодушие Михаила делало всего его усилия напрасными. Тогда Комнин посоветовал императору отречься в пользу его брата Константина. Последний не выказал никакого желания принимать власть в столь опасных обстоятельствах

и, отказавшись от пурпура, одним из первых изъявил покорность Вотаниату. Алексей последовал его примеру¹⁸⁸, и Вотаниат без боя овладел столицей¹⁸⁹. 1 апреля 1078 г. новый василевс на императорском дромоне пересек Босфор и вступил в город Константина.

Тем временем Михаил VII укрылся в Студийском монастыре и, по иронии истории, столько раз проявлявшейся в Византии, был принят там собственным дядей — кесарем Иоанном Дукой, удалившимся туда после своего мятежа¹⁹⁰. Должно быть, между дядей и племянником состоялась столь же насмешливая беседа, как во время аналогичной встречи между Романом Лакапином и сыновьями, о которой рассказывает Лиутпранд¹⁹¹.

Подчинение Алексея, который, как мы видели, командовал войсками в Константинополе, особо упростило признание Вотаниата в качестве василевса. Новый император не проявил неблагодарности. Он доверил Комнину пост великого домашнего схол¹⁹² (это была одна из важнейших должностей в империи; Бодин ставит ее непосредственно после должностей деспота и севаста¹⁹³) и в то же время пожаловал титул нобилиссима¹⁹⁴. Кроме того, Вотаниат поручил Алексею командовать походом на своего соперника Вриенния, который, опасаясь козней обоих фаворитов нового императора, славян Борила¹⁹⁵ и Германа, отказался вступать в переговоры¹⁹⁶.

На стороне Вриенния была большая часть западных войск. Императорская армия включала части с Крита¹⁹⁷, турок¹⁹⁸, хоматинцев¹⁹⁹, франков и «бессмертных» — корпус, недавно созданный Михаилом VII²⁰⁰. Вриенний обосновался во Фракии. Алексей встретил армию мятежников на берегах Халонгиоса [Хальмироса], совсем рядом с Каловарией; он одержал полную победу и захватил Вриенния в плен²⁰¹.

После победы великий домашник направился к Константинополю во главе победоносных войск. Но Священный дворец встревожило появление столь близко к столице, где Вотаниат еще прочно не утвердился, полководца, со стороны которого можно было ожидать каких-нибудь внезапных акций, и победителю запретили вступать в город. Алексей получил приказ немедленно возвращаться на театр военных действий и идти

на союзника Вриенния, Василаки, занявшим Фессалоники во главе частей из Иллирии и Болгарии, к которым примкнули варяги²⁰². Историк Вриенний не скрывает, что Алексей был недоволен, увидев, что его встретили так холодно и что ни он, ни войска не получили наград, на которые, по его мнению, имели право. Тем не менее он подчинился и, простояв несколько дней под Константинополем, удалился вместе с армией.

Сначала великий domestik направился к Адрианополю, потом он должен был подняться вверх по долине Арды и пересечь склоны Родоп. Форсировав Вардар, он встал лагерем между Веррией²⁰³ и Фессалониками. Армия двинулась этой горной и трудной дорогой, несомненно, потому, что область, по которой шла более прямая и простая дорога из Константинополя в Фессалоники через Серры, была охвачена восстанием. Может быть, Алексей также надеялся застать врага врасплох, произведя переход скрытно. Обе армии встретились на берегах реки Галлико, впадающей в Салоникский залив. Алексей и в этот раз одержал победу. Василаки бежал в Фессалоники, за ним погнались императорские войска, и он в этом городе был захвачен в плен²⁰⁴. После этого Комнин направился обратно в Константинополь, следуя берегом. Близ Филипп²⁰⁵ он встретил посланцев Вотаниата, которые и нанесли Василаки то же увечье, что и Вриеннию.

Подойдя к Константинополю, Комнин смог пройти в город и получил от василевса в награду за услуги титул севаста²⁰⁶. В столице он пробыл недолго, так как Вотаниат вскоре возложил на него миссию замирить Фракию, которую он только что подчинил и куда постоянно вторгались печенегы. Комнин сумел снискать популярность во всей области, которой ему было поручено управлять²⁰⁷.

Теперь я должен описать целый ряд дворцовых интриг, в которых были замешаны Комнины и которые оказали принципиальное влияние на судьбу Алексея. К несчастью, сведения о них дают только Анна Комнина и Вриенний, так как Зонара этих фактов почти не касается, а в словах зятя и дочери Алексея отделить правду от лжи очень трудно.

Как и правление Михаила VII, правление Вотаниата вызвало общее недовольство. Никифор был человеком пожилым

и дал возможность властвовать двум фаворитам — Борилу и Герману. Чтобы приобрести сторонников, император в первые дни царствования пошел на такие щедроты, что опустошил казну; тем самым он утратил самое надежное средство воздействия, какое бывает в распоряжении государя²⁰⁸. Несомненно, именно из-за этой скудости государственных финансов Вриенний отмечает как важную заслугу Алексея тот факт, что тот покорил провинции, на которые были наложены подати²⁰⁹.

Нехватка денег вызвала сначала мятеж варягов, о котором говорит Атталиат²¹⁰. Оба фаворита вскоре стали непопулярными, после того как перестали раздавать деньги. Скилица сообщает, что они сделались ненавистны вождям сената²¹¹; а ведь сенат, как мы видели, во многом способствовал успеху мятежа Вотаниата. Кроме того, чувства народа должны были оскорбить два поступка императора — отстранение сына Михаила VII от власти и третий брак василевса.

При вступлении на престол Вотаниат не сделал сына предшественника соправителем. Г-н Рамбо показал, как прогрессировала с IX в. у византийцев идея легитимности²¹². Последние узурпаторы — Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, Роман Диоген — по меньшей мере делали вид, что уважают маленьких василевсов и выступают просто как их опекуны. А Вотаниат порвал с этой традицией и, не удаляя от себя Константина, сына Михаила VII, соправителем его не сделал²¹³. Такой образ действий должен был, конечно, возмутить общественное мнение, для которого Вотаниат был не более чем узурпатором²¹⁴.

К этому недовольству добавилась враждебность духовенства, которое Вотаниат оттолкнул своим поведением. Василевс при восшествии на престол короновался вместе с женой Верденной, на которой был женат вторым браком. После ее смерти он решил жениться еще раз. Он долго колебался, выбирая между матерью и женой предшественника, и, наконец, женился на Марии, жене Михаила VII²¹⁵. Этот брак должен был вызвать в Византии, особенно среди духовенства, настоящий скандал. Никифор женился на женщине, муж которой был еще жив, — значит, этот брак был явным прелюбодеянием.

К тому же Вотаниат заключил третий брак, а ведь известно, как враждебно греческая церковь относилась к союзам такого рода. Вот в каких выражениях говорит об этом в одной из новелл Константин VII Багрянородный: «Несомненно, отцы церкви их терпели, но как скверну, ὡς ρύλασμα; в их времена еще не отринули всякую стыдливость. Зло не было всеобщим. Но теперь, когда бесстыдство не стеснено ничем, теперь, когда воображают, что в этих браках нет ни неприличия, ни позора, эту мерзость следует исторгнуть, как выметают мусор, если вместо того, чтобы быть брошенным в угол, он оказывается разбросан по всему дому»²¹⁶. После этого легко понять, какое впечатление брак Вотаниата произвел не только на духовенство, но и на византийский народ, столь живо воспринимавший все, что касалось религии.

К этим разным причинам недовольства надо добавить и раздражение армии. Его проявлениями были мятеж варягов, о котором мы недавно говорили, и ропот в азиатских легионах, когда командовать ими назначили евнуха Иоанна²¹⁷. Вотаниат, как ясно видно из фактов, подпал под влияние гражданской партии. Неумелость его советников, которые презирали полководцев и инициировали целый ряд мер, оскорбительных для последних, лишь усилила враждебный настрой армии. Мы видели, что Алексею после победы над Вриеннием запретили вступать в Константинополь. Через недолгое время одного из самых знаменитых мужей Византии, славного происхождением и занимавшего высокое положение, Георгия Палеолога, не пустили в императорский дворец²¹⁸.

Еще одним признаком общего недовольства стал мятеж Никифора Мелиссина, поддержанный войсками в Малой Азии.

Алексей очень искусно сумел извлечь выгоду из этой ситуации. Он был на хорошем счету у Вотаниата, но его боялись министры, страшась, что его влияние перевесит их влияние, и опасаясь за свой престиж в армии. Солдаты любили этого молодого полководца, который, победоносный с самого первого похода, так часто с успехом водил их в бой с турками и лишь недавно еще раз одержал победу в походе против претендента на престол. Эту популярность наглядно выразили

возгласы, какими приветствовали Комнина, когда он привел войска в Азию, чтобы передать командование ими евноху Иоанну, которому было поручено подавить мятеж Никифора Мелиссина. Все солдаты просили молодого великого доместика быть их командиром и вести их в бой²¹⁹.

В то время как на стороне Комнина была армия, его брак обеспечил ему благосклонность Дук и немалой части знати. А Дук поддерживало духовенство, которому их дом недавно дал знаменитого патриарха — Иоанна Ксифилина²²⁰. Таким образом, Алексей Комнин возглавлял очень сильную партию, и хорошо понятно, что он внушал недоверие обоим министрам²²¹, видевшим в нем потенциального соперника: ведь, как хорошо сказано, «в Византии любой хорошо заметный человек немедленно вызывал подозрение, что зарится на пурпур, даже если он не помышлял об этом»²²². Чтобы противостоять этой неприязни со стороны фаворитов, которая могла стать опасной, Алексей искал покровительства. События, о которых у нас теперь пойдет речь, должно быть, произошли после возвращения Исаака Комнина из дуката Антиохии²²³.

Породнившись благодаря браку с императрицей, Исаак сумел привлечь ее на свою сторону и на сторону брата. В глазах василиссы Марии оба Комнина были поборниками легитимности и выступали как защитники прав сына Михаила VII; они ей напомнили о правах Дук на корону и показали, что вслед за последними легитимные притязания на трон могут иметь только Комнины²²⁴. Анна Далассина не осталась в стороне от маневров сына, но ясно понять, какую роль играла она, мы не можем²²⁵. В то время был организован целый ряд интриг, в которых важную роль сыграли женщины, чиновники императрицы, евнохи гинекея, привлеченные на сторону Алексея²²⁶. Результатом их ухищрений стало усыновление Алексея императрицей²²⁷.

Это был очень ловкий ход, потому что отныне права сына Михаила VII оказывались воедино связаны с правами Комнинов. В то же время Алексей обеспечил себе сильную поддержку и благодаря этому усыновлению некоторым образом вошел в императорское семейство, единственными законными представителями которого в глазах византийцев были

Мария и Константин. То есть отныне существовала партия легитимности, противостоявшая партии узурпации, которую представляли Вотаниат и его фавориты. Кроме того, Алексей, входящий во дворец, мог через Марию узнать обо всем, что там замышлялось.

Что в этих обстоятельствах двигало императрицей? Было ли для нее главным сохранить права сына? Или же та, которую Анна²²⁸ описывает как прекраснейшую женщину своего времени, более прекрасную, чем статуи Фидия, красота которой внушила Вотаниату старческую страсть, не устояла и прониклась более нежным чувством к великому домашнику схол? Не хотела ли она сыграть при нем роль Феофано при Цимисхии? Дать ответ невозможно; но роль, какую, как мы увидим, сыграли служащие гинекея, описанного Анной как вместительница порока²²⁹, колебания, какие позже испытает Алексей в связи с коронацией жены, слухи, ходившие тогда в Константинополе о его связях с Марией и упомянутые Анной затем, чтобы их опровергнуть, — всё это позволяет строить гипотезы, хоть и не доказывает их правильность.

Ускорил события один шаг, предпринятый Вотаниатом. Немолодой и бездетный василевс задумал выбрать наследника. Общественное мнение склонялось к тому, чтобы выбор пал на одного из Комнинов²³⁰; но, несомненно, по наущению министров, Никифор как будто решил усыновить одного из родственников — уроженца Малой Азии Синадина²³¹. Императрица не скрыла раздражения этим замыслом, ущемлявшим права и её и сына, и ее союз с Комнинами стал еще тесней.

В дальнейшем Вотаниат не проявлял интереса к интригам, которые плелись вокруг него. Борьба шла между обоими фаворитами с одной стороны, и Комнинами — с другой. Министры пытались очернить Алексея в глазах императора, толкуя поступки великого домашнего в невыгодном свете. Опасаясь в случае неудачи быть обвиненным в измене и, несомненно, не желая воевать с собственным зятем, Алексей отказался командовать походом на Никифора Мелиссина²³². Попав с того дня под подозрение, Комнины знали, что им не доверяют. С тех пор они старались никогда не появляться во дворце вместе. Когда их обоих пригласили к столу василевса, они

решили, что настал их последний день. Разговор зашел всего лишь о взятии Кизика турками и о том, как вернуть эту крепость. Вотаниат, проявив крайнюю слепоту, возложил заботу об этом на Алексея. Теперь великий домашник мог дать войскам, которыми командовал, приказ сосредоточиться совсем рядом со столицей. Он воспользовался случаем, чтобы развеять тревоги, которые министры возбудили у василевса²³³. Видя, что их влияние, с которым, несомненно, боролось влияние императрицы, неспособно погубить Комнинов в глазах Вотаниата, фавориты последнего задумали захватить обоих врагов врасплох и выколоть им глаза²³⁴. В Византии это был эффективный и надежный способ срывать планы претендентов на престол.

Императрица предупредила Алексея и его брата о намерениях министров. При этой вести Комнины решили поторопить события. Получив предостережение о грозящих им опасностях среди ночи, они немедленно бросились в бегство, хотя сосредоточение военных сил должно было завершиться только через три дня, в Чорлу на Адрианопольской дороге²³⁵. Дело было ночью в воскресенье на сыропустной неделе (14 февраля 1081 г.)²³⁶. Комнины сразу же предупредили своих главных сторонников — норманнского вождя Умбертопула и Бакуриани, одного из византийских полководцев, которому Алексей обещал должность великого домашнего, пока занимаемую им самим. Заговорщики достигли квартала Влахерны, где поднялись в один из императорских дворцов; там же находились императорские конюшни. Беглецы взяли лошадей, в которых нуждались, а остальным перерубили скакательные суставы, чтобы не допустить погони²³⁷.

Судя по рассказу Анны, Комнины ничего не готовили заранее. Думаю, повествование «Алексиады» тут надо воспринимать критично. Анна хотела доказать, что отец восстал только из необходимости; весь ее рассказ тенденциозен. Конечно, Комнины давно решили свергнуть Вотаниата; в крайнем случае можно допустить, что они были вынуждены бежать несколько раньше (на три дня по отношению к дате сбора войск). Но как поверить, что им хватило ночи, чтобы привлечь на свою сторону таких людей, как Бакуриани и Умбертопул?

Мне это кажется неправдоподобным. Самые меры, которые, как мы увидим, были приняты, показывают, что заговорщики действовали сообща с кесарем Иоанном Дукой, который покинул монастырь и удалился в свои земли.

Сначала беглецы достигли монастыря Космидион²³⁸, куда удалилась жена кесаря²³⁹; это они, несомненно, сделали затем, чтобы через нее предупредить мужа. Если верить Анне Комниной, Алексей встретил в монастыре Георгия Палеолога, пришедшего туда случайно, и убедил его присоединиться к ним. Эту версию невозможно принять, если учесть то, что автор «Алексиады» говорит несколько далее. В самом деле, Анна описывает дело так: у Палеолога, опять же случайно, была при себе большая часть его богатств²⁴⁰. Я очень склонен полагать, что Палеологу было поручено подготовить все для бегства Комнинов: само его присутствие в монастыре Космидион рядом с женой кесаря, похоже, говорит о том, что во всем этом деле он был агентом Дук²⁴¹.

Заговорщики добрались до Чорлу, назначенного местом сбора войск. Именно туда приходили их сторонники. Одним из первых был кесарь Иоанн Дука; он привел с собой турецкий отряд, который встретил по дороге и взял на жалованье. Привел он также, что было еще более ценной помощью, конвой одного императорского сборщика налогов, который вез в Константинополь сумму, собранную в его округе²⁴².

К войскам, которые Алексей собирал якобы ради возвращения Кизика, вскоре стали присоединяться местные жители — во время пребывания в этой провинции, о котором мы говорили, он сумел обрести там сторонников. Только жители Адрианополя, не простившие ему участи Вриенния, сохранили верность Вотаниату.

Собравшись, мятежники, видимо, не сразу смогли решить, что делать. Возможно, возникло соперничество между их вождями. Во всяком случае, они не провозгласили немедленно одного из них василевсом. Анна Комнина, единственная, кто приводит подробный рассказ о происходивших тогда событиях, на этот счет не сообщает ничего. Из ее рассказа мы только узнаем, что из Чорлу заговорщики двинулись к Афире

и Схизам в направлении Константинополя. Они стали лагерем в Схизах.

Судя по недомолвкам, какими полон рассказ Анны, очень похоже, что на какой-то момент возникло соперничество между сторонниками Алексея и сторонниками его брата Исаака. Автор «Алексиады» описывает бескорыстие отца и дяди, отказ обоих принимать корону. Думаю, и здесь ее рассказ нельзя воспринимать иначе чем сговорками. Дуки вели активную кампанию в пользу своего союзника; в конечном счете разные партии пришли к соглашению, и их выбор пал на Алексея. Согласно штатному церемониалу «его облачили в знаменитые пурпурные сандалии, красные *сапрагия* с вышитыми золотыми орлами, инсигнии верховной власти». Потом Дуки подали толпе знак скандировать: «Долгую жизнь Алексею Августу, долгую жизнь непобедимому императору, хранимому Богом»²⁴³.

В то время как во Фракии происходили эти события, Вотаниат не предпринимал ничего, чтобы защититься. Бегство Комнинов, о котором он узнал той же ночью, когда они покинули столицу, как будто повергло его в ступор и лишило всякой смелости. Мать и жены мятежников укрылись в Просфугионе²⁴⁴, убежище при святой Софии. Анна Далассина и ее невестки согласились покинуть свое укрытие только взамен данного на кресте обещания, что им не сделают никакого зла²⁴⁵. Никифор, желая сохранить их в качестве заложниц, велел заключить их в Петрийский монастырь²⁴⁶, где вскоре к ним присоединилась и жена кесаря²⁴⁷.

Положение василевса особенно осложнилось из-за мятежа азиатских войск под руководством Мелиссина, оставившего в его распоряжении только столичные войска — варягов, англичан и немцев²⁴⁸. Анатолийский претендент приблизился к Константинополю и в тот самый момент, когда Алексея провозгласили императором, стоял лагерем в Дамалисе²⁴⁹, напротив столицы. Узнав о мятеже шурина, Мелиссин предложил ему поделить империю: один возьмет Восток, другой — Запад²⁵⁰. Комнин не намеревался делить империю; но поскольку категоричный отказ был бы опасен и мог привести к сближению между Вотаниатом и Мелиссином, Алексей постарался

затянуть переговоры до тех пор, пока не станет хозяином Константинополя²⁵¹. Поэтому он немедленно двинул войска на столицу. Армия Комнина появилась под Константинополем в последние дни марта 1081 г.

Василевс еще был вправе надеяться, что стены Константинополя позволят ему долго оказывать сопротивление; однако его сопернику помогла случайность. Алексей хорошо знал, что укрепления Константинополя взять приступом трудно, потому что в свое время защищал их; он не рассчитывал захватить город при помощи регулярной осады. Но он сумел вступить в переговоры с командиром немцев, охранявших Харисийские ворота²⁵².

«Рано утром в назначенный час Комнины атаковали назначенную точку напротив башни, охраняемой немцами. Сначала защитники наружной стены обстреливали осаждающих и успешно не подпускали их к стене; но поскольку немцы из башни в свою очередь стреляли по защитникам, тем пришлось отступить, так как они не могли одновременно противостать осаждающим и выдерживать обстрел со стороны тех, кто находился за ними и над ними. Тогда осаждающие по лестницам взобрались на стену и разбили запоры ворот (наружной стены), чтобы впустить остальных сторонников Комнина. При виде этого защитники наружной стены обратились в бегство. И сторонники Комнина заняли наружную ограду и открыли ворота»²⁵³. Харисийские ворота дали Алексею выход «на главную улицу города и вывели его непосредственно на площадь Шести холмов, на командные высоты — к церкви Святых Апостолов, Филадельфиону и форуму Тавра»²⁵⁴. Ворвавшись в город, войска узурпатора встретили мало сопротивления; но поскольку они состояли из разношерстных элементов, сплоченности и дисциплины им не доставало²⁵⁵, то они едва не упустили успех. Пройдя через ворота, они сразу рассыпались по главным улицам²⁵⁶. С Константинополем обошлись как с завоеванным городом. Богатые конторы купцов, где складировались товары со всего света, шелк, доставленный из Китая, пряности и слоновая кость, присланные из Индии, драгоценные камни с персидских гор, жемчуг, ткани, богатое шитье, ковры — все было разграблено. Повсюду

убивали, грабили, резали. К солдатам присоединились подонки из местного населения²⁵⁷; весь день на улицах Константинополя происходили отвратительные сцены, сопровождая взятие города²⁵⁸.

Однако Комнины, войдя в город, прежде всего направились к Филадельфиону; но прежде чем вступить туда, на поле святого Георгия Сикеота²⁵⁹, они остановились, не зная, продолжать ли путь к Священному дворцу или сначала найти мать и жен в монастыре, куда тех заперли. Пока они медлили, расстройство их войск усугублялось, так что горстка солдат, сохранивших верность Вотаниату, легко могла бы покончить с солдатами Алексея, рассеянными по городу. Борил, чтобы защитить дворец, уже расставил от форума Константина²⁶⁰ до Золотой мили²⁶¹ варягов и хоматинцев²⁶². Безучастность Вотаниата сделала все эти меры бесполезными. Прежде чем Комнины проникли в столицу, Никифор решил просить о помощи Мелиссина, предложив ему разделить между ними империю. Осуществиться этому плану помешал, заняв пролив, императорский флот, который Георгий Палеолог только что привлек на сторону Алексея²⁶³. После этого Вотаниат послал Палеолога, отца Георгия, предложить Алексею усыновление²⁶⁴. Сначала Комнины колебались, принимать или отвергать такое предложение; но, пока их решение еще не было принято, подоспел кесарь Иоанн Дука, который, уяснив ход событий, уверился в победе и отверг всякое соглашение. Армия Комнина была хозяйкой города, оставалось захватить только императорский дворец, «нечто вроде византийского Кремля, скопище церквей и дворцов и в то же время крепость»²⁶⁵. Меры, принятые Борилом, могли сделать решение этой задачи сложным и кровопролитным. Последнего боя избежали благодаря вмешательству патриарха, который по побуждению кесаря пришел к василевсу, чтобы убедить его отречься. Послушавшись этих советов, Никифор снял с себя императорское облачение и удалился в святую Софию²⁶⁶, откуда вскоре его препроводили в Перивлептский монастырь, чтобы сделать монахом²⁶⁷.

В Византии еще раз произошел переворот, но ему предстояло иметь для империи благие последствия и обеспечить на целый век стабильность императорской власти: «Все способы

были хороши, — сказал Монтескье, — чтобы прийти к власти: императорами становились при помощи солдат, духовенства, сената, крестьян, населения Константинополя и других городов»²⁶⁸. Алексей Комнин пришел к власти потому, что он сумел или ему повезло объединить вокруг себя большинство представителей этих групп. Это и объясняет, почему он преуспел в том, в чем многие другие терпели неудачи.

ГЛАВА III

НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ И ВОЙНА С РОБЕРТОМ ГВИСКАРДОМ (1081–1085)

Алексею Комнину к моменту его восстания было около тридцати трех лет. Он был невысоким, довольно толстым, с широкими плечами и грудью. Его лицо имело суровое выражение, которое смягчал зоркий и мягкий взгляд из-под густых черных бровей. На печатях и монетах он изображен заросшим бородой²⁶⁹. Анна Комнина признает, что фигуре отца не хватало представительности и что вполне величественно он выглядел, только сидя на троне. Попытавшись набросать духовный портрет василевса, мы поймем, что Комнин обладал исключительно острым умом; он был очень просвещенным, и полученное образование позволяло ему активно участвовать в философских и богословских дискуссиях, которыми увлекались его современники и в которых он находил возможность проявлять гибкость ума. Кроме того, Алексей имел настоящий ораторский талант и любил его демонстрировать. Весьма тонкий и ловкий политик, он при дворе, где провел несколько лет в молодости, научился разбираться в людях, превосходно умел находить слабое место любого и извлекать выгоду из этой своей способности. Очень твердый в намерениях, он прилагал все силы, чтобы осуществить свои планы, не оставляя ничего на волю случая. Отличаясь удивительной выдержкой, он не падал духом при неудачах и не позволял успехам опьянять себя. Он имел кроткий характер и старался добиваться желаемого скорее убеждением, чем силой; его мягкость по отношению к своим порой даже граничила со слабостью. Он не был жесток и всегда проявлял немалую снисходительность к тем, кто умышлял против

него, почти никогда не карая их смертью. В религиозном отношении Алексей считал себя облеченным почти божественной миссией; в его глазах православная вера была святыней, которую доверили ему и которую он должен передать наследникам невредимой. Он считал, что ради сохранения веры дозволено все, и одна только идея ее защиты побуждала его жестоко обходиться с еретиками. Комнин очень хорошо сознавал, что греки переживают общий упадок, и должен был искать возможности повысить моральный уровень не только монахов и духовенства, но также и своих подданных, для чего основывал школы и покровительствовал им. Его царствование было временем всеобщей нищеты, как мы увидим дальше, но Алексей всегда старался править справедливо и правосудно, защищая «смирненных» и слабых от «сильных». В военном отношении Комнин был очень искусным полководцем; он умел составлять планы на дальнюю перспективу, и ему часто удавалось их реализовать; он помнил, что, прежде чем взойти на престол, служил великим домашником, и почти всегда сам водил армию в походы, лично заботясь о благосостоянии солдат, которые его боготворили. Ко всему этому надо добавить, что Алексей был первоклассным дипломатом, очень хорошо знавшим, в какой политической ситуации находится каждое из государств — соседей империи; он умел пользоваться их раздорами к наибольшей выгоде для себя и был непревзойденным мастером делать своими союзниками всех врагов противника. Один хронист очень хорошо определил характер Алексея в двух словах: тот был, — говорит автор «Анонимной хроники», — *μεγαλόδουλος καί μεγαλοῦργός* [автором великих замыслов и вершителем великих дел (*греч.*)]²⁷⁰. Французский язык, как представляется, неспособен полноценно передать это греческое выражение.

Таким был новый повелитель, которого армия только что дала империи; теперь посмотрим, какими были первые дни его царствования.

Одной из первых забот Комнина было пресечение грабежей в столице; но порядок восстановился только на следующий день после взятия города²⁷¹. Тогда в победившей партии возник раскол, едва не сведя на нет достигнутые результаты. Из

рассказа о событиях ясно, что важную роль в мятеже Алексея сыграл кесарь Иоанн Дука: его политическая ловкость, опыт, поддержка со стороны его многочисленных сторонников немало способствовали успеху начинания Комнинов. Однако с первого же дня царствования между партией Дук и партией Алексея возник резкий разлад.

Выше я говорил об отношениях жены Вотаниата с великим домашником схол. Ходившие в народе слухи, клеветнические, если верить Анне Комниной, к свидетельству которой у нас есть полное право относиться недоверчиво, как будто получили подтверждение, когда после вступления Алексея во дворец императрица Мария не покинула последний. Более того, василевс отделился от жены, которую вместе с матерью, сестрами и дедом по отцу поселил в Нижнем дворце, в то время как сам вместе с Анной Далассиной и другими родственниками обосновался в Вуколеоне²⁷² — цитадели, построенной Никифором Фокой среди огромных зданий, образующих императорский дворец²⁷³. Тогда по Константинополю пошла молва, что Анна Далассина хочет развести сына с Ириной Дукиней и отдалить его от партии последней. Анна Комнина существование подобных планов отрицает. Однако, несмотря на ее утверждения, нельзя не признать, что между обеими группировками, только что одержавшими победу, установились крайне враждебные отношения. Дуки действовали только в интересах своего дома, и эти интересы представляла Ирина. Если они помогли Алексею, то не как Комнину, а как мужу Ирины. Доказательством этой враждебности служит следующий факт. Когда некоторое количество сторонников Алексея отказалось возглашать имя Ирины вместе с именем Комнина, Палеолог, выражая, конечно, мнение своей партии, ответил им: «Не ради вас принял я на себя ратный труд, а ради Ирины» и немедленно потребовал, чтобы матросы императорского флота провозгласили имя жены Комнина²⁷⁴.

Чтобы планы Комнинов осуществились, нужно было принять решение о разводе Алексея с Ириной. Тут важная роль принадлежала патриарху; поэтому мы увидим, что обе партии старались привлечь его на свою сторону. Патриарший престол в то время занимал Косьма, сменивший в 1075 г.

Иоанна Ксифилина²⁷⁵. Косьма был сторонником Дук, и его вмешательство очень способствовало тому, чтобы Вотаниат оставил всякую мысль о сопротивлении. Анна Далассина попыталась перетянуть патриарха в свою партию, но кесарь был начеку и сумел убедить последнего сохранить верность ему. В то же время он попытался воспользоваться влиянием, какое когда-то имел на Марию, чтобы уговорить ее покинуть дворец²⁷⁶. Удержать патриарха на своей стороне ему вполне удалось, но с Марией он потерпел поражение — она осталась во дворце²⁷⁷.

Все слухи, ходившие в Константинополе, стали выглядеть еще правдоподобней, когда оказалось, что Алексея короновали одного²⁷⁸. Дело выглядело так, будто Дуки определенно попали в немилость. Комнин во всей этой истории, похоже, испытывал очень сильные колебания. Представляется очевидным, что как естественная склонность, так и вся материнская партия побуждали его развестись с Ириной; с другой стороны, с политической точки зрения отталкивать от себя такую сильную аристократическую группировку, как Дуки, было бы недальновидно. В конечном счете верх взяли политические соображения.

Анна Далассина, раздраженная верностью дому Дук, какую сохранял патриарх, хотела заменить его одной из своих креатур — монахом Евстратием Гаридой. Но она натолкнулась на категоричный отказ Косьмы отречься, пока он сам не коронует Ирину. Упорство патриарха в конце концов помогло ему одолеть все препоны, и через семь дней после Алексея Ирина была коронована²⁷⁹. Это стало поражением Марии, потому что тем самым Алексей нарушил обещания, которые, очень вероятно, легли в основу соглашения, описанного мной выше. Поэтому, прежде чем покинуть дворец, она не только потребовала официального акта, который бы обеспечивал ей и сыну сохранение жизни, но и добилась, чтобы за сыном был признан титул императора: Константин получал право носить пурпурные сандалии и облачаться в императорские одежды, его имя следовало писать в актах рядом с именем Алексея. Юного принца полагалось также славословить вместе с василевсом, и он должен был присутствовать рядом

с последним, в императорской тиаре, на всех церемониях. Тогда пошел слух, что эти условия входили в договор, который Мария и Алексей заключили меж собой прежде²⁸⁰. После того как все распоряжения, какие требовались для сохранения прав ее сына, были сделаны, Мария удалилась в Манганский монастырь²⁸¹.

Во время этого кризиса Алексей прошел через все церемонии, какие полагались после восшествия любого василевса на престол. Пселлу²⁸² было поручено вознести хвалу императору от имени чинов, допущенных приветствовать последнего. В речи, произнесенной по этому поводу, ничто не обращает на себя особого внимания, кроме настойчивости, с какой Пселл подчеркивал военный характер совершившегося переворота.

Исходя из серьезных интересов, император должен был бы немедленно обратить внимание на события, происходившие на границах империи. Но поначалу все мысли Алексея занимало дело, на его взгляд, куда более важное. Константинополь был разграблен солдатами Комнина, храмы и освященные предметы культа осквернены. В глазах духовенства и народа именно василевс нес ответственность за все святотатства, совершенные войсками, и нужно было, чтобы виновные в срочном порядке очистились путем покаяния. Алексей публично обвинил себя перед патриархом и синодом. Его приговорили к епитимье и сорокадневному посту, и разделить это наказание пожелало все императорское семейство²⁸³.

Потом василевс задумал вознаградить сторонников. Он щедро раздавал должности и даже придумывал новые. Соглашение, заключенное с Мелиссином во время осады столицы, предусматривало, что тот получит титул кесаря. Алексей сдержал обещание, но брата Исаака он назначил севастократором — эту должность создал он сам, и ее обладатель становился чем-то вроде вице-императора. Таронит, его зять, был сделан протосевастом, протовестиарием, иперсеевастом, брат Адриан — протосевастом, а Никифор — великим друнгарием²⁸⁴ и севастом²⁸⁵. К этим почетным милостям василевс добавил другие, более материальные, сделав это, как мы увидим далее, за счет монастырей²⁸⁶.

Алексей сумел преодолеть сопротивление матери в вопросе коронации Ирины. Взамен он предоставил Анне Далассине значительное участие во власти. Одним из первых актов матери была замена патриарха Косьмы, которому она не простила роль защитника Дук. 8 мая 1081 г.²⁸⁷ Косьма отрекся и был заменен монахом Евстратием Гаридой. В первые годы царствования влияние Анны Далассины неуклонно росло, и когда Алексей, вынужденный в августе 1081 г. покинуть Константинополь, чтобы отразить норманнское вторжение, пожелал оставить во главе правительства кого-то надежного, кому бы он мог всецело доверять, он счел, что не может сделать ничего лучшего, чем передать управление матери. Анна Комнина сохранила для нас хрисовул, в силу которого император, предварительно изложив все, чем был обязан матери, предоставлял ей на время своего отсутствия все полномочия в сферах правосудия, финансов, администрации²⁸⁸; он дал ей право назначать на любые должности и ставить печать²⁸⁹. Тем самым осуществилась мечта Анны Далассины — она наконец обладала той властью, об отсутствии которой сожалела и которую пыталась обрести уже двадцать два года²⁹⁰. Ее внучка сама считает, что наделение женщины такой властью может вызвать удивление, и объясняет поведение отца сыновней любовью, не позволившей ему противиться желанию Анны Далассины.

Таковыми были первые дни нового царствования. Вскоре возникли большие трудности, и едва Алексей захватил власть, как ему пришлось посвятить всего себя решению крайне сложных задач. В то время как он выпутывался из дворцовых интриг, внешнее положение империи ухудшалось изо дня в день. К борьбе с турками Малой Азии, борьбе, которая постоянно возобновлялась, добавилась неожиданная война с врагом, бесконечно более опасным — норманнами Роберта Гвискарда. В ее начале Комнину пришлось иметь дело с тяжелейшими проблемами. Без денег, без армии он должен был бороться с двумя врагами, каждого из которых поодиночке было бы достаточно, чтобы сковать все силы империи. К счастью для Византии, меч, который выпустила немощная рука Вотаниата, перехватила сильная рука. Опасность была

неминуемой, но империи повезло, что на сей раз на троне оказался человек, более чем кто-либо способный поправить ее дела, подорванные анархией, которая царила уже почти шестьдесят лет.

Чтобы лучше понять борьбу Роберта Гвискарда и Византийской империи, надо вернуться на несколько лет назад. Я не собираюсь здесь рассказывать о завоевании Италии²⁹¹ норманнами, а довольствуюсь тем, что кратко напомним, вследствие каких обстоятельств Роберт Гвискард решил напасть на империю.

В результате смерти братьев Роберт Гвискард остался единственным вождем италийских норманнов. Провозглашенный в 1059 г. на соборе в Мельфи герцогом Апулии и Калабрии, он постепенно подчинил всю Южную Италию и отнял у Греческой империи последние итальянские владения. Этим завоеваниям весьма способствовали события, ареной которых была Византия. Слабость центральной власти, недоверие к ней полководцев, дворцовые перевороты, непостоянство политики василевсов — все это помогало норманнам достигать успехов. Живя под угрозой турецкой войны, империя уже могла отправлять в несколько крепостей, какими еще владела на полуострове, лишь редкие подкрепления. Роберт постепенно вновь занял приморские города, которые уже однажды завоевал, но которые грекам удалось отбить у него²⁹². Отранто, Бриндизи подпали под его власть; наконец, 16 апреля 1071 г. был взят Бари, столица византийских владений в Италии²⁹³. Капитуляция этого города знаменовала «окончательное изгнание византийцев из Италии и их бесповоротное поражение»²⁹⁴. Отныне на почве полуострова образовалась новая держава, с которой будут вынуждены считаться папа, василевс и германский император.

Громадные успехи норманнского оружия отнюдь не принесли Роберту Гвискарду удовлетворения, а только распалили его честолюбие. С VIII по XI в. Южная Италия пережила новую эллинизацию. Весь этот регион был греческим как по душе, по характеру, так и по языку²⁹⁵. Ему предстояло оставаться таким еще долго²⁹⁶. «В одном акте за 1079 г. говорится о Калабрийской феме, также заходит речь о дуке Апулии и дуке

Калабрии, — это византийское выражение и византийский институт. Во главе греческих общин стоял стратиг, иногда даже экзарх или катепан. Феодалное право, которое принесли с собой норманны, признавало внутреннюю организацию византийского *кастро* [крепости (*греч.*)]»²⁹⁷. Даже после норманнского завоевания в церквях сохранился греческий обряд²⁹⁸. Во всей Южной Греции процветали греческие монастыри. В контакте с этой цивилизацией, целиком проникнутой эллинизмом, Гвискард, естественно, испытывал склонность воспринимать себя как преемника византийских императоров в Италии. По мере того как с достижением новых успехов его амбиции росли, он обратил взоры на Восток и возмечтал об императорском троне. Любопытное косвенное доказательство этих устремлений есть в одном акте, который процитировал Бюшон. К этому диплому еще привязана печать Роберта Гвискарда, на одной из сторон которой сделано, в подражание императорам Востока и по образцу византийских монет, изображение Христа в нимбе и легенда ΕΜΜΑΥΟΥΝΑ греческими буквами, тогда как на другой, тоже по-гречески, вырезана следующая строка²⁹⁹: ΚΕΒΘ ΡΟΥΜΠΕΡΤΩ ΝΩΒΕΛΛΙΣΙΜΟΣ ΔΟΥΚΙ ΙΤΑΛΙΑΣ ΚΑΛΑΒΡΙΑΣ ΣΚΙΚΕΛΙΑΣ³⁰⁰.

С тех пор герцог задумал вмешаться в дела империи. В 1066 г.³⁰¹ в Византии прошел слух, что Роберт готовит высадку, и, что любопытно, этот слух совпал по времени с приготовлениями к восстанию влахов³⁰² в Фессалии. Вероятно, в тот момент герцог еще не думал предпринимать поход, поскольку был занят итальянскими завоеваниями. Но вскоре он начнет искать предлог для этого вмешательства. Такой предлог предоставит ему сама Византия. Теснимые турками на восточных границах, греки искали союзников. Василевсы очень кстати вспомнили о норманнах, с храбростью которых познакомились на собственном горьком опыте. В византийские армии повалили норманнские авантюристы, иные из которых, как Роберт Криспин, Руссель де Байоль, достигли высших чинов. Но в Священном дворце мечтали о более тесном союзе. Эта мысль впервые возникла у Романа Диогена. Роберту Гвискарду были открыто сделаны выгодные предложения — ему предложили выдать одну из дочерей за сына

василевса. Ситуация повторилась в 1073 г. при Михаиле VII. Василевс задумал сочетать браком своего брата Константина и дочь Гвискарда. К позору Михаила VII, в таком союзе ему отказали. Это наглядно показывает, до какой степени империя утратила престиж. Но василевс был не в том положении, чтобы проявлять обидчивость. Когда у него родился сын, переговоры возобновились и завершились успешно. Одна из дочерей Гвискарда была отправлена в Константинополь. По обычаю, вступая в императорский гинекей, она приняла греческое имя Елена и в 1075 или 1076 г. была обручена с багрянородным Константином³⁰³.

Падение Михаила VII дало норманну повод, которого он искал. Во время своей узурпации Вотаниат отправил Елену, невесту Константина, в монастырь³⁰⁴. Роберт Гвискард под предлогом защиты дочери выступил поборником прав низложенного императора. Осуществление его планов задержалось до 1080 г. из-за восстания нескольких итальянских городов³⁰⁵. В середине 1080 г.³⁰⁶ в Салерно появился некий грек по имени Ректор, как сообщает Анна; он выдавал себя за Михаила VII, бежавшего из Студийского монастыря. Вся эта комедия была придумана Робертом, который надеялся с помощью этого лжеимператора привлечь на свою сторону греческое население, равно как и сторонников Михаила VII. Лже-Михаила приняли с почестями и обращались с ним, как с настоящим императором³⁰⁷. Малатерра пишет, и это очень правдоподобно, что Гвискард предъявил подданным Михаила, увидев, сколь мало энтузиазма у них вызывает его замысел похода³⁰⁸. Герцог сумел заинтересовать своими планами папу и добился, с целью заручиться поддержкой духовенства, чтобы тот 25 июля 1080 г. написал письмо епископам Апулии и Калабрии с призывом содействовать походу³⁰⁹.

Готовясь к своему предприятию, Роберт одновременно пытался установить связи в самой столице. Он, несомненно, в конце 1080 или в начале 1081 г.³¹⁰, послал туда графа Рауля³¹¹ — якобы чтобы требовать удовлетворения за оскорбление дочери, но главным образом затем, чтобы попытаться привлечь на свою сторону Алексея Комнина, в то время великого доместика³¹². Возвращаясь, посол узнал о перевороте,

только что случившемся в Византии. Он отчитался о своей миссии перед Гвискардом, находившимся тогда в Бриндизи. Тщетно Рауль заявлял герцогу, что видел настоящего Михаила, что лжеимператор — не более чем самозванец и что Алексей обращается с его дочерью уважительно³¹³. Роберта, должно быть, уже решившего, что ему делать, страшно рассердил непонятливый посол, не умевший постичь замыслов господина, и Рауль, чтобы укрыться от его гнева, был вынужден бежать к Боэмунду, сыну Роберта, уже переправившемуся в Иллирию.

В самом деле, герцог послал сына занять Авлонскую бухту, надежный и глубокий порт которой, надёжно прикрытый островом Сасан и мысом Акрокеравний³¹⁴, давал превосходные возможности для высадки. Кроме того, Боэмунд занял также Канину и Иерихон³¹⁵.

Роберт Гвискард завершил приготовления в мае 1081 г.; тогда он полагал, что вот-вот осуществит свои мечты. Тщетно Григорий VII, борьба которого с императором Генрихом IV достигла высшего накала, звал его на помощь, чтобы защитить владения святого Петра от агрессора³¹⁶. Роберт не позволил отвлечь себя от выполнения своего плана и, покинув Отранто, взял курс к берегам Иллирии, к ближайшей точке — Авлоне, где его ждал сын³¹⁷. Численность его войск оценить трудно. Хроники приводят самые фантастические оценки. «Александра»³¹⁸ говорит о тридцати тысячах человек, Ордерик Виталий³¹⁹ — о десяти тысячах, «Норманнская хроника»³²⁰ и Петр Диакон³²¹ — о пятнадцати тысячах. Все, что можно сказать на этот счет, — что ядро этой армии должны были составлять тысяча триста норманнов, о которых говорит Малатерра³²².

Таким был враг, с которым предстояло сразиться Алексею. Эта забота должна была стать для него одной из первых в самый разгар интриг, ареной которых тогда стал Священный дворец. Ситуация была критической. Василевс не имел ни войск, ни денег. Согласно Анне, количество войск, собранных тогда в Константинополе, не превышало трехсот человек, не считая варягов³²³. Вероятно, в результате волнений, последовавших за его приходом к власти, Комнин удалил солдат из столицы, и армия была распродана по провинциям,

в частности, какие-то части стояли под Адрианополем, где тогда находился Бакуриани, великий domestik³²⁴. Но, даже объединив все силы, приведшие его к власти, Алексей не мог сразу собрать многочисленную армию. В самом деле, о широком наборе наемников думать не приходилось, потому что казна, истощенная расточительством Вотаниата, настолько опустела, что ее двери оставались открытыми³²⁵. К этим трудностям добавлялись опасения, вызванные настроениями в провинциях Запада и поведением турок в Малой Азии. Василевс был вынужден оставить в восточных провинциях гарнизоны и тем самым сократить численность наличных войск в тот самый момент, когда они были ему нужнее всего под рукой. Поэтому Алексей велел нескольким командирам, защищавшим оставшиеся у империи владения в Азии, оставить отряды, необходимые для обороны крепостей, которые они еще удерживают, а остальные контингенты вести в Константинополь, усиливая их, насколько будет возможно, за счет нового набора по дороге. Немногочисленные имена, которые приводит Анна, дают понять, сколь незначительные владения остались в Азии у греков. В самом деле, она говорит о Даватине, топотиристе Гераклеи Понтийской, и Вурце, топархе Каппадокии и Хомы³²⁶.

Верность жителей фем, куда происходило вторжение, была очень сомнительной, и по-прежнему следовало опасаться мятежа болгарских провинций. Кроме того, ненадежен был Мономахат, губернатор Диррахия: в свое время он отказался помочь Алексею, когда тот устроил мятеж³²⁷. Вступив в союз с Робертом Гвискардом, он мог бы значительно упростить задачу норманнскому завоевателю. Алексей сомневался и в верности ряда чиновников пограничных провинций, подозревая, что либо их переманил на свою сторону Гвискард, либо они сговорились с сербами Бодина.

Важней всего было отстоять Диррахий. Комнин послал туда Георгия Палеолога, поручив ему сменить Мономахата и каким угодно способом захватить власть в крепости, потому что правительство было недостаточно могущественным, чтобы применить силу. В то же время василевс рассылал

письма руководителям приморских городов и островитянам, побуждая их смело сопротивляться захватчикам³²⁸.

Палеолог сумел обосноваться в Диррахии и успел подготовить город к обороне. Поведение Мономахата, бежавшего к царю Сербии, показало Алексею, что его подозрения были очень даже оправданными³²⁹.

Приняв эти первые меры, василевс начал целый ряд переговоров, за ходом которых мы можем проследить. Сказано, что Алексей был типичным византийцем³³⁰. Если под этим понимать ловкость в политических делах и искусственность в переговорах, это верно. Комнин действительно сумел опутать Роберта Гвискарда целой сетью интриг, которые вскоре создадут для норманнского князя величайшие трудности.

Совершенно естественно, что Алексей пришел к мысли искать союзников среди беспокойных сеньоров Южной Италии, которых лишь сила заставила признать верховенство Роберта Гвискарда³³¹. Император нашел союзников даже в семье герцога. Среди вождей восстания 1078 г.³³² оба наиболее активных его участника были племянниками Роберта — Герман³³³ и Абельяр, сын Унфреда³³⁴, у которых дядя отобрал часть вотчины. В 1079³³⁵ или 1080 г. Абельяр бежал в Константинополь. Комнин нашел в его лице эмиссара, вполне склонного отправиться в Италию, чтобы разжечь восстание. Герман, оставшийся на полуострове, как и его брат, пылал ненавистью к Гвискарду, и оба выражали готовность разделить цели Алексея.

В то же время василевс пытался привлечь на свою сторону папу, должно быть, не зная о его союзе с норманнами, а также вел переговоры с архиепископом Капуанским Гervasием³³⁶.

Комнин вступил в контакт и с германским императором. Отношения между Григорием VII и Генрихом IV, пока всего лишь римским королем³³⁷, были разорваны полностью³³⁸. Но положение побежденного в Каноссе улучшилось: в 1080 г. он восторжествовал над своим соперником Рудольфом Швабским, а в 1081 г. собрался идти походом на Рим. В мае 1081 г. он появился под стенами Вечного города³³⁹. Германский государь должен был достаточно плохо относиться к Гвискарду, который в апреле 1081 г. отказался от союза с ним и отверг предложение о браке между одной из своих дочерей и Конрадом,

сыном Генриха IV³⁴⁰. Кроме того, должно быть, финансовое положение императора было очень шатким, поскольку, судя по «Алексиаде», особо приятными ему оказались денежные посулы Алексея³⁴¹. Предложения Генриху IV привезло византийское посольство, прибывшее, вероятно, в Италию, где в тот момент был император. Генрих в ответ послал в Константинополь миссию во главе с графом Бурхардом³⁴². Василевс согласился выполнить переданные просьбы и отправил под руководством Константина Хиросфакта³⁴³ новое посольство, которому было поручено заключить окончательное соглашение³⁴⁴. Анна сохранила для нас текст письма, адресованного ее отцом Генриху IV. Алексей немедленно выплатил 144 тысяч золотых монет и выслал сто штук шелка. Кроме того, он обязался передать Генриху еще 216 тысяч золотых монет, а также доходы с двадцати придворных должностей. Но василевс, не уверенный, что Генрих выполнит свои обещания, оговорил, что эти суммы передаст императору Абеляр, только когда первый вступит в Апулию. Помимо этого, греческий посланец имел все полномочия, чтобы породнить обе семьи. Формулировки письма слишком расплывчаты, чтобы на этот счет можно было сказать что-либо точнее³⁴⁵. Византийским послом было поручено передать Генриху IV, согласно обычаю, подарки василевса: золотой наперсный крест, инкрустированный драгоценными камнями, шкатулку с реликвиями, сардониковую чашу³⁴⁶, хрустальный кубок³⁴⁷, золотую корону³⁴⁸ и бальзам.

Содействия Генриха IV и итальянских сеньоров было недостаточно. Императору требовался еще флот, который бы позволил перерезать коммуникации Роберта с полуостровом. Поскольку греческие военно-морские силы были недостаточно сильны для выполнения такой задачи, Алексей обратился к Венеции. Республика издавна поддерживала деловые отношения с греками. Лиутпранд во время своего посольства встретил в Константинополе многочисленных венецианцев, взятых в армию, а в порту видел венецианские купеческие суда³⁴⁹. Эти связи по-прежнему активно поддерживались, и Венеция была важнейшим посредником в торговле Византии с Западом. Поэтому республика следила за

успехами норманнов с беспокойством. Еще в 1075 г. дож Доминико Сельво вынужден был вмешаться и не разрешил далматинским городам принимать у себя ни одного норманна³⁵⁰, потому что последние уже неоднократно разоряли берега Далмации³⁵¹. Если бы Роберту Гвискарду удалось укрепиться на побережьях Иллирии и Диррахия, он стал бы для далматинских владений Венеции неудобным соседом, который мог бы перекрыть Адриатическое море для венецианских флотов или, по меньшей мере, прибегнув к пиратству, сильно затруднить им торговлю.

Поэтому Венеция выказала готовность выслушать предложения византийского василевса, который обязывался предоставить торговле венецианцев большие преимущества как в случае их поражения, так и в случае успеха³⁵². Она направила в Константинополь посольство, чтобы обговорить условия, на каких будет принято ее содействие. Алексей, которому было не до обсуждений, обещал сделать все, о чем его попросили³⁵³.

Во время этих переговоров Комнин не оставался пассивным: он занимался тем, что давал отпор врагу, находившемуся к столице ближе всех, — туркам. Малик-шах возложил ведение войны с империей на одного из кузенов, Сулеймана. Сулейман был почти независимым вождем в Малой Азии, связанным с Сельджукской империей только вассальными узами. Он захватил при Вотаниате Кизик и занял Никею неизвестно когда, может быть, во время мятежа Мелиссина³⁵⁴. Пользуясь гражданской войной, расколовшей империю, он завоевал Финию³⁵⁵ и Вифинию, и его войска доходили до берегов Босфора, до Дамалиса. Алексей, следуя методу, рекомендованному Никифором Фокой, предпринял против турок засадно-диверсионную войну, позволившую ему за довольно недолгое время отбить несколько крепостей и вытеснить врага из окрестностей Никомедии. Во время этой кампании василевс, который, судя по рассказу дочери, не покидал Константинополя, узнал о скоплении норманнских войск на побережьях Италии. После этого он должен был задуматься о том, как бы сосредоточить все внимание на Западе. Анна рассказывает, что в результате побед отца султан попросил мира.

Мне кажется неправдоподобным утверждение, что Сулейман пошел на такой шаг в результате мелких успехов Алексея. Более вероятно, что мирные предложения выдвинул именно василевс, возможно, обязавшись взять на содержание несколько турецких отрядов. Река Дракон³⁵⁶, впадающая в Пропонтиду близ Еленополя, была выбрана границей между греческими и турецкими владениями³⁵⁷.

Развязав себе руки на Востоке, василевс посвятил всего себя норманнской войне. Поход для Гвискарда начался плохо: его сын Бозмунд, захватив, как мы видели, Авлону, Канину и Иерихон, направился на юг, но потерпел неудачу под Корфу и отошел, чтобы дожидаться отца, в Бутринто³⁵⁸. Гвискард отплыл во второй половине мая 1081 г.³⁵⁹, достиг Авлоны и оттуда направился к Корфу, который занял³⁶⁰. Легкость этого завоевания и недоверие, какое жителям островов выказывал Алексей, наводят меня на мысль, что Роберт сумел договориться с населением острова, как он это сделал в западных провинциях империи. Действительно, мы знаем, что рагузцы предоставили ему корабли³⁶¹. К тому же вся болгарская часть населения должна была с готовностью помогать ему из ненависти к грекам, и я с немалой уверенностью полагаю, что Роберт вступил в переговоры с Бодином, измена которого во время первого столкновения повлечет за собой поражение греков. Наконец, лже-Михаил должен был привлечь на его сторону некоторых сторонников свергнутого императора.

Из Корфу Роберт направился к Диррахию, столице фемы Иллирик, городу, который справедливо считали ключом к империи на Западе. Овладение этим городом должно было обеспечить норманнам завоевание всего иллирийского побережья. Анна говорит, что Бозмунд с частью войск пошел сушей, в то время как Роберт направился к Диррахию морем. Но в то время как флот шел вдоль берега, северней залива Корфу, там, где берег поднимается, образуя мрачную гряду Химера-Мала, или Акрокеравний, на вершине которой, по мнению древних, жил Зевс-громовержец, у основания самого выступающего мыса, *linguetta* [язычка (*um.*)], при входе в Адриатическое море³⁶², недалеко от мыса Глосса³⁶³ норманнский флот

попал в страшный шторм, какие в этих прибрежных районах случаются очень часто, и Роберт потерял в нем много судов. Несмотря на гибель части флота, герцог 17 июня³⁶⁴ прибыл под Диррахий, немедленно осадив его с суши и с моря.

Василевс был немедленно извещен Палеологом, но войск, собранных ранее, на его взгляд, было еще недостаточно, и он обратился к Сулейману, выделившему ему корпус в 7.000 человек³⁶⁵. В то время как Алексей в Константинополе заканчивал приготовления к большому походу на норманнов, он получил известие о большой морской победе, одержанной его союзниками — венецианцами. Флот республики появился в водах Диррахия вскоре после прибытия Роберта; он остановился у мыса Палли³⁶⁶, несколько северней осажденного города, чтобы оценить норманнские силы. Под предлогом переговоров венецианцы попросили Боэмунда предоставить им перемирие и использовали выигранное таким образом время, чтобы подготовиться к бою. На следующий день после прибытия венецианский флот напал на норманнский, в то время как осажденные совершили вылазку под командованием Палеолога. Норманны³⁶⁷ потерпели полное поражение (июль 1081 г.)³⁶⁸.

Это поражение могло иметь для них катастрофические последствия: оно позволяло венецианцам запереть море для подкреплений, которые могли бы поступать из Италии; в то же время оно пошатнуло престиж Роберта в глазах населения, которое из сочувствующего становилось враждебным³⁶⁹.

Именно венецианские посланники привезли Алексею известие об этом значительном успехе, за который дож и его помощники получили великолепные дары в знак признательности василевса³⁷⁰. Тогда Комнин решил принять командование над армией, чтобы развить этот первый успех, напав на норманнов с суши. Он послал Бакуриани приказ соединиться с ним со всеми войсками и в августе 1081 г. покинул Константинополь³⁷¹. Несомненно, впервые после восшествия на престол Алексей оставлял столицу ради долгого похода. Похоже, судя по словам Анны, в городе тогда оставалась существенная группа недовольных³⁷². По-прежнему следовало опасаться попыток узурпации, и командование

Константинополем могло быть доверено только надежному человеку. Охрану дворца и города Алексей возложил на брата, севастократора, а руководство правительством — как мы видели, на мать³⁷³.

Численность войск, какие мог собрать Комнин, оценить невозможно. Все хронисты приводят разные цифры³⁷⁴. Всё, что можно сказать, исходя из их разноречивых сведений, — что численность греческих солдат была довольно высокой. Это была одна из тех армий, какими чаще всего располагала Византия, — где были представлены все племена, все религии, все языки. В грамотах мы находим упоминания народов, предоставивших тогда наемников империи. Одной из самых любопытных в этом отношении была уступка Алексеем в 1088 г. Христодулу острова Патмос³⁷⁵. В составе византийской армии мы видим русских, франков, англичан, немцев, болгар, аланов и т. д. Интересней всего отметить присутствие англичан на службе императору. Это первый случай, когда в грамоте упоминаются англичане. Их появление в Византии стало следствием эмиграции после завоеваний Вильгельма Завоевателя³⁷⁶. Их поступление на службу совпало с приходом к власти Алексея Комнина³⁷⁷, и об их присутствии в византийской армии в походе на Диррахий свидетельствуют Анна Комнина³⁷⁸ и Малатерра³⁷⁹; должно быть, они особо ожесточенно бились с норманнами. Возможно, в сражениях с Робертом Гвискардом им еще придавала силы память о Гастингсе. В состав армии входили также македоняне³⁸⁰ и фессалийцы; были там и охридские турки, потомки турок-вардариотов, расселившихся в бассейне Аксия³⁸¹, — ими командовал Татикий, Татин Безносый «Песни об Антиохии», в то время великий примиритель³⁸². Далее — манихеи из Филиппополя, потомки знаменитых ливанских павликиан, переселенных во Фракию, которые отличались тем, что творили крестное знамение одним пальцем³⁸³. После прибыли Умбертопул и его норманны; армянский контингент под командованием Ошина, князя Ламбронна, из Киликии³⁸⁴; варяги — телохранители василевса³⁸⁵. Рядом с ними мы видим греческий корпус веститаритов, сформированный из приближенных василевса, которых Дюканж сравнил с камер-юнкерами королевского дома³⁸⁶, экскувитов

и, наконец, провинциальные части, которыми командовал великий domestik Бакуриани³⁸⁷.

Армия направилась к Фессалоникам; там должно было произойти соединение всех сил Алексея. По мере ее продвижения вести, приходившие из Диррахия, становились все хуже, но крепость еще держалась. Георгий Палеолог и Роберт Гвискард соперничали в талантах и искусстве, один — в нападении, другой — в защите.

Когда норманны прибыли в Италию, полиоркеттики они еще не знали. Первые осады, предпринятые ими, длились месяцами, а то и годами; но в конечном счете они превосходно овладели осадным искусством, и по рассказу «Алексиады» видно, что они уже умели строить машины, позже наиболее распространенные. Виолле-ле-Дюк описал осаду Никеи крестonosцами как самую раннюю из тех, о каких у нас есть определенные сведения³⁸⁸; он забыл об осаде Диррахия. Машины, построенные солдатами Гвискарда, были не очень совершенны, их сделали просто из дерева и накрыть свежесодранными кожами скота еще не догадались; поэтому «кота», которого норманны подкатили к стенам Диррахия, осажденные без труда подожгли, когда он остановился, и не дали осаждающим возможности перебросить мост, чтобы попасть за стены. Роберт Гвискард, не позволив обескуражить себя этим неудачам, немедленно предпринял строительство новых машин³⁸⁹.

Комнин узнал эти новости, когда шел на помощь осажденной крепости. Не желая, чтобы городу пришлось выдерживать новую атаку, он ускорил движение и 15 октября³⁹⁰ стал лагерем под самым Диррахием, в долине Арзена, пройдя по дороге, на которую через несколько лет предстояло вступить итальяским крестonosцам, дороге, проходившей через Острово, Пелагонию и Деаболис.

Император попытался скрыть от Гвискарда подход армии подкрепления, но турецкие разведчики, попавшие в плен, сообщили норманнам о прибытии Алексея³⁹¹. Вероятно, василевс рассчитывал на помощь сербов Бодина, но они должны были подойти только в последующие дни³⁹². После того как обе армии встретились, Алексей созвал военный совет, чтобы обсудить, какую тактику выбрать. Палеолог, вышедший из

крепости по настоятельному требованию василевса, прибыл, чтобы изложить все сведения о ее пригодности к обороне. Совет раскололся на две части: одна, к которой принадлежали Палеолог и опытные командиры, предложила осадить норманнов в их лагере, установив строгую блокаду. Это была бы лучшая и наименее опасная тактика. Так можно было заставить армию Гвискарда, запертую между морем и городом, голодать, перерезав все пути, по которым она могла бы получать провизию. Но другая партия, состоящая в основном из молодых командиров, предложила сражаться немедленно; Алексей позволил себя убедить этим молодым советникам и решил дать бой³⁹³.

18 октября³⁹⁴ началось сражение; Гвискард, чтобы вселить отвагу в сердца солдат, велел сжечь все свои корабли³⁹⁵. Алексей приказал гарнизону совершить во время атаки вылазку. Поначалу исход борьбы как будто оборачивался в пользу греков. Но норманны, отступавшие перед англичанами, вновь собрались по зову жены Роберта, Сигельгаиты, и вернулись в бой. В результате измены Бодина и турецких вспомогательных войск, которые отступили, не приняв участия в столкновении, вся императорская армия обратилась в бегство. Вокруг василевса пало несколько самых видных военачальников, в том числе Никифор Палеолог — отец защитника Диррахия и Константин Багрянородный — брат Михаила VII. Анна долго рассказывает о подвигах отца; но поскольку дифирамбы его смелости она расточает при описании каждой новой битвы, в которой участвовал Алексей, можно, полагаю, не придавать ее свидетельству большого значения³⁹⁶.

Комнин, без свиты, без эскорта, два дня блуждал в горах, пытаясь выйти к Охриду. По дороге он писал защитникам Диррахия, побуждая их сопротивляться; в самом деле, город лишился командующего — Палеолога, не сумевшего вернуться в крепость. Алексей оборону цитадели поручил венецианской колонии, жившей в городе, а остатков крепости — одному албанцу³⁹⁷. Из Охрида император добрался до Деаболиса, а потом направился в Фессалоники³⁹⁸, где попытался собрать новую армию. Он мог рассчитывать только на набор вспомогательных войск, потому что в империи он забрал всех людей,

каких она могла ему предоставить, а греческая территория была слишком невелика, если отсечь Болгарию, рассчитывать на которую было нельзя. Но для приобретения наемников нужны были деньги, а у империи их недоставало. Алексей обратился к брату и матери. Исаак, Анна Далассина и Ирина пошли на величайшие финансовые жертвы; их примеру последовали сторонники Комнинов³⁹⁹. Но собранной таким образом суммы оказалось мало. С другой стороны, это требование вызывало очень активное противодействие народа — податные отказывались платить любой новый налог⁴⁰⁰. Тогда Исаак и его мать прибегли к мере, которая позже станет для Алексея источником проблем. В святой Софии был созван синод. Там севастократор, сославшись на авторитет древних церковных канонов, разрешающих использовать для выкупа пленных церковные деньги и даже переплавлять священные сосуды⁴⁰¹, объявил о конфискации церковных имуществ. О ценности предметов, изъятых таким образом, мы знаем мало; Никита Хониат сообщает, что сняли золотые и серебряные пластины, украшавшие ворота церкви Богородицы в Халкопратиях⁴⁰². Хотя в новелле, которую Алексей издал позже, запрещая преемникам прибегать к подобной мере, он говорит, что ценность изъятых таким образом предметов была невелика⁴⁰³, должно быть, этот акт принес казне значительную сумму, коль скоро он позволил императору собрать новую армию. Греческое духовенство не сумело выказать в этих обстоятельствах такого же бескорыстия, какое некогда выказал патриарх Сергий, который во время нашествия Хосрова отдал в распоряжение Ираклия все ресурсы церкви⁴⁰⁴. Открытого сопротивления оно оказать не посмело, но недовольство, которое эта мера вызвала у части духовенства, скажется через несколько лет в аналогичных обстоятельствах⁴⁰⁵.

На деньги, добытые таким способом, Комнин смог собрать в Фессалониках новую армию. Но военные действия прервала зима. Алексей, занимаясь этими делами, тогда же послал новое посольство к Генриху IV, прося его высадиться в Южной Италии⁴⁰⁶. Потом, подготовив все к походу, который он намеревался предпринять ближайшей весной, василевс

покинул Фессалоники, чтобы вернуться в Константинополь. Едва он выехал, оставив командование великому domestiку Бакуриани, как его армия уменьшилась из-за ухода вспомогательного корпуса манихеев. Они отправились по домам, в область Филиппополя, и, несмотря на все уговоры, отказались возвращаться⁴⁰⁷.

Вернувшись в Константинополь, Алексей решил на время передохнуть от политических забот. Как настоящий византийский василевс Комнин принимал близко к сердцу задачу сохранения православия: даже среди самых серьезных забот ничто касавшееся религии не оставляло его равнодушным. Так, например, в первые месяцы 1082 г., когда норманны занимали Диррахий, василевс в сопровождении представителей сената и духовенства вел дело о ереси, в которой был обвинен один из виднейших жителей Константинополя, профессор Иоанн Итал, ипат философов⁴⁰⁸. Этот процесс, подробно о котором мы поговорим дальше, занимал императора четыре первых месяца 1082 г.⁴⁰⁹

Очень вероятно, что к этому же периоду следует отнести хрисовул Алексея в пользу венецианцев. Прежде чем возобновлять войну, Комнин вспомнил о союзниках, позволивших ему добиться первого успеха, и сдержал обещания, данные Венеции. Актом за май 1082 г.⁴¹⁰ он предоставил республике массу привилегий. Дожд получил титул севаста, а патриарх Венецианский — сан ипертима. Кроме этих почетных титулов, были даны и существенные материальные льготы. Все амальфитянские купцы, жившие в империи, становились данниками Сан-Марко. Характер этих милостей очень наглядно виден в следующем тексте: «Главным в дипломе было предоставленное венецианским купцам исключительное право продавать и покупать во всех местах Греческой империи без того, чтобы их беспокоили служащие таможен, финансовых ведомств или портов; этим служащим запрещалось досматривать их товары или требовать пошлину от имени государства. Эта мера сразу же ставила венецианцев в неравное положение по отношению ко всем конкурентам. Для них был открыт бесчисленный ряд портов, где они больше не должны

были платить ни за стоянку судов, ни за высадку, ни за выгрузку товаров; они могли ездить по обширным территориям, не платя пошлину ни за ввоз, ни за вывоз, ни за покупку, ни за продажу. Предоставление таких неординарных льгот, вероятно, дало венецианцам повод для нового расширения своей торговой деятельности в Греческой империи»⁴¹¹. Вот список портов, которые были им открыты: Лаодикея, Антиохия, Мамистра, Адана, Тарс и Атталия в Сирии, Киликии и Памфилии; Стровил, Хиос, Эфес и Фокея в Малой Азии; Диррахий, Авлона, Корфу, Вундица в Иллирии; Модон и Корон в Море; Навплия, Коринф, Фивы, Афины, Негропонт на Пелопоннесе и в Центральной Греции; Деметриада в Волосском заливе; Фессалоники, важнейший торговый центр Европы после Константинополя; Хрисополь близ Стримона; Перитеорий, Авидос, Адрианополь, Апрос, Гераклея, Селимврия на Херсонесе и во Фракии и, наконец, Константинополь. Любопытно, что у венецианцев не было ни одного порта на берегах Черного моря. Может быть, это следует объяснять опасением, как бы в их руки не перешла торговля зерном?⁴¹²

Зимой 1082 г. норманнская армия развила успех. Поражение Алексея при Диррахии отдавало в руки Гвискарда всю Иллирию — ведь взятие этого города стало уже вопросом времени. После победы Роберт стал лагерем под Деаболисом, откуда продолжал блокировать город⁴¹³. 21 февраля 1082 г.⁴¹⁴ благодаря измене он смог вступить в осажденную крепость. По словам Анны, ворота герцогу открыли венецианцы и амальфитяне, составлявшие большинство населения Диррахия, поскольку убоялись перспективы долгой осады⁴¹⁵. Согласно норманнским хронистам, город Гвискарду сдал один венецианец за обещание, что тот выдаст за него одну из дочерей⁴¹⁶. Таким образом, казалось, все благоприятствует норманнскому завоевателю, когда весной 1082 г. он возобновил кампанию. В марше на Константинополь больших трудностей не предвиделось. Сначала Гвискард двинулся на Касторию, полагая впоследствии достичь Константинополя. Положение империи выглядело отчаянным. Все трепетало перед норманнским нашествием, на сторону Гвискарда переходили многие солдаты и командиры⁴¹⁷. Ему достаточно было

подойти к Кастории, чтобы гарнизон сдал ему крепость и все окрестности покорились⁴¹⁸.

Но внезапно новости, пришедшие из Италии, остановили продвижение герцога. Интриги Алексея принесли свои плоды: в государствах Гвискарда вспыхнул грозный мятеж, большинство его вассалов восстало, а Генрих IV, появившись под Римом, собирался наложить на город свою руку. Роберт получил письмо от папы, напоминавшего ему, что своими успехами он обязан церкви, и просившего прийти на помощь против Генриха⁴¹⁹. Очень похоже, что Григорий VII предлагал Гвискарду императорскую корону, но ничего конкретного на этот счет мы не знаем⁴²⁰. Таким образом, Роберта остановили в тот самый момент, когда он считал себя победителем. Он уехал в апреле или мае 1082 г., оставив командование экспедицией Боэмунду⁴²¹.

Так ловкие сделки василевса вынудили победоносного герцога Апулии отказаться от выгоды, которую ему принесла победа. Генрих IV не вполне оправдывает надежды, которые Алексей возлагал на него; но его появление под Римом избавило империю от грозного врага, а италийское восстание продлится достаточно долго, чтобы удерживать последнего в Италии.

Отъезд Роберта Гвискарда, похоже, повлек за собой изменение плана кампании норманнской армии. Действительно, мы видим, что Боэмунд прекратил продвижение вперед. Вероятно, он выполнял приказы отца, который, должно быть, велел ему в свое отсутствие занять и подчинить западные провинции империи и ждать его возвращения, чтобы идти на Константинополь. Боэмунд выступил из Кастории, чтобы осадить Янину. В этой самой области, по словам автора «Стратегикона», и начались приготовления к восстанию влахов в окрестностях Мецово, когда они узнали в 1066 г. о походе Гвискарда⁴²². Из того же источника мы знаем⁴²³, что эти влахи были далеко не покорены и что на их верность империи надежда была слабой. Думаю, можно предположить, что между норманнами и влахами существовало соглашение, так как в противном случае переход Боэмунда из Кастории к Янине, в ходе которого он пересекал горы Граммос, оставляя в тылу целый ряд крепостей, еще находившихся в руках

греков, объяснить было бы трудно. Вероятно, зная, что может рассчитывать на владов, он направился в эту сторону, чтобы приобрести на юге надежную оперативную базу, какой на севере стал для него Диррахий.

Алексей с марта⁴²⁴ готовился возобновить военные действия; в мае⁴²⁵ он узнал, что Боэмунд осаждает Янину и разоряет ее окрестности. Анна Комнина, которая теперь становится нашим единственным источником подробных сведений, ничего не сообщает о силах, какие ее отец смог собрать после неудачи в предыдущем году. Осознав после первого поражения, что норманнские ряды прочны, Алексей изменил боевой порядок греческих войск. Кроме того, он придумал бросить на врага колесницы с длинными кольями, чтобы прорывать ряды пехотинцев. Боэмунд, несомненно, получив предупреждение⁴²⁶, поменял боевой порядок своей армии, и стратегия Алексея оказалась совершенно бесполезной. Как и при Диррахии, греки были разбиты, и Алексей бежал в Охрид. Там он и собрал свои войска заново. Не падая духом, проявив примечательное упорство, василевс немедленно приготовился возобновить борьбу. Поручив Бакуриани реорганизацию остатков армии, он сам отправился набирать новых воинов в долину Вардара — несомненно, из числа турецких колонистов, проявлявших мало готовности защищать империю⁴²⁷. Собрав достаточно сил, он вернулся, чтобы дать Боэмунду новый бой близ Арты. Но греки, боевой дух которых подорвали предыдущие поражения, обратились в бегство в самом начале схватки⁴²⁸. Алексей вернулся в Константинополь.

Эта серия поражений настолько ослабила византийцев, что Боэмунд мог без нежелательных последствий разделить свои силы, чтобы быстрее занять страну. Жители, полагая, что империя пала окончательно, переходили на сторону норманнов. Даже Охрид, очаг эллинизма в этой области и место жительства архиепископа Болгарского, принял сторону врага⁴²⁹.

В то время как Боэмунд сам отправился в эту важную крепость, он послал Петра Алифу, который вскоре поступит на службу к Византии и станет в Константинополе родоначальником прославленного рода, занять оба Полоба. Тогда же

Рауль де Понтуаз обосновался в Скопье⁴³⁰, крепости, господствовавшей над верховьями Вардара. Боэмунд, закрепившись в Охриде, не смог захватить цитадель, которую оборонял армянин Ариев. Он потерпел неудачу под Острово, но занял Веррию, Сервию⁴³¹, Воден и Моглены, где оставил гарнизоны. Потом он направился в долину Вардара и стал лагерем в Белых Церквях (Ἀσπρὰ Ἐκκλήσιαί)⁴³², где провел три месяца. Тем временем греческие войска, недостаточно сильные, чтобы снова пытаться счастья в бою, вели наблюдение⁴³³.

В то время как Боэмунд занимал таким образом страну, не был пассивным и Алексей, и я думаю, что именно результатом его интриг надо считать заговор трех высших норманнских вождей — Рауля де Понтуаза, Ренальда⁴³⁴ и Вильгельма⁴³⁵. Когда он был раскрыт, двух из этих заговорщиков схватили и казнили, одному Раулю де Понтуазу удалось добраться до Константинополя, где он поступил на службу.

Продолжив завоевания, Боэмунд поочередно занял Пелагонию, Цивиск⁴³⁶ и Трикалы. Из Трикал он послал войска к Лариссе, где хотел зазимовать. Он лично пришел осаждать этот город, который, обороняемый Львом Кефалой, держался шесть месяцев⁴³⁷. Кампания, основные черты которой я только что перечислил, сделала Боэмунда хозяином всей горной местности, включающей Албанию и Фессалию; должно быть, эта кампания пришлась на лето и осень 1082 г., а осаду Лариссы он начал в начале зимы⁴³⁸.

Тем временем греки, оставаясь в обороне, поджидали удобного случая, чтобы возобновить боевые действия; едва Боэмунд удалился, как великий domestik Бакуриани вновь занял Моглены, в то время как Алексей в Константинополе активно занимался набором новых войск. Стойкость, проявленная Комнином во всей этой кампании, была воистину примечательной: не поддавшись унынию после ряда неудач, он боролся как мог и старался использовать для обороны территории все силы империи. Он получил от Сулеймана подкрепление в семь тысяч человек в дополнение к солдатам, которых смог собрать сам⁴³⁹. Узнав об осаде Лариссы с самого ее начала из письма Льва Кефалы, он не пожелал ничем

рисковать и дождался, пока сможет собрать достаточно сил, чтобы снова вступить в войну. Весной 1083 г. он покинул Константинополь. За рассказом Анны очень трудно следовать по карте — как я ни старался, но двух мест, о которых она говорит, найти не смог. Алексей проследовал берегом до устья Саламврии, реки, пересекающей Темпейскую долину, потом перешел через гору Келлион, оставив справа Киссаво, и таким образом достиг Эзевана близ Андронии. Киссаво стоит на правом берегу Саламврии; таким образом, Алексей продолжал идти морским берегом, но тут начинаются трудности. Где находится гора Келлион, где Эзеван и Андрония? Совсем рядом с Киссаво карты показывают город Аяя. Нельзя ли предположить, что он получил свое название от окрестных монастырей, которые должны были подниматься на горе τὸν κέλλιόν [с кельями (*греч.*)]? И не аналог ли тогда это ситуации с Афоном, горой, которую часто называют Ἁγίον ὄρος [Святая гора (*греч.*)]? В таком случае армия обогнула Лариссу, а потом снова поднялась на север к Трикалам. Этот маршрут понятен, если вспомнить, что вся область к северу от Лариссы была занята норманнами и что греческой армии, таким образом, надо было пересекать горную местность, доступ в которую легко мог перерезать противник.

Подойдя к Трикалам, Алексей узнал о том, какую нужду терпит осажденная крепость, которой начало не хватать продовольствия. Память о прежних боях побуждала Комнина опасаться правильного сражения. Поэтому он прибегнул к военной хитрости. Он облачил своего зятя Мелиссина в императорские инсигнии и укрылся в засаде. Боэмунд, полагая, что главные силы армии находятся там, где он видит императора, атаковал части, возглавляемые Мелиссином. Те бежали при первом же столкновении; но в то время как норманны бросились в погоню за ними, остальная греческая армия во главе с Алексеем обрушилась на лагерь Боэмунда и захватила его. Боэмунд не смог восполнить эту потерю и был вынужден снять осаду, лишившись всего обоза. Тем не менее он сумел отступить к Кастории, никем не потревоженный⁴⁴⁰.

Это был первый успех, которого добился Алексей; его прямым последствием было изгнание норманнов из всей

Фессалии. Комнин не хотел рисковать этим достижением, вступая в новые бои. Впрочем, обстоятельства ему благоприятствовали, предоставив менее опасную сферу действий, где он мог развернуть свои дипломатические таланты. У норманнов было много причин для недовольства. Солдаты уже давно не получали жалованья, и всё новые походы, в каких они участвовали, не приносили им больших выгод. Алексей, зная об этих настроениях, разослал в войска своих эмиссаров. Он обещал почести и богатства тем, кто перейдет к нему на службу. В конечном счете ему удалось добиться, чтобы норманны потребовали жалованья, задерживаемого несколько лет, и Боэмунд, у которого не было денег, был вынужден вернуться в Италию, чтобы попытаться найти необходимую сумму. За себя он оставил Бриенна⁴⁴¹ в Кастории и Петра Алифу в Полобе⁴⁴².

Едва узнав об удачном исходе своих интриг, Алексей возмечтал развить успех. Кастория была одной из важнейших крепостей Македонии, и василевс счел важным не оставлять ее в руках норманнов. Единственный источник наших сведений об этой осаде — Анна. Не исключено, что некоторое количество норманнов уже перешло на сторону императора и что сил у Бриенна было мало. Алексей атаковал крепость, которая вскоре попросила принять ее сдачу. Большинство солдат Гвискарда поступило на службу к императору; Бриенн почти в одиночку отказался от сделанных ему предложений и вернулся к себе в страну, приняв обязательство больше не поднимать оружие против империи⁴⁴³. Взятие Кастории произошло в октябре или ноябре 1083 г., коль скоро Алексей вернулся в Константинополь первого декабря⁴⁴⁴.

Фортуна улыбалась василевсу — летом того же года греко-венецианский флот подошел к Диррахию и отобрал город у норманнов⁴⁴⁵.

Однако от нападений Гвискарда Алексей не избежался. Анна говорит, что одной из характерных черт характера Роберта было упрямство: герцог еще покажет грекам, что легко от своих замыслов не отказывается.

После возвращения Боэмунда Гвискард, сумевший подавить мятеж вассалов и заставивший тех, кто активней всех

участвовал в нем, покинуть Италию, начал приготовления к новому походу на Византию. К осени 1084 г. все было готово; герцог собрал флот в сто пятьдесят кораблей⁴⁴⁶ и отплыл из Отранто⁴⁴⁷. Роберт взял с собой троих сыновей: Рожера, Боэмунда и Гвидо. Последний, привлеченный Алексеем на свою сторону, был решительно настроен предать отца. Единственный источник сведений об этом — Анна⁴⁴⁸, но «Песнь об Антиохии», изображая Гвидо живущим при дворе Алексея в качестве племянника и сенешаля, может служить подтверждением рассказа «Алексиады»⁴⁴⁹.

Герцог послал двух сыновей, Рожера и Гвидо, занять Авлону⁴⁵⁰, а сам с главными силами армии направился к Бутринто. Он хотел идти к Корфу, вновь подпавшему под власть греков, но задержался на два месяца (до ноября) в Бутринто из-за состояния моря⁴⁵¹. Подойдя к острову, он встретил венецианский флот. Республика нашла свою выгоду в том, чтобы помогать империи. Еще весенняя кампания 1084 г. принесла дожу титул протосеваста и юрисдикцию над Далмацией и Хорватией⁴⁵². Поэтому, когда Алексей, узнав о новых приготовлениях Гвискарда, опять обратился к венецианцам за содействием, ему легко выделили в подкрепление флот⁴⁵³, соединившийся с греческим только тогда, когда Роберт уже переправился⁴⁵⁴. Союзные флоты стояли в гавани Пассарона на восточном побережье острова; Роберт расположился в гавани Кассиопы. Там венецианский флот и напал на него. Роберт был побежден дважды с интервалом в три дня⁴⁵⁵. Но в то время как венецианцы, сочтя, что все кончилось, отправили в Венецию сообщение о своем успехе, Гвискард с остатками флота атаковал рассеявшиеся корабли и одержал при Корфу полную победу⁴⁵⁶. По словам Анны, тринадцать тысяч человек было убито и две с половиной тысячи попали в плен⁴⁵⁷. Эта неожиданная победа позволила герцогу вернуть себе Корфу⁴⁵⁸; потом он стал на зимние квартиры на берегах Гликиса⁴⁵⁹, вытаскил корабли на берег и направился в Вундицу⁴⁶⁰. Страшная эпидемия зимой лишила его многих людей, и Боэмунд, заболев, был вынужден вернуться в Италию⁴⁶¹. По этим разным причинам экспедиционная армия к началу 1085 г. значительно ослабла. Однако в начале лета Роберт послал сына взять

Кефалинию. Гиббон полагает, что у него было намерение идти грабить острова Архипелага⁴⁶². Через некоторое время Гвискард принял командование над экспедицией, идущей на Кефалинию⁴⁶³; но, заболев по дороге, был вынужден остановиться у мыса Афер, на северной оконечности острова. Там он и умер 17 июля 1085 г.⁴⁶⁴

Со смертью Роберта Гвискарда для Алексея исчез грозный враг, который почти четыре года опустошал западные фемы империи и поставил династию Комнинов на грань гибели. Развевалась угроза норманнского вторжения — сыновья завоевателя Южной Италии, целиком поглощенные внутренними распрями, на время забудут о гигантских планах, которые вынашивал отец; но Гвискард открыл амбициям потомков новый путь. Отныне италийские норманны будут обращать взоры на Восток, и именно на Востоке, за счет Греческой империи, через двенадцать лет вознамерится создать себе княжество Боэмунд.

Память об опасности, какой Гвискард подверг империю, из памяти Алексея уже не сотрется; именно она определяла его политику в отношении первых крестоносцев, и она же водила пером Анны, когда та писала портрет Гвискарда, во многих чертах верный, «но тем не менее выдающий презрение патрицианки к выскочке и гнев, какой у нее вызывали воспоминания о великом противнике ее семьи, а также, надо добавить, невольное восхищение Робертом, в конечном счете таким красивым и таким отважным»⁴⁶⁵.

ГЛАВА IV БОРЬБА ИМПЕРИИ С ТУРКАМИ И ПЕЧЕНЕГАМИ (1084–1092)

Поражение норманнов и смерть Гвискарда позволили Алексею вернуть византийские территории до Адриатического моря. Но империя существенно сократилась с другой стороны: как говорит Анна Комнина, в те времена она кончалась Босфором и Адрианополем⁴⁶⁶. Причиной этого стали нападения турок и печенегов.

Пока Алексей был занят норманнской войной, полностью изменилось положение византийцев в Азии. Выше мы видели⁴⁶⁷, что греки потеряли почти все территории в Малой Азии, но еще владели, хотя бы номинально, частью Армении. Несколько мелких армянских династий обосновались близ Киликии и жили как независимые государи. Самым могущественным из них был бывший офицер Романа Диогена Филарет Варажнуни, выходец из округа Варажнуник в Васпуракане. Диоген назначил его великим domestikом, а Михаила VII он признавать отказался. Несколько армянских авантюристов выбрало его вождем; возглавив их, он проник в горную область на севере Киликии и взялся создавать себе княжество за счет турок, только что отобравших эту территорию у греков. Он укрепил свою власть в Мараше, Аблесте⁴⁶⁸, Мелитене⁴⁶⁹. Он был совершенно независим. Однако греческий император не хотел рвать с ним связь и, чтобы сохранить отношения, которые могли когда-нибудь стать полезными для империи, посылал ему дары⁴⁷⁰. В царствование Вотаниата Филарет изъявил покорность⁴⁷¹. Армянский князь издавна пытался обосноваться в Антиохии, обладание которой имело величайшее значение для обороны Киликии от захватчиков из Сирии. Еще

при Михаиле VII Исааку Комнину, которого назначили дукой Антиохии, было особо поручено противостоять Филарету и расстраивать его интриги⁴⁷². Какими были отношения между Антиохией и Византией позже, мы точно не знаем. В 527 г. армянской эры⁴⁷³ на посту губернатора города мы встречаем армянина по имени Васаг; это был сын знаменитого Григория Магистра⁴⁷⁴. Васага убили, и городская знать призвала Филарета⁴⁷⁵. Став хозяином Антиохии, он начал расширять завоеванные территории: в 532 г. армянской эры он взял Эдессу⁴⁷⁶. Воспользоваться своими победами ему не удастся. Рост его могущества в конце концов встревожил турок. Сулейман, которому Малик-шах поручил управление Румской землей, то есть Малой Азией, не хотел допустить, чтобы на юго-востоке его владений поднялось сильное княжество, способное полностью отрезать его от сирийских турок. Анна Комнина, как я полагаю, заблуждаясь⁴⁷⁷, рассказывает, что к Сулейману обратился сын Филарета, желавший помешать отцу перейти в ислам. Более правдоподобна версия, изложенная ибн аль-Асиром. Сулеймана просто призвали, в отсутствие Филарета, губернатор города и сын Филарета, посаженный отцом в тюрьму. В январе или феврале 1085 г. Сулейман скрытно приблизился к городу и, пропущенный ночью сообщниками, захватил Антиохию без единого выстрела⁴⁷⁸. Хотя она уже принадлежала грекам не более чем номинально, ее потеря имела для них большое значение, потому что это была самая сильная крепость из оставшихся у христиан в Сирии, если не последняя.

Еще важней были последствия похода Сулеймана — ведь этот поход стал исходной точкой для ряда коренных перемен в положении различных государств на Востоке. После победы Сулеймана Шараф ад-Даула, эмир Алеппо, потребовал с победителя дань, какую прежде платил Филарет. Отказ Сулеймана привел к войне между обоими эмирами; в июне 1085 г. Шараф ад-Даула потерпел поражение и был убит⁴⁷⁹. В результате этой победы Сулейман слишком усилился, и ему объявил войну Тутуш, властитель Дамаска. Сражение произошло в июле 1085 г. под Алеппо; Сулейман пал в бою⁴⁸⁰.

Опасаясь, как бы вследствие этой победы Тутуш слишком не укрепил свое влияние, в дело вмешался его брат Малик-шах. Если верить Анне, он желал союза с греками и начал переговоры с Алексеем, предлагая вернуть ему замки и приморские крепости⁴⁸¹. Формулировки «Алексиады» настолько расплывчаты, что уточнить условия заключения союза невозможно. Конечно, Малик-шах несколько раз вступал в контакт с Комнином. Абу-ль-Фида упоминает, что к первому приезжал греческий посланник⁴⁸², но дата этого посольства не указана. Замысел переговоров, о которых говорит Анна, как таковой появиться мог: действительно, они могли бы начаться, когда Малик-шах решил прибегнуть к силе. Чтобы помешать брату воспользоваться плодами завоеваний, султан сам в 1087 г. двинулся на юг, в Сирию, и разделил важнейшие города между своими эмирами.

Вот как рассказывает об этой экспедиции Матфей Эдесский: «В том же году (535, 28 февраля 1086 г.–27 февраля 1087 г.) повелитель мира, султан Малик-шах, во главе армии, состоявшей из народа асканазов⁴⁸³ и бесчисленных воинов, направился в землю римлян, которую хотел захватить. Его сердце было исполнено снисходительности и любви к христианам; по отношению к жителям земель, через которые он проезжал, он вел себя как нежный отец. Многие города и провинции сами отдавались под его руку. В том году целая Армения и вся земля римлян признали его законы. Прибыв в большой город Антиохию, он взял под свою власть всю окрестность, равно как и Алеппо. Его империя распространилась от моря Гасп (Каспийского) до Океана. Он подчинил все царства, находившиеся на этом берегу моря Океана, и за пределами его владычества не осталось ни одного; он царствовал над двенадцатью народами. Приняв во владение Антиохию, он пошел на берега моря, в место, называемое Севодия⁴⁸⁴. Там, устремив взоры на обширную водную гладь, он возблагодарил Бога и вознес ему хвалы за то, что расширил свою империю далеко за пределы [владений] отца. Поднявшись на коня, он вошел в море, попирая волны копытами скакуна. Тогда же, обнажив меч, он трижды обмакнул его в волны, воскликнув: “Вот Бог и пожаловал мне царскую власть от Персидского моря до моря

Океана». Далее, расставшись с одеждами, он разложил их на земле и обратился к Богу молитвы, благодаря за милость и милосердие. Он велел слугам собрать песка на побережье и, привезя в Персию, рассыпал его на могиле своего отца Алп-Арслана, сказав: «О отец, отец, добрая весть для тебя, ибо твой сын, которого ты оставил в детском возрасте, отодвинул границы твоего государства до земных пределов»».

Утвердив таким образом свою власть, Малик-шах организовал управление завоеванными землями. Антиохию он отдал Яги-Сияну⁴⁸⁵, Алеппо — Касиму ад-Дауле Ак-Сункуру⁴⁸⁶, Эдессу — Бузану⁴⁸⁷. Эмир Изз ад-Даула Абу-ль-Мураф⁴⁸⁸, фатимидский правитель Шейзара, Лаодикеи, Апамеи и Кафартаба, уступил три последних города Малик-шаху и получил взамен отказ султана от замыслов борьбы с ним и неоспоримое обладание Шейзаром⁴⁸⁹. Лаодикею султан отдал Ак-Сункуру⁴⁹⁰, а Харран — Мухаммеду, сыну Шарафа ад-Даулы⁴⁹¹.

В то время как бывшие владения византийцев были таким образом разделены между мусульманами, посланник Малик-шаха к Алексею предал своего господина. Поддавшись на обещания василевса, он воспользовался полученными полномочиями, чтобы передать грекам Синоп и окрестные города. В благодарность Алексей назначил его δουξ [дукой (греч.)] Анхиала⁴⁹².

Малая Азия в тот момент была крайне беспокойна, и царившая в ней анархия могла бы упростить грекам завоевания, если бы их силы не были скованы в Европе войной с печенегами. После смерти Сулеймана по всей Малой Азии вспыхнуло восстание. Все эмиры, назначенные Сулейманом в разные крепости Румской земли, попытались стать независимыми. Вместе с Чахой, эмиром Смирны, важнейшими из этих вождей были эмир Никеи Абу-ль-Касим и его брат Пулхас, эмир Каппадокии.

Большинство событий в Малой Азии мы знаем только по свидетельству Анны Комниной, потому что восточные историки почти ничего не говорят о них.

Абу-ль-Касим разорял Вифинию и берега Пропонтиды; Алексей, по словам дочери, пытался склонить его к миру, а потом, увидев нечестность эмира, послал Татикия осадить

Никею. Тот, узнав о подходе армии под командованием Борсука, посланной султаном, отошел в Константинополь⁴⁹³. По словам Анны, Абу-ль-Касим мечтал взять Константинополь; он якобы построил для этого флот, но, разбитый на суше и на море Татикием и Вутумитом, отступил в Никею. Там он узнал, что Борсук ведет войну с эмирами и отнимает у них владения. Эта весть привела к сближению между Алексеем и Абу-ль-Касимом. Но василевс обманул союзника. Удерживая его в Константинополе развлечениями и празднествами, он в то же время построил сильную крепость, чтобы контролировать Никомедию, и разместил в появившемся городе англичан, служивших ему⁴⁹⁴. Когда Абу-ль-Касим выехал из Константинополя, все было завершено, и эмир, скрывая досаду, вернулся в Никею.

Едва Абу-ль-Касим прибыл, как был осажден Борсуком⁴⁹⁵. Эмир Никеи обратился за помощью к Алексею. Василевс в надежде воспользоваться раздорами среди врагов, чтобы вернуть город себе, отправил Татикия с армией подкрепления. Благодаря подходу греческих войск осада была снята, но планы Алексея не смогли осуществиться: Татикий, увидев, что турецкие войска слишком сильны, вернулся в Константинополь, ничего не сделав, чтобы взять Никею.

Это выступление греков, должно быть, произошло в 1086 г. до нападений печенегов, поскольку, полагаю, поход Борсука на Никею надо связывать с замыслом Малик-шаха подчинить мелких азиатских князьков, как он уже подчинил эмиров Сирии. С другой стороны, коль скоро Татикий в конце 1086 г. командовал походом на печенегов, я должен датировать эти события первой половиной 1086 г.

От турецкой войны василевса тогда отвлекло вторжение печенегов. Алексей Комнин, отобрав у норманнов Касторию, 1 декабря 1083 г. вернулся в Константинополь⁴⁹⁶. На следующий день после его прибытия у него родился первенец, который станет знаменитой Анной Комниной. В городе василевс обнаружил, что некоторые испытывают к нему глухую враждебность. Ему пришлось подавить заговор, в котором участвовали ряд вождей сената и несколько полководцев. Виновные были наказаны только конфискацией имущества⁴⁹⁷. Зонара

обвинил императора в том, что тот просто выдумал этот заговор на пустом месте, чтобы отобрать у обвиненных имущество⁴⁹⁸. Но я склонен верить тому, что рассказывает Анна, так как этот заговор согласуется с настроениями в обществе, о которых мы осведомлены. Конфискация церковного имущества, проведенная во время норманнской войны, вызвала недовольство всего византийского населения, которое переставало быть сервильным по отношению к власти лишь тогда, когда дело касалось религии. Такое настроение могло стать опасным и облегчить группировкам, желающим свергнуть новую династию, осуществление их замыслов. Поэтому Алексей решил пресечь все эти слухи, возместив ущерб, который причинил. Он собрал во Влахернском дворце сенат, руководителей армии и духовенства.

Император велел огласить результаты официального расследования дела о насильственном изъятии имущества церквей, расследования, которое, по словам его дочери, выявило лишь незначительный ущерб⁴⁹⁹; потом василевс обвинил себя сам, попытавшись оправдать свое поведение и сославшись поочередно на примеры Перикла и Давида. Он настаивал, что дела империи находились тогда в крайне отчаянном положении и только нужда вынудила его принять меры, которые он не считает преступными. Под конец Комнин обязался возместить нанесенный вред, назначив денежную сумму, которую следует взимать ежегодно в качестве налога, сумму, которая еще продолжала взиматься в то время, когда Анна писала «Алексиаду». Но последующие события помешали императору выполнить данное им обещание, и эта история со священными сосудами еще принесет Алексею неприятности в будущем⁵⁰⁰.

К этим внутренним проблемам вскоре добавились новые внешние трудности, и на смену норманнскому нашествию, побежденному и ставшему малоопасным после смерти его вождя, пришло нашествие печенегов. Выше я говорил о неуклонном продвижении печенегов в течение всего XI в. и их постоянных набегах на территорию империи. Здесь, чтобы понять события, о которых пойдет рассказ, нужно добавить, что эти варвары находили поддержку в самой империи. С X в.

по Европе и Азии распространялась ересь манихеев⁵⁰¹. В провинции Севера ее принесли пленники, поселенные в Филиппополе и окрестностях Иоанном Цимисхием, который, основывая эту колонию, рассчитывал преградить путь захватчикам. Надежда василевса не оправдалась — во всей области Филиппополя возник очаг сопротивления, мощностъ которого непрерывно росла благодаря иммиграции еретиков из Азии⁵⁰². Конечно, ересь во всех этих провинциях была выражением национального сопротивления власти греков в политическом и религиозном плане. В Дунайской Болгарии в XII в. создались очень благоприятные условия для развития ереси. Старинный престол национального патриарха в Доростоле (Силистрии) был упразднен Цимисхием и перенесен в Софию, откуда его позже переводили в разные города на Западе; в конечном счете он остался в Охриде⁵⁰³. Следовательно, религиозный центр оказался довольно далеко. С другой стороны, суровость греческой финансовой администрации способствовала тому, чтобы все это население возненавидело империю. Там, как и в Западной Болгарии, эллинизации не случилось. Манихеи и армяне, которые были первыми распространителями ереси, нашли в народе состояние духа, очень благоприятное для их пропаганды, и вскоре они почти полностью вышли из-под власти императоров⁵⁰⁴. Основывая в Филиппополе колонию выходцев из Азии, Цимисхий хотел создать заслон для империи от варваров, кочующих по берегам Дуная. Это был один из приемов греческой политики: греки любили сталкивать народы меж собой. Но здесь результат оказался противоположным. Хотели создать печенегам противников, а дали им союзников⁵⁰⁵, которые будут им помогать во всех нападениях на империю.

Выше мы видели⁵⁰⁶, что корпус, посланный манихеями в армию, дезертировал после возвращения Алексея в Константинополь в 1082 г. и отказался возвращаться в лагерь. Алексей, победитель норманнов при Кастории, не хотел оставлять безнаказанным это отпадение, которое могло стать опасным примером для других вспомогательных войск. Не чувствуя себя достаточно сильным, чтобы идти наказывать виновных у них дома, он вызвал главных и важнейших вождей манихеев

в Константинополь⁵⁰⁷. Они не посмели открыто противиться приказам василевса, чей престиж подняла победа над Гвискардом. Поэтому они прибыли в столицу; их разоружили и объявили о конфискации их имущества, которое подлежало раздаче солдатам⁵⁰⁸. Тех из них, кто согласился принять крещение, отпустили по домам, остальных расселили на острова. Поведение императора во всей этой истории было очень неудачным: если он не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы идти карать манихеев туда, где они живут, ему следовало бы скрыть свою злобу и дожидаться удобного момента для их наказания. С другой стороны, возвращая по домам тех из манихеев, кто согласился на отречение, к которому наверняка их побудил более страх, нежели вера, он давал недовольным вождям, которые в глазах единоверцев были окружены ореолом страдальцев за веру и дерзость которых должна была возрасти тем более, что терять им было уже нечего.

Среди манихеев, ставших жертвами принятой Алексеем меры, были сестры некоего Травла, слуги Алексея⁵⁰⁹. Узнав, что у сестер конфисковано имущество, Травл внезапно покинул Константинополь и возглавил недовольных — вероятно, в первые месяцы 1084 г.

Вместе со сторонниками он поселился в Белятово⁵¹⁰, на горе. Оттуда повстанцы начали грабить окрестные земли. Их набеги на долину Марицы мало-помалу охватывали все более обширные территории и доходили до Филиппополя. Численность мятежников, должно быть, быстро росла, поскольку к ним присоединялись все приверженцы разных ересей, бывших в чести в тех краях. Восстание было бы не очень опасным, если бы в нем участвовали только повстанцы — подданные империи; оно бы серьезно озаботило василевса, но не поставило под сильную угрозу государство. Травл, который в этой истории продемонстрировал большой политический ум, понимал, что это региональное восстание скоро могут подавить, и поэтому искал союзников вовне. Он вошел в контакт с печенегами, которые жили между Балканами и Дунаем и которым Мономах по неосторожности доверил охрану нескольких городов на Дунае. Анна Комнина говорит, что он вступил в переговоры с правителями Дристры⁵¹¹ и Главиницы. Чтобы

упрочить союз, заключенный с печенегами, Травл женился на дочери одного из их вождей. Такая линия поведения предводителя манихеев была очень ловкой. Союз с варварами предоставлял в его распоряжение значительные силы, которые легко можно было приумножить, обратившись к племенам, кочующим по левому берегу Дуная и выжидающим только благоприятного момента, чтобы пойти грабить империю и при возможности напасть на Богохранимый Град, обладание богатствами которого было пределом всех вождельний варваров. Задача захватчиков становилась тем проще, что ущелья в Балканах, столь опасные и труднопроходимые, были заняты Травлом, который держал их открытыми для союзников и закрытыми для солдат Алексея⁵¹².

Комнин отдавал себе отчет в этой опасности; занятый войной с турками в Малой Азии, он предложил Травлу прощение. Тот не поддался на уговоры, а продолжал опустошать местность, поджидая случая, чтобы нанести решающий удар. Таким образом, он успел организовать свои силы к тому дню, когда подоспели его союзники. Это был первый поход, описанный Анной Комниной с некоторыми подробностями. Он состоялся весной 1086 г. Печенеги чаще всего предпринимали большие походы именно в это время года — поскольку их ударной силой была конница, необходимость добывать фураж вынуждала их дожидаться весны.

Вторжение, случившееся тогда, видимо, было крупным, хотя мы и не можем, даже приблизительно, оценить численность варваров. Мы только знаем, что к печенегам, обосновавшимся на правом берегу Дуная, примкнули банды, которые были изгнаны венграми и которым позволили переправиться через реку. Армией командовали правители Дристры и Вичины⁵¹³.

Феофилакт⁵¹⁴ дает нам любопытные сведения о том, каким образом сражались печенеги: «Их атака — удар молнии, — пишет он. — Их отступление — одновременно тяжелое и легкое: тяжелое из-за их огромной добычи, легкое благодаря скорости их бегства. Их нападение опережает молву. Когда они бегут, догнать их невозможно. Они опустошают чужие земли и не имеют своих. Если бы человек более смелый, чем Дарий,

сын Гистаспа, построил мост через Дунай, чтобы их преследовать, он погнался бы за неуловимым. Они скрываются в скалах и таятся в лесной чаще. Числом они превосходят пчел, и никто не знает, сколько их тысяч или десятков тысяч. Их количество бесконечно».

Алексей поручил Бакуриани остановить вторжение. Первое столкновение произошло под Белятово и стало катастрофическим для греков; в числе убитых оказались великий домоestik и его помощник Врана. Это поражение византийцев отдало печенегам все верховья Тунджи и открыло им дорогу на Адрианополь⁵¹⁵.

Немедленно был вызван из Азии Татикий и отправлен в Адрианополь, чтобы организовать армию. Войскам пришлось заплатить годовое жалованье. Алексей, оставив дела в Малой Азии, вернул из Кизика Умбертопула и его франков и велел соединиться с Татикием. Находясь в месте слияния Марицы и Тунджи, Адрианополь имел большое стратегическое значение: он контролировал дороги, которые с Балкан шли в Константинополь; он представлял собой естественный плацдарм для любого похода, направленного хоть в верховья Марицы, хоть в долину Тунджи. После того как Умбертопул соединился с Татикием, византийские войска двинулись вперед. Они поднялись вверх по долине Марицы вдоль подножия Родопских гор, ныне Деспото-даг, которые как отрог Балкан окаймляют долину реки с запада. Татикий поставил перед собой задачу прикрыть Филиппополь. Печенеги, опасаясь оставлять в тылу столь сильную крепость, попытались ее захватить, но пока это им не удалось⁵¹⁶. Татикий стал лагерем под Блисном⁵¹⁷, между Филиппополем и Адрианополем. Первая победа над отрядом печенегов открыла ему ворота в город. Он немедленно двинулся навстречу главным силам неприятельской армии, которая из Белятово направилась к Филиппополю. Появление греческих войск стало неожиданностью для варваров, не решившихся на них напасть; печенеги беспрепятственно отступили к Балканам, потому что у Татикия не было конницы, чтобы организовать погоню⁵¹⁸. Поэтому он вернулся в Адрианополь, поручив его охрану франкам, и распустил остаток войск по квартирам⁵¹⁹.

Алексей столкнулся тогда с теми же финансовыми трудностями, что и во время поражения при Диррахии. Скудость казны вынудила его прибегнуть к мере, которая в свое время позволила его брату Исааку прислать ему деньги, и он вознамерился изъять церковное имущество. Но этот замысел вызвал такие протесты, что василевсу пришлось от него отказаться.

Главой церковной оппозиции был Лев, епископ Халкидонский. Алексей не простил ему сопротивления, и одна неосторожность прелата позволила василевсу выместить на нем злобу. Лев отстаивал свои идеи в резких выражениях, вызвавших настоящий скандал. Он по оплошности допустил несколько неосмотрительных слов в письме, попавшем в руки Алексея, и был вызван на суд синода. Анна Комнина⁵²⁰ и Никита Хониат⁵²¹ коротко говорят, что Лев, обвиненный в еретических представлениях о почитании икон, был приговорен к низложению. Но другие документы позволяют рассмотреть это дело во всех подробностях. Акты собора, созданного ради этого, опубликовал Монфоко⁵²². Вел дебаты сам Алексей, и нигде в другом месте мы лучше не увидим, как василевс понимал свою роль защитника православия. Для начала он вознес хвалу вере и напомнил о необходимости хранить эту драгоценную святыню в целости; такая роль поборника православия причитается государю; поэтому он, хоть и был готов выступить против врагов, угрожающих его землям со всех сторон, пожелал сам вести дебаты⁵²³.

Собор был созван в большом триклинии Влахернского дворца; как и в деле Итала, и в собрании участвовали не только духовенство, но и сенат.

Рядом с архиепископами Никомедии, Гангр, Фессалоник, Неокесарии, Лаодикеи, Коринфа, Афин и т. д., игуменами больших монастырей Константинополя и окрестностей мы видим всех высших сановников империи: великого домашнего, вероятно, Адриана Комнина⁵²⁴, севаста Георгия Палеолога, севаста и протостратора Михаила Дуку и т. д., а также ипата философов, которым тогда был Феодор Смирнский.

Вся дискуссия развернулась о том, какой культ подобает иконам, а тот факт, который на самом деле вызвал протест

со стороны Льва, обошли молчанием. Еще раз обсудили, следует ли почитать иконы *σχετικῶς* [относительно (*греч.*)] или *λατρευτικῶς* [служебно (*греч.*)]⁵²⁵. Весь собор высказался за то, чтобы почитать их *σχετικῶς*. Впечатление, какое произвела эта история, мы можем понять глубже благодаря одному любопытному документу. Это диалог, написанный Евстратием, епископом Никейским⁵²⁶. Он выводит на сцену двух персонажей — Филосинефа и Филалефа. Первый, возвращаясь из дворца, где рассматривали дело, объясняет ситуацию второму, и становится ясно, что Льва преследовали только за «неловкие и неосмотрительные выражения», допущенные в письме. Вот как роль Льва характеризует г-н Успенский⁵²⁷: «Лев отстаивал ту мысль, что вещество, из которого делают священные изображения, остается священным предметом даже и после того, как уничтожен лик угодника или Христа; такое мнение равносильно было порицанию правительства царя Алексея за употребление на государственные нужды церковных предметов. Итак, переведенный на догматическую почву вопрос, поднятый Львом, сводится и в Диалоге к определению понятий *σχετικῶς* и *λατρευτικῶς*». В результате этого собора Лев был низложен и сослан в Созополь Понтийский⁵²⁸.

Война с печенегами возобновилась в следующем году. Должно быть, Алексей счел, что византийская армия уже добилась решающего успеха и что военная демонстрация Татикия отбила у печенегов всякую мысль о возвращении. В самом деле, Анна не упоминает ни о каких приготовлениях к обороне зимой 1086–1087 гг. Весть о вторжении весной 1087 г. должна была застать василевса врасплох, ведь мы видим, что варвары смогли пройти дальше Адрианополя и достичь Хариополя⁵²⁹, оказавшись в дневном переходе от Родосто и не встретив сопротивления. Представляется вероятным, что войска, стоявшие гарнизонами в городах захваченной области, не успели собраться, чтобы попытаться остановить печенегов, численность которых, если верить Анне, достигала 80 тыс. человек. К печенегам примкнул Шаламон, свергнутый король Венгрии, и его сторонники. Изгнанный в 1074 г. из своего государства, оставленный женой Юдифью — сестрой Генриха IV, Шаламон вступил в союз с печенегами, чтобы предпринять

генеральное наступление на Византию, может быть, в надежде создать для себя новое королевство⁵³⁰.

Византийские войска выступили, только когда варвары были уже в Хариополе. Мне кажется несомненным, что целью захватчиков был Константинополь. Как некогда Олег, Игорь, Святослав, они, должно быть, мечтали завоевать этот город, сказочные богатства которого помрачали воображение всех его соседей-варваров. Греками командовал Николай Маврокатакалон, они встали в Памфиле, между Дидимотикой и Родосто; вынужденные отступить, они отошли на юг, к Кули, на дороге из Эноса в Константинополь. Преследуемый врагами, Маврокатакалон с неохотой принял бой; печенеги были обращены в бегство и оставили на поле боя мертвыми своих вождей Челгу и Шаламона.

В результате этих неудач печенеги, которых, несомненно, тревожили греческие войска, покинули Македонию и область Филиппополя. Они перевалили Балканы и направились к Дунаю. Комнин решил воспользоваться этим успехом и перенести военные действия в самое сердце вражеской территории.

Ситуация была такой же, как в момент, когда Цимисхию надо было вступать в борьбу с воинами Святослава. Присутствие в дунайских провинциях варваров, всегда готовых вторгнуться в империю, создавало как тогда, так и теперь постоянную угрозу, и мы увидим в некотором роде повторение событий, которые произошли во время похода Цимисхия на Доростол⁵³¹.

Василевс попытался расколоть врагов, но в этом византийская политика потерпела полный провал. Действительно, печенеги предпочли сохранить единство, чтобы делить добычу, которую брали в набегах, и огромные выкупы, которые вымогали за пленников.

Тогда Алексей решил перенести военные действия в дунайские провинции. Концентрация войск произошла в Лардее, между Ямболи и Голоей⁵³²; василевс провел там сорок дней, наблюдая за последними приготовлениями. План кампании, на котором он остановился, отводил важную роль флоту. Черноморская эскадра, портом приписки которой обычно был Анхиал, должна была поддержать сухопутную армию. Она

получила приказ достичь устья Дуная и подняться по реке, чтобы помешать подходу подкреплений и лишить противника всякой надежды на отступление. Идея перехода через Балканы вызвала резкие возражения полководцев. Опытные люди, уже сражавшиеся с печенегами, Вриеннии и Маврокатакалоны, открыто выступили против принятого плана. Действительно, балканские проходы пользовались в Византии дурной славой: «Переходы сквозь эти длинные крутые ущелья, покрытые непроходимыми лесами, ошетилившиеся скалами, были причиной столь частых бедствий для императорских армий, запомнились таким множеством трагических катастроф, ужасных неожиданностей, убитых вождей, гибелью стольких тысяч солдат, чьи кости остались белеть на этих проклятых дорогах»⁵³³, что помощники Алексея выразили неприятие этого замысла. Зато армейская молодежь, включая Палеолога, защитника Диррахия, проявила полную готовность отважиться на эту авантюру. Мнение самых отважных в конечном счете взяло верх⁵³⁴.

Флот опередил армию; заметив приближение огненосных кораблей, одного вида которых было достаточно, чтобы внушить варварам ужас, печенеги решили вступить с греками в переговоры. К Алексею было отправлено посольство, чтобы просить о мире и предложить ему в поддержку корпус из 30 тыс. всадников.

Вероятно, это была хитрость печенегов, желавших выиграть время и разведать силы греков. Посольство прибыло, когда Алексей еще находился в Голое. Встреча состоялась 1 августа 1087 г., и Комнин, предупрежденный о затмении, которое должно было случиться в тот день, воспользовался этой информацией, чтобы поразить воображение печенегов, сказав им, что само небо потемнеет в ужасе от их лживости. Охваченные ужасом варвары со страхом увидели, что сказанное чудо совершилось. Василевс велел их арестовать и, чтобы они не передали братьям сведения о силе его армии, отправить в Константинополь. Но, прибыв в Никею⁵³⁵, печенеги перебили охранников и сумели бежать. Алексей узнал об этом прежде, чем покинул Голою⁵³⁶.

Опасаясь, что не сможет застать врага врасплох, василевс немедленно возобновил боевые действия. Армия перешла Балканский хребет по перевалу Сидира⁵³⁷, по которому войска следовали чаще всего. Эта впадина, очень низкая, находится всего в 440 м над уровнем моря, и доступ туда упрощают две долины, примыкающие к ней. Она расположена недалеко от деревни Чалы-Кавак. Армия направилась сначала к Плискове⁵³⁸, месту, находящемуся совсем рядом с бывшей столицей болгарских царей — Большой Преславой, ныне Эски-Стамбул, которая расположена несколько южнее Шумлы. От Плисковы поход проследовал долиной Камчии и подошел к Вичине⁵³⁹, откуда двинулся прямо к Дристре, вновь повернув на север. Во время всего перехода армию тревожили печенеги, но ни одной серьезной стычки не было.

Дристра была стратегическим пунктом первостепенной важности: «это была головная часть и вместе с тем нервный узел всей системы укреплений, предназначенных для обороны переправы через реку, от Траянова моста и башни Феодоры до рва Добруджи и цитадели Капут Бовис»⁵⁴⁰. Следовательно, обладание ею было очень полезно для византийцев. Войскам Алексея не понадобилось давать под стенами крепости таких же яростных боев, в каких когда-то сходились воины Святослава и Цимисхия: город легко попал к ним в руки, но они не смогли занять обе цитадели, защитники которых рассчитывали на скорое появление половцев, призванных на помощь печенежским вождем Татушем. В результате греческая армия оказалась в опасной ситуации, потому что рисковала в любой момент оказаться в окружении более крупных сил. Маврокаталон и Палеолог предложили снова отойти на юг и занять Большую Преславу. Эта сильная крепость контролировала два из основных проходов через Балканы; обладание ею позволило бы грекам сохранить позицию на северном склоне Балкан, тревожить печенегов, препятствовать их набегам на земли империи и отрезать им поступление провизии. Анна спутала эту крепость с Преславой, расположенной близ устья Дуная, но детали, которые она приводит, соответствуют только Эски-Стамбулу. Рассказ «Алексиады» очень запутан: создается впечатление, что уже во время обсуждения появились

враги и что Алексей, не слушая советов старых полководцев, решил немедленно дать бой⁵⁴¹. Целый день сражались безрезультатно; но, получив подкрепление, печенеги в конечном счете взяли верх. Разгром греков был полным; император бежал, оставив врагу омофор Богородицы Влахернской, служивший ему штандартом, и без остановки скакал до Голои, откуда добрался до Берое⁵⁴². Там он собрал остатки войск и занялся выкупом пленных⁵⁴³.

Если бы печенеги воспользовались своей победой, чтобы перейти Балканы, они бы не встретили никакого сопротивления, и внезапное появление их орд посеяло бы панику среди населения Константинополя. Подход половцев, вызванных Татушем, помешал им воспользоваться победой. Пришельцы заявили, что их напрасно потревожили, и потребовали свою долю добычи. Печенеги не хотели ничего слушать, и оба народа сцепились. Печенеги потерпели поражение и не сумели использовать полученные преимущества перед греками. Впрочем, половцам посчастливилось не больше, и нехватка провизии вынудила их вернуться на родину. Однако они запомнили коварство неверных союзников и теперь ждали только возможности, чтобы отомстить им⁵⁴⁴.

Фортуна еще раз показала себя благосклонной к Алексею и Византии, поскольку эти события помешали вторжению, которое, казалось, ничто не остановит. Однако поражение под Дристрой было чревато последствиями для империи. Оно не только свело на нет результаты предыдущих кампаний Алексея, сумевшего отогнать варваров за Балканы, но еще и открыло для захватчиков пути во Фракию и Македонию, а также обрекло Византию на новую череду войн и грабежей. Победа половцев позволила Алексею переформировать армию. Он остановился в Эски-Загра; оттуда, от подножья Караджа-Дага, запирающего на юге верховья Тунджи, василевс мог контролировать разные проходы, ведущие как в Филиппополь, так и в Адрианополь. Он занялся выкупом пленных; они были обязаны жизнью только скупости печенегов, которые, надеясь получить за них большой выкуп, помешали своим вождям перебить всех византийских солдат, попавших к ним в руки⁵⁴⁵.

Именно когда Алексей находился в Эски-Загра, к нему прибыл Роберт Фландрский, возвращавшийся из Иерусалима. Анна Комнина утверждает, что василевс получил от гостя клятву верности. Мне это заявление кажется довольно сомнительным. Более правдоподобен один факт — обещание графа прислать в помощь василевсу 500 всадников⁵⁴⁶. Во время похода Татикия мы видели, что армии Алексея не хватало кавалерии, и корпус в пятьсот человек был в то время достаточно сильным подкреплением. Алексей принял предложение графа; ему даже пришлось несколько позже, несомненно, в 1088–1090 гг., напомнить о нем последнему⁵⁴⁷.

В следующем году⁵⁴⁸ Алексей покинул Эски-Загра и приехал в Адрианополь. Вскоре василевс узнал, что печенеги перешли Балканы и подошли к Маркеллам, между Ямболи и Голоей. В то же время ему сообщили о скором появлении половцев, желавших отомстить печенегам за вероломство.

Тем самым возникла особо сложная ситуация: половцы становились естественными союзниками византийцев, но следовало опасаться, что перспектива взять богатую добычу в византийских провинциях заставит их забыть обиду, вступить с печенегами в союз и примириться с ними, вознаградив себя добычей, которую они не получили прежде, за счет византийцев. С другой стороны, для Византии было правилом не подпускать этих варваров слишком близко к Балканам, чтобы они не изучили дороги, ведущие в Константинополь. Поэтому Алексей решил вступить в переговоры с печенегами, которые, узнав о приближении половцев, опасались, как бы их враги не вступили в союз с греками. Эти взаимные опасения упростили переговоры, и печенеги приняли предложения, сделанные им Синесием от имени василевса. Варвары, — говорит Анна, — должны были довольствоваться территориями, которые занимали. Вероятно, она имеет в виду только территории за Балканами, поскольку мы видим, что, когда половцы подошли к Маркеллам, чтобы пройти через ущелья, они обнаружили, что вход туда охраняют византийские войска. Комнин, сославшись на заключенный договор, отказал им в проходе, осыпал дарами, но попросил удалиться⁵⁴⁹.

Избавившись от этого опасного соседства, печенеги недолго соблюдали заключенный договор и возобновили грабежи. Посланник Алексея, оставшийся среди них, вскоре сообщил императору о расторжении мира⁵⁵⁰. Для последующих событий мы не можем установить никакой четкой хронологии. Факты, которые я изложу, относятся к 1088–1089 гг.; это всё, что можно сказать с некоторой уверенностью.

Печенеги, узнав о приближении половцев, покинули Маркеллы, и Анна Комнина упоминает Филиппополь в качестве первой крепости, на которую они напали. Таким образом, очень вероятно, что из Маркелл они направились на запад по северным склонам Балкан. Потом, узнав, что враги ушли, они опять пересекли горную цепь, несомненно, по Шипкинскому перевалу, откуда достигли Филиппополя. Греческая армия была недостаточно многочисленной, чтобы вступить в правильное сражение, и Алексей, чтобы его войска не были окружены превосходящими силами противника, был вынужден довольствоваться партизанской войной, в которой его войска поочередно отстаивали каждый город и каждую деревню⁵⁵¹. Но варваров было так много, что греки не могли сопротивляться и были даже не в состоянии удерживать позиции. Мало-помалу оттесняемые, они откатились до Кипселл⁵⁵². Василевс надеялся найти в этом городе подкрепления, но ожидаемых наемников там не оказалось. После этого армия была не в состоянии защитить дорогу на Константинополь, и Комнину пришлось просить о заключении мира (1089 г.)⁵⁵³.

В Константинополе воцарилось глубокое уныние. Именно к этому периоду, на мой взгляд, надо отнести новеллу, которой Алексей запрещал преемникам посягать на сокровища церквей⁵⁵⁴. Греки рассматривали беды, поразившие тогда империю, как справедливую кару за нечестие императора. Мы видели, какая судьба постигла Льва Халкидонского, посмеявшегося в 1086 г. слишком откровенно упрекнуть василевса за это преступное действие. События, на взгляд византийцев, показали правоту епископа Халкидонского, и сам Алексей не смог или не решился противостоять глухому давлению общественного мнения. С учетом того, что мы знаем о религиозной стороне его характера, я думаю, что в новелле, которую

он обнародовал, надо видеть не столько политическую меру, сколько акт возмещения убытков, нечто вроде публичного признания совершённого проступка, признания, очень созвучного представлениям василевса. Алексей заявил, что пошел на эту меру [изъятие церковного имущества], полагая, «что Бог не разгневается на это, потому что он-де [император] не имел дурного намерения, какое заранее обрекает обвиняемого», и добавил: «Эти сокровища святых церковей были использованы для нужд, не подобавших этому имуществу, и первое намерение нам не удалось осуществить из-за трудностей, обступивших Романию со всех сторон. В самом деле, отовсюду поднялись армии наших врагов, и ладья нашей империи рискует утонуть, если только Божье всемогущество не придет ей на помощь и не обратит бурю в полное безветрие. Наша царственность искала и внимательно размышляла, чем же мы могли так рассердить Бога и навлечь на себя Его гнев. Мы обсудили этот вопрос с людьми, вдохновленными божественным духом, и узнали, что посягательства на святые сокровища Бога было довольно, чтобы вызвать гнев небес, хоть мы и сделали это без злобы в сердце; но брать обратно из Божьих рук и употреблять на иные цели то, что уже было посвящено Ему, — непростительно».

Император обязывался вернуть церквям имущество, как только позволят внешние обстоятельства, и обещал страшные кары себе и преемникам, если это обязательство будет нарушено.

В атмосфере всех этих забот осуществилась самая заветная мечта Алексея. Его жена Ирина уже принесла ему двух дочерей, но василевс страстно желал иметь сына, чтобы закрепить свою династию на троне. В 1088 г. его желание исполнилось⁵⁵⁵. Анна Комнина рассказывает, что отец отпраздновал крещение новорожденного со всей возможной пышностью. В Византии состоялась торжественная церемония крещения багрянородного принца, которая в то же время стала поводом для народных увеселений. Алексей не должен был пренебречь ни одним из предписаний, оставленных Константином VII, потому что этой блистательной церемонией хотел утвердить в глазах народа права своего только что родившегося сына

на корону. По обычаю через день после рождения прибыл патриарх, чтобы прочесть над новорожденным традиционные молитвы. Прием сената, должно быть, состоялся в Большом хрисотриклинии⁵⁵⁶ — тронном зале Священного дворца, отличавшемся исключительным богатством. Там были серебряные двери, сделанные при Константине Багрянородном. Пол представлял собой мозаику из мрамора и порфира разных цветов, по-разному чередовавшихся и сочетавшихся, которую обрамлял серебряный бордюр. Стены и своды тоже были украшены мозаикой, а в центре купола, накрывавшего здание, висела огромная люстра — поликандило. Сидя в одной из абсид на золотом троне, Алексей Комнин, облаченный в скарамангий и в сагий с золотой каймой, принял пожелания долгого царствования себе и сыну, которые принес допущенный к нему сенат. Потом василевс должен был направиться в атрий дворца, в таинственный фиал триконха, где собравшиеся факции потребовали, согласно обычаю, устроить игры на ипподроме, и императорский вестник, тессерарий, отдал распоряжение натянуть тент над императорской трибуной в цирке, что было обычной формой оповещения о предстоящем торжестве. Тем временем под командой препозита двести глашатаев, выбранных среди солдат, цирковых факций и горожан, разучивали восклицания, которые должны были прозвучать на следующий день в цирке: «Наш святой и почитаемый император желает, дабы согласно обрядам и обычаям, соблюдаемым издревле, вы собрались завтра и провозгласили, что багрянородное дитя должно быть названо Иоанном».

На восьмой день после рождения императорский ребенок был отнесен в Святую Софию, где его торжественно окрестили в присутствии всех сановников двора; потом его принесли в коитон императрицы-родильницы, в котором повесили затканые золотом портьеры из трисотриклиния и украсили большими люстрами. После этого евнух, ведавший столом императрицы, пригласил препозитов, введших кубикюляриев и их начальников. Далее из Кенургиона, где они собрались, вызвали магистрисс, зост, жен проконсулов, патрикиев, протоспафариев и сенаторов. После того как женщины ушли, из Лавзиака через Орологион и хрисотриклиний ввели

всех сенаторов, магистров, проконсулов, патрикиев и чиновников⁵⁵⁷.

Всю неделю, пока продолжались эти праздники, солдаты и матросы, факции, члены городских коллегий и бедняки пили за счет императора лохозему в честь родильницы⁵⁵⁸.

Вскоре императору вновь пришлось обратить внимание на иностранные дела. Понятно, что с учетом обстоятельств, о которых мы напомнили ранее, не следует полагать, чтобы мир был заключен на условиях, выгодных для Византии. Однако вот в каких выражениях говорит о нем Феофилакт, штатный оратор двора, в речи, которую он, по обычаю, обратил к императору на Богоявление 1090 г.⁵⁵⁹: «Страх, который ты внушаешь печенегам, заменил армию из нескольких тысяч человек и заставил их дать отдых своим коням, воткнуть копыта в землю и отложить в сторону щиты. Я едва не обошел молчанием хитрость печенега. Желая мира, он отправил гонцов, которые должны были не просить о мире, а согласиться на него с теми, кто о нем попросит. Император разгадал их хитрости, он превзошел в красноречии Гомеровых ораторов, то обвиняя резкими словами печенегов, то держа перед ними речь, подобную снежной буре... Вот гонцы, ощутив мощь твоего огня, и признали, что жаждут мира. И те, кто не ведал иного решения, кроме мира, доверились договору. О славный день! О счастливые длани императора, одержавшие победу прежде, чем началась война!..» И в продолжение своей апологии оратор восклицает: «Ты предоставил мир тем, кто его просит, и вернул Греческой империи великое множество городов, словно пленных дочерей — матери. Сегодня земледелец спит сном, полным мирных сновидений, благодаря бдительности, с какой оберегаешь его ты. Ему уже не снится, что его преследуют, догоняют, берут в плен, заковывают в цепи и взмахивают над его головой мечом, но, когда встает солнце, он берется за свое дело; когда солнце садится, он оставляет свой труд, без страха готовит себе трапезу и, наполняя вольный кубок, радуется твоей силе, с отвращением вспоминает печенега⁵⁶⁰, играет со своими детьми, обнимает их, вспоминая, что он и они видят все это благодаря великому Алексею». Картина красивая, но и лесть изрядная. Немногочисленных

деталей, которые приводит «Алексиада», достаточно, чтобы стало ясно: процветание крестьян области, пережившей нашествие, существовало только в воображении придворного оратора. Если бы отец был в этом отношении удачлив в переговорах, Анна, конечно, рассказала бы об этом.

Впрочем, мир оказался непродолжительным, и враждебные действия возобновились. Печенеги оставили Ипсалу и обосновались в Таврокоме, где провели зиму 1090 г., грабя и разоряя окрестности⁵⁶¹.

Император вернулся в Константинополь, где занялся подготовкой к следующей кампании. Он старался призвать в армию как можно больше людей, но непрерывные войны значительно сократили население, и некоторые фемы лишь с трудом поставляли контингенты, каких от них требовали⁵⁶². Именно тогда Алексей создал корпус архонтопулов, сформированный из сыновей бывших воинов; этот новый корпус насчитывал почти две тысячи бойцов⁵⁶³. Весной печенеги продвинулись до Хариополя; император находился в Булгарофиге⁵⁶⁴. Борьба сосредоточилась в области Адрианополя. Целью печенегов был, конечно, захват Константинополя, и они пытались полностью отрезать столицу, заняв долину Марицы до самого устья. Первое столкновение, видимо, произошло под Хариополем, коль скоро Анна называет прохождение печенегов через этот город одним из результатов их победы. Потом победители направились к Апросу⁵⁶⁵, но обнаружили, что город уже занят Алексеем⁵⁶⁶, который по мере возрастания опасности действовал все активней. Должно быть, кампания продолжилась с переменным успехом; Анна упоминает только победу Татикия над одним вражеским отрядом.

Движение печенегов на юг говорит о хорошо продуманном плане, рассчитанном на то, чтобы изолировать Константинополь со стороны суши. Варвары были не настолько умны, чтобы измыслить столь ловкую тактику. Кому следует приписать эту честь? Мы видим, что именно тогда прибыли всадники графа Фландрского; василевс немедленно отправил их в Никомедию, которой грозило нападение турок⁵⁶⁷. В самом деле, турки сыграют важную роль в печенежской войне и делают ее тем опасней, что сумеют использовать варварские

вооруженные силы, прежде двигавшиеся куда попало без определенного плана.

Мы видели, что Малая Азия была разделена между разными эмирами, которые, во всяком случае по видимости, подчинялись султану Икония. Среди них нашелся примечательный человек — Чаха, амбиции которого, подкрепленные сильным умом, создали опасную угрозу для империи. В юности Чаха попал в Константинополь в качестве пленника. Он жил при дворе Вотаниата и сумел так понравиться василевсу, что тот сделал его протоновиллсисом⁵⁶⁸. Когда на престол поднялся Алексей, Чаха бежал в Малую Азию. Контакт с греческой цивилизацией способствовал развитию его ума. В то же время он получил хорошие уроки, позволившие ему изучить восточный политический мир, центром которого была Византия. Увидев, что Алексей оказался в затруднительном положении из-за войны с печенегами⁵⁶⁹, он попытался осуществить задуманный план — создать для себя обширное царство, столицей которого стал бы Константинополь. Он понял, что самые опасные удары империи можно нанести прежде всего с моря. Став хозяином на море, он мог бы перерезать снабжение столицы, которую морил бы голодом как заблагорассудится; в то же время он уничтожил бы всю морскую торговлю Византии, тогда столь активную. При помощи одного уроженца Смирны он построил себе флот. Население побережий Малой Азии охотно предоставляло ему экипажи, и за недолгий срок он захватил города Фокею и Клазомены и острова Митилену, Хиос, Самос и Родос⁵⁷⁰. Первый поход византийцев под командованием Никиты Кастамонита потерпел полное поражение, и греческий флот был вынужден отступить⁵⁷¹. Чаха понял, что изолировать Константинополь надо также с суши, и ради этого обратился к печенегам. Конечно, именно ему следует приписать план, выполняя который, варвары заняли всю долину Марицы, от Адрианополя до Эноса. Если бы этот план удался, Константинополь оказался бы полностью отрезан от западных владений, и Чаха смог бы блокировать его с моря. Оставались подкрепления, которые могли подойти из тех немногих крепостей в Азии, которые еще были в руках греков. Чаха подумал об этом. Мы видим, что, как раз когда прибыли

всадники графа Фландрского, зашла речь о походе никейского султана Абу-ль-Касима на Никомедию⁵⁷². Конечно, согласно этому очень хитроумному плану, империя должна была вести борьбу с тремя врагами одновременно.

Но этот план провалился. В 1090 г. Алексей отправил Константина Далассина, своего родственника, напасть на Чаху; тот отобрал у последнего большинство владений, и эмиру пришлось бежать в Смирну⁵⁷³. Тем временем Алексей продолжал борьбу с печенегами, но безо всякого успеха. Он пытался, тщетно, отстоять Русий⁵⁷⁴, что близ Родосто, и Апрос⁵⁷⁵; постоянно терпя поражения, он был вынужден все время отступать. В конце концов он заперся в Чорлу, всего в двадцати лье⁵⁷⁶ от Константинополя. Печенеги решили остановиться на зимовку между Хавсой и Булгарофигом, на берегах Эргене — притока Марицы, совсем рядом с Люлебургазом⁵⁷⁷. Алексея изнурили эти бесконечные походы и беспокойство из-за постоянных измен в его окружении⁵⁷⁸. В феврале он вернулся в Константинополь, оставив командование на Николая Маврокатакалона.

Война продолжилась даже зимой. Через восемь дней после прибытия в столицу Комнин узнал, что враг собирается осадить Хировакхи⁵⁷⁹. Он немедленно взял с собой войска константинопольского гарнизона, какие были под рукой, около пятисот бойцов⁵⁸⁰, и в пятницу 14 февраля 1091 г. заперся в угрожаемой крепости⁵⁸¹. Едва он добрался до места, как осада началась, и в субботу император одержал над врагом две частичных победы. 17 февраля он вернулся в Константинополь во главе причудливой процессии, повеселившей, должно быть, столичную чернь. Впереди двигались греческие солдаты, переодетые в костюмы печенегов, верхом на вражеских конях в варварской сбруе; дальше тянулась длинная цепь пленных, а за ними — греческие всадники с головами убитых врагов на копьях⁵⁸². Это занимательное зрелище, должно быть, на миг развеяло тревоги горожан, но на самом деле ситуация не изменилась. Успех Алексея был незначительным: «Много радости, но мало выгоды для греков, много печали, но мало урона для врага»⁵⁸³. Печенеги по-прежнему держали Константинополь отрезанным от всей западной части империи; столице не приходилось надеяться на помощь извне,

а враг стоял у ворот. 8 марта горожане не рискнули почтить по обычаю храм святого Феодора в одном из предместий города⁵⁸⁴.

Тем временем Чаха оправился после прошлогоднего поражения. Он вновь вступил в переговоры с печенегами и убеждал их занять полуостров Галлиполи, чтобы им было проще контактировать между собой, поскольку, став хозяевами Дарданелл, союзники могли бы поставлять друг другу подкрепления. В то же время Чаха пытался привлечь на свою сторону турок, находившихся на службе императора⁵⁸⁵.

Алексей, узнав о планах врагов, постарался собрать за пределами зоны, занятой печенегами, контингенты, которые ему прислали разные фемы.

Зимой он попытался набрать войска в Италии, вероятно, через посредничество папы, которого сумел убедить ему помочь. Это следует из одного места в «Алексиаде», где Анна говорит, что весной 1091 г. отец ожидал армии, которая должна была прибыть из Рима⁵⁸⁶. Значит, нам надо рассмотреть отношения Византии и Рима в тот период, чтобы выяснить, могла ли быть послана такая просьба о помощи. Мы видели, что в деле Итала Алексей вел себя как истинный поборник православия. Император имел богословское образование, составлявшее в Византии неотъемлемую часть высшего образования. Поэтому, вопреки тому, что полагал Бароний⁵⁸⁷, Алексея можно считать противником латинян. При нем был принят ряд мер, притеснявших латинян, которые жили на землях империи. Так, им было запрещено использовать опресноки при служении мессы, и их обязали следовать греческому обряду. В связи с этим папа Урбан II вошел в сношения с василевсом и прислал в Константинополь в 1089 г. аббата монастыря Гроттаферрата, чтобы просить об отмене этой меры. Алексей, хоть и был проникнут православными представлениями, мечтал об объединении обеих церквей, поэтому выказал папе большое расположение и предложил созвать собор, который бы собрался в Константинополе⁵⁸⁸ через восемнадцать месяцев⁵⁸⁹. В результате этих переговоров Урбан II снял с него отлучение⁵⁹⁰.

Тогда напряженность в отношениях значительно ослабла; доказательство этому мы находим в любопытном сочинении

Феофилакта Болгарского — сочинении, написанном в 1091–1092 гг., согласно г-ну Васильевскому⁵⁹¹. Это его знаменитое «Послание о заблуждениях латинян», адресованное диакону одной большой константинопольской церкви Николаю, позже ставшему епископом Мелесовы⁵⁹². Это послание очень интересно и говорит о том, что архиепископ Болгарский отличался широтой взглядов, необычной для той эпохи в дискуссиях между греками и латинянами. Он высмеивает манию современников находить повсюду ересь: «Мы думаем, что для приобретения в глазах толпы славы первостепенных мудрецов в делах божественных необходимо как можно большее число людей записать в еретики; что только тогда мы докажем, что имеем глаза, когда ясный свет представим глубокой тьмой»⁵⁹³. Потом Феофилакт с иронией перечисляет упреки, какие делают латинянам: их священников упрекают в том, что они бреют бороду, носят золотые кольца и шелковые одежды, — и, вспомнив также об опресноках, субботнем посте и celibate священников, заключает: «Я даже из числа перечисленных заблуждений одни считаю не заслуживающими внимания, другие — заслуживающими умеренного исправления, то есть такого, что если кто его совершит, то окажет некоторую услугу церкви, а если нет, то тоже не будет большого вреда»⁵⁹⁴. Единственный пункт, который можно серьезно обсуждать, — это добавление «филиокве» к символу веры, и только в нем греки не должны идти ни на какие уступки. И в заключение архиепископ порицает соотечественников, считающих, что они всегда правы.

Таким образом, в отношениях Византии и Рима тогда произошла выраженная разрядка, и контакты между ними стали частыми. В 1091 г. у папы в Кампании мы встречаем греческую делегацию⁵⁹⁵, прибывшую, несомненно, чтобы вернуться к идее собора, созвать который помешала война с печенегами. Этими дружескими контактами объясняется и просьба о подкреплении, посланная Алексеем. Граф Риан, отрицая, что Алексей был способен просить папу о подкреплении, не заметил того места в «Алексиаде», где Анна изображает отца ждущим в апреле 1091 г. подкреплений из Рима⁵⁹⁶. Алексей, теснимый печенегами, именно что обратился к папе, и этим

можно объяснить фразы из Эккехарда и Бернольда, вызвавшие столько споров. Но не следует усматривать в этом призыв ко всему Западу. Анна Комнина сразу же уточняет, о каких подкреплениях идет речь, — о наемниках; думаю, под ними определенно следует понимать норманнов. Видимо, Алексей попросил папу, находившегося тогда в Южной Италии, повлиять на норманнских князей, чтобы те отправили ему войска. К этому простому толкованию и следует свести данный сюжет, который позже в сочетании с письмом графу Фландрскому произвел на свет легенду, породившую подложное письмо Алексея Роберту.

Алексей возобновил военные действия с первых дней весны 1091 г. Местом сбора войск, набранных им самим, он назначил Энос в устье Марицы. Командование греческими силами было поручено кесарю Никифору Мелиссину, только что рекрутировавшему солдат среди болгар, живших на плоскогорьях Македонии, и кочевых влахов или турок, обитавших в долинах рек Вардара или Струмы⁵⁹⁷. В то же время василевс вознамерился нанести решительный удар прежде, чем с печенегами сможет соединиться Чаха; он вызвал из Никомедии всадников графа Фландрского и лично прибыл в Энос, чтобы принять командование над армией⁵⁹⁸.

Еще не все греческие войска собрались, как подоспели печенеги; вскоре после них появились половцы, которых Алексей, пожелав пойти на любой риск, лишь бы избавиться от печенегов, вызвал сам. Командовали половцами Тогортак и Маниак⁵⁹⁹. Прибытие этих варваров могло стать спасением или гибелью для империи. Если бы они соединились с печенегами, поражение греков было бы неминуемым, а последствий его никто бы не мог предвидеть. Поэтому Алексей сделал все, что было в его власти, чтобы удержать этих сомнительных союзников: после роскошной трапезы он сумел договориться с этими варварами, в конечном счете пообещавшими через три дня напасть на печенегов. Алексей дал им отсрочку в десять дней, но так мало на них рассчитывал, что во избежание неприятных сюрпризов со стороны этих союзников расположил свою армию на другом берегу Марицы⁶⁰⁰. Греческие войска получили подкрепление и провизию благодаря прибытию

колонны, снаряженной Мелиссином. Однако Комнин не мог решиться на бой, по-прежнему ожидая, по словам дочери, армии из Рима⁶⁰¹.

Наконец половцы, раздраженные этой медлительностью, громкими криками потребовали сражения. В то же время разнесся слух, что они договариваются с печенегами. Комнин решил дать битву на следующий день. Был понедельник 28 апреля 1091 г.

Произошло событие, счастливое для греков: из вражеского лагеря на их сторону перешел корпус в пять тысяч человек⁶⁰². Василевс велел подготовить войска к бою молитвой. При свете факелов, светильников и свечей, прикрепленных к концам копий, греческие войска провели часть ночи в просьбах Богу о помощи армии, распевая священные гимны⁶⁰³.

Утром, во вторник 29 апреля, на берегах Левуниона состоялась битва. Византийские войска под командованием Палеолога, Константина Далассина — удачливого победителя Чахи, Монастры, Умбертопула нанесли печенегам полное поражение. Это была страшная бойня, в которой греки и половцы соревновались меж собой, кто убьет больше печенегов, их жен и детей. Чтобы составить себе представление об этой ужасной резне, надо вспомнить, что с того дня народ печенегов перестал существовать; перебита была целая нация, так что в Византии говорили: «Печенегам не хватило одного дня, чтобы увидеть май»⁶⁰⁴. Количество пленных оказалось столь велико, что каждому греческому солдату надо было охранять их более чем по тридцати. От этого ненужного изобилия избавились, устроив общую резню. Анна Комнина утверждает, что ее отец тут был ни при чем и хотел наказать подстрекателя — Синесия, бывшего посла у печенегов⁶⁰⁵. Страшные крики, услышанные во время этой дикой сцены, и трагическое зрелище, увиденное издали, при свете факелов, настолько ужаснули половцев, что они, опасаясь подобной судьбы, бежали на север, даже не подумав потребовать свою долю добычи.

Алексей, которому они были еще нужны, послал им всё, на что они имели право, но в то же время велел сопровождать их до балканских проходов⁶⁰⁶. Победа василевса была решающей: на берегах Левуниона погиб целый народ. Отдельные

выжившие, поселенные восточней Вардара, образовали в греческой армии отдельный корпус⁶⁰⁷.

В Константинополь Алексей вернулся в мае. Несомненно, должен был состояться въезд победоносного василевса через Золотые ворота, и город увидел всю роскошь триумфального шествия, какого уже давно не удостаивался ни один василевс.

Вскоре Комнину пришлось вновь заняться делами Малой Азии. Нам неизвестны события, ареной которых стал этот край после поражения Борсука под Никеей в 1086 г. Несомненно, Абу-ль-Касим должен был и далее оказывать сопротивление Малик-шаху — во всяком случае, это как будто следует из дальнейших событий. Бузан, правитель Эдессы, который, похоже, был помощником Малик-шаха и исполнителем его решений, собрал все войска и высших чиновников Персии, по словам Матфея Эдесского, соединился с правителями Антиохии и Алеппо и пошел на Nikeю⁶⁰⁸, чтобы подчинить Абу-ль-Касима; Малик-Шах поручил Бузану также вступить в переговоры с Алексеем, желая разорвать союз последнего с Абу-ль-Касимом. Султан предлагал сочетать своего сына браком с дочерью василевса. На этих условиях он готов был вернуть грекам Малую Азию и Антиохию (541 г. армянской эры, 27 февраля 1092–25 февраля 1093 г.)⁶⁰⁹. Алексей, опасаясь, как бы в местности, столь близкой к Византии, не упрочилась власть Малик-шаха, оказывал помощь Никее, но в то же время отправил к султану посольство, чтобы заверить его в добрых намерениях в его отношении, пытаясь тем самым, не давая решительного ответа, выиграть время.

Помощь греков позволила Абу-ль-Касиму выстоять и вынудила Бузана снять осаду. Эмир Никей, видя, что не может вести борьбу с султаном в одиночку, решил изъяснить покорность Малик-шаху; тот отказался ее принимать и отослал его к Бузану, который организовал его убийство. Вероятно, Малик-шах, избавившись от Абу-ль-Касима, довольно плохо воспринял бы обтекаемые уверения василевса в дружбе, но греческое посольство до места назначения не доехало. По дороге оно узнало, что султан только что умер (в 1092 г.)⁶¹⁰. За смертью Малик-шаха должен был последовать период смут, ослабив империю, которую первые потомки Сельджука сумели сделать

столь могущественной. Анархия, которая воцарилась тогда на всем Востоке и которая так поможет крестоносцам достичь успехов, лучше, чем все остальное, говорит о заслуге монарха, сумевшего привести к подчинению все мелкие государства, из которых состояла Сельджукская империя. Если у турок была репутация гонителей христиан, часто заслуженная, то для Малик-шаха надо сделать исключение: все христианские писатели пишут, что он был проникнут редкостной терпимостью, покровительствовал христианам, освобождал их от налогов, так что Матфей Эдесский называет его отцом подданных, государем добрым, милосердным и милостивым ко всем, и добавляет, что его смерть была горем для всего мира⁶¹¹.

Последствием кончины Малик-шаха стало возвращение к власти в Малой Азии сына Сулеймана — Кылыч-Арслана, которого до тех пор султан держал в плену. Брат Абу-ль-Касима, захвативший Никею, не посмел противиться Кылыч-Арслану и вернул ему государство отца⁶¹². Всеобщая борьба, которая шла тогда между вассалами Малик-шаха, сковала на востоке все силы мусульман⁶¹³. Алексей воспользовался этим, чтобы отнять у эмиров, обосновавшихся на побережье Малой Азии, Аполлониаду и Кизик. Первый поход под командованием Константина Евфорвина закончился неудачей, но в результате второго, которым командовал греческий полководец Опос, удалось вернуть эти города. Довольно большое количество турецких вождей обратилось в христианство и поступило на византийскую службу⁶¹⁴.

ГЛАВА V СЕРБЫ И ПОЛОВЦЫ (1092–1095)

Мы видели, какую радость у Алексея вызвало рождение сына; это событие повлекло за собой дворцовый переворот. При восшествии на престол Алексей сделал соправителем юного Константина, сына предшественника. Когда родилась Анна Комнина, василевс обручил ее с Константином, и оба считались наследниками престола. В пожеланиях долгой жизни, каких столь часто требовал придворный церемониал, имена Константина и Анны звучали непосредственно после имен василевса и его жены⁶¹⁵. Через несколько лет императрица Мария и ее сын утратили милость Алексея, и их положение изменилось. Благодаря Зонаре мы можем довольно точно узнать, как развивались события. Императрица, — рассказывает он, — жила замкнуто в Манганском дворце⁶¹⁶ со штатом прислуги, причитавшемся ей по положению, как вдруг Алексей обязал ее надеть черное облачение монахини и отнял у ее сына пурпурную обувь. Титул василевса и власть остались у одного Комнина⁶¹⁷. Только по сведениям Зонары мы не могли бы точно датировать эту опалу, но некоторые намеки на эти события делает и Анна. Рассказав о своем рождении, она добавляет, что они с Константином довольно долго пользовались императорскими прерогативами. После рождения второй дочери родители горячо желали иметь сына. Потом она приводит рассказ о рождении Иоанна, которому Алексей, по ее словам, желал оставить в наследство корону, и заканчивает словами, полными горечи: «Вот что было с нами, багрянородными, с момента нашего рождения»⁶¹⁸. Рассказ Анны наводит меня на мысль, что именно брат стал причиной перемены в ее судьбе, а враждебные отношения, всегда существовавшие

между сестрой и братом, как будто подтверждают эту гипотезу. Именно рождением Иоанна следует датировать охлаждение в отношениях между Алексеем и Марией Дукиней. Согласно Зонаре, это охлаждение началось несколько раньше, чем Константина лишили прав, то есть году в 1090–1091: как раз в 1091 г. Анна Комнина, до тех пор находившаяся на воспитании Марии Дукини, была отнята у свекрови и переведена во дворец отца⁶¹⁹; а ведь через недолгое время, в 1092 г., Иоанн был провозглашен василевсом. Между этими разными событиями есть, конечно, тесная связь.

Алексей давно намеревался сделать сына соправителем: в речи Феофилакта⁶²⁰, произнесенной 6 января 1090 г., оратор говорит василевсу: «Почему ты по отношению к сыну медлишь более, чем требует природа? Почему не объявишь сына василевсом и почему откладываешь это желанное назначение? Почему бы не дать имя тому, кто сопричастен самому предмету? Даже если бы этого не хотел ты, по незыблемому закону природы львенок становится львом».

Очевидно, что эти слова соответствовали состоянию духа Алексея и что Феофилакт никогда бы их не произнес, если бы не знал, что василевсу они понравятся. То есть Комнин подумывал короновать сына с 1090 г. А ведь Иоанн был коронован только в 1092 г.⁶²¹, несомненно, в сентябре. Объяснение задержки в осуществлении желаний Комнина надо искать в том, что только после победы над печенегамы он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы обойтись без поддержки со стороны приверженцев Дук. Поскольку, по словам Зонары, Алексей некоторое время носил титул василевса один, можно допустить, что Мария впала в немилость в 1091–1092 гг.

Разрыв между Марией Дукиней и Алексеем станет для последнего причиной неприятностей, и бывшую императрицу мы обнаружим во главе заговора против Комнина. Впрочем, в ходе разрыва Марию Дукиню не обеспокоили, она сохранила свои большие территориальные владения⁶²², а в 1093 г. ее сын еще был в милости у Алексея⁶²³, он оставался женихом Анны⁶²⁴, хотя соправителем уже не был. Должно быть, он вскоре умер, если в 1097 г. Анна вышла за Никифора Вриенния.

Едва Алексей вернулся из похода на печенегов, как у него появились новые заботы. Первой из них стал заговор двух полководцев — армянина Ариева, защитника Охида от Гвискарда⁶²⁵, и норманна Умбертопула, который одним из первых поддержал Комнина во время его мятежа. Греческие источники о причинах этого заговора молчат⁶²⁶. Василевс, узнав о планах заговорщиков, арестовал их и наказал только конфискацией имущества и ссылкой. Видимо, император недолго сердился на них, если в 1095 г. Умбертопул снова занимал командную должность в армии⁶²⁷.

Несколько позже император узнал о мятеже князя Сербии Бодина и приготовлениях половцев к вторжению.

О князе Сербии я уже несколько раз говорил⁶²⁸; последний раз мы видели его измену в сражении при Диррахии. С тех пор Анна Комнина не упоминает о Бодине вплоть до 1090–1091 гг. Судя по тому, что она говорит об этом периоде, Бодин, не принимая непосредственного участия в войнах печенегов с императором, пользовался затруднениями Византии, чтобы расширять свои владения. Находясь в плену в Константинополе и пребывая в Антиохии, он научился разбираться в делах империи. Благодаря браку с итальянкой⁶²⁹ он был также в курсе политической ситуации в итальянских государствах и во время похода Гвискарда использовал события, чтобы укреплять свою власть. С 1081 г. он для расширения своего государства обращал себе на выгоду затруднения Алексея, которому пришлось бороться с захватчиками и в то же время срывать придворные заговоры. Бодин, в котором ныне усмотрели первого поборника сербской независимости⁶³⁰, похоже, преследовал две цели: обеспечить себе верховенство на побережьях Далмации и отобрать у греков западные сербские области, подчинив других сербских князей. Поход, который предпринял Бодин на Рагузу, неизвестно когда, но ранее войн с Византией, был рассчитан на осуществление первой части этого плана⁶³¹. Вследствие убийства Бранислава, сына его дяди Радослава⁶³², Бодин сумел стать правителем всех сербов. После этого он напал на империю. В связи с событиями 1091 г. Анна Комнина рассказывает⁶³³, что Бодин был человеком очень смелым и хитрым и, не желая оставаться в пределах своего государства, постоянно

нападал на греческие деревни по соседству с Далмацией, присоединяя их к своим владениям.

Согласно попу Дуклянину, Бодин действовал в основном в области Скутари⁶³⁴ и предпринял всего один поход на север; но коль скоро Анна Комнина говорит о нескольких походах, я не думаю, чтобы эти нападения ограничивались областью Диррахия. В самом деле, какой могла быть цель этих походов? На юге сербская граница приходила по окрестностям Диррахия; но ведь всю эту область охраняли значительные силы под командованием Иоанна Дуки, шурина Алексея⁶³⁵, который сумел отобрать у Бодина все крепости, которые тот захватил.

Должно быть, Бодин расширял владения прежде всего на восток, а ведь мы видим, что в 1091 г. сербскую границу обозначала Ситница⁶³⁶. Значит, вероятно, границей служили горы, отделявшие бассейн Дрина от притоков Моравы⁶³⁷. С другой стороны, согласно попу Дуклянину, Бодин дошел до Рашки⁶³⁸ и назначил в эту область двух жупанов⁶³⁹.

В течение всего этого периода Иоанн Дука непрестанно боролся с Бодином и даже сумел взять его в плен. Впрочем, видимо, вскоре он его отпустил, поскольку в 1091 г. сербский князь был на свободе⁶⁴⁰.

Такой была ситуация к 1091 г., когда Алексей узнал о приготовлениях сербов к новому восстанию. Но тут дело становится особо запутанным. Начиная с 1090 г. Анна Комнина упоминает Бодина всего дважды и чаще всего в качестве вождя сербов называет Вукана⁶⁴¹.

Согласно попу Дуклянину, Вукан был жупаном Рашки⁶⁴², но у этого автора он до самой смерти Бодина играет очень скромную роль.

Основываясь на «Алексиаде», один русский ученый, г-н Петров, в очерке, посвященном Бодину⁶⁴³, выдвинул гипотезу, что Вукан и Бодин — одно и то же лицо. Вот его доводы.

Судя по «Алексиаде», Вукан с 1090 г. играл ведущую роль. Однако мы знаем, что во время первого крестового похода королем сербов был еще Бодин⁶⁴⁴. Как объяснить, что он настолько отступил на задний план перед одним из своих жупанов? С другой стороны, Анна никогда не изображает Вукана подчиненным Бодина; напротив, она представляет его

независимым. Он заключает мир с Алексеем, выдает ему заложников, посещает василевса вместе со своими самыми высокопоставленными родственниками, со своими жупанами; словом, Анна изображает его государем далматов⁶⁴⁵. Подданных Вукана Анна называет теми же словами, какие использует, говоря о подданных Бодина⁶⁴⁶.

Когда Вукан упоминается впервые, Анна представляет его как известное лицо, не говоря, кто он такой; правда, наряду с ним она упоминает Бодина⁶⁴⁷. Территория, где командует Вукан, граничит с территорией империи. Это следует из письма Алексея племяннику⁶⁴⁸: мы видим, что Вукан командует в области, соседней с Диррахием, а также в окрестностях Ускюба, где собирается действовать Алексей, то есть во владениях Бодина. Наконец, несколько раз Анна говорит о Вукане так, словно это тот же самый человек, что и Бодин. Бодин, не желая оставаться в пределах своего государства, — говорит она, — постоянно совершал набеги на деревни, соседние с Далмацией, и включал их в свои владения. Проведя одиннадцать лет⁶⁴⁹ в Диррахии, Иоанн Дука отобрал у Вукана великое множество крепостей и послал василевсу много далматских пленных; наконец, в ожесточенном сражении он пленил самого Бодина⁶⁵⁰. С другой стороны, Анна говорит, что ее отец в 1091 г., узнав о мятеже Бодина, написал Иоанну Комнину, дуке Диррахия: «Тебе же следует самому явиться с докладом о положении во вверенной тебе области (ибо я опасюсь злых умыслов против нас со стороны Вукана) и сообщить мне о положении в Далмации и о том, соблюдает ли Вукан условия мирного договора (ведь до меня ежедневно доходят неблагоприятные вести о нем)».

Жителям же Диррахия Алексей написал: «Узнав, что Вукан вновь злоумышляет против меня, я выступил из Византия [Константинополя], чтобы укрепить узкие долины между Далмацией и нашим государством»⁶⁵¹.

Из этих различных текстов г-н Петров сделал вывод, что Вукана и Бодина надо отождествить. Я не разделяю его мнения. В самом деле, мы видим, что все эти кампании происходили в горном районе бассейна Марицы; а ведь Рашка, где

командовал Вукан, была расположена как раз на склонах Балканских гор.

Все, что рассказывает о Бодине поп Дуклянин, дает понять, что первый был занят прежде всего подчинением соседней области Скутари, и он упоминает всего один поход Бодина в горы Севера — именно затем, чтобы назначить Вукана в Рашку. Мне кажется очень вероятным, что Вукан сделался почти независимым либо когда Бодин попал в плен к грекам, либо во время долгого похода последнего на Рагузу. Видимо, Бодин в большей или меньшей степени признал его самостоятельность, и оба вождя вступили в союз против греков. Ничего удивительного нет и в том, что Вукан вел себя по отношению к Алексею как абсолютный монарх. Нельзя отождествлять их с Бодином и просто на основании того, что их подданные назывались одинаково. У Анны смысл слова «Далмация» очень расплывчат, она так называет государства Михаила и Бодина, притом что Бодин правил именно на территории, занятой Вуканом⁶⁵². Письмо Алексея⁶⁵³ Иоанну Комнину тоже не столь убедительно, как думает г-н Петров. Василевс просит у племянника сведений о государстве Далмации, а также о Вукане, и это два разных вопроса. Он называет далматами подданных Бодина, о мятеже которых узнал. Смысл письма Иоанну таков: «Я узнал о мятеже далматов Бодина⁶⁵⁴ и опасаясь, как бы Вукан не примкнул к ним». Та же мысль обнаруживается и в письме жителям Диррахия. Кроме того, Анна Комнина позаботилась отделить Вукана от Бодина⁶⁵⁵. Она говорит, что Дука напал на Бодина, занявшего ряд деревень в империи, отнял у Вукана несколько крепостей и взял Бодина в плен. Это место кажется мне однозначным. Наконец, добавлю: не надо придавать слишком много значения тому факту, что Анна, впервые упоминая Вукана, говорит о нем как об известном лице⁶⁵⁶, поскольку там она упоминает его мимоходом, а когда собирается писать о нем несколько подробней, уточняет его положение как вождя сербов⁶⁵⁷.

Таким образом, аргументы, которые г-н Петров извлек из «Алексиады», чтобы отождествить Вукана и Бодина, не кажутся мне достаточно убедительными. Поп Дуклянин говорит о Бодине как о жупане Рашки; у нас нет оснований ему не

верить; ведущая роль, какую Вукан играл в войне с греками, просто может служить доказательством, что он стал независимым. Но отождествлять его с Бодином мы не имеем права.

К моменту, до которого мы дошли (1091 г.), Алексей только что сменил дуку Диррахия — Иоанна Дуку. Он назначил его великим друнгарием флота и поручил идти в поход на Чаху⁶⁵⁸. Его преемником стал Иоанн Комнин, сын севастократора⁶⁵⁹. Через некоторое время после этого назначения Алексей узнал, что сербы беспокойны. Он выехал в Филиппополь, где получил письмо от архиепископа Болгарского, предупредившего его об измене племянника. Эта весть поставила Алексея в сложное положение: покарав виновного, он мог поссориться с его отцом, севастократором, влияние которого было велико, а с другой стороны, не приняв строгих мер, рисковал столкнуться с опасным мятежом. Алексей решил, прежде чем наказывать, сам разобраться в обоснованности доноса. Он вручил великому этериарху⁶⁶⁰ Аргиру Караце послание, в котором просил племянника прибыть к нему, чтобы обсудить меры, какие следовало принять против сербов; в то же время, не исключая варианта, что Иоанн, поняв, что разоблачен, откажется подчиниться, он назначал Карацу дукой Диррахия и передал ему акт, которым повелевал городским властям ему подчиниться.

Севастократор в Константинополе узнал об обвинениях, предъявленных сыну. Он немедленно написал Иоанну, призвав его подчиниться приказам императора, в то время как сам отправился к брату. Последовали сцены бурных объяснений между Алексеем, Исааком и Адрианом. Севастократор обвинил своего брата Адриана, что тот и есть автор доноса. Тем временем к дяде прибыл Иоанн. Алексей не пожелал заходить слишком далеко и простил племянника, отослав его обратно в Диррахий⁶⁶¹.

Еще находясь в Филиппополе, Алексей узнал о новом заговоре. Я уже говорил о Феодоре Гавре, который отбил Трапезунд у турок и постепенно стал независимым⁶⁶². Император его признал и, чтобы обеспечить его верность, добился передачи себе его сына Григория Гавры; воспитав его в Византии, он обручил его с одной из дочерей севастократора⁶⁶³. Через

некоторое время [Феодор] Гавра вступил в повторный брак — с аланской принцессой, кузиной жены севастократора, сделав тем самым задуманный брак [сына] невозможным⁶⁶⁴. Алексей тем не менее хотел оставить молодого человека в заложниках и обручил его с одной из своих дочерей. Гавра похитил сына; беглец был пойман и возвращен в Константинополь, где стал жить, страдая от своей участи. Во время пребывания Алексея в Филиппополе он задумал бежать и заручился поддержкой нескольких людей. Заговор был раскрыт, и главные виновники заточены в разных крепостях. Впрочем, наказание Григория Гавры, видимо, продолжалось недолго, коль скоро через несколько лет он женился на Марии, дочери Алексея. Этот брак оказался неудачным и был расторгнут⁶⁶⁵.

Два этих дела на некоторое время задержали Комнина в Филиппополе; как только с ними было покончено, он вернулся к своим планам, направленным против сербов. В походе, предпринятом им тогда, он ограничился осмотром горного района, простиравшегося между владениями сербов и греков, предпринял укрепление и организацию охраны всех проходов, по которым враг мог проникнуть на земли империи, и как только граница стала защищенной, вернулся в Константинополь⁶⁶⁶.

Следующей весной возобновилась война с Чахой⁶⁶⁷. Турецкий вождь не пал духом от прошлогодней неудачи. По словам Анны, он принял титул царя — несомненно, султана, и сумел снарядить в Смирне значительный флот. Поход Далассина мало помог грекам, но мы видим, что после побед над Чахой Далассин осадил Митилену. Весной 1092 г. с ним соединился Иоанн Дука, шурин Алексея, пришедший к нему на помощь с греческим флотом.

Чаха не дал поражению себя обескуражить и немедленно вновь принялся разорять греческие провинции, воспользовавшись тем, что флот ушел к Криту. Отправив против него Далассина, Алексей вступил в переговоры с зятем Чахи, Кылыч-Арсланом, султаном Никеи, которому открыл честолюбивые планы тестя, задумавшего напасть на Никею; Кылыч-Арслан позволил себя убедить, и пока Чаха осаждал Авид, где находились таможенные конторы империи, которые

проверяли все товары, поступающие из Средиземноморья, Кылыч-Арслан выступил с довольно многочисленным войском. Он свиделся с тестем, которого, по словам Анны, порази мечом. Впрочем, Чаха не замедлил выздороветь и вернуть государство под свою власть; в 1097 г. он возобновил войну⁶⁶⁸.

Вследствие этих событий Кылыч-Арслан заключил договор с Алексеем, и побережья вновь стали спокойными.

В то время как Далассин был занят этими делами, греческий флот получил приказ предпринять новый поход⁶⁶⁹ под командованием Дуки.

В самом деле, налоговое бремя вызвало восстания, вспыхнувшие одновременно в двух очень отдаленных точках империи. На Крите и на Кипре два вождя, Карик и Рапсомат, объявили себя независимыми.

До сих пор источниками для рассказа о походе на Крит для нас были только Анна⁶⁷⁰ и Зонара⁶⁷¹; теперь их дополнил Николай Мефонский, который в своем «Житии святого Мелетия»⁶⁷² приводит об этом некоторые сведения.

Возвращенный грекам Никифором Фокой в 960 г. остров Крит имел для греков очень большое значение благодаря своему положению. Следовало опасаться, что, если восстание разрастется, с повстанцами в союз вступят турки. Поэтому был отправлен греческий флот под командованием Дуки. Он остановился в порту Негропонта, полагая, что до Крита оттуда добраться проще. Если верить Николаю Мефонскому, святой Мелетий якобы призвал великого друнгарию не идти на риск столкновения и вступить с Кариком в переговоры. Дука якобы последовал этому совету; вскоре он узнал о смерти мятежника и без труда вернул остров. Надо учесть, что этом рассказе есть доля легенды, но видно, что Николай Мефонский косвенно подтверждает сообщение Анны, что жители восстали против Карика и передали остров грекам, восстановившим свою власть без борьбы.

С Крита Дука направился к Кипру, чтобы подавить восстание. Этот поход вызвал больше трудностей; сначала греки заняли порт Керинес⁶⁷³ на северном побережье острова, но не смогли настичь повстанцев, отступивших во внутренние горы за Никосию. Через недолгое время, покинутый сторонниками,

Рапсомат был вынужден сдаться. Кипр был очень важен для греков, потому что, лишившись владений в Сирии, они благодаря Кипру могли по-прежнему контролировать море. Поэтому Алексей, чтобы замирить остров, решил назначить туда губернатором доверенного человека. Его выбор пал на стратопедарха Евмафия Филокала⁶⁷⁴, который поочередно побывал магистром, великим дукой, или адмиралом флота, и претором Эллады и Пелопоннеса. Алексей, желая сделать Кипр важным стратегическим пунктом, рассчитанным на то, чтобы служить оперативной базой для греческих флотов, если бы им пришлось воевать в восточной части Средиземного моря, вернул Филокалу флот и дал войска в достаточном количестве, чтобы занять остров.

Эти события заполнили 1092 г. и, возможно, также часть 1093 г., хотя Анна или Зонара не дают нам возможности выстроить точную хронологию. Во время этих разных походов Алексей оставался в Константинополе. В 1093 г. новое вторжение сербов, продвинувшихся до Липения⁶⁷⁵, напомнило ему о границе. Анна не упоминает ни о каком походе сербов в 1092 г., она рассказывает только о борьбе с Чахой. Вероятно, состояние постоянной враждебности, существовавшей между сербами и греками, не прекращалось, и набеги сербов должны были продолжаться. Вукан не посмел дать грекам бой, он попросил о мире и предложил заложников, прежде чем император достиг Скопье⁶⁷⁶. В свое оправдание он обвинил греческих должностных лиц пограничных горных областей, что они якобы вынуждали его напасть на империю. Поскольку природа этой местности делала серьезный поход очень трудным для греков, Алексей довольствовался обещаниями Вукана и вернулся в Константинополь⁶⁷⁷. Вукан, избавившись от греков, воздержался от исполнения своих обязательств и, возобновив в 1093–1094 гг. нападения, нанес полный разгром Иоанну Комнину, дуке Диррахия. Весть о своем поражении привез в Константинополь сам Иоанн.

Тем временем Вукан занял всю горную область, где находится Вране. Алексей, получив в феврале 1094 г. сообщения об этом, решил предпринять большой поход против него⁶⁷⁸.

По дороге его остановило раскрытие нового заговора⁶⁷⁹. Судя по очень расплывчатым сведениям, какие дают Зонара и «Алексиада», заговорщики занимали самое высокое положение в обществе. Их вождем был Никифор Диоген, сын свергнутого императора; с ним объединились Кекавмен Катакалон, зять самого Алексея Михаил Таронит и императрица Мария, которая, желая отомстить за нарушение Алексеем слова в отношении ее сына, а может быть, и за собственное уязвленное самолюбие, поддержала заговорщиков своим положением и именем. Несколько попыток убить Алексея оказались неудачными. Комнина осведомили о планах заговорщиков почти сразу после его отъезда из Константинополя. Масштаб заговора, высокое положение обвиняемых вынудили его долго колебаться⁶⁸⁰. Он пытался через посредство своего брата Адриана переубедить заговорщиков и заставить их отказаться от их планов, но, осознав тщетность своих усилий, решился на их арест. Трех главных обвиняемых, Никифора Диогена, Катакалона и Михаила Таронита, он приговорил к заключению и конфисковал их имущество. Что касается остальных, он решил их игнорировать — то ли потому, что опасался скомпрометировать императрицу Марию⁶⁸¹, то ли потому, что они имели слишком высокий ранг, так что посягательство на них могло стать опасным для него самого⁶⁸².

Это дело задержало Алексея до июня (дня Петра и Павла, 29 июня).

После этого армия вновь тронулась в путь; при ее приближении Вукан, опасавшийся, что не сможет противостоять многочисленному войску Алексея, попытался вступить в переговоры, и император, который не очень хотел втягиваться в долгую и опасную войну в момент, когда ему сообщили о приближении половцев, принял заложников и вернулся в Константинополь⁶⁸³.

Во время похода на Вукана до императора дошли дурные вести из Подунавья. По словам Анны⁶⁸⁴, в Константинополе самозванец выдавал себя за Льва, сына Романа Диогена; поскольку ему удалось привлечь в столице некоторое количество сторонников, хотя Феодора, сестра Алексея и жена Льва, отрицала его идентичность, василевс заключил его в тюрьму

в Херсонесе. Там мнимый сын Диогена якобы вошел в контакт с половцами, часто наведывавшимися в Херсонес по торговым делам, бежал к ним и укрылся у них. Этот рассказ выглядит очень правдоподобно, только Анна противоречит сама себе. Она говорит⁶⁸⁵, что Лев, сын Диогена, был убит под Антиохией в бою с турками, когда дукой Антиохии был Исаак, то есть до восшествия Алексея на престол, а несколькими страницами выше⁶⁸⁶ рассказывает, что ее отец, став императором, совершенно особо благоволил к этому самому Льву. Два этих факта согласовать невозможно. Но вопрос куда более запутан. Несторова летопись⁶⁸⁷, достаточно точная в рассказе обо всем периоде, каким занимаемся мы, упоминает за 1095 г. поход половцев на империю с целью восстановить на престоле Девгениевича, подтверждая рассказ Анны, сказавшей, что император захватил мятежника и велел выколоть ему глаза. А ведь русские анналы⁶⁸⁸ упоминают этот мятеж сына Диогена только в 1114 г., во время похода русских на берега Дуная, с другой же стороны, мы знаем, что Боэмунд взял с собой во Францию сына Диогена⁶⁸⁹.

Оба сына Диогена подняли мятеж поочередно? Или первый был самозванцем, как утверждает Анна? Или имел место один-единственный мятеж, а русские летописи отнесли к 1114 г. событие, случившееся на двадцать лет раньше? Определенный ответ на эти вопросы дать невозможно.

После бегства из Херсонеса сын Диогена укрылся у половцев, готовившихся к походу на Византию. Греки не забыли, какой ужас наводили на них разные нашествия варваров, и при вести о приближении половцев повсюду распространился страх. В этих тяжелых обстоятельствах Алексей собрал на общий совет ведущих полководцев, своих родственников и приближенных. Обсуждали, надо ли идти навстречу врагу. Все еще слишком хорошо помнили о поражении при Дристре, и совет не одобрил планы Алексея. Император не хотел создавать впечатления, что принимает решение под личную ответственность вопреки мнению большинства, и прибегнул к любопытной процедуре. Он велел написать на двух дощечках следующие вопросы:

Пойдут ли на половцев? — Похода не будет?

Потом в присутствии представителей духовенства и армии обе дощечки торжественно положили на алтарь святой Софии. На следующий день туда вернулись, и тот, кто возлагал оба документа, взял из них один, якобы наугад, и прочел вслух ответ, вдохновленный Богом. Такой обычай часто практиковался в Византии⁶⁹⁰, и понятно, какую выгоду мог извлечь из него василевс, чтобы добиться своего под видом повиновения воле Бога. Естественно, судьба проявила благосклонность к желаниям Алексея, и решение о походе было принято. Армия немедленно выступила и направилась к Анхиалу на черноморском побережье. Именно там Алексей узнал, что половцы идут и скоро появятся. Он немедленно начал занимать войсками балканские проходы; убедившись, что меры приняты, он вернулся в Анхиал.

Вскоре один влах⁶⁹¹ сообщил ему, что половцы перешли Дунай и намерены напасть на Адрианополь. Император немедленно созвал всю местную знать и поручил ей охранять город. В то же время он приказал Монастре и Константину Евфорвину попытаться внезапно напасть на половцев с тыла. Варвары, проводниками которых стали влахи, сумели перейти Балканы, не встретив греческих войск, и неожиданно появились перед Голоей. Население пограничных провинций повело себя так же, как во время вторжения печенегов, и приняло сторону захватчиков; несомненно, оно не простило василевсу репрессий после последнего восстания. Сначала половцы направились к Анхиалу; но поскольку этот город, с одной стороны защищенный морем, а с другой окруженный болотами, был почти неприступен, они вернулись к первоначальным планам и двинулись на Адрианополь, который не последовал примеру Голои и оказал варварам сопротивление. Под его стенами произошли яростные сражения между половцами и гарнизоном под командованием Вриенния, которые, однако, остались безрезультатными. Император, находясь в безопасности в Анхиале, опасался, как бы город не попал во власть осаждающих, и готовился оказать ему помощь, когда мнимый сын Диогена, которого обманом выманили в одну из окрестных крепостей, был захвачен в плен. Его отправили в Константинополь и ослепили.

После этого Алексею не стоило большого труда восторжествовать над варварами, которые без вождя перестали следовать какому-либо плану и разбрелись, чтобы грабить страну. Греки легко разбивали шайки кочевников, которые рассеялись по всей области и занимались только грабежом и захватом добычи. Варвары бежали через Железные ворота⁶⁹².

Избавившись от этого нашествия, Алексей вернулся в Константинополь; империя впервые за долгое время вкусила мир, ее западные границы прикрыла цепь застав, и василевс, который мог надеяться на несколько лет перемирия с этой стороны, немедленно решил заняться Азией, где берега опустошали пираты, а набеги турок достигали Вифинии. Алексей попытался защитить область, находившуюся между Сангаром, Евксинским Понтом, Босфором и Пропонтидой. Ее границей на юге служили озеро Софон и обширный укрепленный ров, по которому вода из этого озера доходила до Никомедии⁶⁹³. Вместе с прибрежными городами, отнятыми у Чахи, Византия владела во всей Малой Азии только этой областью. Но едва оборонительные работы завершились, как появление перед Константинополем первых крестоносцев изменило планы Алексея и побудило василевса броситься в новые авантюры.

ГЛАВА VI АЛЕКСЕЙ КОМНИН И ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД. КРЕСТНОСЦЫ ПОД КОНСТАНТИНОПОЛЕМ

Долгое время историки предавались несложным рассуждениям о неблагодарности и коварстве Комнина, который, позвав западноевропейцев себе на помощь, только и делал, что создавал им всевозможные трудности⁶⁹⁴. В другом месте я говорю о письме, которым василевс, теснимый врагами, якобы призывал на помощь западных государей через посредство графа Фландрского⁶⁹⁵. Такая трактовка неверна. Здесь отмечу только, что, как сказал Гвиберт Ножанский, какое-то письмо Алексея Роберту действительно существовало (очень вероятно, оно было написано во время войны с печенегам), коль скоро это письмо стало одним из элементов, из которых сложили легенду об обращении Востока к Западу. С другой стороны, Алексей дважды обращался к папе с просьбой о содействии. В первый раз — во время войны с Гвискардом; мы толком не знаем, какую роль Комнин хотел заставить сыграть Григория VII. Что касается второго раза, тут никаких сомнений нет: Алексей умолял Урбана II помочь ему набрать наемников, о чем незадолго до того просил и графа Фландрского. Именно эти просьбы, важность которых отнюдь не следует преувеличивать, привели к созданию легенды об истоке первого крестового похода. Именно на них намекает Эккехард из Ауры⁶⁹⁶, говоря о многочисленных и частых просьбах, с какими Алексей обращался к папе. Судя по всему, что мы знаем, он никогда не просил ни о чем другом, кроме отправки наемников, причем в моменты, когда империя находилась в самом критическом положении. Поэтому я, вместе с Рианом⁶⁹⁷, думаю,

что историки придали чрезмерное значение свидетельству Бернольда: на Пьяченцском соборе (1–7 марта 1095 г.) Урбан II якобы потребовал от многочисленных верующих пообещать, даже клятвенно, прийти на помощь Алексею. Все, что мы знаем об этом собрании, противоречит такому утверждению. Пьяченцкий собор, по свидетельству самого Бернольда, был созван «*inter ipsos scismaticos et contra ipsos*» [среди самих раскольников и вопреки им (*лат.*)]. Ордерик Виталий тоже отмечает религиозный характер собора⁶⁹⁸. Может быть, Бернольд по ошибке датировал этим временем просьбы Алексея, сделанные в более ранние годы, или, что более вероятно, в Пьяченце были посланцы Алексея, но посланцы, прибывшие для возобновления переговоров о воссоединении обеих церквей, ведь положение империи в 1095 г. никак не побуждало Комнина звать на помощь. Вторжение половцев, происходившее тогда, империя могла отразить собственными силами.

Соседи Византии на западе сохраняли спокойствие — такое, что василевс вновь вернулся к малоазиатским делам⁶⁹⁹ и намеревался воспользоваться внутренними распрями турецких эмиров, которые после смерти Малик-шаха только и делали, что боролись меж собой. Кстати, было бы очень странно, если бы со стороны греков действительно прозвучал какой-то призыв: ведь о такой просьбе о помощи не упоминает ни один из историков, которые были непосредственными очевидцами первого крестового похода. Об этом не говорят ни автор «Деяний» [франков и прочих иерусалимцев], ни Раймунд Ажильский, ни Фульхерий Шартрский. Об этом заговорили только авторы, писавшие позже, как Роберт Монах или Гвиберт Ножанский; поэтому ничто не позволяет сказать, что Урбан II сослался на этот призыв на Клермонском соборе (18 ноября 1095 г.)⁷⁰⁰. Перед нами самая настоящая легенда. О связях между Алексеем, графом Фландрским и Римом было известно. Именно они и навели фальсификатора, автора письма Алексея к Роберту, на мысль о создании этой фальшивки, которую он датировал как раз 1091 г.⁷⁰¹ Ее было бы недостаточно, чтобы прочно внушить представление о Востоке, якобы просившем Запад о помощи, но помогла сложившаяся в народе легенда. Когда на Западе узнали о всевозможных трудностях,

какие пришлось испытать первым крестоносцам, когда из тех, кто ушел в столь большом количестве, вернулись очень немногие, когда стало известно, сколько людей выстелило пройденную дорогу своими костями, — никто не пожелал верить, что причиной всех бед крестоносцев могли быть бездарность и соперничество вождей, полное отсутствие руководства. Всю ответственность возложили на императора греков⁷⁰². Проблемы, какие у него были в отношениях с вождями, упорство, с каким он боролся за сохранение своих прав, — всё способствовало формированию легенды, враждебной Алексею. Эта работа шла прежде всего в народном воображении. Отголосок ее мы можем найти у Эккехарда из Ауры⁷⁰³, который говорит, что прошел слух об измене Алексея, — слух, который распространился внезапно, не имел под собой никаких оснований и никак не подтверждался фактами, коль скоро автор «Иерусалимца» спокойно отплыл из Яффы, тогда как, если верить ему, Алексей задумал погубить всех крестоносцев во время переправы. Представление о коварстве греков естественным образом связывалось с тем, что знали об их отношениях с Западом, и с поддержкой, какую папа и граф Фландрский оказали им в предыдущие годы. Отсюда до вывода о неблагодарности оставался всего шаг, который вскоре и был сделан. Вот, на мой взгляд, элементы, из которых сложилась легенда, где западноевропейцам отводилась благовидная роль, в то время как греки считались виновными во всех изменах, — легенда, которую делают сомнительной уже сами ее преувеличения.

Некоторые авторы, как Хаммер⁷⁰⁴ и Куглер⁷⁰⁵, заявили, что Алексей действительно просил Запад о подкреплениях, но, недовольный чрезмерной численностью крестоносцев, повел себя по отношению к ним вероломно. Думаю, эту гипотезу принимать не стоит. С 1095 г. империя не нуждалась в подкреплениях, и это был для нее самый спокойный период с начала царствования Алексея. Кроме того, мнение Куглера полностью противоречит тому, что сообщает Анна Комнина, которая говорит, что отец узнал о приближении крестоносцев только из слухов⁷⁰⁶. Алексей с самого начала не питал никаких иллюзий, но он, должно быть, узнал одновременно

о приближении крестоносцев, отбивших из Италии, и о грабежах разнузданных банд Петра Пустынника⁷⁰⁷.

«История, говорят, еще не взглянула на отношения крестоносцев с Востоком шире и беспристрастно, и эти события по-прежнему рассматриваются сквозь призму западных предубеждений. Византийцы неизменно виновны, это они — обманщики и изменники, а остерегаться крестоносцев им было незачем»⁷⁰⁸. Хоть эти упреки несколько преувеличены, в них содержится немалая доля истины. Современные греческие историки рассматривают крестовые походы как пагубное событие для Византийской империи, потратившей на борьбу с латинянами человеческие и денежные ресурсы, которые могли бы ей позволить с выгодных позиций возобновить войну с турками⁷⁰⁹. Эта точка зрения кажется мне очень верной.

Склонность к насилию и жестокость крестоносцев сразу же не понравились грекам. Алексея обвиняли во многом, но недостаточно сказано о том, что крестоносцы, проходя через империю, вели себя как настоящие бандиты, грабили, жгли и разоряли все на своем пути. Эту сторону первого крестового похода осветил Хагенмейер в прекрасной книге, которую посвятил Петру Пустыннику. Еще до него Гиббон⁷¹⁰ сказал: «Разбойники, следовавшие за Петром Пустынником, были дикими зверьми, лишенными разума и человечности»⁷¹¹. Это суровое суждение отчасти применимо и ко всем остальным бандам. Бесчинства и разрушения, каким предавались соратники Готфрида Бульонского или Раймунда де Сен-Жиля, заставили греков воспринимать крестоносцев как агрессоров, более цивилизованных, но и более опасных, чем печенеги или половцы, непрерывным нападениям которых Византия подвергалась так долго. Латиняне и греки изначально смотрели друг на друга с подозрением: мало того, что они считали друг друга еретиками, но и с первого же контакта они стали политическими противниками.

Благодаря одному ценному свидетельству мы можем узнать, какое впечатление на жителей империи произвело появление этой массы вооруженных людей, внезапно распространившейся по византийской территории. Вот в каких выражениях говорит о них Феофилакт, архиепископ Болгарский; резиденция

архиепископа находилась в Охриде, но мы не можем знать, ни где было написано письмо, в котором он приводит эти подробности, ни какие именно банды крестоносцев он имеет в виду. Эта лакуна, однако, не мешает понять его чувства в целом. Обращаясь к одному из друзей, Феофилакт извиняется, что долго не писал, и возлагает вину за эту задержку на крестоносцев: «Проход или вторжение франков, не знаю как сказать, настолько нас захватили и заняли, что мы уже не осознавали самих себя». Далее он добавляет: «Я был словно пьяным; наконец, теперь, когда мы привыкли к обидам со стороны франков, нам проще сносить свои несчастья»⁷¹².

Первые вести, дошедшие до Константинополя, должно быть, представили крестоносцев в неблагоприятном свете. Едва вступив на земли империи, они стали творить грубые бесчинства, и дурное впечатление, произведенное на греков этими вестями, не переменялось с подходом солдат Петра Пустынника. Даже появление основных сил едва ли изменило мнение, сложившееся у василевса поначалу. Всевозможные трения, возникавшие между греками и латинянами после вступления последних на земли империи, еще более затрудняли достижение согласия. Естественно, греки и латиняне как представители двух разных цивилизаций испытывали мало симпатии друг к другу. Византийцы так никогда и не поняли смысла широкого движения, которое по призыву Урбана II привело Запад на Восток; они видели в этом политическую операцию, подобную походу Гвискарда. Если верить Анне Комниной, Бозмунд намеревался использовать крестовый поход, чтобы осуществить свои давние планы относительно Византии, и, должно быть, так же думал Алексей: его преследовали воспоминания об угрозе, какой его государство подверг Роберт Гвискард, и, судя по всему его поведению, он опасался неожиданного нападения на столицу. Цели и религиозного характера похода он не понимал, и упрекать его за это нельзя с учетом поведения «поборников веры, которые опустошали провинции василевса и резали греческих священников под тем предлогом, что они схизматики»⁷¹³.

Впрочем, крестоносцы позаботились подтвердить правоту Алексея. «В крестовом походе было две партии: партия

благочестивых людей и партия политиков», — очень справедливо говорит г-н Куглер⁷¹⁴, но если я согласен считать вместе с ним Боэмунда главой партии политиков, то видеть в Готфриде Бульонском вождя партии благочестивых людей я не могу. Зибель⁷¹⁵ лишил герцога окружавшего его легендарного ореола; напрасно немецкие историки, рассматривая его как соотечественника, приписывают ему ведущую роль, какой он никогда не играл. Нельзя было бы отрицать, что религиозное чувство оказало в первом крестовом походе большое влияние, но это чувство встречалось прежде всего в народе, у простых людей, у второстепенных командиров⁷¹⁶. Возможно, поначалу такие религиозные заботы были и у главных сеньоров, но они исчезли после того, как различные банды соединились. В дальнейшем как Боэмунд, так и Балдуин, как граф Тулузский, так и Готфрид Бульонский забыли о религиозной стороне всего предприятия и помышляли лишь о своих частных интересах. У них на уме было только одно — выкроить себе княжества. Победив турок, они тут же вознамерились обосноваться на завоеванных территориях: Балдуин — в Эдессе, Танкред — в Тарсе, Боэмунд и Сен-Жиль — в Антиохии⁷¹⁷. Из-за соперничества вождей и ссор между ними сеньоры после взятия Антиохии напроочь забыли, что цель экспедиции — освобождение Гроба Господня. Готфрид Бульонский отказывался идти дальше на Иерусалим, «очень мало заслужив таким поведением, — говорит Хагенмейер, — венки, сплетенные для него»⁷¹⁸. Вся эта борьба, все эти распри между крестоносцами едва не сорвали крестовый поход, и если движение к Иерусалиму возобновилось, то только благодаря народу, которому надоели проволочки вождей.⁷¹⁹

Здесь надо напомнить основные черты, характеризовавшие крестовый поход как таковой, чтобы сразу же поместить историю переговоров, завязавшихся под Константинополем, в контекст, в котором они велись, то есть политический, поскольку религиозный аспект особого влияния не оказывал.

Алексей очень хорошо понял ситуацию и действовал в соответствии с ней. Его поведение оценивали очень по-разному. Зибель⁷²⁰ заявил, что Алексей, имея недостаточно сил, чтобы помочь крестоносцам, остался нейтральным. По мнению

Куглера⁷²¹, василевс был вполне в состоянии оказать крестоносцам вооруженную поддержку. Это мнение кажется мне ошибочным и противоречит очень любопытному месту из «Алексиады». Похоже, Куглер не знал этого текста, поскольку не пользуется им в рассказе о первом крестовом походе. В четырнадцатой книге «Алексиады»⁷²² Анна Комнина описывает военное положение империи к моменту прибытия крестоносцев. Византийские войска, хоть и многочисленные, были рассеяны по границам, и их нельзя было отозвать, не поставив под угрозу безопасность страны. Одни были заняты в Сербии и Далмации охраной проходов от вторжения сербов, уже много лет непрерывно ведших войну с Византией. На других была возложена охрана границы по Дунаю, где следовало опасаться нападения половцев, разбитых год назад. Наконец, значительная часть войск была отправлена в Диррахий. Поскольку Алексей смог отбить этот город у норманнов, ему было важно не потерять его снова. Тот факт, что он позаботился расположить там крупный гарнизон, показывает, насколько он еще не доверял Боэмунду — ведь эти предосторожности были приняты, конечно, прежде всего на случай нападения норманнов.

Эта необходимость контролировать границы империи значительно сокращала численность войск, какими василевс мог располагать; с другой стороны, бесчисленным волнам крестоносцев была бы бессильна противостоять и вся византийская армия⁷²³. Поэтому Алексей, который, таким образом, не мог ни отразить войско латинян, ни помочь ему, принял другое решение. Он хотел воспользоваться латинскими силами и взять крестоносцев на службу в качестве наемников. Из всего, что мы знаем, как от западноевропейцев, так и от Анны Комниной, следует, что крестовый поход обошелся империи очень дорого. Алексей в письме Одеризию, аббату Монтекассино, говорит об исключительных расходах, на которые ему пришлось пойти⁷²⁴. Очевидно, что император пытался при помощи многочисленных и богатых даров привязать к себе вождей и милостями привлечь простых воинов. Он отнесся к ним как к наемникам на жалованье, чтобы с их помощью осуществить мечту византийцев — «реконквисту» утраченных азиатских провинций. Куглер, сравнивая Алексея с Боэмундом, сказал, что василевс

был таким же кондотьером, как и князь Тарентский⁷²⁵. На мой взгляд, это абсолютно ошибочное утверждение. Алексей воплотил в себе все византийское величие и всю византийскую спесь, он никогда не считал себя удачливым солдатом, которого привела к власти счастливая случайность, и был убежден, что он — законный наследник престола, соединивший в своем лице права двух династий, которые давали Византии императоров; он никогда не считал крестоносцев равными себе, даже после того, как один из них стал королем Иерусалимским. Он не делал различия между латинскими князьями и франками, приезжавшими из Италии в разные времена, чтобы вступить в ряды греческой армии, вроде какого-нибудь Руссея де Байоля или Умбертопула; он только полагал, что крестоносцы опасней, что их трудней подчинить, потому что их больше. Из «Алексиады» видно, что греки были уверены: при помощи денег с латинянами можно сделать что угодно, их повиновение — только вопрос цены⁷²⁶. В интересах своей империи Алексей считал нужным не соединиться с крестоносцами, как полагает Куглер⁷²⁷, а поставить их себе на службу. Анна Комнина говорит, что отец помогал крестоносцам отчасти из христианского милосердия и отчасти ради того, чтобы уничтожить турецкие силы и вернуть себе прежние границы⁷²⁸; последним соображением василевс прежде всего и руководствовался. Он горел желанием вернуть Византии былой блеск и бывшее могущество, а поскольку случай предоставил ему армию, какой давно не видывала империя, все сводилось к тому, чтобы суметь привлечь ее и поставить себе на службу. Чтобы достичь этой цели, надо было проявлять щедрость, но также и внушать страх, демонстрируя крестоносцам, что без помощи императора они были бы ни на что не способны. Именно ощущение этого диктовало василевсу его поведение. Раймунд Ажильский очень ясно показывает, чего хотел Алексей, когда говорит, что василевс обещал давать крестоносцам деньги, которых они хотят, пока они останутся у него на службе⁷²⁹. Куглер⁷³⁰, похоже, не понял взглядов Алексея, если сказал, что Византии следовало бы довольствоваться Малой Азией и оставить Сирию и Антиохию крестоносцам. В чем-либо поступиться правами Византии значило бы нарушить традицию империи. Империя

могла на время утратить восточные владения, но ее права оставались незыблемыми, и при первом удобном случае их следовало предъявить. Добровольный отказ от Антиохии, «города ста пятидесяти башен», оплота империи против турок со стороны Киликии, стал бы серьезной ошибкой. Это была одна из крепостей, которую василевс должен был ценить больше всех, крепость, обеспечивавшая охрану восточной границы.

Заставить крестоносцев признать себя в качестве вождя, воспользоваться ими как наемниками — таков был план василевса, который, чтобы еще более привязать их к себе, подстроился под их обычаи и добился от них принесения оммажа. Надо сказать, что Алексей, коль скоро он понес значительные расходы ради крестоносцев, считал, что приобрел на них права, а поведение вождей укрепляло его в этом мнении. Греческие деньги с удовольствием принимались самыми надменными из латинских князей и преодолели первое сопротивление воле императора. Их подчинение дополнительно упростила усвоенная вскоре ими убежденность, что помощь василевса необходима для их дела, по меньшей мере поначалу, и что без нее у них ничего не получится⁷³¹.

В осуществление своих планов Алексей вложил всю политическую ловкость; великолепный дипломат, он ради достижения своей цели сумел воспользоваться всеми слабостями и всеми недостатками латинян; ему ничего не стоило расточать обещания и дары, чтобы привлечь крестоносцев на свою сторону. Но, заключив с ними договор, василевс хранил верность слову, и разрыв между ним и латинскими князьями по большей части следует связывать с недобросовестностью последних. Впрочем, Алексей по-прежнему старался оставаться с крестоносцами в добрых отношениях и находить среди них союзников против единственного из них, на которого он возлагал ответственность за их вероломство, — против князя Антиохийского. В глазах Комнина настоящими врагами Византии были Боэмунд и Танкред, обосновавшиеся на киликийской границе; остальные крестоносцы были слишком далеко, чтобы императору стоило тревожиться из-за них. Но в результате долгой политической борьбы с Боэмундом, которую пришлось выдержать василевсу, в глазах европейцев

Комнин стал врагом всех крестоносцев, поскольку Боэмунд, оказавшись в 1106 г. во Франции, именно так представлял его массе рыцарей, пришедших вступить в войско. Изобразив греческого императора врагом всех латинян, а не своим личным врагом, как было на самом деле, Боэмунд, более чем кто-либо другой, способствовал складыванию легенды, враждебной Алексею.

Первые крестоносцы, появившиеся под Константинополем, прибыли из Италии⁷³²; прежде всего к ним присоединились банды Вальтера Голяка⁷³³. На этот первый отряд нападали сербы и болгары, и его численность существенно сократилась; прибыв в Ниш, он был хорошо принят губернатором провинции, велевшим сопроводить его до Адрианополя, откуда он 20 июля 1096 г. подошел к Византию. Алексей позволил ему дожидаться Петра Пустынника и велел выдать крестоносцам провизию⁷³⁴. Вскоре, 30 июля, с ними соединился Петр Пустынник. Наш единственный источник сведений о походе последнего — Альберт Ахенский, и рассказ этого хрониста подвергается резкой критике. Вот что он сообщает.

Выступив 19 или 30 апреля из Кёльна⁷³⁵, Петр Пустынник сумел к концу июня достичь греческих границ. Подойдя к Маллевилле⁷³⁶, он узнал, что граф этой провинции Гнуж, вассал венгерского короля Кальмана, и Никита, губернатор Болгарии, напали на Вальтера Голяка. Пожелав за него отомстить, Петр Пустынник осадил город и захватил его. Болгарией тогда управлял проедр Никита⁷³⁷, бывший помощник Алексея во время войны с печенегами. Побежденный Петром Пустынником, дука бежал в Ниш. Когда Петр подступил к этому городу, начались переговоры. Петр выдал заложников и получил разрешение купить провизию. Но, уходя, крестоносцы подожгли мельницы и дома в предместьях города. Никита погнался за ними со своими войсками, разбил и взял много пленных. Петр, который опередил своих, вернулся, чтобы вступить в переговоры, но завязался бой, в котором крестоносцы потерпели поражение. Они едва добрались до Софии. Никита через гонцов дал знать Алексею о поведении соратников Петра Пустынника. Василевс отправил послов, которые встретили Петра перед вступлением в Софию. Именем императора

они запретили ему останавливаться в одном и том же городе более чем на три дня и известили, что были отданы приказы поставлять ему провизию. Наконец, посланцы добавили, что император знает обо всем зле, которое Петр причинил Никите, но прощает его из-за несчастий, пережитых крестоносцами. После этого Петр Пустынник продолжил путь на Филиппополь и Адрианополь. В последнем городе он застал новых посланцев императора, который, желая его видеть, велел ему форсировать марш к Константинополю⁷³⁸.

Я ограничился тем, что кратко пересказал рассказ Альберта Ахенского. Хагенмейер изложил его во всех подробностях, так что отсылаю к его труду⁷³⁹. Что следует думать об этом рассказе и насколько ему можно доверять? Трудно сказать, потому что опорные точки для критики отсутствуют. Вильгельм Тирский, который мог бы дать некоторые подробности, в этом месте просто воспроизвел текст Альберта Ахенского. Зибель⁷⁴⁰ отверг целиком всё рассказанное Альбертом. На его взгляд, у Петра Пустынника была настоящая армия. Его мнение основано на описании подходивших к Константинополю войск, которое сделала Анна Комнина⁷⁴¹. Этот тезис оспорили позднейшие немецкие историки⁷⁴², и Хагенмейер выступил против заключений Зибеля⁷⁴³. Он полагает, что в указанном месте «Алексиады» есть не всё, что усмотрел там Зибель, и что автор «Алексиады» описывает скорее лагерь всех крестоносцев, собравшихся под Константинополем, чем вид одних только войск Петра Пустынника. Наконец, опираясь на Барийскую хронику⁷⁴⁴, намекающую на страдания крестоносцев до вступления на землю империи, Хагенмейер в заключение говорит, что в рассказе Альберта Ахенского есть доля истины. Я разделяю его мнение и, полагая, могу добавить к его соображениям новое доказательство, подтверждающее Барийскую хронику. Согласно рассказу Альберта Ахенского⁷⁴⁵, на Петра Пустынника прежде всего напали одни *венгры*. Потом Никита, чтобы отомстить за *венгров*, вызвал в Ниш византийские войска. Далее мы видим, что войска губернатора Болгарии и *венгры* все еще действуют совместно⁷⁴⁶. Очевидно, что в этих разных столкновениях ведущую роль играли венгры. Но Анна⁷⁴⁷ говорит, что отец, принимая Петра, говорил с ним

о том, что тот претерпел от турок. Даже если предположить, что Петр уже побывал в Иерусалиме, что не доказано, было бы весьма маловероятно, чтобы Алексей говорил с Петром о его первом путешествии, а его дочь упомянула об этой теме беседы. Более естественно, если разговор шел о перипетиях дороги из Кёльна. Слово «турки» не создает проблем. Правда, турок Петр Пустынник не встретил, но надо вспомнить, что у византийцев венгров часто называли турками⁷⁴⁸. В таком случае текст Анны Комниной подтверждает то, что говорит Хагенмейер: сведения Альберта Ахенского достоверны как минимум в основном.

Несомненно, у Альберта встречаются невероятные утверждения: например, невозможно, чтобы гонцы Никиты съездили в Константинополь и вернулись в Ниш, исходный пункт, за четыре дня; но все-таки доля истины в этом рассказе есть. Что следует допустить нам? Г-н Веркрёйссе, посвятивший первой книге хроники Альберта Ахенского очень хорошее исследование, полагает, что правдоподобным мы можем признать прежде всего взятие Маллевиллы (Землина) войсками Петра, но учитывая, что данное событие произошло при обстоятельствах куда менее почетных, чем говорит Альберт⁷⁴⁹. Кроме того, он допускает, что имели место большое сражение при Нише, вызванное бесчинствами крестоносцев, отправка посольства императором навстречу паломникам (как мы увидим, так встречали и все остальные отряды⁷⁵⁰) и спокойный переход после этого до Константинополя. Вероятно, среди утверждений, которые мы отвергаем, встречаются и справедливые; но поскольку у нас нет способов отличить истинное от ложного, нам придется довольствоваться этим, не признавая, как Куглер⁷⁵¹, истинными все изложенные Альбертом факты, кроме тех, ложность которых была продемонстрирована бесспорно⁷⁵².

30 июля⁷⁵³ Петр Пустынник подошел к Константинополю; вероятно, его поселили за пределами города. Василевс не показал ему, что затаил зло на крестоносцев за их поведение, и роздал им провизию и тетартероны⁷⁵⁴; он имел встречу с Петром Пустынником, которому посоветовал остаться под Константинополем и дожидаться остальных крестоносцев⁷⁵⁵. Ведь он, должно быть, быстро заметил, что первые банды обладают

невысокими боевыми качествами. Но вскоре василевс раскаялся, что дал такой совет. Крестоносцы принялись грабить и жечь все в окрестностях Константинополя, они не почитали даже церквей, срывая свинец, каким те были покрыты, и продавая его грекам⁷⁵⁶. Понятно, что Алексей переменял мнение и, мало заботясь о том, чтобы сберечь этих неудобных гостей, велел им переправиться через Босфор⁷⁵⁷. Крестоносцам хватило пяти дней, чтобы вывести императора из терпения: прибыв 30 июля, перебираться через пролив они начали 5 августа⁷⁵⁸. Позже Комнина обвинили, что тем самым он послал войска Петра Пустынника на верную гибель⁷⁵⁹. Это обвинение абсолютно несправедливо — крестоносцы вполне могли остаться в Кивоте⁷⁶⁰, где турки бы их не потревожили. Они встретились с последними, только когда двинулись вглубь континента ради грабежа. Поведение Алексея в отношении Петра Пустынника не кажется мне предосудительным: незачем лишний раз повторять, что люди последнего были мало достойны одобрения и малоинтересны, что, впрочем, очень ясно следует и из рассказа автора «Деяний», враждебно настроенного по отношению к ним.

В Азии крестоносцы продолжили свои подвиги, сжигая и разоряя дома и церкви⁷⁶¹. Но, опустошив все вокруг себя, они были вынуждены расширить географию вылазок. Это и случилось после двух месяцев проживания в Кивоте. Между тем они сохраняли связь с Константинополем, откуда василевс посылал им провизию. Альберт Ахенский упоминает даже посольство, которому император поручил еще раз посоветовать Петру не идти на турок⁷⁶². Но авторитет Петра очень ослаб. Дисциплина неуклонно падала, судя по «Деяниям»⁷⁶³ и Циммернской хронике⁷⁶⁴. От безнаказанности соратники Пустынника вели себя все более дерзко, расширив сферу своих действий до Nikei, а некоторые добрались и до замка Ксеригорд⁷⁶⁵, расположенного в четырех днях пути за Nikeей. Скорым наказанием за эту неосторожность стала резня крестоносцев в Ксеригорде, за которой быстро последовала двойная победа турок — на берегах Дракона и под самым Кивотом⁷⁶⁶.

К моменту этой катастрофы Петр, бессильный добиться, чтобы его слушались, покинул лагерь и вернулся

в Константинополь⁷⁶⁷. Там он и узнал о беде, случившейся с его людьми. Перед императором он, как рассказывает Анна, оправдался тем, что соратники отказали ему в повиновении⁷⁶⁸. Если верить автору «Деяний»⁷⁶⁹, Алексей очень радовался этому поражению, но такое утверждение бездоказательно и противоречит фактам. Ведь Алексей, узнав о разгроме крестоносцев, послал флот под командованием Константина Евфорвина Катакалона, чтобы подобрать остатки армии. Выживших доставили в Константинополь и позволили им дожидаться подхода других крестоносцев. Хронисты осуждают Алексея за то, что он отобрал у паломников оружие. То, как последние себя вели, когда появились в Константинополе в первый раз, никак не могло внушить василевсу доверие к ним, и по справедливости он не заслуживает упреков за эти меры предосторожности. Анна Комнина⁷⁷⁰, в рассказе которой Петр называет соратников разбойниками и ворами, возможно, вложила ему в уста слова, каких он не произносил, но, конечно, передает впечатление, которое первые крестоносцы произвели на греков. Прибытие основных крестоносных сил этого впечатления не изменит.

Папский легат Адемар, епископ Ле-Пюи, местом сбора назначил Константинополь. Именно там должны были соединиться крестоносцы, прибывшие из разных стран Запада. Анна Комнина⁷⁷¹ оставила нам сведения о мерах, принятых отцом. Ее рассказ относится к паломникам, прибывшим из Италии⁷⁷², но мы можем отнести эти частности ко всей экспедиции, ведь, судя по сообщениям разных историков первого крестового похода, василевс поступал одинаково с каждым корпусом, направлявшимся к Константинополю.

Алексей⁷⁷³ решил навстречу каждой банде посылать чиновников, которым поручалось встречать пришельцев и обещать им питание во время всего перехода через земли империи, но в то же время за войсками на марше на определенном расстоянии должны были следовать греческие солдаты, которым надлежало возвращать их на правильный путь, когда те будут от этого пути отклоняться, чтобы ограбить какую-нибудь деревню. Эта тактика строго соблюдалась; крестоносцы не упускали случая покуситься на грабеж, но печенеги, на которых

постоянно жалуются историки первого крестового похода, вмешивались и не допускали особых бесчинств. Василевса очень сильно критиковали за эту меру; историки щедры на эпитеты «коварный», «несправедливый» и т. д.; но, думаю, все эти обвинения в измене отпадают сами, если обратить внимание, что всем нападениям печенегов в рассказах западных историков предшествует атака крестоносцев на греческий город или деревню. По-моему, из этого следует: мы можем удовлетвориться тем, что на этот счет говорит Анна; не надо порицать Комнина за попытку не допустить повторения бесчинств, какие устроили банды Петра Пустынника.

Первым крестоносным вождем, которому пришлось подчиниться мерам, принятым Алексеем, был Гуго Младший, граф Вермандуа, брат французского короля Филиппа I. Отправляясь из Италии, Гуго предупредил Алексея о своем прибытии письмом⁷⁷⁴. Василевс немедленно оповестил губернатора Диррахия — своего племянника Иоанна и отправил флот Николая Маврокатакалона следить за морем. Вдоль побережья были расставлены посты, чтобы граф не мог высадиться тайно. Из всего этого вытекает, что Комнину были неизвестны силы графа Вермандуа и он опасался внезапного удара по Диррахию. Гуго, очень любивший показуху, отправил впереди себя к дукe Диррахия посольство из двадцати четырех рыцарей. Должно быть, Иоанн Комнин проникся высоким мнением о могуществе графа и удвоил внимание к нему. Но Гуго предстояло прибыть в очень жалком виде. Отплыв из Бари, он потерял бóльшую часть кораблей во время шторма и высадился между мысом Пали и Диррахием почти один.

Встреченный одним из постов, которым было поручено следить за берегом, Гуго был препровожден в Диррахий и очень хорошо там принят Иоанном Комнином, который обошелся с ним весьма почтительно, но задержал при себе до момента, пока василевс, которому сообщили о прибытии графа, не прислал Вутумита, чтобы доставить его в Константинополь⁷⁷⁵. Комнин желал оставить при себе столь ценного заложника — это ясно следует из слов, какие использует Анна. Она говорит, что графу Вермандуа предоставили *ἀνέτως μὲν, οὐκ ἔλευθέρως δέ* [волю, но не полную свободу (*греч.*)]⁷⁷⁶.

Фульхерий Шартрский использовал те же выражения, сказав о графе: «Non omnino libere moratus est» [находится не на вполне свободном положении (*лат.*)]⁷⁷⁷. Из Диррахия Гуго был отвезен в Константинополь через Филиппополь, чтобы он не встретился с бандами крестоносцев, уже направлявшимися к Константинополю. Добравшись до столицы, граф Вермандуа нашел общий язык с василевсом и, получив существенную сумму денег, принес ему клятву верности⁷⁷⁸ и остался при дворе⁷⁷⁹ (дело было в октябре-ноябре 1096 г.⁷⁸⁰).

В конце 1096 г. с крупным крестоносным войском к Константинополю подошел Готфрид Бульонский. Единственный источник наших сведений об экспедиции герцога Лотарингского и по истории его отношений с Алексеем до подхода к Константинополю — Альберт Ахенский⁷⁸¹, так как Анна его дополняет лишь в отношении последующих событий.

Вот основные тезисы рассказа Альберта. Когда Готфрид вступил на территорию империи между Белградом и Нишем, к нему прибыли посланцы Алексея, именем императора потребовавшие от него не грабить и пообещавшие провизию, которую крестоносцы должны были в изобилии найти по вступлении в Ниш. Участники похода мирно продолжили движение до Филиппополя, пройдя через Средец⁷⁸². В Филиппополе крестоносцы узнали о пленении Гуго де Вермандуа. Готфрид немедленно отправил посольство, которому было поручено потребовать от императора освобождения графа Вермандуа. Эту миссию опередили граф Эно и Генрих из Аша, выехавшие раньше в надежде получить дары от щедрот императора. Готфрид Бульонский с основными силами армии продолжил путь до Силиврии на Мраморном море. В этом городе он узнал, что Комнин отказывается освободить Гуго, и сразу же принялся разорять страну⁷⁸³. После этого император отправил послов, чтобы добиться от герцога прекращения грабежей. Готфрид согласился и продолжил движение к столице, к которой подошел 23 декабря 1096 г.⁷⁸⁴ Там он свиделся с графом Вермандуа и принял посланцев Алексея, пригласившего его во дворец⁷⁸⁵.

Что в этом рассказе истинного? Отpravку посольства Алексея к Готфриду можно допустить, поскольку такой образ

действий, похоже, был обычным. С другой стороны, очень возможно, что в Филиппополе Готфрид узнал о пленении графа Вермандуа, так как мы видели, что по пути в Константинополь граф проехал через этот город. Может быть, тогда же стало известно о милости, какой последний удостоился от Алексея, чем может объясниться отъезд графа Эно. Что касается посольства Готфрида к Комнину, то я согласен с Зибелем: Готфрид узнал из слухов о пленении Гуго, но не получал от последнего призыв о помощи и, следовательно, не наткнулся на отказ императора в его освобождении⁷⁸⁶. Это мнение кажется мне тем более обоснованным, что Гуго, после того как Алексей прислал его к Готфриду, вернулся в Константинополь и жил там, пока крестоносцы стояли под столицей⁷⁸⁷. То есть с императором он не ссорился. Зибель, чтобы объяснить грабеж, в котором оказались повинны французы, предположил, что Готфрид, недовольный, что Гуго его опередил, настолько разгневался, что велел разорять страну. Признаюсь, что не понимаю, с чего бы герцог, чтобы отомстить графу Вермандуа, прибытие которого спутало его планы, стал вымещать гнев на Алексее. Почему бы не допустить, что грабеж начался беспричинно? Разве мы не видим, что банды Петра Пустынника и солдаты Боэмунда, Танкреда и графа Тулузского не нуждались в поводах, чтобы предаться всевозможным насилиям? Едва ли войско Готфрида было более дисциплинированным, чем у остальных вождей.

Куглер⁷⁸⁸, верный своему подходу, считает весь рассказ Альберта истинным, так же как и Кребс⁷⁸⁹. Вопреки им я вынужден признать вместе с Зибелем: в том, что касается мнимого посольства, посланного потребовать освобождения графа Вермандуа, рассказ Альберта имеет тенденциозный характер⁷⁹⁰; автор пытается изобразить Готфрида опорой армии, спасителем и освободителем других крестоносных вождей, тем самым готовящимся достойно принять венец Гроба Господня. Правдивость остального рассказа вполне можно допустить, за исключением того, что касается Гуго. Последний действительно повидался с Готфридом, но вернулся в Константинополь, как я сказал выше.

Перейдем теперь к пребыванию Готфрида Бульонского под Константинополем. Крестоносцы стали лагерем за городом,

но, несмотря на эту меру предосторожности, по-прежнему оставались опасными, потому что не присягнули. Алексей особенно не хотел допустить, чтобы в данный момент разные банды соединились под стенами столицы, и поэтому пытался добиться от Готфрида присяги на верность, чтобы потом иметь возможность переправить его в Малую Азию. Герцог сразу же стал демонстрировать враждебное отношение к императору⁷⁹¹. Он отказался от встречи, которую василевс предложил ему через Гуго, и с тех пор их отношения стали очень напряженными.

Одним из важнейших для крестоносцев был вопрос питания. Из-за него они всецело зависели от императора, потому что на ограниченном пространстве было трудно найти провизию в достаточном количестве, чтобы прокормить множество паломников. Без амбаров Константинополя было не обойтись. Поэтому мы видим, что при помощи этого средства Алексей несколько раз пытался оказать нажим на крестоносцев. Об организации этой службы снабжения нам не известно ничего. Судя по «Песни об Антиохии», она была возложена на Татикия:

Эстатин посылает им и мясо, и вино, и зерно,
И фураж, и овес, и хлеб из просеянной муки⁷⁹².

В ответ на отказ Готфрида прийти на встречу, которую предложил Алексей, отказ, вызванный исключительно недоверием, василевс впервые прекратил поставку продовольствия⁷⁹³. Но, придя в ужас от опустошений, какие устроил в окрестностях Балдуин, император был вынужден отказаться от этой меры. Тогда он прибегнул к другим средствам, чтобы повлиять на латинян: он предложил им поселиться в предместье Пера⁷⁹⁴, где они будут лучше защищены от зимних холодов и где также проще будет их контролировать. Это предложение было принято (после 29 декабря)⁷⁹⁵.

По поведению Готфрида ясно видно, что он хотел дождаться подхода Бозмунда, чтобы получить возможность действовать по-своему, когда у него будет достаточно сил, чтобы обойтись без императора. Алексей, понявший, на что рассчитывает Готфрид, велел войскам поставить под контроль дорогу от Афиры до Филеи, чтобы не допустить никакого контакта между герцогом и Бозмундом; тем самым он строго блокировал лагерь

крестоносцев⁷⁹⁶. Всю зиму Готфрид отказывался уступать просьбам василевса. Настал март, и Алексей узнал, что скоро должен подойти Боэмунд. Император возобновил переговоры с Готфридом, чтобы добиться соглашения до появления норманнов. Переговоры длились дней пятнадцать, причем от всякой встречи Готфрид отказывался⁷⁹⁷. Однако Боэмунд неумолимо приближался, и надо было любой ценой не допустить, чтобы его войска соединились с войсками Готфрида и оба вождя заключили соглашение меж собой. Ранее Комнину удавалось исключить любой контакт между ними, но чем ближе был Боэмунд к Константинополю, тем трудней становилась эта задача. Алексей счел, что лучшее средство оставить Боэмунда в неведении — это послать за ним; если в Константинополь его сопровождают греческие посланцы, по дороге Боэмунд узнает только то, что ему сочтут нужным сказать, и не сможет форсировать марш своей армии. Тем самым император надеялся выгадать несколько дней, которые рассчитывал использовать, чтобы добиться подчинения от Готфрида. Ввиду упрямства герцога Лотарингского⁷⁹⁸, по-прежнему отказывавшегося от предложений о встрече, Алексей решил поторопить события. Дело было в четверг 2 апреля. Император урезал поставки продовольствия крестоносцам в надежде, что, проголодавшись, они станут уступчивей⁷⁹⁹. В то же время он попытался повлиять на герцога через посредство его графов⁸⁰⁰. В отношении дальнейших событий у нас есть две версии. Анна Комнина утверждает, что латиняне, решив, что император задержал в городе нескольких графов как пленников, напали на столицу. Согласно Альберту Ахенскому, греки напали на латинян, пришедших на рынок. Мне кажется вероятным, что между Алексеем и графами состоялись переговоры на предмет провизии. Несомненно, император обещал предоставить ее им в обилии, если они добьются от Готфрида принесения клятвы. Тем временем, должно быть, на рынке произошло столкновение между греками и латинянами, переросшее в общую драку. Так можно согласовать обе версии, одна из которых, версия Альберта, неприемлема в том виде, в каком он ее приводит. Я не могу поверить, чтобы Алексею, во всяком случае, в тот день, пришла в голову мысль внезапно

напасть на крестоносцев. Из рассказа Анны Комниной следует, что в Константинополе ничто не было готово ни для обороны, ни для нападения, и воцарившееся в городе смятение, которое она изображает, — доказательство, что неожиданно нападать на крестоносцев Алексей не собирался. Видимо, тогдашний бой был не очень серьезным; это видно, как отметил Зибель, по количеству убитых и пленных; это была просто стычка⁸⁰¹. Балдуин сумел помешать грекам запретить латинян в Пере; разорив Перу⁸⁰², крестоносцы сожгли Влахернские ворота⁸⁰³ и вынудили греков вернуться в город⁸⁰⁴. Анна Комнина говорит о победе греков, Альберт Ахенский — о победе латинян. Вероятно, бой большого значения не имел.

Обратившись к Альберту Ахенскому, мы узнаем, что в результате этого боя Алексей якобы выдал в качестве заложника своего сына Иоанна, и Готфрид согласился дать клятву. Но, на мой взгляд, весь рассказ Альберта имеет мифический характер и включает ложные сведения, такие как послание Боэмунда Готфриду. Все, что этот автор говорит о герцоге Лотарингском, тенденциозно. С другой стороны, как объяснить, что после безрезультатного боя или, если верить Альберту, после победы латинян Готфрид мог согласиться дать Алексею клятву, то есть беспричинно решиться на поступок, совершить который он отказывался столько времени? В таком случае поведение герцога Лотарингского — настоящая загадка. Что касается меня, то я думаю, что Альберт принял народную версию, отголосок которой доносит до нас «Песнь об Антиохии». Там в заложники был выдан уже не Иоанн, сын Алексея, а Гвидо, брат Боэмунда и племянник Алексея. Альберт Ахенский и «Песнь об Антиохии», говоря об этих конфликтах Готфрида Бульонского с Алексеем, описывают событие, которое произошло лишь позже, когда крестоносцы заключили договор с Комнином. Из одного письма крестоносцев⁸⁰⁵ мы знаем, что Алексей дал им в качестве заложников племянника и зятя, но имена этих людей не приводятся. Народное предание вдохновилось этим фактом и сделало этого человека главным действующим лицом крестового похода. Таким образом, я считаю весь рассказ Альберта Ахенского ложным и склонен доверять Анне Комниной.

После первого сражения Алексей поручил графу Вермандуа переговорить с Готфридом. В ответ на отказ последнего Комнин, ожидавший скорого прибытия Боэмунда, решил попытаться принудить герцога силой. На сей раз греки вышли победителями. Готфриду пришлось дать клятву, что он до сих пор отказывался делать, и переправиться со своими войсками в Малую Азию⁸⁰⁶. У рассказа Анны есть одно большое преимущество — только он объясняет перемену позиции герцога Лотарингского.

Таким образом, Готфрид обязался стать человеком василевса и пообещал вернуть ему все территории и все города, прежде принадлежавшие империи. После того как герцог выполнил то, что от него требовалось, Алексей поспешил осыпать его очень ценными дарами и принял у себя во дворце, за своим столом⁸⁰⁷. Армия крестоносцев переправилась через пролив и стала лагерем под Пелеканом⁸⁰⁸, на азиатском берегу.

После отъезда Готфрида в Византий прибыл Боэмунд — должно быть, в первые дни апреля⁸⁰⁹. Истинную роль сына Гвискарда осветил Зибель, показав, как этого человека окружили ореолом легенды и приписали ему с самого начала крестового похода политическую линию, которой он на самом деле стал следовать лишь позже. После смерти отца Боэмунд счел Италию слишком тесной для своих амбиций. Весть о грядущем крестовом походе⁸¹⁰ он воспринял с энтузиазмом и выехал с мыслью создать себе княжество на Востоке, но поначалу, как ясно видно из его поведения и из свидетельств Анны, рассчитывал для завершения своего замысла опереться на греков. Он сразу же натолкнулся на непреодолимое недоверие императора, разделявшего общее чувство, какое испытывало население краев, через которые прошли норманны⁸¹¹, и по-прежнему считавшего, что Боэмунд зарится на его корону. Поэтому против Боэмунда были приняты совершенно особые меры. Именно о прибывших из Италии крестоносцах Анна говорит, что отец установил над ними строгий контроль, и «Деяния» долго рассказывают о трудностях, вызванных этими мерами.

Должно быть, Боэмунд покинул Италию в начале ноября 1096 г.⁸¹² Анна Комнина⁸¹³ рассказывает о крупном сражении,

которое норманнскому флоту дал греческий во время перехода первого через Адриатическое море. Сведений об этом морском бое мы не находим больше нигде; в нем надо видеть выдумку или преувеличение Анны. Боэмунд высадился в Авлоне, где его войска нашли подготовленную в изобилии провизию⁸¹⁴; норманнский князь желал сохранить добрые отношения с императором и поэтому запретил солдатам заниматься грабежом. Вот что об этом говорят «Деяния»: «Tunc Boamundus ordinavit concilium cum gente sua, confortans et monens omnes ut boni et humiles essent et ne depredarentur terram istam quia Christianorum erat et nemo acciperet nisi quod ei sufficeret ad edendum» [Тогда Боэмунд устроил совет со своими людьми, ободряя и призывая всех быть добрыми и смиренными, и не грабить эту страну, ибо это страна христиан, и не брать никому сверх того, что ему будет довольно для еды (лат.)]⁸¹⁵. Из Авлоны армия направилась в Касторию, которую миновала 25 декабря, а потом продолжила путь к Пелагонии. По дороге крестоносцы уничтожили укрепленную деревню, где жили манихеи⁸¹⁶. На несколько дней армия осталась в Пелагонии. Следить за крестоносцами и наказывать их за нападения было поручено печенегам, включенным после поражения в византийские войска, и вспомогательным турецким отрядам. За враждебный акт, который совершили солдаты Боэмунда по отношению к еретикам, они вскоре были наказаны — на берегах Вардара на них напали⁸¹⁷. Танкред отбросил греческие войска, которые, воспользовавшись удобным случаем, внезапно кинулись на крестоносцев. Норманны взяли несколько пленных, но Боэмунд, следуя своей линии поведения, приказал их отпустить.

Через недолгое время армия встретила посланцев Алексея, которым было поручено сопровождать их и поставлять им провизию в те местности, через которые они пойдут, запретив при этом заходить в города⁸¹⁸. Танкред, племянник Боэмунда⁸¹⁹, у которого не было тех же мотивов, что у дяди, оставаться в хороших отношениях с василевсом, поссорился с Боэмундом, не давшим ему напасть на один замок. Алексей, со своей стороны, хранил верность принятым обязательствам — в Серрах⁸²⁰ крестоносцы нашли провизию в избытке;

тогда же к Боэмунду прибыли два куропалата, присланные императором, которые пообещали ему от имени их повелителя многочисленные дары, если он отправится в Византий, опередив свою армию⁸²¹. Прибыв в Русий 1 апреля, Боэмунд, прельщенный обещаниями василевса и рассчитывающий, подчинившись ему, найти с ним общий язык, оставил командование на Танкреда и выехал⁸²² в Константинополь.

Император пожелал его увидеть по прибытии, прежде чем тот мог бы подпасть под влияние Готфрида Бульонского⁸²³. Боэмунда поселили в квартале Космидий; он выражал очень дружеские чувства по отношению к Алексею, но не доверял ему. Анна в связи с этим рассказывает занятный анекдот: Алексей прислал Боэмунду много мясных блюд. Боэмунд, опасаясь, не отравлены ли они, не притронулся к ним, но накормил ими своих соратников, у которых на следующий день с большим интересом спрашивал, как они себя чувствуют⁸²⁴.

Клятвы верности от Боэмунда Алексей добился очень легко. За подчинение он вознаградил Боэмунда богатыми дарами. Василевс, — говорит Анна, — вел Боэмунда по дворцу и внезапно открыл перед ним дверь комнаты, наполненной золотом и серебром, драгоценными камнями и богатыми тканями. Зрелище всех этих богатств ослепило норманна, и он воскликнул: «Если бы у меня было столько богатств, я бы давно овладел многими странами». Тогда Алексей послал все эти сокровища Боэмунду, и тот после первого отказа в конце концов принял сделанный ему подарок⁸²⁵.

Итак, между Боэмундом и Алексеем было достигнуто полное взаимопонимание, по крайней мере по видимости. Именно тогда Боэмунд дал понять, какие планы он вынашивает. Он попросил василевса назначить его на должность великого доместика Востока. Он надеялся тем самым получить поддержку греков, чтобы приступить к своим завоеваниям. Комнин, не желая ни отталкивать от себя Боэмунда отказом, ни давать ему оружие против самого себя, одобрял его планы, в то же время затягивая с ответом⁸²⁶. Именно к тому времени, думаю, следует отнести обещание Алексея дать Боэмунду территорию в области Антиохии. Василевс, чтобы не ссориться

которое норманнскому флоту дал греческий во время перехода первого через Адриатическое море. Сведений об этом морском бое мы не находим больше нигде; в нем надо видеть выдумку или преувеличение Анны. Боэмунд высадился в Авлоне, где его войска нашли подготовленную в изобилии провизию⁸¹⁴; норманнский князь желал сохранить добрые отношения с императором и поэтому запретил солдатам заниматься грабежом. Вот что об этом говорят «Деяния»: «Tunc Boamundus ordinavit concilium cum gente sua, confortans et monens omnes ut boni et humiles essent et ne depredarentur terram istam quia Christianorum erat et nemo acciperet nisi quod ei sufficeret ad edendum» [Тогда Боэмунд устроил совет со своими людьми, ободряя и призывая всех быть добрыми и смиренными, и не грабить эту страну, ибо это страна христиан, и не брать ник ому сверх того, что ему будет довольно для еды (лат.)]⁸¹⁵. Из Авлоны армия направилась в Касторию, которую миновала 25 декабря, а потом продолжила путь к Пелагонии. По дороге крестоносцы уничтожили укрепленную деревню, где жили манихеи⁸¹⁶. На несколько дней армия осталась в Пелагонии. Следить за крестоносцами и наказывать их за нападения было поручено печенегам, включенным после поражения в византийские войска, и вспомогательным турецким отрядам. За враждебный акт, который совершили солдаты Боэмунда по отношению к еретикам, они вскоре были наказаны — на берегах Вардара на них напали⁸¹⁷. Танкред отбросил греческие войска, которые, воспользовавшись удобным случаем, внезапно кинулись на крестоносцев. Норманны взяли несколько пленных, но Боэмунд, следуя своей линии поведения, приказал их отпустить.

Через недолгое время армия встретила посланцев Алексея, которым было поручено сопровождать их и поставлять им провизию в те местности, через которые они пойдут, запретив при этом заходить в города⁸¹⁸. Танкред, племянник Боэмунда⁸¹⁹, у которого не было тех же мотивов, что у дяди, оставаться в хороших отношениях с василевсом, поссорился с Боэмундом, не давшим ему напасть на один замок. Алексей, со своей стороны, хранил верность принятым обязательствам — в Серрах⁸²⁰ крестоносцы нашли провизию в избытке;

тогда же к Боэмунду прибыли два куропалата, присланные императором, которые пообещали ему от имени их повелителя многочисленные дары, если он отправится в Византий, опередив свою армию⁸²¹. Прибыв в Русий 1 апреля, Боэмунд, прельщенный обещаниями василевса и рассчитывающий, подчинившись ему, найти с ним общий язык, оставил командование на Танкреда и выехал⁸²² в Константинополь.

Император пожелал его увидеть по прибытии, прежде чем тот мог бы подпасть под влияние Готфрида Бульонского⁸²³. Боэмунда поселили в квартале Космидий; он выражал очень дружеские чувства по отношению к Алексею, но не доверял ему. Анна в связи с этим рассказывает занятный анекдот: Алексей прислал Боэмунду много мясных блюд. Боэмунд, опасаясь, не отравлены ли они, не притронулся к ним, но накормил ими своих соратников, у которых на следующий день с большим интересом спрашивал, как они себя чувствуют⁸²⁴.

Клятвы верности от Боэмунда Алексей добился очень легко. За подчинение он вознаграждал Боэмунда богатыми дарами. Василевс, — говорит Анна, — вел Боэмунда по дворцу и внезапно открыл перед ним дверь комнаты, наполненной золотом и серебром, драгоценными камнями и богатыми тканями. Зрелище всех этих богатств ослепило норманна, и он воскликнул: «Если бы у меня было столько богатств, я бы давно овладел многими странами». Тогда Алексей послал все эти сокровища Боэмунду, и тот после первого отказа в конце концов принял сделанный ему подарок⁸²⁵.

Итак, между Боэмундом и Алексеем было достигнуто полное взаимопонимание, по крайней мере по видимости. Именно тогда Боэмунд дал понять, какие планы он вынашивает. Он попросил василевса назначить его на должность великого доместика Востока. Он надеялся тем самым получить поддержку греков, чтобы приступить к своим завоеваниям. Комнин, не желая ни отталкивать от себя Боэмунда отказом, ни давать ему оружие против самого себя, одобрял его планы, в то же время затягивая с ответом⁸²⁶. Именно к тому времени, думаю, следует отнести обещание Алексея дать Боэмунду территорию в области Антиохии. Василевс, чтобы не ссориться

с сыном Гвискарда, был вынужден принять такое обязательство — несомненно, не очень охотно.

Тем временем крестоносцы продолжали прибывать. Один из важнейших, граф Фландрский, сын бывшего союзника Алексея, принес клятву без затруднений. Потом подошел Раймунд де Сен-Жиль, граф Тулузский⁸²⁷, со своими провансальцами. Пройдя через Далмацию и столкнувшись с тысячей трудностей, Раймунд достиг Диррахия, где нашел письма от императора «*de pace, de fraternitate, et ut ita dicam de filiatione*» [о мире, дружбе и, так сказать, родовой преемственности (*лат.*)], — говорит Раймунд Ажильский⁸²⁸. Я не буду приводить рассказ о переходе через провинции империи. Происходило все то же самое: сначала крестоносцы попытались захватить Русий; греческие войска, чтобы их наказать, напали на них в Родосто. В этом городе к Сен-Жилю вернулось посольство, которое он прежде отправил к императору и которое было нагружено дарами от последнего. С ним прибыли и посланцы, которым Алексей поручил умолять графа прибыть в Константинополь, куда его приглашали Боэмунд и другие вожди, чтобы заключить с императором окончательное соглашение. Сен-Жиль приехал в Константинополь; но, явившись туда, он проявил столько же упрямства, сколько и Готфрид Бульонский, и наотрез отказался приносить Алексею клятву. Его недовольство василевсом возросло вдвое, когда он узнал, что его войска, грабившие местность, потерпели поражение от греков⁸²⁹.

Поскольку соглашение между крестоносцами и императором было абсолютно необходимо для успеха крестового похода, Боэмунд выступил в качестве посредника. Василевс согласился, чтобы вожди крестового похода рассудили дела, за которые прежде упрекали его. Поручителем Алексей сделал Боэмунда⁸³⁰, и Сен-Жилю пришлось признать, что он был неправ, но в отказе он упорствовал и клялся отомстить. Только по настоянию Боэмунда он согласился принести клятву, что не посягнет на жизнь и честь императора. Алексей был очень раздражен его поведением и сделал ему очень мало даров⁸³¹. Танкред, прибывший в то время, тоже отказался приносить клятву и тайно переправился на азиатский берег. Крестоносцы

все еще подходили⁸³²; упомяну из них только графа Блуаского и Стефана Нормандского, принесших клятву.

Мы видели, как крестоносцы настаивали, чтобы Раймунд Тулузский принес клятву. Ведь они вскоре после прибытия поняли, что ничего не смогут без поддержки императора. Из послания, адресованного Сен-Жилю, и одного письма крестоносных вождей видно, что был заключен настоящий договор. Алексей обязался принять крест, возглавить крестоносцев и защищать паломников во время перехода через империю⁸³³. Должно быть, одна из статей договора содержала обязательство императора выделить корпус вспомогательных войск⁸³⁴. Взамен крестоносцы обязывались вернуть все города, прежде принадлежавшие империи⁸³⁵. Во время переговоров Алексей выдал в качестве заложников зятя и племянника⁸³⁶. Этот договор был, конечно, заключен под влиянием Боэмунда, ведь он датирован серединой мая, а крестоносцы выступили на Никею в конце апреля⁸³⁷, притом что Боэмунд остался на месте.

Благодаря «Алексиаде» мы можем достаточно хорошо понять природу отношений между Алексеем и крестоносцами. Василевс хотел продемонстрировать благосклонность к ним. Анна говорит, что латиняне с самого утра приходили во дворец докучать отцу и просить у него денег, они вторгались в императорское жилище и целый день сидели в залах Дворца⁸³⁸. Алексей давал им советы, как сражаться с турками⁸³⁹. По этому рассказу видно, насколько это неуважение, это забвение этикета было невыносимо для византийцев. Алексей терпел всё, даже когда один из этих варваров сел на его трон⁸⁴⁰, и благодаря своей ловкости сумел избежать конфликта, в котором не взял бы верх. Он терпеливо следовал линии поведения, которую избрал. Если в отношениях с некоторыми у него бывали трудности, ему почти всегда удавалось привлечь их на свою сторону. Наконец, чтобы узнать, какое впечатление василевс производил на подавляющее большинство, надо вспомнить, какими выражениями пользуется Стефан Блуаский, говоря о нем: «Император принял меня, — пишет он жене, — достойно и с большим почетом, как сына, он сделал мне весьма значительные и весьма ценные дары, он так не

благоволил ни к одному вождю, как ко мне. Он предложил мне взять на себя заботу о нашем сыне. Воистину под небесами нет человека, который был бы ему подобен. Он сделал очень щедрые подношения всем нашим вождям, одарил всех рыцарей и оказал вспомоществование нашим беднякам»⁸⁴¹. И далее граф изображает, как Алексей заботился о снабжении армии, расквартированной в Кивоте, и раздавал пищу беднякам, которым не было числа. Он завершает этот рассказ такими словами: «*Nostris quoque temporibus, ut nobis videtur, non fuit princeps universa morum honestate adeo praeclarus. Pater, mi dilecta, tuus multa et magna tradidit, sed ad hunc pene nihil fuit. Haec parva de eo tibi scribere dilexi, ut paululum quis esset cognosceres*» [И в наши времена, как нам кажется, не было государя столь славного в мире за добродетельный нрав. Твой отец, моя дорогая, делал многочисленные и великие дары, но по сравнению с ним это почти ничто. Я с удовольствием написал тебе о нем эти несколько слов, чтобы ты могла чуть-чуть узнать, каков был он (*лат.*)]⁸⁴².

И нельзя сказать, что это слова пристрастного свидетеля, — ведь подтверждение этого мнения Стефана мы находим у Альберта Ахенского, у которого крестоносцы при осаде Никеи настолько признательны императору за щедроты, что заявляют: они не уйдут, пока город не будет взят и возвращен василевсу⁸⁴³.

Таким образом, Алексей вполне решил задачу, которую поставил перед собой, и благодаря ловкости преодолел все препятствия; ему пришлось перенести немало ударов по самолюбию, но к моменту, когда, заключив договор, крестоносцы осадили Никею, он был вправе надеяться, что его благосклонность и щедроты были не напрасны, что он обеспечил себе содействие этих людей в осуществлении своего грандиозного замысла и что с их помощью он вернет империи прежние азиатские границы.

ГЛАВА VII КРЕСТОНОСЦЫ В МАЛОЙ АЗИИ И СИРИИ

Осада Nikeи не испортила добрых отношений между Алексеем и латинянами⁸⁴⁴. Василевс помогал крестоносцам, которые вели себя как настоящие наемники; именно он поставлял им боевые машины⁸⁴⁵ и провизию. Он не возглавил армию, но переправился в Азию и остановился в Пелекане⁸⁴⁶, чтобы следить за событиями с более близкого расстояния. Анна говорит, что отец повел себя так, чтобы не выглядеть слишком жалко⁸⁴⁷ с малочисленными войсками, какими располагал, в огромной армии латинян; кроме того, он опасался, что может подвергнуться какому-нибудь насилию со стороны крестоносцев, находясь среди них без достаточного количества солдат, способных оказать сопротивление. Он прислал в помощь осаждающим корпус под командованием Татикия и Циты⁸⁴⁸.

Алексей испытывал опасения насчет того, как крестоносцы исполнят свои обязательства, и особенно боялся, что Nikeю ему вернут разграбленной и разоренной. Поэтому он попытался избавиться ее от ужасов, которые всегда происходят после того, как враги берут город приступом. Он вручил Вутумиту хрисовул, где заранее обещал защитникам крепости многочисленные льготы в случае сдачи, и завязал с ними переговоры⁸⁴⁹. Осажденные, рассчитывая на помощь султана, не прислушались к первым предложениям; но когда они увидели, что никакой надежды на вмешательство единоверцев больше нет, и когда греки сумели ввести флот в Асканское озеро⁸⁵⁰, на котором стоял город, они возобновили переговоры и согласились сдать город имперцам⁸⁵¹. Поэтому в день, на который был назначен общий штурм (19 июня 1097 г.), турецкие солдаты на

службе Комнина вошли в город и водрузили на укрепления греческие знамена. Крестоносцам запретили входить в Никею всем вместе, и пускали их только маленькими группами.

Алексей ранее пообещал крестоносцам дать золото, серебро, коней и т. д., которые найдутся в городе, и сверх того раздать собственные богатства, если армия пожелает сражаться у него на службе⁸⁵². Вот, если верить Раймунду Ажильскому, а сомневаться в нем у нас нет никаких оснований, еще одно характерное заявление, ясно показывающее, что Комнин относился к крестоносцам как к наемникам на жалование. А ведь, хоть Раймунд⁸⁵³ и добавляет, что Алексей так отблагодарил армию, «что, пока он будет жив, народ будет его проклипать и называть изменником», мы вынуждены признать, что Алексей сдержал обещание, поскольку свидетельства Стефана Блуаского, Фульхерия Шартрского и автора «Деяний» явно противоречат оценке провансальского историка. Согласно Стефану Блуаскому⁸⁵⁴, Алексей так распорядился добычей: простым людям он роздал провизию, рыцарям — золото и серебро, драгоценные камни и богатые ткани, вождям же крестового похода он сделал дары из императорской казны. Фульхерий Шартрский⁸⁵⁵ и Анна Комнина⁸⁵⁶ подтверждают это свидетельство. Так что серьезных претензий к Алексею из-за его поведения быть не может — он хотел избавить город Никею от грабежа, но крестоносцы ничего не потеряли. Лишь дурное настроение побудило Раймунда Ажильского написать то, что он написал, потому что граф Тулузский и его сторонники, не подчинившиеся императору, получили очень небольшую долю даров последнего⁸⁵⁷.

Именно в Пелекане Алексей узнал о взятии Никеи. Он передал крестоносцам через Вутумита, чтобы они пришли проститься с ним, прежде чем пойдут на Антиохию; на самом деле он желал, чтобы строптивные вожди принесли ему клятву. Алексей обещал сделать всем значительные подарки. Боэмунд первым откликнулся на приглашение императора и призвал других князей принести клятву. Анна обвиняет его в том, что он подчинился только из жадности до денег; не исключено, что, столь спешно демонстрируя согласие с Алексеем, он надеялся получить титул великого доместика, которого все еще не

смог добиться⁸⁵⁸. Все вожди прибыли, кроме графа Блуаского, который остался охранять Никею⁸⁵⁹ и, впрочем, уже получил свою долю от щедрот императора. Из всех крестоносцев один только Танкред по-прежнему отказывался давать какую-либо клятву; по словам Анны, он якобы выдвинул чрезвычайно большие денежные притязания; согласно Раулю Канскому, он потребовал, чтобы ему отдали императорскую палатку, обладавшую огромной ценностью. Из-за этого случилась драка между ним и Георгием Палеологом; в конечном счете Танкред ушел, так и не дав клятвы⁸⁶⁰.

Наконец, крестоносцы расстались с василевсом. С тех пор у них образовались партия, дружественная к императору, и партия, враждебная ему. Это ясно видно по одному месту из письма Ансельма Рибемонского: «Вожди армии навестили императора, который вышел навстречу им, чтобы оказать им милость, получили от него неоценимые дары и расстались — одни благожелательно, другие иначе»⁸⁶¹. Очевидно, что слова «alii aliter» относились к Танкреду и Раймунду.

Таким образом, к моменту, когда крестоносцы покидали Никею, большинство из них находилось с Алексеем в очень хороших отношениях, и когда в августе 1097 г. Комнин писал Одеризию в Монтекассино, он отметил, что Бог доныне проявляет благосклонность к нему и к крестоносцам⁸⁶². Алексей еще не сожалел о денежных расходах, на которые пошел. С того времени до конца 1098 г. он будет верить, что сумел привязать крестоносцев к себе, и в июне 1098 г. напишет Одеризию: «Ваша почтенная святость знает, что моя царственность действовала по отношению к ним таким образом, помогала им и давала советы всякого рода и по мере возможности. Она вела себя по отношению к ним не как родственник или друг, но как отец, и пошла на такие расходы, что и не счесть... Благодарение Богу, они преуспели в том, что предприняли, и пусть благоденствуют так, чтобы впереди них шло доброе намерение»⁸⁶³. То есть отношения между греками и латинянами оставались хорошими, пока не встал вопрос о принадлежности Антиохии.

Встретившись с Алексеем в Пелекане, крестоносцы продолжили движение вглубь Малой Азии; с ними был греческий

воинский отряд под командованием великого примыкирия Татикия, которого сопровождал Петр Алифа⁸⁶⁴, соратник Роберта Гвискарда, перешедший на службу к империи⁸⁶⁵. Некоторое количество крестоносцев, то ли из усталости, то ли от разочарования, не пошло в поход. Алексей велел Вутумиту взять их в войско и составил из них гарнизон Никеи⁸⁶⁶.

Комнин обязался сопровождать крестоносцев, но собирался присоединиться к ним лишь несколько позже. У нас нет никакого права обвинять василевса в том, что он не был намерен сдерживать свое обещание. В его интересах, как он их понимал, было именно что оставаться вместе с латинянами. Союз с ними уже принес ему Никею, и он был вправе ожидать от него многих других приобретений. Пренебречь обязательствами немедля для него значило бы совершить вопиющую оплошность. В Византии могли надеяться вернуть себе большинство крепостей Малой Азии; такое восстановление греческого могущества было ближайшей целью, какую диктовала василевсу политическая мудрость; именно этого Алексей добивался всеми силами. Он хотел воспользоваться замешательством, в какое поход крестоносцев привел турок, живущих вдали от побережья, и огромным резонансом, какой падение Никеи имело среди мусульманского населения, чтобы сначала вновь отобрать азиатское побережье, а потом завоевать всю внутреннюю часть страны до самой дороги, по которой шли крестоносцы. В то же время он надеялся, что победы крестоносцев принесут ему восточную часть Малой Азии. Если вспомнить, что на черноморском побережье Малой Азии греческая власть была еще сильна, становится ясным, что в случае, если бы план императора удался, под власть греков должен был попасть почти весь полуостров.

На побережьях Малой Азии было основано несколько мусульманских княжеств; двумя крупнейшими были княжество Чахи в Смирне и княжество Тангриперма⁸⁶⁷ в Эфесе. В их руках были Хиос и Родос. Из портов побережья или островов непрерывно выходили корабли, чтобы грабить и опустошать острова Архипелага. Их соседство должно было мешать как торговле Византии, как и ее снабжению.

Падение Nikeи нанесло страшный удар по могуществу Кылыч-Арслана, у которого отняли сильнейшую крепость во владениях. Это поражение получило громкий отголосок на всей территории, занятой турками; к тому же из-за крестоносцев прибрежное население уже не могло рассчитывать на помощь эмиров внутренних территорий. Алексей рассчитывал на этот общий упадок духа, чтобы посеять смятение и упростить проведение греческой кампании. Чтобы придать вести о взятии Nikeи больше весомости и чтобы сделать катастрофу турок реальностью в глазах самых упорных скептиков, василевс передал командующему греческой армией Иоанну Дуке, брату императрицы, пленников, взятых в Nikeе; среди них была дочь Чахи, жена Кылыч-Арслана⁸⁶⁸.

Принятый план похода включал нападение с суши в сочетании с серией морских операций. В то время как Дука принял командование сухопутной армией, флот возглавил Каспак. Ход событий оправдал прогнозы Алексея. Сопротивления византийская армия почти не встретила. В Смирне Чаха⁸⁶⁹ заявил о готовности сдаться без боя на условии, что сможет отступить. Это условие было принято, и греки вступили бы в крепость, одну из важнейших в Малой Азии, без кровопролития, если бы убийство одним сирийцем нового греческого губернатора Каспака не побудило греческих матросов устроить расправу — они перебили множество горожан⁸⁷⁰. Оставив флот охранять Смирну, Дука двинулся на Эфес, где правил эмир Тангриперм. Перед этим городом он встретил несколько большее сопротивление, чем в Смирне, но тем не менее без больших затруднений захватил его. В его руки попало много пленников, которых по приказу Комнина расселили по островам⁸⁷¹.

Далее Анна рассказывает, что Дука устроил погоню за турками, которые, спасаясь, поднялись вверх по долине Меандра, и он, чтобы сократить путь, двинулся от Эфеса на Сарды, откуда якобы достиг Филадельфии, Лаодикеи, Лампи⁸⁷² и Поливота⁸⁷³. Если этот маршрут выбрали затем, чтобы выиграть время, он был странным. Судя по нему, Дука пошел на север к Сардам, вышел на дорогу, ведущую к Атталии, занял несколько крепостей, контролировавших эту дорогу, а потом

снова повернул на север, чтобы двинуться в Киликию. Должно быть, целью этого похода было подчинение фемы Фракисия. Он проводился, хотя уверенными в этом мы быть не можем, весной 1098 г.; на мой взгляд, его надо связать с операциями, которые шли в области Никеи под командованием Алексея. В самом деле, Анна Комнина говорит, что отец уехал, когда Дука еще сражался с турками, а по пути к Филомелию он взял великое множество крепостей⁸⁷⁴. Совершил ли Алексей все подвиги, о которых говорит его дочь? Мне это кажется сомнительным: после падения Никеи турки отступили вглубь материка, и в области Никеи у них могло остаться очень немного крепостей — самое большее несколько изолированных замков. Возможно, Алексей даже пошел из Константинополя по Киликийской дороге прямо к Филомелию. Его дочь, должно быть, приписала ему более или менее вообразимые подвиги, и если бы василевс взял действительно важные крепости, «Алексиада» привела бы их названия. Кроме того, у Комнина физически не было времени на много завоеваний. Существует его письмо к Одеризию в Монтекассино за июнь 1098 г.⁸⁷⁵; оно могло быть написано только до его отъезда, а ведь, по всей вероятности, в Константинополь он вернулся не позже июля. Значит, у него было самое большее три недели, чтобы достичь Филомелия и совершить свои завоевания. Конечно, Анна должна была преувеличивать важность отцовского похода. Очевидно, что последняя часть кампании Дуки предполагала сосредоточение войск вместе с силами, приведенными из Константинополя василевсом, ведь мы видим, что последнюю победу он одержал в Полиоте⁸⁷⁶, между Филомелием⁸⁷⁷ и Дорилеем⁸⁷⁸, на военной дороге, ведущей в Киликию⁸⁷⁹ и Антиохию⁸⁸⁰.

Весть об успехах Дуки устранила главную причину, по какой Комнин откладывал присоединение к крестоносцам, и в начале июня 1098 г. он покинул Константинополь и пошел к Антиохии, ведя значительную армию⁸⁸¹. Но, когда он вошел в Филомелий, к нему явилось несколько крестоносцев, которые 11 июня покинули Антиохию⁸⁸², считая, что в результате подхода Кербоги⁸⁸³ положение стало безнадежным. Среди них

было несколько главных крестоносных сеньоров: Гильом де Гранмениль и Стефан Блуаский⁸⁸⁴.

Здесь надо несколько отступить назад во времени и рассказать о событиях, которые привели к этому бегству. Выйдя из Никеи, крестоносцы победили турок при Дорилее и далее на марше подвергались атакам банд Кылыч-Арслана, но тем не менее шли вперед⁸⁸⁵. Вскоре после Икония армия разделилась. Желание вождей создать себе княжества уже вызвало между ними соперничество, которое будет так вредить успеху всей экспедиции. В то время как Танкред⁸⁸⁶ и Балдуин преодолевали трудные переходы по дороге на Киликию и спорили из-за власти над Тарсом, который вообще-то должны были бы передать грекам, основные силы армии, перейдя через горы Армении, двинулись к Антиохии через Кесарию и Мараш. 21 октября 1097 г. крестоносцы подступили к Антиохии. Конечно, именно за этим корпусом следовал Татикий; он сумел добиться, чтобы соглашение с Алексеем выполнялось, и ему передали замок Плаценция⁸⁸⁷.

Осада Антиохии началась по прибытии крестоносцев. Мы плохо знаем, какую роль играли тогда греки, в хрониках они упоминаются лишь мимоходом. Поначалу провизии хватало с избытком, но надо было прокормить столько ртов, что местность быстро оказалась истощена, и с Рождества 1097 г. начал чувствоваться голод⁸⁸⁸. Именно тогда впервые мы встречаем упоминание о Татикии. Согласно Раймунду Ажильскому⁸⁸⁹, великий примикирий якобы посоветовал вождям крестоносцев рассеяться по окрестностям и занять соседние замки, из которых они могли бы блокировать антиохийцев. Этот совет настолько соответствовал потребностям крестоносцев, что несколько позже они ему последовали и разместились кто в Тарсе, кто в Александретте или Лаодикее⁸⁹⁰. Действительно, армия была слишком велика, чтобы присутствие всех войск под Антиохией во время осады стало необходимым или даже полезным; их концентрация под осажденной крепостью только истощала страну.

В другом месте Татикий изображен как человек, который старается принести пользу крестоносцам, играя роль их верного союзника. Рауль Канский⁸⁹¹ говорит о некоем

императорском герольде, которого, полагаю, надо отождествлять с Татикием и который призывал население помогать крестоносцам и снабжать их пищей. После этого источники молчат о роли греческого контингента вплоть до сообщения о его уходе.

Если обращаться исключительно к латинским источникам, то уход Татикия сильно напоминает бегство. Автор «Деяний»⁸⁹² довольствуется упоминанием самого факта и добавляет, что Татикий ушел под предлогом необходимости привести подкрепления. Раймунд Ажильский говорит, что, уступив Боэмунду два или три города: Тарс, Адану, Мамистру, — Татикий покинул лагерь под предлогом, что идет за подкреплениями, и не вернулся. Судя по рассказу последнего автора, уход Татикия имел место в период между 30 декабря 1097 г. и 25 февраля 1098 г.⁸⁹³

Но то, что мы знаем из «Алексиады» и что подтверждается текстом Раймунда Ажильского, упомянутым выше, дает понять, что этот самый уход Татикия стал следствием интриг Боэмунда⁸⁹⁴. Из всего, что нам известно об осаде Антиохии, следует, что Боэмунд, осуществляя свой давно вызревший план, хотел, чтобы эту крепость передали ему. В Константинополе он пытался снискать расположение Алексея, чтобы найти у него поддержку, но услышал от василевса лишь добрые слова и не добился, чтобы его назначили на пост великого domestika, которого он так домогался. Скоро Боэмунд понял, что от императора ничего не получит. Если верить Раулю Канскому⁸⁹⁵, ссора с василевсом произошла в момент, когда Танкред после взятия Никеи отказался приносить клятву. Когда бы этот разрыв ни случился, бесспорный факт, что под Антиохией Боэмунд уже полностью отбросил мысль о союзе с греками. С тех пор он намеревался создать независимое государство, центром которого стала бы Антиохия. Действительно, чего он мог желать лучшего, чем Антиохия, самая надежная крепость всего Востока, ключ от Сирии, к тому же располагающая укреплениями, грандиозные руины которых и по сей день говорят о мощи⁸⁹⁶? Турки в свое время смогли захватить ее только благодаря измене, и само сопротивление,

какое она оказывала всем атакам крестоносцев, говорило о том, насколько сильна эта крепость.

Чтобы реализовать свои замыслы, Боэмунд составил целый план, искусно продуманный. После боя 31 декабря 1097 г. он сообщил вождям похода, что намерен вернуться в Европу. «Я вижу, — говорил он, — как умирают мои люди и кони, и не настолько богат, чтобы нести расходы на столь долгую кампанию только за свой счет». В ответ на эти жалобы совет, за исключением Сен-Жиля, решил, что если город будет взят, то будет принадлежать Боэмунду. Позже мы поняли, — добавляет Раймунд Ажильский, — что Боэмунд вел себя так затем, чтобы ему предложили Антиохию⁸⁹⁷.

Присутствие Татикия препятствовало реализации планов Боэмунда: ведь если бы после взятия города там остался греческий корпус, он, конечно, создал бы затруднения. Очень вероятно, что Татикий постарался бы добиться передачи города себе именем Алексея, и, возможно, вожди крестового похода уступили бы, опасаясь довести дело до разрыва с императором, пока ничем не оправданного. Зато в случае отъезда Татикия никаких протестов, во всяком случае, пока, выдвигать было бы некому, и Боэмунд рассчитывал, что, став хозяином города, сумеет устроить дело так, чтобы не возвращать его грекам.

А ведь Татикий удалился вскоре после того, как совет крестоносцев дал обещание Боэмунду; и Анна Комнина однозначно обвиняет сына Гвискарда в том, что инициатором этого отъезда стал он⁸⁹⁸. Боэмунд якобы тайно предупредил Татикия, что Алексея обвиняют в измене. Он добавил, что по просьбе василевса приближается турецкая армия и что крестоносцы твердо решили отомстить ему, Татикию, за измену его властителю. Услышав это мнение, Татикий якобы подготовил все к отъезду, предупредил, что отправляется за подкреплениями, и под этим предлогом смог достичь порта Святой Симеон⁸⁹⁹ и отплыть на Кипр. Этот рассказ Анны Комниной очень правдоподобен, и его подтверждают сами выражения, какие использует Раймунд Ажильский, сообщая об отъезде Татикия. Видно, что провансальский историк пересказывает расхожие слухи, он пишет, что поговаривали о тайных

переговорах между Боэмундом и Татикием. Раймунд не очень хорошо знает, о чем речь, но слышал, что греческий полководец уступил Боэмунду два или три города. По самой формулировке «два или три города» понятно: то, что он сообщает, — это только отзвук молвы, а не определенный факт.

Судя по «Деяниям», дело обстояло иначе, и обещание вождей крестового похода Боэмунду отдать ему Антиохию было не столь однозначным, как говорит Раймунд Ажильский. Боэмунд, найдя себе сообщников в крепости, якобы потребовал, чтобы город принадлежал тому из вождей, кто его захватит; но его предложение было отвергнуто советом, заявившим, что, если старались все, то и город будет им принадлежать как общий. Осада затянулась, и при вести о скором появлении Кербоги крестоносцы, поменяв мнение, якобы решили: если Боэмунд возьмет город, Боэмунду его уступят, при условии, что он возвратит город императору, если последний выполнит свои обязательства⁹⁰⁰. Я предпочитаю версию Раймунда, потому что в поведении Боэмунда, описанном в ней, есть нечто не слишком достойное, а значит, вполне естественно, если автор «Деяний» попытался изложить факты в более благоприятном для норманнского князя свете.

Благодаря сообщникам, которые были в крепости у Боэмунда, 3 июня 1098 г. город попал в руки крестоносцев⁹⁰¹; через три дня последние в результате подхода Кербоги из осаждающих стали осажденными. Блокада была столь плотной, что положение христиан казалось безнадежным, и именно тогда бежали «канатные плясуны». По дороге они встретили Алексея, который, выполняя обещание, шел на помощь к крестоносцам. Картина, какую беглецы обрисовали василевсу, видимо, была тем мрачней, что им приходилось оправдывать свое поведение, и они убедили императора в бесполезности подкреплений, которые он вел к осажденным. Несмотря на настояния Гвидо, брата Боэмунда, желавшего прийти на помощь брату, Алексей не захотел подвергать свои войска риску столкновения с Кербогой, должно быть, уже считая его победителем, и приказал возвращаться в Константинополь. Опасаясь, и это говорит о его полной добросовестности в данных обстоятельствах, что турки воспользуются победой и вступят

в Малую Азию, Комнин велел разорить всю местность, а жителей направил в столицу, чтобы враг не нашел никаких ресурсов, если проникнет на греческую территорию⁹⁰².

Поведение Алексея пока что было очень корректным, он выполнял свои обязательства, и по-настоящему его нельзя упрекать за то, что он не пришел на помощь Антиохии. Справедливым ли было бы требовать от него, чтобы он вел себя более по-рыцарски, чем некоторые вожди крестового похода?

Однако армию латинян не ждал печальный конец, какой предрекали ей Стефан Блуаский и его спутники. Известно, что крестоносцы, которых воодушевило обретение мнимого Святого копья и которым особо помогло, по свидетельству восточных авторов⁹⁰³, недовольство враждебных Кербоге эмиров, покинувших вождя в разгар боя, одержали над турками полную победу⁹⁰⁴.

Приобретением Антиохии крестоносцы были обязаны Боэмунду, поэтому он мог надеяться, что ему с соответствии с данным обещанием передадут город. Дело обернулось иначе, и едва турки были побеждены, как между вождями крестового похода возникли новые разногласия. Один из главных крестоносцев, граф Тулузский, столь же честолюбивый, как и Боэмунд, так и не подписал данное последнему обещание, потому что рассчитывал получить Антиохию сам. За взятием города последовал целый ряд споров между ним и Боэмундом; эти споры нужно отнести к тому самому периоду, потому что они объясняют политику Алексея, который очень ловко воспользовался недовольством графа Сен-Жиля и сделал его союзником против Боэмунда.

После поражения Кербоги эмир, удерживавший цитадель Антиохии, решил капитулировать и попросил у осаждающих знамя, чтобы водрузить его на укрепления в знак покорности. Ему дали знамя графа Тулузского; но солдаты Боэмунда отобрали его, чтобы заменить знаменем своего вождя. Потом Боэмунд попытался вернуть себе ту часть города, которую Раймунд и его провансальцы защищали во время осады⁹⁰⁵. Поведение Боэмунда резко не понравилось очень многим крестоносцам, поэтому, когда на совете стали обсуждать дальнейшие действия после взятия Антиохии, между

участниками собрания обнаружались такие разногласия, что дальнейшую дискуссию пришлось перенести на ноябрь. Однако, прежде чем разойтись, они решили написать Алексею, чтобы предложить ему принять город при условии, что он выкажет готовность выполнять свои обязательства. Отвезти это письмо в Константинополь было поручено Гуго Младшему и Балдуину Монсскому. В Малой Азии на это посольство напали турки; один из послов, Балдуин Монский, исчез; что касается Гуго, он в итоге добрался до Константинополя, откуда вернулся во Францию⁹⁰⁶.

Таким образом, из всего вышеописанного видно, что до тех пор договор, заключенный между Алексеем и крестоносцами, соблюдали обе стороны. Отъезд Татикия мог вызвать легкое охлаждение, но до разрыва было далеко. В опровержение этого мнения можно было бы сослаться на одно место из письма крестоносцев папе, датированного 11 сентября 1098 г., — вот что говорится там об Алексее: «*Tu vero nos filios per omnia tibi obedientes, pater piissime, debes separare ab iniusto imperatore, qui multa bona promisit nobis, sed minime fecit. Omnia enim mala et impedimenta quaecumque facere potuit nobis fecit*» [Ты же должен ограждать нас, своих сыновей, во всем тебе повинующихся, от несправедливого императора, который понаобещал нам много всякого, но сделал-то очень мало. Зато все беды и помехи, которые мог нам причинить, — он причинил (*лат.*)]⁹⁰⁷. Но эта фраза есть только в рукописи, которую видел Балюз, а во всех рукописях Фульхерия Шартрского, включающих это письмо, ее нет⁹⁰⁸. Более старая версия этого письма крестоносцев сохранилась в Лауренцианской библиотеке⁹⁰⁹; она довольно неполна, но данной фразы в ней нет. Следовательно, эту фразу допустимо считать интерполяцией. В таком случае у нас нет ни одного документа, позволяющего утверждать, что до приезда Гуго де Вермандуа в Константинополь существовал разлад между Алексеем и крестоносцами.

Вероятно, послание, которое привез граф Вермандуа, вызвало у Алексея сильное недовольство. После того как василевс услышал, что город пообещали Боэмунду, он едва ли сохранял особые иллюзии насчет судьбы, уготованной Антиохии. Слишком хорошо зная своего противника, чтобы верить, что

тот любезно вернет город, Алексей должен был сразу осознать бесполезность всего, что сделал для крестоносцев. Расходы, понесенные на их содержание в Константинополе и Никее, богатые дары, которые он им преподнес, экспедиция, которую он только что предпринял, — он понял, что все это не даст ему ничего, и тем не менее он доселе, со своей стороны, выполнял все принятые обязательства. Именно с этим недовольством и надо связывать перемену в поведении василевса, отразившуюся в его письме визирю египетского халифа и в сближении с графом Тулузским.

Раймунд Ажилский⁹¹⁰ рассказывает, что после битвы при Аскалоне крестоносцы захватили письмо Алексея к аль-Афдалю⁹¹¹, визирю халифа аль-Мустали. Согласно этому автору, в результате получения данного письма послов латинян, отправленных к халифу, держали в Египте год в плену. В самом факте нет ничего невозможного. Алексей поддерживал с Египтом довольно хорошие отношения⁹¹², и было бы не удивительно, если бы ему пришла мысль о союзе с халифом. Крестоносцы, вступив в Малую Азию, тоже вошли в контакт с аль-Афдалем⁹¹³. Египетское посольство⁹¹⁴ приехало в лагерь латинян во время осады Антиохии и по возвращении взяло с собой латинских послов; их якобы и бросили в тюрьму, когда пришло письмо Алексея. Риан полагал, что Алексей написал это письмо от страха, вернувшись из Филомелия. Он исходил из того, что в августе-сентябре аль-Афдаль уже обходился с послами как с пленниками⁹¹⁵; это не вполне доказано. Из «Истории священной войны» ясно следует, что аль-Афдаль бросил посланцев в тюрьму, только узнав, что христианская армия под Антиохией оказалась в опасном положении. Именно весть о плачевном состоянии армии латинян побудила аль-Афдаля сбросить маску и прервать переговоры с крестоносцами⁹¹⁶. Получение письма от Алексея укрепило его в сознании своей правоты, и, возможно, после этого он удерживал послов в плену дольше. Но версия анонимного автора «Истории», использовавшего для своего труда утраченный источник, наводит нас на мысль, что письмо Алексея не было причиной пленения латинских послов, и позволяет объяснить отправку послания, о котором говорит Раймунд Ажилский,

гневом, который у василевса вызвали приезд графа Верман-
дуа и привезенные им вести.

Думаю, к тому же периоду надо отнести и возникновение связей между Алексеем и графом Тулузским, которых объединила общая ненависть к Бозмунду⁹¹⁷. В самом деле, удивительно, что во всех спорах, какие шли в ноябре 1098 г. о власти над Антиохией, граф Тулузский, который до тех пор был с Алексеем в очень плохих отношениях, поскольку едва ли не единственный отказался приносить ему клятву верности, вдруг стал самым пылким защитником прав василевса. Эта внезапная перемена объясняется соглашением, которое заключили меж собой Алексей и Раймунд. Впервые этот союз дал о себе знать на совещаниях, которые проводились в Антиохии в ноябре 1098 г. Ни один текст не позволяет утверждать, что связи между василевсом и Сен-Жилем существовали уже тогда. Однако мы можем предполагать, что, по всей вероятности, к тому времени между ними уже прошли переговоры, ведь в первые месяцы 1099 г. Комнин был в достаточно хороших отношениях с Раймундом, чтобы потребовать и добиться уступки определенного количества крепостей. Это следует из событий, которые произошли в Лаодикее и окрестностях в период между взятием Антиохии и выступлением крестоносцев на Иерусалим. Установить хронологию этих событий очень трудно. Риан и Куглер⁹¹⁸ уже попытались пролить свет на этот очень темный вопрос, и первому забрезжила истина, но он совершил несколько ошибок, а второй учел не все свидетельства.

Анна Комнина⁹¹⁹ сообщает, что, неизвестно когда, отец написал Раймунду, чтобы тот уступил ему Лаодикеею, Мараклею и Валанию. Первую крепость следовало передать греческому чиновнику Андронику Цинцилуку, две остальных — солдатам Евмафия Филокала, дуки Кипра. Вскоре после передачи этих крепостей Раймунд якобы взял Тортосу. Сведения Анны о взятии этого города совпадают с теми, какие приводят другие источники, но в них идет речь о втором завоевании Тортосы — в 1102 г.

Вся часть «Алексиады», посвященная второстепенным событиям крестового похода, очень трудна для комментиро-

вания, как отметил Риан⁹²⁰, потому что Анна, вместо того чтобы следовать хронологическому порядку, предпочитает группировать события вокруг каждого из главных персонажей, не обращая внимания на последовательность во времени. Если предположить, что она следовала хронологическому порядку, то события, о которых мы только что вспомнили, произошли после взятия Иерусалима крестоносцами и до поездки Раймунда в Константинополь, то есть между сентябрем 1099 г., когда крестоносцы вернулись из Иерусалима в Лаодикею, и июнем 1100 г., датой отъезда Раймунда в Константинополь⁹²¹. Но такая хронология явно противоречит хронологии других источников, помещающих те же факты в отрезок времени между взятием Антиохии и выступлением крестоносцев на Иерусалим. Действительно, Боэмунд осадил Лаодикею летом 1099 г., и с тех пор город был в руках греков. Попробуем уточнить дату, когда города, упомянутые в «Алексиаде», попали в руки крестоносцев, чтобы получить возможность датировать письмо Алексея Раймунду.

Как объяснить, что о взятии Тортосы, случившемся в 1102 г., речь зашла здесь? На мой взгляд, Анна относит к первому завоеванию Тортосы солдатами Раймунда в первые дни февраля 1099 г.⁹²² подробности второго взятия этого города тем же Раймундом в 1102 г. От Раймунда Ажильского⁹²³ и автора «Деяний» мы знаем, что после взятия Мааррат-ан-Нумана граф Тулузский начал с 13 января⁹²⁴ приближаться к побережью и что Тортосу без борьбы заняли Раймунд Пеле и Раймунд Тюреннский, в начале февраля. На этот факт Анна и хотела намекнуть; но она привела в связи с этим подробности боя, который Раймунду пришлось выдержать в 1102 г. с эмирами Дукаком и Джанахом ад-Даулой.

Мараклея⁹²⁵ была взята в тот же период по договоренности жившего там эмира с крестоносцами. Что касается Валаннии⁹²⁶, ее латиняне заняли во время осады Антиохии. Таким образом, с начала февраля 1099 г. Тортоса, Валанция и Мараклея были в руках крестоносцев.

С Лаодикеей вопрос сложнее. Согласно Анне, в то время город принадлежал Раймунду. Ее рассказ подтверждает Альберт Ахенский⁹²⁷. Согласно этому автору, когда Балдуин

и Танкред находились в Тарсе и в Мамистре (то есть в августе–октябре 1097 г.), у сирийских берегов появился Гинемер, вассал графов Булонских. Потом он якобы подошел к Лаодикее и отобрал ее у турок. Риан⁹²⁸ полагал, что он отнял город у греков; но то место в тексте Рауля Канского⁹²⁹, на которое опирается Риан, относится к последующим событиям, так же как и рассказ «Алексиады»⁹³⁰. Альберт Ахенский определенно говорит, что город был отобран у турок, и его свидетельство подтверждается одним местом из автобиографии Усамы ибн Мункыза, сообщающего, что около 1085 г. Лаодикеей управлял Изз ад-Дин Абу-ль-Асакир-султан от имени Мункызита Насра⁹³¹. Атака Гинемера, видимо, имела место в августе 1097 г., и, возможно, ее надо отождествлять с соответствующим военным действием, которое упомянул Камаль ад-Дин⁹³² за 8 рамадана 490 г. (19 августа 1097 г.). Гинемер якобы после осады Антиохии преподнес город графу Тулузскому, который вернул его Алексею, выступая на Иерусалим⁹³³.

С другой стороны, Ордрик Виталий⁹³⁴ и Вильгельм Мальмсберийский⁹³⁵ сообщают, что Лаодикею взяли Эдгар Этелин⁹³⁶ и Роберт Годвинсон с многочисленным отрядом английских авантюристов и отдали под охрану Роберту Нормандскому. Последний, выступая на Иерусалим, якобы оставил англичан в городе; после их ухода жители сдали город греку Равендину. Город, видимо, был взят позже 5 марта 1098 г.⁹³⁷, когда, судя по письму луккского духовенства всем верующим, в порт Святой Симеон прибыл английский флот. Рассказ Ордрика подтверждает Рауль Канский⁹³⁸. Последний рассказывает, что Роберт собирался отдохнуть в Лаодикее и покинул крепость, чтобы вернуться в армию, только под угрозой церковного осуждения. По словам Рауля, англичане якобы действовали от имени Алексея⁹³⁹; эту версию косвенно подтверждает Альберт Ахенский, согласно которому Гинемер якобы был взят в плен греками.

По словам Гвиберта Ножанского⁹⁴⁰, рассказ которого мне кажется более правдоподобным, Роберт оставался в Лаодикее очень недолго и был изгнан жителями за бесчинства. Риан⁹⁴¹ отнес пребывание Роберта в Лаодикее к более позднему времени, чем осаду и взятие Антиохии; но судя по месту,

какое рассказ об этом событии занимает в труде Рауля Канского, нормандский князь там находился во время осады, а не после нее.

Что же, примирить все эти свидетельства невозможно? Я так не думаю, и даже противоречия, какие встречаются у Альберта Ахенского, объяснимы. Согласие между Анной Комниной и Альбертом Ахенским, которые оба говорят, что Раймунд отдал Лаодикею грекам, поражает. С другой стороны, ни на один из остальных рассказов целиком положиться нельзя, потому что каждый из них содержит лишь неполную версию событий. Ничто не мешает допустить, что Гинемер взял город в 1097 г.; потом, весной 1098 г., англичане, действуя от имени императора, как, несомненно, должны были действовать и остальные крестоносцы, отняли город у Гинемера; постоянно подвергаясь нападениям соседей⁹⁴², они призвали Роберта Нормандского, который вскоре был изгнан за бесчинства; должно быть, он ушел ранее взятия Антиохии, коль скоро к тому моменту вокруг осажденной крепости собрались все вожди. Когда Антиохия была взята, жители Лаодикеи, чтобы защититься от нападений соседей, о которых говорит Рауль Канский, летом 1098 г. призвали Раймунда.

Из того, что мы только что сказали, следует, что в феврале 1099 г. Раймунд мог вернуть Лаодикею Алексею, поскольку был хозяином города, и мог воспользоваться своим влиянием, чтобы добиться от вождей крестового похода возвращения остальных городов, упомянутых Анной. Риан⁹⁴³ датировал письмо Алексея январем 1099 г.; эта датировка неприемлема, потому что три города, указанные Анной, были взяты только в начале февраля 1099 г. В первые дни марта Алексей вполне мог узнать о завоеваниях Раймунда; видимо, тогда он и написал письмо, которое, возможно, тайно привезли Раймунду вместе с письмом, которое 10 апреля 1099 г. получили крестоносцы⁹⁴⁴. Алексей, видимо, прилагал усилия, чтобы быть в курсе дел и поступков крестоносцев, и можно допустить, что двух месяцев и нескольких дней хватило, чтобы судно привезло в Константинополь весть о завоеваниях Раймунда и вернулось с ответом василевса. Впрочем, это вопрос мало-важный. Любопытно отметить, что в первые месяцы 1099 г.,

до выступления крестоносцев на Иерусалим, Алексей находился с Раймундом в таких отношениях, что мог попросить графа Тулузского вернуть ему бывшие византийские владения и что Раймунд уступил просьбам императора. Из этого факта следует, что связи между Алексеем и Раймундом, конечно, возникли раньше, ведь Алексей ни в коем случае не мог и даже не помыслил бы просить графа Тулузского об этой услуге, если бы оба оставались в таких отношениях, как перед выступлением крестоносцев на Никею. Этот факт, если его сопоставить с переменной в поведении Раймунда в ноябре 1098 г., позволяет допустить, что новые отношения между Алексеем и графом завязались летом того же года — очень возможно, что в результате получения письма крестоносцев, которое привез Гуго де Вермандуа.

Таким образом, граф Тулузский в результате соперничества с Боэмундом сблизился с Алексеем, права которого энергично отстаивал на собрании совета крестоносцев в Антиохии в ноябре 1098 г. Согласия достичь не удалось, и выступление на Иерусалим было отложено. По рассказу Раймунда Ажильского ясно видно, насколько религиозность была чужда дискуссиям вождей и насколько, напротив, она была жива у простых людей, всей душой желавших идти освобождать Гроб Господень⁹⁴⁵. Мне незачем рассказывать в подробностях о событиях зимы 1098–1099 г.: как взятие Мааррат-ан-Нумана (11 декабря 1098 г.) привело только к усилению трений меж Боэмундом и Раймундом⁹⁴⁶, как в Ругии была сделана и не удалась последняя попытка примирить их⁹⁴⁷. Раймунд выказал больше бескорыстия, чем Боэмунд, и предложил отложить вопрос с Антиохией, чтобы не задерживать крестовый поход. Но его предложение мало понравилась вождям. Народ, выведенный из терпения всеми этими проволочками и бесплодными дискуссиями, решил уничтожить причину, по которой вопрос власти над Мааррат-ан-Нуманом стал трудным, и принялся рушить стены этого города. Наконец, уступив настояниям крестоносцев, Раймунд, единственный из вождей, выступил с основными силами армии⁹⁴⁸ и осадил Арку. В апреле 1099 г. к нему присоединились Готфрид Бульонский и Роберт Фландрский⁹⁴⁹. Именно тогда, приблизительно на

Пасху (10 апреля), до крестоносцев дошло письмо Алексея — ответ на послание Гуго де Вермандуа.

Об этом письме нам известно только от Раймунда Ажилевского⁹⁵⁰ и Вильгельма Тирского⁹⁵¹, причем второй просто пересказывает первого. Как отметил Риан⁹⁵², молчание остальных хронистов следует объяснять их замешательством: они не знали, как оправдывать реакцию крестоносцев. Раймунд Ажилевский говорит, что совет разошелся во мнениях о том, как отнестись к этому письму. Алексей обещал подойти к Иванову дню, выражая готовность выполнить свои обязательства, если ему вернут Антиохию. Часть крестоносцев поддержала графа Тулузского, который пытался добиться, чтобы предложения василевса были приняты, и соблазнял латинян преимуществами, какие они получают от союза с Комнином. Однако большинство решило не ждать василевса. Мы не знаем, был ли отправлен письменный ответ на письмо Алексея.

Таким образом, именно крестоносцы пренебрегли обязательствами, которые приняли по отношению к императору, так как ничто не позволяет нам полагать, чтобы у Алексея не было намерений выполнять свои. Власть над Антиохией была слишком важна, чтобы можно было предположить, что император не собирался приехать, как обещал. Итак, мы видим, что Комнин сохранил верность заключенному договору. Первый раз он вышел в 1098 г., чтобы присоединиться к крестоносцам с армией подкрепления; если он не довел свой замысел до конца, вина за это лежала не на нем, а на Стефане Блуаском и других беглецах. Лучше разобравшись в событиях, император вновь проявил готовность выступить; но непорядочность крестоносцев, которые отказались ждать его два месяца, хотя только что потратили шесть на бесплодные споры, сделала эти намерения василевса ненужными. Впрочем, в результате этих событий Алексей не разорвал отношения с крестоносцами полностью. Разрыв произошел только с Боэмундом, который вопреки всем обещаниям обосновался в Антиохии и тем самым стал врагом империи. Атаки на греческие владения, какие сразу же устроил новый князь, должны были почти немедленно привести к войне между империей и Антиохийским княжеством.

В то время как Алексей был поглощен переговорами, о которых мы только что рассказали, ему пришлось защищать империю от нападений новых крестоносцев. В 1099 г.⁹⁵³ на Святую землю отплыл пизанский флот под командованием Даимберта, архиепископа Пизы. Столь же разнузданные, как и сухопутные крестоносцы, моряки этого флота атаквали и разграбили острова Лefкаду, Кефалинию, Корфу и Закинф. Анна Комнина, должно быть, преувеличивая, оценила численность их кораблей в девятьсот. Алексей направил против них Татикия, недавно вернувшегося из Антиохии⁹⁵⁴. Дочь василевса в связи с этим дает описание греческих кораблей. На носу каждого корабля вздымалась голова свирепого животного, через открытую пасть которого выходила труба, предназначенная для метания греческого огня; одного вида такого чудовища, — простодушно добавляет Анна, — достаточно, чтобы устроить врага.

Татикий и Ландульф приняли командование над экспедицией, которая, отчалив из Константинополя в апреле⁹⁵⁵, взяла курс на Самос, где обнаружила, что пизанцы здесь уже прошли. Греческий флот бросился в погоню за пизанским и снова упустил его у Коса; в конечном счете он настиг пизанцев между Родосом и Патарой⁹⁵⁶. Шторм прервал бой, едва только тот завязался, и разметал оба флота. Пизанцы попытались высадиться на Кипре, но были с потерями отброшены Евмафием Филокалом. Флот, пришедший из Константинополя, соединился с кипрским; пизанцам, несомненно, удалось достичь берегов Сирии, потому что источники не упоминают больше ни одного боя. Согласно Анне, после этого Вутумиту было поручено вступить в переговоры с Боэмундом; вероятно, он следовал инструкциям, данным при выходе флота, а значит, прежде чем Алексей узнал об ответе крестоносцев на свое письмо. Вутумит не добился успеха и был изгнан Боэмундом, обвинившим его в шпионаже и желании поджечь его корабли. Похоже, он вернулся на Кипр к моменту⁹⁵⁷, когда стало известно о провале переговоров с вождями крестового похода. После того как флот повернул обратно к Константинополю, страшный шторм уничтожил его большую часть⁹⁵⁸.

Прибытие пизанских кораблей дало Боэмунду возможность напасть на Лаодикею, которую он хотел отобрать у греков. Именно тогда начались враждебные действия. Боэмунд осадил город летом 1099 г. Участие флота было необходимо для блокады порта, так как в противном случае город, получая снабжение с Кипра при помощи тамошнего флота, мог бы держаться очень долго. Возвращаясь из Иерусалима в сентябре 1099 г., крестоносцы застали Боэмунда занятым осадой⁹⁵⁹ Лаодикеи — осадой, вызвавшей новый конфликт между ним и Раймундом.

ГЛАВА VIII АЛЕКСЕЙ И БОЭМУНД

Иерусалим крестоносцы захватили 15 июля 1099 г. Во время крестового похода граф Тулузский, союзник Алексея, потерпел несколько неудач, жестоко ранивших его самолюбие. Ни один из его планов не удался, и он при всем желании не смог добиться, чтобы его выбрали королем Иерусалимским; его покинули даже свои⁹⁶⁰. Избран был Готфрид Бульонский, который, как некогда и Боэмунд в Антиохии, потребовал от графа сдать башню, которую тот захватил⁹⁶¹. Раймунд, очень недовольный, пошел к Аскалону только скрепя сердце⁹⁶². Однако победой, которую крестоносцы одержали под этим городом, они были в немалой мере обязаны ему, и жители Аскалона предложили, что они ему сдадутся. Готфрид Бульонский, сочтя, несомненно, что граф будет слишком опасным соседом, не согласился на эту сделку⁹⁶³. Все эти трения, видимо, были для Раймунда тем более болезненны, что он мог надеяться на больший успех. По дороге к Иерусалиму он по существу был вождем всего похода⁹⁶⁴ и какое-то время мог рассчитывать, что сохранит это главенство. После того как все его замыслы рухнули, ему не оставалось ничего, кроме как попытаться, при помощи Алексея, выкроить и себе княжество⁹⁶⁵.

После битвы при Аскалоне многие сеньоры собрались вернуться по домам; Раймунд, давший обет остаться на Востоке, отправился провожать Роберта Нормандского и графа Фландрского до Лаодикеи⁹⁶⁶. По дороге, в Джебайле, крестоносцы узнали, что Лаодикею осаждает Боэмунд. Эта новость Раймунду очень не понравилась: еще когда он выступил осаждать Арку, Боэмунд изгнал гарнизон, оставленный им в Антиохии. Так мало того — теперь князь Антиохии напал на город, который был отдан Раймунду и который последний

вернул своему союзнику Алексею. То есть граф Тулузский видел, что все латиняне, осевшие на Востоке, по очереди становятся его противниками.

Вскоре после того, как возвращавшиеся из Иерусалима крестоносцы миновали Джебайл, они встретили Даимберта, архиепископа Пизанского. Его осыпали резкими упреками за поддержку, которую его флот оказал Боэмунду; в оправдание, если верить Альберту Ахенскому⁹⁶⁷, он заявил, что князь Антиохийский обманул его в отношении греков, представив их врагами крестоносцев. Он немедленно лишил Боэмунда содействия своего флота, и тот снял осаду, не дожидаясь возвращения Раймунда.

Эти детали приводит Альберт Ахенский, и они довольно хорошо согласуются с текстом письма, написанного крестоносцами папе 11 сентября 1099 г. Это письмо, автором которого, несомненно, был Раймунд Ажильский, — провансальский документ, из которого ясно видны враждебные отношения между Раймундом и Боэмундом⁹⁶⁸. Так, Боэмунд среди отправителей не числится, и письмо определенно свидетельствует о конфликте между норманнами и провансальцами, коль скоро там сказано, что архиепископ Пизанский примирил тех, кто пребывал в разладе⁹⁶⁹. Несмотря на это примирение, отношения между Раймундом и Боэмундом остались очень натянутыми. Кстати, ни одного упоминания об Алексее в письме нет.

В предыдущей главе я попытался показать, что полного разрыва между крестоносцами и Алексеем не произошло, разрыв был только между Алексеем и Боэмундом. Поведение греков по отношению к крестоносцам, возвращающимся на Запад, дает еще один аргумент в поддержку этого тезиса. Впрочем, возможно, чтобы ничего не преувеличить, мы должны сделать лишь вывод, что Алексей желал остаться в хороших отношениях с крестоносцами, которые возвращались на Запад, чтобы не навлечь на себя обвинения в измене. Как бы то ни было, мы видим, что греческие власти Лаодикеи предлагали латинянам перевезти их обратно по морю в Константинополь, сделав все расходы на дорогу за счет императора. Греческие должностные лица знали, что, поступая

так, они доставят удовольствие Комнину, и только просили взамен, чтобы им вернули несколько крепостей, занятых латинянами.

Ордерик Виталий⁹⁷⁰, приводящий эти сведения, добавляет, что франки не доверяли императору. Но поскольку они, с одной стороны, видели, что Боэмунд не позволит создавать княжества, которые бы соперничали с его княжеством, а с другой — нуждались в императоре, чтобы вернуться хоть сушей, хоть морем, в конечном счете они принимали предложения греков. То есть они отплывали и встречали очень хороший прием в Константинополе, где Алексей предлагал им остаться у него на службе и делал богатые подарки. Утверждение Ордерика о недоверии франков василевсу, как мне кажется, порождено чувством, аналогичным тому, какое побуждало всех историков той эпохи сопровождать имя Алексея более или менее оскорбительными определениями, — это было нечто вроде клише, которое всякий западный автор считал себя обязанным использовать. Ничто в поведении Алексея до тех пор не оправдывало подобных страхов.

Уже из-за обстоятельств, только что описанных нами, союз между Раймундом и Алексеем стал теснее, а поведение Боэмунда позже поспособствует дальнейшему укреплению этого союза. Боэмунд решился сходить в Иерусалим; он прибыл туда на Рождество⁹⁷¹ и вернулся в первые месяцы 1100 г. Он прошел мимо Лаодикеи, куда Раймунд, сославшись на нехватку продовольствия, его не пустил⁹⁷². Очевидно, что отношения между обоими князьями были непростыми. Завоевательная политика, какую тогда проводил Боэмунд, лишь усложняла ситуацию. Раймунд осадил Триполи, возможно, при поддержке греков⁹⁷³. Тем временем Боэмунд принялся расширять свое государство за счет греков и турок. В июне он, сначала напав на Апамею⁹⁷⁴ и Алеппо⁹⁷⁵, двинулся на Мараш⁹⁷⁶. Эта крепость принадлежала тогда грекам, которым крестоносцы вернули ее в первый год крестового похода, и управлял ею князь князей. Этот титул, который Матфей Эдесский дает губернатору, носил греческий правитель Киликии и Малой Армении⁹⁷⁷. Боэмунд разорил окрестность, но не смог захватить город⁹⁷⁸. Вероятно, во время осады он узнал, что

Малик-гази Мухаммед⁹⁷⁹, которого европейцы обычно называют Гюмюштекин, напал на правителя Мелитены, армянина Гавриила, более или менее зависимого от императора. Эмир Малик-гази основал в восточной части Малой Азии государство, главным городом которого была Севастия (ныне Сивас). Гавриил призвал Боэмунда, пообещав отдать город, если тот защитит его от Малика-гази; Боэмунд примчался, но в июле 1100 г. потерпел поражение и попал в плен к туркам⁹⁸⁰.

Куглер⁹⁸¹ ошибается, приводя рассказ о походе Монастры на Киликию и Мараш прежде рассказа об этой кампании. Алексей, разорвав отношения с Боэмундом после отправки к нему Вутумита, довольствовался тем, что послал евнуха Евстафия, великого друнгария флота, занять Курик⁹⁸² и Селевкию⁹⁸³ на киликийском побережье⁹⁸⁴, а возможно, также Тарс, Адану и Мамистру⁹⁸⁵. Судя по тексту Анны Комниной, поход Монастры состоялся после отправки Алексеем письма Боэмунду с требованием вернуть Антиохию и Лаодикиею; но ведь последняя была взята Танкредом, когда его дядя был в плену. Судя по роли, какую Танкред играет в рассказе Анны⁹⁸⁶, эти события происходили не в 1100 г., потому что этот князь прибыл в Антиохию только после пленения Боэмунда. Алексей ограничился тем, что помешал последнему захватить порт, и в результате греки со своим кипрским флотом могли стать почти что хозяевами моря. То есть пока что ни одного похода греков на Боэмунда не было. Но василевс не мог сразу же воспользоваться пленением врага, потому что в то время, когда оно случилось, графа Тулузского на Востоке уже не было, он плыл в Константинополь — несомненно, чтобы договориться с Алексеем о совместной акции против Антиохии. Мы знаем, что он отбыл в июне, потому что тогда его встретили венецианцы недалеко от побережья Кипра⁹⁸⁷. То есть о пленении Боэмунда он должен был узнать только по прибытии в Константинополь, и приблизительно тогда же — о смерти Готфрида Бульонского (случившейся 8 июля 1100 г.)⁹⁸⁸.

Сблизившись на почве общей ненависти, Алексей и Раймунд легко могли договориться⁹⁸⁹. Новый приезд графа Тулузского в Константинополь, конечно, изгладил из памяти Комнина враждебность графа во время первого пребывания;

при дворе уже не вспоминали, что, прежде чем стать союзником, Раймунд был врагом; этим и объясняются похвалы, какие Анна расточает графу Тулузскому, по ошибке соединяя их с рассказом о первом визите графа в Византий⁹⁹⁰. В результате событий, произошедших тогда, Алексей и Раймунд, должно быть, обсудили особо важные политические вопросы. Смерть Готфрида, пленение Боэмунда повлекли за собой целый ряд интриг, которые мы знаем плохо. Анна Комнина⁹⁹¹ пишет, что Раймунда прочили на иерусалимский престол. Каффаро⁹⁹² говорит о ведущей роли, какую на выборах играли генуэзцы, а Матфей Эдесский⁹⁹³ обвиняет Балдуина в покупке голосов выборщиков. Балдуин победил и был коронован 25 декабря 1100 г.⁹⁹⁴; в то же время Танкред, которого пригласили горожане, прибыл управлять Антиохией⁹⁹⁵.

Иерусалимское королевство интересовало Алексея лишь косвенно — предметом всех его забот была Антиохия. Особо заклятым врагом Боэмунд был и для графа Тулузского. Танкред, едва появившись, дал понять, что намерен проводить по отношению к грекам такую же политику, как дядя, и в качестве одного из первых шагов отнял у них Тарс, Адану и Мамистру⁹⁹⁶, а потом осадил Лаодикею⁹⁹⁷. Следовательно, заключенное между Алексеем и Раймундом соглашение почти наверняка оговаривало способы борьбы с растущим могуществом князей Антиохийских.

Алексей не мог немедленно приняться за организацию сопротивления атакам норманнов — его отвлекли другие проблемы, поскольку на территории его государства появились новые крестоносцы.

В результате слухов о победах первых крестоносцев на Востоке и в ответ на просьбы о помощи от вождей, поселившихся на Святой земле⁹⁹⁸, была организована новая экспедиция. Впрочем, движение с Запада на Восток и прежде не прерывалось. Вдоль берегов Сирии крейсировали генуэзский и пизанский флоты; мы уже видели авантюры Гинемера и Эдгара Этелинга. Возможно, одним из походов итальянских флотов был и тот, который упоминается в «Житии святого Мелетия»⁹⁹⁹. Этот агиографический источник интересен тем, что, полагаю, он один упоминает Афины и Пирей как порты

захода судов, шедших на Святую землю; кроме того, он позволяет живо представить отношения между крестоносцами и греками. В Пирее пристали моряки — несомненно, итальянцы. Губернатор города, видя, что эти паломники враждебны грекам и дурно относятся к василевсу, довольно плохо их принял и не позволял продолжать путь. Тогда крестоносцы попросили о помощи Мелетия, который, убедившись, «что они проникнуты благоодобрительным настроением по отношению к Богу и к царю», рекомендовал их губернатору, а тот добился для них пропуска от Алексея. После этого паломники посещали Мелетия и его монастырь ежегодно и в довольно большом количестве.

Помимо этих морских экспедиций, крупная армия готовилась проследовать по суше. В последние месяцы 1100 г. в поход выступили ломбардцы, пришедшие зимовать в Болгарию. Они попросили у Комнина разрешить им пройти через земли империи. Алексей удовлетворил их просьбу, но попросил не заниматься грабежом. Этот первый отряд зазимовал на византийской территории¹⁰⁰⁰; согласно Альберту Ахенскому, латинян поселили в окрестностях Родосто, Дидимотики, Селимври¹⁰⁰¹, Адрианополя и Филиппополя. Снова беспричинно начались грабежи, какими отметили свой путь и первые банды. Алексею сообщили об этом, и он пригласил крестоносцев в Константинополь, куда они пришли самое раннее в марте 1101 г.; продолжили путь они, видимо, в апреле¹⁰⁰². В состоявшихся тогда переговорах большую пользу принес Раймунд де Сен-Жиль¹⁰⁰³; но европейцы были настолько недисциплинированны, а их грабежи в окрестностях столицы наносили ей такой тяжелый ущерб, что василевс прибегнул к средству, которое принесло ему успех в 1097 г., — в ответ на отказ крестоносцев переправляться в Азию он прекратил им поставки продовольствия. В результате они напали на столицу, и конфликт, перешедший в острую стадию, удалось погасить только благодаря графу Бьяндрате и епископу Миланскому¹⁰⁰⁴. В конечном счете крестоносцы переправились через Босфор. Любопытно, что Альберт Ахенский относится к ним откровенно враждебно и при этом выказывает симпатию к императору. Эккехард из Ауры, который входил в состав банды,

пришедшей чуть позже, обвиняет Алексея в том, что тот подставил ломбардцев под удар турок. Этот упрек не слишком обоснован, ведь коль скоро Никея и Никомедия принадлежали грекам, паломники могли оставаться на азиатском берегу, не подвергаясь опасности.

К ломбардцам добавились другие банды. Главными их вождями были Стефан Блуаский, вернувшийся на Восток по настоянию жены, которую возмутило его бегство из Антиохии¹⁰⁰⁵, Балдуин де Гранпре¹⁰⁰⁶, Гуго де Бруа¹⁰⁰⁷, Гуго де Пьерфон¹⁰⁰⁸, епископ Суассонский, и два брата Бьяндрате¹⁰⁰⁹. К ним присоединился Конрад, коннетабль императора Генриха IV¹⁰¹⁰; к этим новым бандам Алексей отнесся так же, как и к участникам первого крестового похода; похоже, его поведение теперь было более бескорыстным, поскольку он не мог надеяться извлечь какие-либо выгоды из этой экспедиции. По соглашению со Стефаном Блуаским он хотел направить крестоносцев по пути, каким следовала армия 1097 г.; но они отказались выполнять этот план, упорно желая идти в Хорасан, чтобы освободить Боэмунда. Обвинять Алексея за то, что он внушал им эту идею, нельзя — ведь пленение Боэмунда было ему слишком на руку, чтобы император что-либо делал ради его освобождения. В качестве вождя Комнин дал крестоносцам Раймунда де Сен-Жиля¹⁰¹¹ и придал им корпус туркополов под командованием Циты. Не исключено, что Алексей назначил Раймунда по просьбе крестоносцев, желающих воспользоваться опытом, какой тот приобрел в предыдущей кампании¹⁰¹². Эта экспедиция выступила в начале июня из Никомедии. Она двинулась военной дорогой из Никомедии в Анкиру через горный район Пафлагонии и пришла в Анкиру 23 июня¹⁰¹³. Из Анкиры, передав ее грекам, армия направилась к Ганграм¹⁰¹⁴. Оттуда она повернула на север к Кастамону¹⁰¹⁵, потом форсировала Галис¹⁰¹⁶ и вышла к Амасье, где часть ее войск под командованием Конрада была разбита турками¹⁰¹⁷.

Ведь прибытие новых крестоносцев побудило турок объединиться — чего последним прежде сделать не удавалось. Малик-гази, Кылыч-Арслан и Ридван, эмир Алеппо, собрали значительные силы и напали на крестоносцев между Амасьей и Сивасом. Это стало настоящей катастрофой для

европейцев¹⁰¹⁸. Большинство их бежало и добралось до Синопа, который принадлежал грекам. Раймунд вышел к Бафре¹⁰¹⁹ на черноморском побережье¹⁰²⁰. Выжившие участники похода вернулись в Константинополь только в конце 1101 г.¹⁰²¹

Раймунда обвинили в том, что в сговоре с Алексеем и по приказу последнего он предал армию, которую ему было поручено вести. Ни у одного, ни у другого обвинения серьезных оснований нет, и Альберт Ахенский¹⁰²² упоминает их лишь затем, чтобы опровергнуть¹⁰²³. Исток этого слуха надо искать в пленении Раймунда, которого под этим предлогом захватил Танкред, притом что на самом деле князь Антиохийский действовал совсем из других побуждений, как мы увидим далее. Крестоносцы провели в Константинополе осень и зиму; всем снабжал их Алексей, и ушли они в первые месяцы 1102 г. Это поражение латинян, видимо, получило тем больший резонанс, что за ним последовало уничтожение еще двух крестоносных армий — графа Гильома Неверского и Гильома Аквитанского.

Граф Неверский прошел через Италию, высадился в Авлоне и направился в Фессалоники. Его войска, похоже, были более дисциплинированными и подчинялись приказам командующего, запретившего всякий грабеж¹⁰²⁴. Алексей принял графа хорошо и придал ему греческий воинский корпус¹⁰²⁵. Граф Неверский покинул Византию 23 июня¹⁰²⁶, собираясь присоединиться к предыдущей экспедиции. Он дошел до Анкиры, но оттуда, отчаявшись догнать крестоносцев, вернулся обратно в Иконий¹⁰²⁷. Под Гераклеей¹⁰²⁸ на него напали войска Кылыч-Арслана и Малика-гази (в августе)¹⁰²⁹. Потерпев поражение, он бежал в Германикополь¹⁰³⁰; близ замка святого Андрея¹⁰³¹ его снова атаковали и ограбили, однако ему удалось добраться до Антиохии¹⁰³².

Участником третьей экспедиции¹⁰³³ был Эккехард из Ауры. Ею командовали Гильом IX Аквитанский, автор множества легкомысленных стихов, принявший крест, и Вельф IV, герцог Баварский; благодаря Эккехарду об этой экспедиции мы знаем больше подробностей, чем о предыдущих. Алексей принял такие же меры — отправку послов с требованием воздержаться от грабежа греческой территории, надзор,

осуществляемый печенегами; со стороны крестоносцев проявилась такая же разнузданность; хоть они и попытались захватить Адрианополь¹⁰³⁴, Алексей их принял, по выражению одного из них, «как сыновей»¹⁰³⁵. Они принесли клятву, были осыпаны дарами и подаванием для бедных и получили все возможности запастись провизией¹⁰³⁶; но Алексей обязал их переправиться через пролив. Меж тем разнесся слух, что он предаст латинян туркам и что суда, которым предстоит перевезти сколько-то крестоносцев, должны потерпеть крушение. Объявленного крушения не случилось, и Эккехард, который здесь проявляет довольно слабый ум, поскольку готов верить любым слухам, беспрепятственно прибыл в Яффу¹⁰³⁷. Основные силы крестоносцев во главе с Гильомом и Вельфом пошли по Киликийской дороге. В сентябре под Эрегли на них напали Малик-гази и Караджа, эмир Харрана, крестоносцы потерпели поражение¹⁰³⁸, и Гильом едва добежал до Лонгиниады¹⁰³⁹, откуда достиг Антиохии.

Движение с Запада на Восток по-прежнему продолжалось. Через год, в 1102 г., Алексей должен был дать приют скандинавам Эрика Доброго. Все, что мы знаем об этом сюжете, относится к области легенд. На нескольких страницах, которые Риан¹⁰⁴⁰ посвятил истории скандинавского монарха, показано, что Алексей поначалу испытывал к Эрику такое же недоверие, как и к другим крестоносцам, и боялся, что тот переманит у него варягов. Но, убедившись, что скандинавским королем движет исключительно благочестие, Комнин отбросил всякие подозрения. Он великолепно принял Эрика, осыпал дарами, предложил ему выбрать игру на ипподроме и даже выделил сумму, необходимую на эту игру, наконец, снарядил флот из четырнадцати кораблей, чтобы перевезти его на Святую землю. Несомненно, авторы саг наверняка многое преувеличили, но не исключено, что Алексей, поскольку его гвардию составляли варяги, хотел почтить скандинавского монарха совершенно особо. С другой стороны, коль скоро василевс здесь ведет себя почти так же, как вел в отношении к другим крестоносцам, можно допустить, что основные реалии этого приема описаны верно.

Различные походы, которые я только что описал, и их плачевные поражения в Малой Азии весьма способствовали формированию дурной репутации Алексея. Восточные историки, Матфей Эдесский и Самуил Анийский, используют ее как повод, чтобы характеризовать василевса в самых резких словах. Если верить им, Алексей вел себя как Иуда¹⁰⁴¹, подмешивал известь в хлеб для крестоносцев¹⁰⁴², он и его мать поклонялись демону¹⁰⁴³. Эти обвинения, в которых досталось и Раймунду, были опровергнуты Альбертом Ахенским. С другой стороны, судя по поведению крестоносцев, они не возлагали ответственность за свое поражение на графа Тулузского, коль скоро требовали его освобождения и умоляли его вести их в Иерусалим. Надо искать другие причины неудач этих экспедиций, чем измена Комнина.

Алексей хотел добиться расположения европейцев, давая им деньги, продовольствие, подавание; они отвечали грабежами¹⁰⁴⁴, насилиями и массовыми убийствами греков-христиан. Поведение Комнина в этой ситуации даже выглядит довольно бескорыстным, поскольку не видно, какую выгоду он мог бы извлечь из союза с крестоносцами. Он не мог всерьез рассчитывать на их помощь в возвращении Антиохии. Возможно, замыслив напасть на Антиохию при поддержке графа Тулузского, он беспокоился исключительно о том, как бы его не обвинили в ненависти к латинянам. Как бы то ни было, не его вина, что экспедиции крестоносцев потерпели провал. Истинную причину их неудач следует искать в объединении главных турецких эмиров, понявших, что станет с ними, если они пропустят в Сирию столь крупные подкрепления своего противника.

Мы видели, что в Константинополь вернулись только немногие участники первого крестового похода. В начале 1102 г. Алексей по-прежнему переправлял крестоносцев через море. Среди тех, кто тогда отплыл, был и граф Тулузский. Его союз с Алексеем должен был стать еще тесней, чем прежде. Анна Комнина¹⁰⁴⁵ говорит, что он блистал среди латинских князей, как солнце среди звезд, и добавляет, что отец просил у него помощи и поддержки в борьбе с коварством Боэмунда. Какое же соглашение заключили меж собой василевс и Раймунд?

Нам ничто не позволяет этого сказать. Может быть, Алексей тогда пообещал ему помощь греков в осаде Триполи. Если бы Раймунд овладел этим портом, Алексей получил бы оперативную базу к югу от Антиохии. Ничего позитивного на этот счет мы не знаем. Бесспорно одно: союз Раймунда и Алексея создавал угрозу для Антиохийского княжества. Танкред должен был смотреть на него очень косо, и когда ему подвернулась возможность захватить Раймунда в плен, он обрадовался. Альберт Ахенский рассказывает, что граф Тулузский был схвачен Бернаром Иноземцем в порту Святой Симеон и выдан Танкреду¹⁰⁴⁶, который обвинил его в сговоре с Алексеем, врагом крестоносцев. Но через недолгое время Танкред был вынужден уступить настояниям патриарха Антиохийского, латинского духовенства и, может быть, других вождей, отдававших себе отчет, какой ущерб их делу наносят эти внутренние распри¹⁰⁴⁷. И он отпустил Раймунда, взяв клятву, что тот не нападет ни на какой город между Азией и Антиохией¹⁰⁴⁸. Едва освободившись, Раймунд осадил Тортосу при помощи крестоносцев и генуэзского флота¹⁰⁴⁹, и город не замедлил попасть в его руки¹⁰⁵⁰. Тортоса должна была стать ядром будущего Триполитанского графства. Победив Кылыч-Арслана, потом Джанаха ад-Даулу и Дукака¹⁰⁵¹, Раймунд атаковал и взял Антаргас и Замок Курдов до октября 1102 г., а потом начал осаду Триполи и занял территорию Эмесы после смерти Джанаха ад-Даулы, убитого батинитом¹⁰⁵². Соглашение с Алексеем сохраняло силу. Раймунд попросил Алексея построить Мон-Пелерен напротив Триполи, и греческий флот Евмафия Кипрского поставлял ему все, что требовалось¹⁰⁵³. С тех пор это зарождающееся княжество всецело занимало графа Раймунда, отныне игравшего в греческой политике лишь скромную роль.

Теперь завязалась борьба между княжеством Антиохией и Греческой империей. Мы видели, что в 1101 г. Танкред отнял у греков киликийские города и осадил Лаодикею. Город был взят лишь через полтора года¹⁰⁵⁴. Он еще держался, когда Раймунд начал осаду Триполи, коль скоро Анна Комнина, говоря о том времени, упоминает обращение Раймунда к Танкреду в пользу своего союзника¹⁰⁵⁵, которое, впрочем, не

возымело действия. Городу предстояло попасть в руки норманнов во второй половине 1102 г. К тому времени княжество Антиохия стало могущественным. От него зависели все земли до Алеппо, и Ридван платил ему дань — семь тысяч золотых монет¹⁰⁵⁶. Завоевав Лаодикею, Танкред получил порт, который ему был необходим, чтобы поддерживать постоянную связь с Западом. Поскольку после пленения Боэмунда княжество значительно расширилось и оказалось у самой границы империи, оно стало угрозой для Византии. Кроме того, у Алексея должны были сохраняться тягостные воспоминания о том, как Боэмунд его обманул. Именно в этом надо искать причину тогдашних поступков василевса. Он вступил с Маликом-гази в переговоры о выкупе Боэмунда. Переговоры ни к чему не привели, и Боэмунда выкупил и освободил летом 1103 г.¹⁰⁵⁷ один армянский князь, союзник крестоносцев, — Васил Гох. Боэмунд поспешил забрать у Танкрета свое княжество вместе с завоеваниями, сделанными племянником, который, похоже, повиновался ему лишь неохотно¹⁰⁵⁸.

Освобождение Боэмунда, должно быть, почти совпало по времени со взятием Лаодикеи¹⁰⁵⁹. Алексей воспользовался этим событием, чтобы снова выйти на сцену. Он мог всецело посвятить себя проблеме Антиохии, потому что других важных забот у него тогда не было. И он написал¹⁰⁶⁰ Боэмунду письмо, напомнив о клятве и потребовав занятые города. Князь Антиохии ответил категорическим отказом, обвинив в свою очередь василевса в нарушении слова и дойдя даже до упрека, что во время осады Антиохии уехал Татикий. Алексей, который должен был ожидать подобного ответа, подготовил все для похода в Киликию. Командование походом он поручил Вутумиту и Монастре.

Овладеть Киликией было необходимо в ходе любой кампании, целью которой была Сирия, так как единственный путь из Малой Азии в Сирию лежал через эту область. Обосновавшись в Киликии и контролируя проходы через Аман — отрог Тавра, разделяющий обе провинции, греки могли бы помешать любому вторжению из Сирии и выходить на территорию Антиохии, когда заблагорассудится¹⁰⁶¹. Область Икония находилась тогда в руках турок; несомненно, поэтому Вутумит

направился прежде всего к Атталии, откуда должен был, следуя берегом, дойти до границ Киликии через область, подчиненную грекам¹⁰⁶². Анна Комнина говорит о начале этой экспедиции очень коротко. Она пишет только, что греческий полководец, обнаружив, что армяне заодно с норманнами, не стал останавливаться в этой местности, а дошел до области Мараша¹⁰⁶³, где организовал ряд постов в деревнях и замках. Потом, в 1103 г., Вутумит вернулся в Константинополь.

Следующий год начался для греков с довольно тяжелого поражения: Жослен, сеньор Тель-Башира, отнял у них Мараш¹⁰⁶⁴. Но через недолгое время фортуна улыбнулась византийцам: в самом начале 1104 г. мусульмане при Харране, к югу от Эдессы, одержали победу над Балдуином де Бургом, Жосленом, Боэмундом и Танкредом — победу, которая едва не погубила все христианские поселения в Сирии¹⁰⁶⁵. В результате этого поражения латинян турки продвинулись вперед, и одновременно в Сирии и Киликии вспыхнули восстания против франков. Поднялась вся Киликия¹⁰⁶⁶, и в Тарс, Адану, Мамистру призвали греков, тогда как турки дошли до Артаса и почти до самой Антиохии. Теперь защитниками всей Северной Сирии остались только Боэмунд и Танкред. Власть над Эдессой, сеньор которой, граф Балдуин, попал в плен, была доверена Танкреду¹⁰⁶⁷. На последнего вскоре напали турки, и он позвал на помощь Боэмунда. В то время как Боэмунд был, таким образом, занят вдалеке от Антиохии, греки, очень ловко воспользовавшись трудностями, какие для него создала турецкая война, неожиданно привели к Лаодикее флот и начали осаду этой крепости.

Греческому флоту под командованием Кантакузина и Ландульфа было поручено следить за продвижением генуэзского флота вдоль берегов Эллады; в самом деле, Алексей опасался нападения генуэзцев. Греческий флот не нападал на итальянские корабли, которых было слишком много, а ограничивался тем, что следовал за ними. Видимо, они направились к Святой земле. Приближаясь к азиатскому побережью, Кантакузин, должно быть, узнал о поражении Боэмунда и воспользовался им, чтобы нанести внезапный удар по Лаодикее. Быстрота нападения позволила ему захватить порт, но взять цитадель

он не смог. Тогда он начал осаду крепости и построил стену, чтобы укрепиться и полностью отделить город от моря; в то же время он занял башни, контролирующие порт.

Блокада города была не единственным занятием греческих войск, и Кантакузин¹⁰⁶⁸, которому, несомненно, помог Раймунд, захватил крепости на побережье до Триполи. Греки тогда взяли Аргирокастр и Маргат¹⁰⁶⁹, очень важный стратегический пункт, потому что он контролировал дорогу из Валании в Мараклею¹⁰⁷⁰; позже франки там построят одну из своих самых сильных цитаделей¹⁰⁷¹. После Маргата греки заняли Джеблу (Gibel)¹⁰⁷². Тем временем в Киликию двинулась организованная Алексеем экспедиция под командованием Монастры, но дошла до места, когда Кантакузин уже сумел заблокировать Лаодикею. Боэмунд, которому сообщили о нападении греков, вернулся из Эдессы и сумел наладить снабжение Лаодикеи, которую Кантакузин осаждал только со стороны моря¹⁰⁷³.

Атакуемое одновременно турками и греками, попав между двух огней, княжество Антиохия оказалось в опасном положении. И Боэмунд решил покинуть свое государство, доверив управление им Танкреду, чтобы отправиться в Европу и вызвать «мощное усилие, пропорциональное сложности предприятия»¹⁰⁷⁴. Князь Антиохийский понял, что сделал Алексея непримиримым врагом, готовым воспользоваться всеми затруднениями, какие создавала турецкая война, чтобы вновь укрепиться в Сирии. Он видел, что на Востоке в борьбе с империей у него нет шансов. Превосходство, которое он мог бы получить над греческими войсками, не дало бы ему ничего; чтобы поразить византийскую власть, наносить удары надо было в самом Константинополе, одолеть императора можно было только там. Для этого были нужны значительные силы, и Боэмунд попытался найти их в Европе, вернувшись к планам отца, которые тот не сумел выполнить. Он отплыл в последние дни 1104 г. и в январе 1105 г. прибыл в Апулию¹⁰⁷⁵.

Алексей узнал об отъезде князя Антиохийского и его прибытии в Италию из дерзкого вызова, который тот, если верить Анне, сам прислал ему с Корфу. Обвинениям, которые Боэмунд выдвигал против Комнина, на Западе должны были

легко поверить. Почву для этого уже два года как подготовил Беневентский собор. В 1102 г.¹⁰⁷⁶, когда вторая экспедиция латинян прибыла в Иерусалим, Балдуин отправил к Алексею посольство, чтобы просить василевса не губить христиан и добиться от него снабжения государств европейцев на Востоке. В ответ Алексей послал Балдуину дары и поручил епископу Барселонскому составить оправдательное послание папе Пасхалию II; но между императором и епископом возникли трения, и на соборе, созванном в Беневенто в 1102 г., последний в отместку пересказал неблагоприятные слухи об Алексее. Так что, в то время как отношения между Византией и латинскими государствами оставались достаточно сердечными, в Европе Алексей уже сделался объектом вражеских нападок.

Василевс попытался принять меры, чтобы европейцы не поверили Боэмунду. Он написал Пизанской, Генуэзской¹⁰⁷⁷ и Венецианской республикам, чтобы убедить их¹⁰⁷⁸ не доверять сыну Гвискарда. В то же время, чтобы предоставить латинянам наглядное доказательство благосклонности к ним, он отправил посольство к египетскому султану для переговоров о выкупе пленных крестоносцев¹⁰⁷⁹. Султан отказался от выкупа, предложенного императором, и отослал пленников к Алексею, чтобы тот делал с ними, что захочет. Василевс принял их очень хорошо, осыпал дарами и отослал, надеясь найти в них защитников перед латинянами.

В тот же период (28 февраля 1105 г.) смерть союзника василевса, графа Тулузского, вызвала непосредственную реакцию Алексея на Востоке. Раймунд умер в замке, который возвел напротив Триполи¹⁰⁸⁰. Его наследство оспаривали его внебрачный сын Бертран и Гильом II Иордан, граф Сердани. Алексей немедленно через Евмафия Филокала отправил посла, поручив передать Гильому многочисленные дары и добиться взамен, чтобы тот принес ему клятву, как отец¹⁰⁸¹. О том, каким был результат этого обращения, Анна не говорит.

Эти разнообразные переговоры не мешали Алексею активно готовиться к обороне. Он рекрутировал войска по всей империи, набирал наемников за границей¹⁰⁸² — несомненно, венгров¹⁰⁸³ и турок. Он отозвал с Востока войска Кантакузина и Монастры и возложил командование греческими войсками

в Киликии и Сирии на Ошина, армянского князя Ламбронна, которого в 1085 г. сделал князем Тарса за услуги, оказанные в войне с Робертом Гвискардом¹⁰⁸⁴. В сентябре 1105 г.¹⁰⁸⁵ император сам поехал в Фессалоники, чтобы все организовать и проводить учения. Он взял с собой императрицу и прожил в этом городе до февраля или марта 1106 г.¹⁰⁸⁶ В то время сербы устроили новое восстание. Это начинание Вукана не увенчалось успехом: хоть он и победил Иоанна Комнина, дуку Диррахия, но приезд императора вынудил его подчиниться и выдать заложников¹⁰⁸⁷. Почти весь 1106 г. Комнин посвятил укреплению западных границ империи¹⁰⁸⁸. В Диррахии он заменил Иоанна Алексеем, другим сыном севастократора Исаака¹⁰⁸⁹. В то же время он объединил три флота — Азии, Европы и Архипелага, с которыми соединились венецианские корабли¹⁰⁹⁰, и послал их наблюдать за Адриатическим морем. В Константинополь он вернулся только в феврале 1107 г.¹⁰⁹¹

В то время как разворачивались эти события и василевс завершал приготовления к отражению агрессии, ему пришлось подавлять новый заговор. Правлением Комнина недовольны были многие; высокопоставленные сановники империи, знать и даже сенат не прощали ему желания царствовать, не советуясь с ними. Когда Боэмунд готовился вторгнуться в империю, несколько важных лиц решило воспользоваться случаем, чтобы свергнуть Алексея¹⁰⁹². Во главе заговорщиков стояли братья Анемады, потомки сына Абд аль-Азиза аль-Куртуби, столь храбро защищавшего Хандак от войск Никифора Фоки во время похода 960 г.¹⁰⁹³ Их поддерживали представители многих знатных семейств — Кастамонит, Куртикий, Василаци, Склир и Ксир, в то время префект Константинополя; к ним примкнул один из вождей сената, Соломон, которого убедили, что переворот будет совершен в его пользу. Заговорщики намеревались проникнуть в священный Коитон, большую императорскую опочивальню, смежную с церковью Богоматери Фаросской, через Фаросский Гелиакон¹⁰⁹⁴. Императора предупредили; он арестовал всех заговорщиков и, чтобы дать острастку другим, приговорил их к обриванию головы и к ослеплению на Форуме; в то же время он объявил о конфискации имущества преступников. Экзекуции предшествовала

торжественная процессия с участием осужденных. На них надели кишки животных, как головные ленты, потом посадили на быков и провезли по городу, в то время как перед ними пели и плясали ликторы. По настоянию жены и дочерей император помиловал обвиненных. Михаила Анемада, главу заговора, заключили в башню Большой стены, близ Влахернского дворца, которая получила его имя¹⁰⁹⁵.

В тот же период¹⁰⁹⁶ Алексей одержал верх над Григорием Таронитом, дукой Трапезунда, два года назад восставшим против Константинополя¹⁰⁹⁷. Выше мы видели, что Феодор Гавра, дука Трапезунда, был арестован за неповиновение приказам императора¹⁰⁹⁸. Его наказание, видимо, длилось недолго, коль скоро в 1098 г. Алексей, вернувшись из Филомелия, послал его в Паиперт¹⁰⁹⁹ против Исмаила, брата Малика-гази¹¹⁰⁰. Мне представляется вероятным, что Алексей тогда вернул ему пост дуки Трапезунда и доверил командование походом на турок, занявших территорию его бывшего государства. Феодор Гавра умер в последние годы XI в. или в самом начале XII в. Его сын женился на дочери василевса, но этот брак был расторгнут. Значит, вероятно, у василевса сложились довольно плохие отношения с бывшим зятем. Поэтому пост дуки он отдал одному из своих полководцев, Диаватину, который был его сторонником с первого часа и помогал в борьбе с норманнами, сельджуками и половцами. В 1104 г. по приказу императора Диаватин передал пост дуки Григорию Тарониту¹¹⁰¹, потомку Багратидов¹¹⁰², дядя которого Михаил Таронит был женат на Марии, сестре Алексея. Вскоре Григорий решил стать независимым. Он арестовал Диаватина и нескольких жителей дуката, сторонников императора¹¹⁰³, заключив их в тюрьму в Тивенне¹¹⁰⁴. Алексей отправил против него экспедицию под командованием Таронита, сына Михаила¹¹⁰⁵. Тому удалось взять в плен Григория, как раз когда тот собирался запереться в Колонее¹¹⁰⁶ и позвать на помощь Малика-гази. Его привезли в Константинополь и бросили в Анемскую башню, узником которой он оставался долго. В конечном счете по настоянию Никифора Вриенния и Анны Комниной император его простил¹¹⁰⁷.

Тем временем Бозмунд завершал приготовления к экспедиции. Прибыв в январе 1105 г. в Апулию, он остался там до сентября того же года¹¹⁰⁸. В марте 1106 г. он проповедовал крестовый поход против императора во Франции при поддержке Бруно, папского легата¹¹⁰⁹. Он обещал многочисленные фьефы тем, кто пойдет с ним¹¹¹⁰, то есть призывал уже не к религиозной войне, а именно к политической¹¹¹¹. Молва о его подвигах, богатствах, страсть к приключениям, которую подогревали успехи столь необычных походов, как завоевание норманнами Англии и Италии или взятие Иерусалима, — все это влекло к нему многочисленных сторонников из числа французских и английских сеньоров. Король Франции Филипп I отдал за него свою дочь Констанцию¹¹¹². Наконец, в августе 1106 г. Бозмунд отбыл в Апулию; он остался там еще на год, чтобы окончательно все подготовить, и 9 октября 1107 г. высадился в Авлоне с 34 тысячами бойцов. 13 октября он осадил Диррахий¹¹¹³. Греческий флот оказался не в силах помешать его переправе¹¹¹⁴. План Бозмунда, очевидно, состоял в том, чтобы еще раз провести такой же поход, как в 1081 г., начало которого было столь блестящим; из Диррахия он рассчитывал пойти на Фессалоники и Константинополь.

Комнин узнал о прибытии и высадке норманнской экспедиции из письма своего племянника Алексея, губернатора Диррахия. Сделанные приготовления вселили в него уверенность в благополучном исходе войны, и в спокойствии, какое он сохранил, по словам дочери, при вести о высадке Бозмунда, нет ничего удивительного. Василевс немедленно принял меры, чтобы адриатический флот воспрепятствовал поставкам снабжения захватчикам, перерезав коммуникации между Италией и иллирийским побережьем¹¹¹⁵. Доверив управление столицей Евстафию Киминиану и Никифору Декану, он покинул Константинополь, чтобы руководить операциями лично¹¹¹⁶. Анна рассказывает, что на несколько дней он остановился под самым Константинополем, в Герании, чтобы дожидаться чуда¹¹¹⁷, какое обычно происходило во Влахернской церкви при отъезде императора на войну. Это случилось 1 ноября 1107 г.¹¹¹⁸ Возможно, его несколько беспокоили настроения в народе, и он опасался какого-нибудь заговора. Действительно, Анна

сообщает, что вскоре был раскрыт заговор, во главе которого стоял Аарон, потомок болгарских монархов¹¹¹⁹. Из Герания император доехал до Фессалоник, где собрал армию, разослал отряды, чтобы занять многие проходы, по которым норманны могли бы ворваться в Эпир, и дождался конца зимы¹¹²⁰. Начал кампанию он только весной.

Боэмунд постепенно расширил операционную базу, заняв несколько крепостей вокруг Диррахия. Его самыми передовыми постами были Петрула и Милос за Деволом¹¹²¹. Весной, чтобы у его воинов не возникло и мысли снять осаду, он сжег свои корабли. Анна Комнина приводит много подробностей этой новой осады: Боэмунд, «превосходивший в этом отношении самого Деметрия Полиоркета», построил множество [осадных] машин, которые все были уничтожены греческим огнем¹¹²². Наученный горьким опытом, Алексей твердо решил не давать норманнам боя; он хотел просто изнурить армию Боэмунда голодом, плотно блокировав осаждавших. Весной 1108 г. он покинул Фессалоники и перебрался в Диррахий. Василевс, помня, сколько заговоров ему пришлось подавить, не доверял своему окружению и принял меры, чтобы не допустить никаких сношений между своими людьми и Боэмундом¹¹²³. В то же время он использовал одно весьма малопочтенное средство, чтобы убедить Боэмунда не доверять своим помощникам. Он подстроил перехват князем Антиохийским компрометирующих писем, которые можно было принять за ответы, направленные главным норманнским вождям: Гвидо — брату Боэмунда, графу Конверсано, Ричарду Принципатскому. Должно быть, Боэмунд заподозрил подвох, потому что совершенно не поверил письмам, попавшим в его руки¹¹²⁴.

Блокада, установленная Алексеем, была очень плотной; если верить Альберту Ахенскому¹¹²⁵, из-за голода некоторые вожди оказывали на Боэмунда нажим, требуя начать переговоры с Алексеем. Боэмунд предпочитал попытки прорвать блокаду, и его солдаты дали целый ряд боев на аванпостах в Иерихоне, Канине, Арваноне, но он не сумел разорвать кольцо, которым Алексею удалось полностью окружить его¹¹²⁶. Положение осаждающих, ставших осажденными, отделенных от Италии Адриатическим морем, попавших под плотный

надзор греков¹¹²⁷, стало опасным, и голод вскоре сделался ощутимым. Боэмунду поневоле пришлось задуматься о мире¹¹²⁸, так как солдаты начали падать духом, и многие перешли на сторону греков¹¹²⁹. Боэмунд написал дукe Диррахия, выдвинув мирные предложения. Алексей, которому сообщили об этом, велел в ответ пригласить его для встречи¹¹³⁰. Тот потребовал, чтобы василевс выдал заложников; Алексей согласился. Но в лагере норманнов царила такая нужда, что Боэмунд, не желая показывать страдания своих солдат, велел держать посланцев Комнина вдалеке от лагеря¹¹³¹. Несмотря на отчаянную ситуацию, Боэмунд полностью сохранял прежнюю надменность. Для начала он пожелал, чтобы Алексей принял его как равного, а он не преклонял бы перед императором колен¹¹³². Василевс, выступавший с позиции силы, не шел ни на какие уступки и потребовал прежде всего Антиохию. Он натолкнулся на отказ Боэмунда, который уступил только по настоянию Вриенния, как говорит Анна, а также поняв, что больше ему ничего не остается¹¹³³.

Автор «Алексиады» долго распространяется обо всех этих событиях — видно, что она славит победу греков над латинянами. У нас никогда не было такого противника, — восклицает она, и в нарисованном ею портрете Боэмунда чувствуется восхищение этим белокурым гигантом, перед которым столько времени трепетала вся ее семья¹¹³⁴. Впрочем, она имела право гордиться, ведь вся эта кампания была делом рук ее отца и плодом долгих и терпеливых трудов василевса¹¹³⁵. Договор обсуждали долго, чтобы не осталось места ни для какого сомнительного толкования.

Боэмунд провозглашает пакт, заключенный в Константинополе в 1097 г., расторгнутым. Он приносит тесный оммаж Алексею и его сыну, обязывается не поднимать против них оружия, но служить им, лично или делегируя помощников, в борьбе со всеми врагами¹¹³⁶, не посягать на жизнь императора и его сына и не позволять посягать на них другим, не предпринимать ничего на землях империи и сохранить только земли, перечень которых следовал далее. Он возвратит Византии все занятые им территории, когда-либо принадлежавшие империи¹¹³⁷. Он обещает не брать обязательств в ущерб

императору или империи, не принимать подданных Алексея, которые захотели бы перейти на службу к нему, и добиваться от варваров, которых он покорит, присяги Алексею и его сыну¹¹³⁸. Земли, которые не принадлежали Византии и которые он отберет у турок или армян, будут считаться уступленными ему императором. Кроме того, Боэмунд обязывается отнести к Танкреду как к врагу, если тот не пожелает подчиниться Алексею¹¹³⁹. Гарантами своих обязательств он назначает жителей уступленных территорий и обязуется заставить их поклясться в верности императору; в случае измены Боэмунда они получают право через сорок дней перейти под власть василевса¹¹⁴⁰. Вассалы, находящиеся в его армии, немедленно принесут присягу Алексею, а те из них, кто остался на Востоке, принесут такую присягу через посредников; точно так же он не приведет из Ломбардии ни одного солдата, который бы не выполнил этой формальности¹¹⁴¹.

Патриарх Антиохийский будет принадлежать к греческому обряду и назначаться василевсом, который будет его выбирать среди духовенства Большой церкви. Алексей уступит Боэмунду Антиохию и ее территорию, Суэтий¹¹⁴², замки Дукс¹¹⁴³, Кавка¹¹⁴⁴, Лул¹¹⁴⁵ и Удивительную гору¹¹⁴⁶, крепости Ферезию¹¹⁴⁷, Святой Илия¹¹⁴⁸, Ворзе¹¹⁴⁹, Шейзар¹¹⁵⁰, Артах¹¹⁵¹, Телух¹¹⁵², Германикею¹¹⁵³, Черную гору¹¹⁵⁴ и прилежащую равнину, кроме территорий, принадлежащих армянским князьям Льву и Феодору — подданным Византии, а также Баграс¹¹⁵⁵, Палацу¹¹⁵⁶ и фему Зуме¹¹⁵⁷.

Император отделяет от Антиохийского дуката несколько городов, вновь присоединяя их к империи, а именно фему Поданд¹¹⁵⁸, Тарс, Адану, Мамистру¹¹⁵⁹, Анаварз¹¹⁶⁰, одним словом — всю Киликию, от Кидна до Гермона¹¹⁶¹, потом Лаодикею, подлежащую возвращению грекам¹¹⁶², Джеблу, Валанию, Мараклею, Тортосу. Взамен Алексей уступает в качестве компенсации территории Алеппо и Лапары с несколькими крепостями в Сирии и в области Эдессы¹¹⁶³. Алексей обязывается выплачивать Боэмунду [ежегодно] двести талантов в монетах, отчеканенных при Михаиле¹¹⁶⁴.

Эти территории отдавались Боэмунду с правом назначать наследника, который должен был вступить во владение ими

после того, как станет тесным вассалом Алексея¹¹⁶⁵. Среди тех, кто подписал договор, надо упомянуть жупанов Петра и Симона, посланников венгерского короля, дочь которого вышла за багрянородного Иоанна, сына Алексея¹¹⁶⁶. Если верить Фульхерию Шартрскому¹¹⁶⁷, император со своей стороны обязался защищать христиан, проходящих через его государство, но такая статья упоминается всякий раз, когда речь заходит о договорах с Алексеем, и я мало склонен верить, что Алексей принял на этот счет особое обязательство (сентябрь 1108 г.)¹¹⁶⁸.

Василевс осыпал Боэмунда подарками и назначил севастом, но князь Антиохийский был сломлен крушением всех надежд; он неожиданно уехал, оставив армию на Алексея, и вернулся в Ломбардию¹¹⁶⁹, где вскоре умер¹¹⁷⁰.

Этот договор знаменовал окончательную победу Алексея над Боэмундом и полный крах амбициозных планов сына Гвискарда. Успехом кампании Византия была обязана василевсу, который лично командовал армией, и для него это была прекрасная победа. Княжество Антиохийское больше не представляло угрозы для империи, потому что его границей служил Аман, проходы через который переходили в руки византийцев; оно оказывалось полностью отделенным и от Европы, подкрепления из которой могли туда поступать только с позволения греков, становившихся хозяевами всех портов. Но просто заключить договор было недостаточно, следовало, чтобы его статьи исполнялись, а это зависело не столько от Алексея, сколько от Танкреда, властителя княжества с 1104 г.

После отъезда Боэмунда в 1104 г. положение Антиохии полностью изменилось. Существование христианских поселений на Востоке оказалось под сильной угрозой, но вскоре Танкред поправил дела своего княжества. 20 апреля 1105 г. он победил Ридвана, эмира Алеппо, при Тизине¹¹⁷¹ и вновь отнял у него Артах¹¹⁷²; 14 сентября 1106 г. он занял Апамею после того, как Калаф ибн Мулаиб 3 февраля был убит батинитом¹¹⁷³. Еще прежде он возобновил осаду Лаодикеи, а в 1108 г. с помощью пизанского флота захватил эту крепость¹¹⁷⁴. В том же году он занял Мамистру и еще несколько киликийских городов¹¹⁷⁵. Этим его активность не ограничилась. Франки наконец поняли, что в их интересах объединиться против турок и заключить

перемирие, прекратив распри. Они подступили к Триполи, осада которого шла уже не один год; в середине июля 1109 г. город попал к ним в руки¹¹⁷⁶. Потом, 23 июля, Танкред занял Джеблу, тогда как Балдуин I 3 мая 1110 г. захватил Бейрут¹¹⁷⁷.

Эти успехи франков побудили мусульман перейти в контр-наступление. В декабре 1109 г. сельджукский султан сумел ненадолго объединить их силы¹¹⁷⁸. Сукман — эмир Хилата и Майафарикина, Шараф ад-Даула Мавдуд — правитель Мосула и Тугтегин — эмир Дамаска в начале 1110 г. подошли к Эдессе и осадили ее. Несколько франкских вождей объединилось, чтобы отбросить врага, но они потерпели поражение при Харране¹¹⁷⁹, и Ридван, правитель Алеппо, воспользовался этим, чтобы вторгнуться на территорию Антиохии¹¹⁸⁰. Правда, франки вскоре вновь получили преимущество: 5 декабря 1110 г.¹¹⁸¹ Балдуин при помощи Сигурда I Норвежского взял Сидон¹¹⁸². Танкред победил Ридвана и заставил платить дань¹¹⁸³.

«1111 год начался при печальных предзнаменованиях для Сирии, этого живого корня мусульманских стран. Крестоносцы и мусульмане все тесней сплетались в схватке, как два атлета перед моментом, когда один из них будет повержен и сражен. Христианская сторона брала верх. Только сплочение всех мусульманских сил могло остановить ее медленное, неуклонное, равномерное продвижение вперед, не знавшее ни перерывов, ни отступлений»¹¹⁸⁴. Из всех франкских государств самым опасным для греков была Антиохия, и Алексей с тревогой следил за ее успехами. Заключенный с Бозмундом договор оставался мертвой буквой, и василевс напрасно ждал, что Бозмунд вернется и выполнит свои обещания. Таким образом, ничуть не исключено, что сообщение ибн аль-Асира¹¹⁸⁵, упомянувшего о послании Алексея султану с предостережением об опасности, какую создает растущее могущество франков, соответствовало действительности. Несомненно, с этим посланием надо связывать поход Мавдуда в 1111 г., потерпевший неудачу из-за недобросовестности мусульманских государей¹¹⁸⁶.

В том же году Алексей узнал о смерти Бозмунда. Кончина князя Антиохийского лишала его всех выгод, какие он надеялся извлечь из своей победы 1108 г. Надо было начинать все

сначала, поскольку не приходилось надеяться, что Танкред, если только его не принудить силой, признает договор, подписанный дядей. Алексей потребовал от нового князя Антиохийского вернуть Антиохию. Танкред, естественно, ответил отказом и очень дурно обошелся с посланцами василевса¹¹⁸⁷. То есть Комнин видел, что обязан начать новую войну; но все тридцать лет, которые он царствовал, империя непрерывно находилась в состоянии войны. В Византии устали от постоянной борьбы, и общественное мнение было против нового похода. И Алексей, не желая начинать столь значимое дело под свою ответственность, обратился за советом к собранию, состоявшему из сенаторов и ведущих полководцев. По их единодушному мнению, снова предпринимать дальний поход не стоило, разве что при поддержке других франкских вождей¹¹⁸⁸. После этого василевс попытался привлечь на свою сторону, против Танкреда, Балдуина I и других латинских монархов. Для этого он отправил Евмафию Филокалу, дукке Кипра, приказ подготовить корабли и золото, потому что, как говорит его дочь, хорошо знал, что без денег от латинян ничего не добиться. В качестве посла был выбран Вутумит. С флотом из двенадцати кораблей он сначала прибыл в Триполи, единственным властителем которого после смерти Гильома Иордана остался Бертран¹¹⁸⁹. Первые переговоры завершились успешно. Бертран проявил склонность войти в положение Алексея и заявил, что готов пойти на Антиохию по первому сигналу. Вутумит оставил деньги, предназначавшиеся для покупки союзников, на хранение епископу Триполитанскому и поехал к Балдуину, занятому тогда осадой Тира. Он провел у короля Иерусалимского весь великий пост 1112 г. (который закончился 21 апреля)¹¹⁹⁰. Он присутствовал при нескольких боях, случившихся вокруг крепости, и Анна, очень хорошо осведомленная об этой поездке, рассказывает, что он видел вылазку осажденных, о которой говорит Фульхерий Шартрский¹¹⁹¹. После этой вылазки, в результате которой осаждающие потерпели частичное поражение, Вутумит со своим флотом прибыл в Акру и возобновил переговоры с Балдуином. Чтобы уговорить короля Иерусалима, внушив ему надежду, что он скоро получит обещанную сумму, он сказал, что

Алексей уже в Селевкии. Но Балдуин от экипажа пизанского судна узнал, что это неправда; не доверяя больше греческому посланцу, он прервал переговоры, и Вутумит, не сумев с ним договориться, вернулся в Триполи, где приложил чрезвычайные усилия, чтобы вернуть себе деньги, оставленные там. Бертран уже умер, и ему наследовал его сын Понс¹¹⁹²; Вутумиту пришлось пригрозить Понсу и епископу Триполитанскому, что их прекратят снабжать провизией с Кипра, если они не вернут ему деньги, оставленные на хранение, он также был вынужден оставить Понсу сумму, обещанную его отцу. Остаток денег он передал Евмафию Филокалу, и они в конечном счете пошли на ремонтировку греческой конницы¹¹⁹³.

Танкред вскоре умер¹¹⁹⁴, но Алексей не воспользовался этим, чтобы попытаться отбить Антиохию.

ГЛАВА IX ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ АЛЕКСЕЯ

Победив Боэмунда, Алексей должен был вернуться в Константинополь в конце 1108 г. или в самом начале 1109 г. Впервые за очень долгое время ему не надо было готовиться к новой кампании. Враги Византии сделали временную передышку, и василевсу можно было не интересоваться ими. Он решил воспользоваться этим досугом, чтобы вернуть всем землям Малой Азии, соседствующим с побережьем, изобилие и благоденствие, которых так давно там не было, и восстановить в этом регионе безопасность, которая позволила бы прежнему христианскому населению вернуться к своим очагам. Заботу об этом¹¹⁹⁵ он возложил на дуку Кипра, Евмафия Филокала, по собственной просьбе последнего, — тот много лет проявлял немалые административные способности и так ловко вел себя, что избежал всяких трений с крестоносцами. Евмафий был назначен губернатором Атталии¹¹⁹⁶. Он занялся восстановлением города Адрамития¹¹⁹⁷, полностью разрушенного во время завоевательных походов Чахи. Но дальнейшие события помешали Евмафию успешно завершить свои замыслы. Турки после нападения на крестоносцев в 1101 г. как будто забыли дорогу в империю; действительно, Анна Комнина с тех пор не упоминает об их набегах. Тем не менее они пока занимали земли за пределами греческих владений в Азии, и Евмафий Филокал, чтобы целиком выполнить планы императора, послал войска и изгнал их с территорий, которые еще принадлежали им в области Лампи¹¹⁹⁸.

Эта экспедиция византийцев подтолкнула мусульманские банды вернуться на земли империи. В византийские провинции в ответ на нападение греков вторгся Хасан, эмир Каппадокии¹¹⁹⁹. Во главе значительных сил, численностью

в двадцать четыре тысячи бойцов, если верить Анне, он вступил на территорию провинций, которые Евмафию было поручено замирить, и осадил греческого губернатора в Филадельфии, где тот оказался¹²⁰⁰. Но у турок не было осадных орудий, и Хасан, поняв, что не сможет захватить хорошо защищенный город, решил разделить свои войска и разграбить окрестности. На плодородных равнинах побережий Рума еще раз появились быстрые мусульманские эскадроны, сеющие на своем пути ужас и разорение. Хасан рассчитывал, что эти разношерстные банды опустошат изобильную долину Кервиана¹²⁰¹ и внезапно нападут на богатые города Смирну, Нимфей¹²⁰², Хлиары¹²⁰³ и Пергам. Он надеялся, предприняв все эти атаки одновременно, разгромить греков прежде, чем те успеют организовать оборону. Но благодаря ряду искусных операций и быстрых переходов Евмафий с теми немногочисленными войсками, какими он располагал, сумел поочередно разбить отдельные отряды эмира и еще раз оттеснить мусульман¹²⁰⁴. Все эти события, должно быть, заняли 1109–1110 г., поскольку сразу после рассказа о них Анна излагает факты, которые, насколько нам известно, относятся к 1111 г.

Алексей лично не принял участия в этих кампаниях и, должно быть, остался в Константинополе. Зимой 1111 г. в богохранимый город прибыл Сигурд, король Норвегии, возвращавшийся со Святой земли, где он 19 апреля 1110 г. помог Балдуину захватить Сидон. Греческие источники о пребывании скандинавского героя в Византии молчат, и нам остаются лишь легендарные сообщения в сагах¹²⁰⁵. Прежде чем завершилась зима 1111 г., Сигурд покинул побережье Святой земли и направился к Кипру; оттуда он якобы дошел до Херсонеса Фракийского, где провел много времени, дожидаясь, как говорит сага, чтобы ветер с берега позволил его парусам, сделанным целиком из пурпурного шелка, надуться вдоль корпусов кораблей и оба берега Босфора могли бы оценить великолепие его флота. Когда желанный ветер наконец подул, Сигурд совершил триумфальное вступление в Босфор и бросил якорь перед Золотыми воротами, которые Алексей велел открыть ему — честь, какую оказывали лишь победоносным императорам.

Комнин, считавший нужным почтить скандинавского монарха, в дружбе которого нуждался, поскольку пользовался услугами варягов, устроил ему блестящий прием. Сигурд предпринял триумфальный въезд. От Золотых ворот до Влахернского дворца улицы были устланы коврами из пурпурного шелка, а впереди короля шла процессия музыкантов и певцов. Сигурд, за которым следовали его бароны верхом на конях с золотыми подковами, под Троянскими аркадами и по улице Победителей дошел до дворца, выделенного для него¹²⁰⁶. В большом зале Влахернского дворца ему подготовили трон, он сел на него, и вокруг него встали бароны. Василевс вел себя с ним так же, как с латинскими князьями, — поочередно посылал ему серебро, красное золото, самое драгоценное, и золотые браслеты; всякий раз Сигурд, к большому удивлению греческого императора, мало привычного к такому бескорыстию у крестоносцев, раздавал деньги своим людям, оставив себе только браслеты. Он отблагодарил императора складной речью на греческом языке. Алексей, очарованный рыцарским поведением короля, воздал ему величайшие почести и пригласил разделить с ним трон.

В его честь он устроил игры на Ипподроме. «Хотя рассказ саг проникнут чрезмерными преувеличениями, типичными для скандинавского тщеславия, они на каждой странице приводят любопытные детали, которые критика не имеет никаких оснований отвергать и которые безусловно соответствуют либо характеру персонажей, либо сцене, на которой происходит действие».

Согласно той же легенде, Алексей и Сигурд расстались в наилучших отношениях. Василевс передал скандинавскому королю реликвии и позолоченное скульптурное заалтарное украшение, украшенное бронзой, серебром и драгоценными камнями, и книгу, написанную золотыми буквами по велению пурпурного цвета. Патриарх подарил великолепно расписанную рукопись. Король, чтобы не уступить императору в щедрости, оставил ему шестьдесят кораблей, шедевров норвежского мастерства, и позволил немалой части своих воинов пополнить варяжскую гвардию.

В 1111 г. Алексею пришлось вновь вступить в несколько войн. Осенью василевс должен был принять меры для сдерживания одновременно итальянских флотов и мусульманских армий¹²⁰⁷. В этом году Алексей задумал вступить в союз с Пизанской республикой¹²⁰⁸, и 18 апреля его посланник Василий Месимерий заключил с пизанцами соглашение. По причинам, нам неизвестным, этот договор василевс ратифицировал не сразу, и, похоже, отношения между итальянскими республиками и византийцами несколько испортились, коль скоро к концу года Алексей опасался нападения генуэзцев и пизанцев¹²⁰⁹. Стала ли враждебность генуэзцев результатом провала переговоров? Мы не знаем, но это вполне вероятно, ведь к тому времени, как мы скоро увидим, Комнин попытался сблизиться с другими итальянскими государствами. Демонстрации обоих объединенных флотов¹²¹⁰, надо полагать, оказалось достаточно, чтобы убедить василевса в октябре 1111 г. заключить соглашение с Пизой. Этот договор гласил¹²¹¹: «Алексей обязуется отныне не чинить никаких препятствий крестовым походам, организуемым пизанцами, и гарантировать пизанцам, поселившимся в его государстве, что им не будет отказа в правосудии. В свидетельство своего высокого благоволения он обещает ежегодно преподносить собору и архиепископу Пизы дар, состоящий из денежной суммы и из шелка в штуках. Товары, отправляемые из Пизы, можно будет свободно выгружать и продавать на всей территории империи. Пизанцы не будут обязаны выплачивать никакой пошлины за ввоз золота и серебра; за остальные товары они будут платить пошлину в размере 4%. За товары, покупаемые внутри империи и перевозимые ими на другое место в пределах ее территории, они будут обязаны платить такие же пошлины, как и местное население. В Константинополе им будет предоставлена набережная (σκάλα) и соответствующий квартал, включающий дома для жительства и склады для товаров. Равным образом им будут выделены помещения во всех городах и на всех островах империи, где они имеют обыкновение причаливать. Чтобы сделать пребывание в Константинополе приятным для купцов, им гарантируют закрепление за ними мест в церкви Святой Софии во время богослужения

и на Ипподроме во время публичных представлений. Наконец, император обязуется творить скорое и справедливое правосудие в случае любого оскорбления или похищения, от которого пострадают пизанцы, и обещает им удовлетворение в случае оскорблений и выплату компенсаций и процентов в случае краж. Все эти статьи одобрены и гарантированы принцем Иоанном, сыном и назначенным наследником».

Думаю, переговоры с Пизой были связаны с другими заботами василевса. Алексей помышлял тогда о сближении с Римом, более из политических, чем из религиозных соображений.

Мы видели, что первые переговоры об объединении церкви ни к чему не привели. Если верить латинским источникам, этот вопрос якобы был еще раз поднят на Барийском соборе в октябре 1098 г.¹²¹², где греки обсуждали с латинянами вопрос об исхождении Святого Духа. Ансельм Кентерберийский произнес там речь «*De processione Spiritus sancti contra Graecos*» [Об исхождении Святого Духа, против греков (*лат.*)]. Православные якобы были разбиты в богословской дискуссии. У нас нет текста, который позволил бы полагать, что в Бари присутствовало духовенство из Святой Софии, и я склонен верить, что греки, спорившие с латинянами, принадлежали к греческому духовенству Южной Италии¹²¹³. Собор закончился официальным отлучением тех, кто не признал римскую доктрину об исхождении Святого Духа¹²¹⁴.

Позже переговоры возобновились, а в 1108 г. папский легат присутствовал при подписании договора между Алексеем и Боэмундом¹²¹⁵. 12 февраля 1111 г. Генрих V взял в плен папу Пасхалия¹²¹⁶, и тот, вынужденный подчиниться силе, 13 апреля короновал императора. Пасхалий уступил только скрепя сердце и 22 марта 1112 г. переменил свое решение и признал, что проявил слабость¹²¹⁷. Должно быть, Алексей следил за этими событиями с интересом. Смерть Боэмунда и Рожера Борсы в 1111 г. оставили Южную Италию без властителя. Василевсы все еще скорбели об утрате прекрасных итальянских провинций, и Комнин теперь задумал вернуть себе эти бывшие территории империи. В январе 1112 г. в письме Герарду деи Марси, аббату Монтекассино¹²¹⁸, он намекнул на пленение папы

и дал понять, что его это огорчает. Должно быть, передать это письмо было поручено тому же посольству, которое привезло римлянам послание, о котором говорит Петр Диакон¹²¹⁹. Алексей выражал жителям Рима сожаления в связи с пленением папы и хвалил их за отпор Генриху V. Василевс добавил: если они по-прежнему настроены так же, как было сообщено ему, он мог бы принять для себя или для сына императорскую корону. Видимо, тогда же Алексей написал папе, и не исключено, что именно поддержка, которую Пасхалий II надеялся найти у греческого императора, придала ему смелость, чтобы 22 марта 1112 г. возвышенным слогом объявить себе порицание за снисходительность к германскому императору и осудить свою слабость.

В ответ на послание Алексея римляне в мае того же года отправили к василевсу многочисленное посольство для переговоров о его предложениях. Видимо, Алексей тогда обязался в течение лета приехать в Рим¹²²⁰. Но он заболел и не смог выполнить обещание. Ему пришлось извиниться перед папой в письме, доставленном, несомненно, тем же посольством, которое привезло послание василевса Герарду деи Марси, аббату Монтекассино¹²²¹. Очевидно, что Пасхалий II продолжал эти переговоры только в надежде добиться объединения обеих церквей и прекращения схизмы. Здесь главный документ — письмо, которое Пасхалий II отправил Алексею в конце года¹²²². Папа благодарит небеса, подавшие Алексею мысль о столь желанном объединении, и не скрывает трудностей, какие из-за различия между народами вызовет это начинание. Однако задача императора проще, ведь он может повелевать своим духовенством и мирянами. Папа признает искренность, которую Алексей проявил во всем этом деле и которую показали как его посланец Василий Месимерий, так и его письма. Но Пасхалий II не хочет допустить переноса вопроса в другую плоскость. Он сразу же заявляет, что есть только одно средство примирить всё — пусть патриарх Константинопольский признает первенство римского престола: «Ваша Прозорливость хорошо знает по опыту, — пишет он, — сколь велико было некогда подчинение патриархов Константинопольских епископу Рима. Но с тех пор протекло немало

лет, и теперь епископы Константинополя и их духовенство, вопреки традиции, столь отдалились от должной дружбы с римской церковью и повиновения ей, что не удостоивают ни принимать посланий, отправляемых Апостольским престолом, ни вступать в сношения с его апокрисиариями. Если Ваша Мудрость не проявит любви к нам и благосклонности к нашим посланцам, раскол продолжится; мы не будем более знать друг друга, и память о нашем нынешнем примирении изгладится. Главное средство добиться единства: наш собрат патриарх Константинопольский должен признать первенство и преподобие Апостольского престола, как было установлено благочестивым государем Константином и подтверждено согласиём святых Соборов, и смягчить бывшее упорство, сообразуясь с тем, что вы узнаете от наших легатов. Что касается митрополий и провинций, некогда подчиненных Святому престолу, — пусть они вернуться в его подчинение и распоряжение, дабы отношения, существовавшие при Ваших предшественниках между древним и новым Римом, были восстановлены с Божьей помощью и усердием Вашей Возвышенности, ибо преодолеть разногласия в вере или обычаях, существующие между латинянами и греками, невозможно, пока члены тела не будут воссоединены с головой».

Папа предлагал созвать собор или собрать епископов апостольских престолов. Видно, что Пасхалий II не отказался ни от одного из притязаний римской церкви. Он не упомянул ни словом планы василевса, касавшиеся императорской короны, и очевидно, что для него эти замыслы были второстепенными по сравнению с признанием константинопольской церковью первенства церкви римской. Больше сведений об этих планах мы не имеем; мы только знаем, что, очень вероятно — в следующем году, в Константинополь приехал Петр Хрисолан¹²²³, архиепископ Миланский, и произнес там речь, обличавшую заблуждения греков¹²²⁴. Ему ответил Евстратий, епископ Никейский, но согласие так и не установилось, и от честолюбивых планов Алексея отвлекли более насущные заботы.

Уже было сказано, что василевсу пришлось вести борьбу с турками до смерти. Мусульмане вновь появились на территории Рума и возобновили набеги на него. Мы видели, что

с 1101 г. мусульманские орды почти не трогались с места. Анна не упоминает ни одного похода на греков, кроме экспедиции Хасана в 1110 г., и причины этой передышки, предоставленной грекам, выяснить просто. С 1099 г. весь Восток был поделен между двумя сыновьями Малик-шаха — Баркиркуком и Мухаммедом. Провозглашенный [султаном] в 1099 г. в Багдаде, Мухаммед добился, чтобы в Кутбе имя брата заменили его именем. Между братьями немедленно вспыхнула война, и вокруг каждого из них сгруппировались эмиры. Смерть Баркиркука не прекратила братоубийственный конфликт, и обе партии продолжили бороться. Только в 1105 г. Мухаммед наконец победил и добился своего признания в качестве султана сельджуков¹²²⁵. Кылыч-Арслан, султан Икония, непосредственный сосед греков, принимал активное участие в этих боях, и Греческая империя воспользовалась его отсутствием. В 1106 г.¹²²⁶ он был избран наследником Джекермиша, эмира Мосула, смертельно раненного в сражении с Джавали Сакавой. Обосновавшись в Мосуле, Кылыч-Арслан был вынужден вступить в борьбу с соперником своего предшественника и нашел смерть, потерпев поражение от Джавали. Его государство было разделено между четырьмя сыновьями, и один из них, Малик-шах, «Шахиншах» в тексте Анны Комниной, получил Иконий¹²²⁷.

Призыв, с которым Мухаммед в 1109 г. обратился ко всем мусульманам, был услышан, и на всем Востоке возобновилась еще более ожесточенная, чем прежде, борьба между христианами и мусульманами. Ислам продолжил наступление, ободренный, может быть, советами Алексея. Если Комнин действительно призвал мусульман выступить против латинских государств в Сирии, то он совершил тяжелую политическую ошибку, потому что происки турок рикошетом ударили по Малой Азии. Мы упоминали победу, которую Евмафий Филокал одержал над Хасаном. В следующем году Комнин узнал, что Малик-шах, султан Икония, готовит новый поход на Византию¹²²⁸. Турки ставили перед собой цель занять Филадельфию и другие города фемы Фракисий. Комнин еще раз решил повести войска сам. Зимой 1112 г. он покинул Византию и стал лагерем в Херсонесе Фракийском¹²²⁹, где собрал сухопутные

и морские силы. По долине Скамандра византийские войска поднялись до Адрамития. Константину Гавре была поручена оборона Филадельфии, а Пергам и Хлиары занял Монастра. Судя по мерам, принятым тогда Алексеем, для усиления обороны этой местности со времен изгнания турок не было сделано ничего и Филадельфия была первым укрепленным пунктом, способным остановить их продвижение. Эта первая кампания длилась недолго, сражение состоялось всего одно. Гавра разбил турок, и султан попросил мира. Малик-шах прислал послов, которых Алексей в окружении чужеземной гвардии принял в соответствии с обычным церемониалом. Об условиях договора Анна не говорит ничего.

Впрочем, в следующем году война возобновилась. Алексей, больной, уставший от стольких кампаний, уже страдал от болезни, которая в конечном счете его доконает. Он выехал в Дамалис, где производился сбор армии. Там он узнал, что турки осаждают Nikeю, обороняемую Евмафием Камицей¹²³⁰. Турецкая армия, численность которой доходила до пятидесяти четырех тысяч человек, ставила целью прежде всего грабеж. Она распалась на несколько банд, разделивших область между собой. Кроме окрестностей Nikeи, в их руках были Пруса и Аполлония, и они захватили Лопадий на реке Риндак, важный стратегический пункт, контролировавший дорогу из Прусы в Адрамитий, Пергам и Кизик. Другая банда во главе с эмиром Мухаммедом разграбила Пиманин¹²³¹, тогда как эмир Маналуг разорил Парий¹²³² и Авид, где находилась таможня для товаров, ввозившихся по Босфору; оттуда он дошел до Адрамития и Хлиар и вернулся с добычей. Против Мухаммеда Алексей послал Евмафия Камицу; греческий полководец, вопреки приказам василевса напав на турок под Пиманином, сначала одержал победу, но турки, заметив малочисленность его солдат, переформировались, перешли в контрнаступление и наголову разгромили его. Сам он попал в плен. Тем временем Алексей, обогнув Nikeю и Малагину, дошел до Василик по одной из долин Олимпа и оттуда направился к Алифинам, чтобы занять Акрок с целью атаковать турок и отрезать им дорогу на Nikeю, если еще успеет. Турки, возвращаясь из Пергама, миновали Карме и Хлиары, потом,

видимо, прошли вдоль северных склонов Темноских гор, поднялись по долине Макеста и направились к Дорилею через Синай, Эзани и Котией. Под Котиеем, в Акроке, василевс ждал их и обратил в бегство.

Мухаммед, взявший верх над Камицей, извлек урок из этой победы Алексея и атаковал греческую армию с тыла, но потерпел поражение, и Камица воспользовался суматохой, чтобы добраться до греческого лагеря под Акроком. Оборону этой области, откуда василевс только что изгнал турок, последний доверил Георгию Левуну и в 1113 г. вернулся в Константинополь.

Год еще не кончился, когда в ноябре 1114 г.¹²³³ распространились слухи, что в империю вновь намерены вторгнуться половцы. Алексей сам направился в Филиппополь, чтобы организовать оборону границы. Он расставил ряд постов, начиная с Браничево на самом берегу Дуная. Так, он послал войска занять Ниш, Петрич и Триадицу, сам же остался в Филиппополе, где заполнял досуг беседами с манихеями¹²³⁴, многих из которых вернул в православную веру. Узнав, что половцы переправились через Дунай, Комнин немедленно приехал в Видин, но варвары уже отступили, и византийские войска тщетно пытались их догнать по левому берегу Дуная.

По крайней мере, так об этих событиях рассказывает Анна Комнина. Согласно русским источникам¹²³⁵, в варварах, напавших тогда на империю, надо видеть не половцев, а русских воинов Владимира Мономаха, князя Киевского, сына Всеволода, который в 1113 г. наследовал Святополку. Одна из дочерей князя якобы вышла за Льва, сына Романа Диогена, и тот пожелал выкроить себе княжество на дунайской границе; он захватил несколько крепостей, в том числе Силистрию, но был убит агентами Алексея, и Владимир, чтобы отомстить за зятя, якобы вторгся в империю.

Весь этот рассказ представляется легендой: с одной стороны, Лев, сын Диогена, по словам Анны Комниной, был убит задолго до того времени, в Малой Азии. Может быть, у Диогена был другой сын, о котором мы не знаем? Может быть, это он, как рассказывают некоторые западные авторы, сопровождал во Францию Боэмунда?¹²³⁶ Или просто-напросто эту

экспедицию перепутали с экспедицией мнимого сына Диогена в 1095 г.? Со своей стороны я думаю, что все это миф. Возможно, русские предприняли наступление на Дунае, впрочем, небольшими силами, а присутствие сына Диогена было придумано, чтобы оправдать этот поход. В самом деле, это событие следует связать с легендой, которую ныне признали вымыслом и согласно которой, когда русские вторглись в Болгарию и Фракию, Алексей в отчаянии якобы послал в Киев митрополита Эфесского умолять о мире. Этот иерарх, чтобы смягчить Владимира, сложил к его стопам бесценные дары: сардониковый кубок императора Августа, изрядную часть Святого Креста, золотой венец, жемчужное ожерелье и императорские облачения Константина Мономаха, предка Владимира. Растроганный этими неподобными дарами, русский якобы согласился на мир и отказался от своих завоеваний, а греческий посланец, прежде чем уехать, в киевском соборе в присутствии вельмож, духовенства и народа торжественно возложил на голову Владимира диадему Константина и провозгласил его кесарем Руси. Нет надобности подчеркивать тенденциозный характер этой легенды, о которой очень справедливо сказано, что «ее появлению способствовала политика московских царей, поскольку им было важно, чтобы эти инсигнии их власти восходили к киевскому предку и чтобы русский Мономах, внук греческого императора Константина Мономаха, был торжественно коронован греческим епископом как государь Руси»¹²³⁷.

Вернувшись в Константинополь в 1115 г., Алексей должен был еще раз начать подготовку к турецкой войне. Он узнал, что готовится большой поход и что султан Икония собрал значительные силы, чтобы напасть на империю. Комнин немедленно приступил к сбору войск, но болезнь, от которой он страдал уже давно, лишила его энергии, какую он столько раз проявлял с начала царствования.

Войны византийцев с турками ничем не походили на наши современные войны. Мусульманские эскадроны, вторгавшиеся на территорию империи, не искали возможности дать бой греческим силам. Для них главным было избежать всякого правильного сражения и поскорей вернуться, взяв богатую

добычу или многочисленных пленных. Чаще всего эти набегии предпринимались одновременно в нескольких направлениях, чтобы византийцы были вынуждены дробить свои силы. Эту тактику надо вспомнить, чтобы понять ход последней кампании Алексея против турок, поскольку вся первая часть операций василевса сводилась к долгой череде переходов туда и обратно в пределах области, заключенной между Никомедией и Лопадием.

Алексей¹²³⁸ некоторое время медлил, не начиная поход и оставаясь в Дамалисе, где, по словам дочери, его удерживала болезнь; этим воспользовались турки, чтобы разорить всю местность, в то время как греческие силы сосредотачивались в Лопадии (1116 г.). Промедление императора, на мой взгляд, надо объяснять и другой причиной: Комнин должен был опасаться, как бы в Константинополе в его отсутствие не вспыхнул мятеж, к подготовке которого, как мы увидим далее, была причастна и его жена Ирина. Возможно, этим объясняется и постоянное присутствие императрицы вблизи армии.

Я не хочу входить в детали этой последней кампании, о которой Анна рассказала столь же многословно, сколь и путано. Скажем только, что из ее рассказа, похоже, следует, будто турки с целью расколоть греческие силы пошли в наступление одновременно в районе Никеи и в окрестностях Пиманина; видимо, Алексей занялся организацией обороны против двух этих группировок противника¹²³⁹. Против одной он усилил защиту ущелий Олимпа, чтобы не дать этой банде соединиться с той, которая только что атаковала замок святого Григория¹²⁴⁰ совсем рядом с Никомедией. Планы императора не сводились к чисто защитным мерам: у него был более дерзкий замысел — выйти из состояния обороны и перейти в энергичное наступление, перенеся военные действия в самый центр вражеской державы, в Иконий. Это было целью василевса в течение всего первого периода операций; но летом переход по Малой Азии создавал большие трудности, и Комнин дождался осени, чтобы его предпринять¹²⁴¹. Тогда-то со значительными силами он двинулся через Пифик¹²⁴², Дорилей и Сантварис¹²⁴³ на Иконий. На сей раз это был уже не просто переход, а внушительная экспедиция. Турки повсюду отступали перед

греками, не принимая боя, и Алексей без труда достиг Поливота и Кедреи¹²⁴⁴, где имелась очень сильная крепость. Там он узнал, что Малик-шах¹²⁴⁵ отдал приказ разорить страну, чтобы остановить его продвижение. Василевс колебался, не осмеливаясь углубляться на вражескую территорию. Тем временем Вурца подчинил район Амория, и Комнин наконец решился продолжить путь до Филомелия; он прошел вдоль озера Сорока мучеников, не встретив сопротивления. К нему стекалось все население, бежавшее от вторжения турок и укrywшееся в крепостях или спрятавшееся в пещерах. Турки ограничивались тем, что тревожили армию¹²⁴⁶. Удовлетворенный результатами похода, василевс решил вернуться; поэтому он начал отступление, взяв с собой толпу стариков, женщин и мужчин, которых освободил.

В то время как греческие войска отступали, подошел Малик-шах и пожелал, вопреки совету своих эмиров, напасть на византийцев. Согласно Анне, Алексей нанес ему полное поражение при Амбе и вынудил просить о мире. Турки оставили завоеванные территории и признали за империей границы времен Романа Диогена¹²⁴⁷. Мне кажется, рассказ Анны здесь изобилует преувеличениями. Зонара придает боям, которые случились тогда, куда меньше важности¹²⁴⁸. При Романе Диогене пределы империи кончались в Армении. Как султан Икония мог вернуть Алексею земли, на которых обосновались потомки Данишменда? С другой стороны, мы видим, что в начале царствования Иоанна Комнина турки напали на Лаодикею в долине Меандра, и Никита Хониат, сообщающий об этом, дает понять, что этот город — пограничная крепость¹²⁴⁹. Поэтому я думаю, что с территориальной точки зрения успех Алексея не имел той масштабности, какую ему приписывает автор «Алексиады». Василевс, не встретив сильного сопротивления, продвинулся до Филомелия; он освободил многих греков, ставших пленниками на вражеской территории, и увел их с собой (судя по этому, его власть над этой землей не была прочна, даже после его побед); он, конечно, заключил с Малик-шахом договор, но не думаю, что турки отошли за Иконий. Результатом этой кампании василевса, должно быть, стало просто выселение из Никеи мусульман, поселившихся

там несколько лет назад, в область Дорилея. Выгоду от этих побед в территориальном аспекте оценить трудно.

К тому моменту владения империи в Малой Азии должны были включать, помимо дуката Трапезунд и части фемы Армениак на черноморском побережье, все земли к западу от линии, проходящей через Синоп, Гангры, Анкиру, Аморий и Филомелий. На юге византийцы владели берегом до самых границ Антиохийского герцогства. Наконец, не исключено, что все населенные пункты, какие греки прежде занимали на побережье Сирии, были у них отняты в результате взятия Ладикеи Танкредом.

Победе при Филомелии предстояло стать последней победой, какую одержал василевс. В Константинополь Алексей вернулся больным; он устал от тягот лагерной жизни и всевозможных обременявших его забот. Конец его царствования был славным, империя пребывала в мире со всеми соседями, и он с полным правом мог гордиться сделанным. Но императору до смерти придется опасаться за свои достижения, которым угрожали не враги, а расколы и распри в его собственном семействе.

Я говорил о власти, какую Алексей в начале царствования предоставил матери, Анне Далассине. По актам Алексея, принятым в пользу св. Христудула, мы видим, что в 1088 и 1089 г. мать василевса еще сохраняла все свое могущество¹²⁵⁰. «Алексиада» об Анне Далассине далее не говорит почти ничего. Между делом Анна рассказывает, что ее бабка умерла в тот день, когда, по предсказанию астролога, должен был умереть Алексей¹²⁵¹, но дату этого события установить невозможно. Последнее упоминание матери василевса, какое мы находим, сделано в связи с мятежом мнимого сына Романа Диогена в 1095 г.¹²⁵² Из типикона, который Ирина написала для монастыря Теотокос Кехаритомени, мы знаем, что Анна Далассина умерла первого ноября¹²⁵³. Но это сообщение нам мало что дает, потому что неизвестен год.

Зонара утверждает¹²⁵⁴, что Анна Далассина правила долго и стала непопулярной. Якобы ее властвованию приписывались все беды, от которых страдала империя. Алексей, зная об этой озлобленности, с трудом выносил опеку со стороны

матери. Анна Далассина, заметив чувства сына, не стала дожидаться изгнания и удалилась в Пантепоптский монастырь, где прожила несколько лет, не впад в окончательную немилость. Через год после ее смерти в свою очередь умер севастократор Исаак.

Дату этого события выяснить очень трудно; хроники в качестве крайних дат дают первый крестовый поход и возвращение Боэмунда на Запад. Уточнить эти сведения весьма нелегко. В 1105 г. Алексей потерял брата, великого доместика Адриана¹²⁵⁵. Полагаю, Исаак умер через недолгое время (в 1106 г.)¹²⁵⁶, поскольку мы не находим никакого упоминания о нем во время похода Алексея на Боэмунда, а ведь командование Константинополем Алексей тогда оставлял на него. Если Исаак умер через год после матери, а его мать прожила несколько лет в уединении, можно допустить, что Анна Далассина удалилась в монастырь около 1100 г.; но это дата неточная и может варьироваться на несколько лет в ту или иную сторону.

На смену влиянию Анны Далассины пришло влияние Ирины, жены Алексея; может быть, она не была не причастна и к опале Анны Далассины, оба факта согласуются, ведь мы видим, что с 1107 г. Ирина была в большой милости у мужа¹²⁵⁷. В начале брака Алексей был не слишком верен жене и выражал к ней изрядное безразличие. Но когда страсти василевса улеглись, Ирина сумела приобрести сильное влияние на него¹²⁵⁸.

У императора было семь детей: Иоанн, Андроник, Исаак, Анна, Мария, Евдокия, Феодора.¹²⁵⁹ В императорской семье постоянно существовал глубокий раскол. Императрица Ирина и Анна терпеть не могли Иоанна, официального наследника; они мечтали создать сильную партию, чтобы привести к власти после Алексея мужа Анны Комниной — Вриенния. Их задачу упрощало влияние, какое Ирина научилась оказывать на Алексея. Вокруг двух этих честолюбивых женщин группировались все недовольные из разных партий, и Андроник, второй сын императора, примкнул к сестре¹²⁶⁰, в то время как Иоанн, которого поддерживал брат Исаак, старался привлечь на свою сторону народ и сенат¹²⁶¹. Алексей был полностью

в курсе этих интриг. Похоже, он был далеко не спокоен за себя. В самом деле, мы видим, что начиная с экспедиции против Боэмунда василевс постоянно возил в походы императрицу. Анна Комнина хоть и утверждает, что отец брал Ирину с собой, чтобы она о нем заботилась, но не скрывает, что мать следовала за Алексеем лишь нехотя¹²⁶². В поведении василевса, думаю, надо видеть меру предосторожности. Комнин опасался, как бы в его отсутствие в столице жена не возглавила какой-нибудь заговор. Недоверие Алексея василиссе наглядно видно из следующего факта. Во время похода на Боэмунда на стол императора подбросили оскорбительный пасквиль, в котором высмеивалась его привязанность к жене и советовалось отослать ее в Константинополь. Первой мыслью Алексея было обвинить в авторстве этого пасквиля Ирину¹²⁶³. Настоящим виновником, по словам Анны, был некий Аарон, потомок древних болгарских царей. Далее мы видим, что Алексей берет с собой жену в Херсонес, в Филиппополь и в течение всей первой части последнего похода на турок заставляет оставаться рядом с собой.

Императрица неутомимо добивалась, чтобы император разделил ее предубеждения против сына Иоанна, изображая того безнравственным. Но Алексей не прислушивался к намекам жены и постоянно откладывал решение, позволяя Ирине надеяться, что оно будет соответствовать ее видам¹²⁶⁴. Таким было положение вещей, когда в начале 1118 г. Алексей тяжело заболел¹²⁶⁵. Интенсивность интриг удвоилась: ведь Ирина, должно быть, стала регентшей и пыталась преодолеть сопротивление императора. Несмотря на все усилия, она не смогла добиться от Комнина, чтобы он пожертвовал правами сына в пользу дочери. Действительно, Алексей же хотел основать династию и понимал, что созданное им не станет долговечным и что его род надолго не задержится при власти, если он первым посягнет на право наследования. Вот он и отвергал все упрасивания.

Когда болезнь обострилась, Алексея переправили в Манганский дворец. Из слов Зонары¹²⁶⁶ и Никиты Хониата¹²⁶⁷ как будто следует, что Ирина воспользовалась ситуацией, чтобы остаться одной при Алексее и удалить своего сына Иоанна;

но, видимо, ее старания остались тщетными. Алексей умер в ночь с 15 на 16 августа 1118 г. Анна Комнина запечатлела последние моменты жизни отца, создав картину, где факты представлены в свете, наиболее благоприятном для императрицы. На самом деле все происходило совсем иначе. Иоанна Комнина во второй половине дня 15 августа предупредили, что отец умирает. Тут у нас есть две версии¹²⁶⁸. Согласно первой, Иоанн пришел во дворец, констатировал состояние отца и немедленно ушел, чтобы организовать свое провозглашение императором. Вторая версия приписывает в дальнейших событиях умирающему василевсу важную роль, очень точно соответствующую его характеру. Чувствуя приближение смерти, Алексей, воспользовавшись отсутствием императрицы, якобы позвал сына, передал ему перстень и велел, не теряя времени, вступить на престол. Иоанн, следуя указаниям отца, поспешил потребовать от сторонников своего провозглашения, а потом, пока в городе еще царил покойствие, примчался в Святую Софию, где патриарх его короновал. Оттуда он крайне спешно явился в Святой дворец, прочные стены которого могли бы позволить ему не бояться мятежа противников. Охранявшие дворец варяги сначала не пускали сына императора, но при виде императорского перстня и при вести о смерти Алексея прекратили сопротивление. Таким образом Иоанн смог, не опасаясь народного возмущения, дожждаться, чтобы его власть признали все¹²⁶⁹.

Тем временем в Манганском дворце Ирина, не зная о происходящих событиях, ждала кончины мужа, чтобы начать действовать. Вдруг ей сообщили, что ее сын провозглашен императором и коронован и что он занял Святой дворец. Она немедленно попыталась воспользоваться этими вестями, чтобы добиться от Алексея признания прав Вриенния. Но василевс, услышав, что сын добился успеха, улыбнулся и воздел руки к небу, словно благодаря Бога. Ирина, поняв, что ее обманули, якобы воскликнула: «Ты и при жизни отличался всевозможным коварством, любя говорить не то, что думал, и теперь, расставаясь с жизнью, не изменяешь тому, что любил прежде». Алексей испустил дух только к вечеру. Его тело все покинули, и оно было спешно похоронено на следующий

день, без должного церемониала, в монастыре Христа Человеколюбца¹²⁷⁰.

Комнин до конца боролся за права сына, надеясь, что тот продолжит его дело. Благодаря тому, что он сумел оказать сопротивление желаниям и интригам жены, ему удалось отстоять эти права, и все интриги Ирины потерпели неудачу. Иоанн, провозглашенный и коронованный, без труда добился, чтобы его признали василевсом.

ГЛАВА X УПРАВЛЕНИЕ

Анна Комнина прежде всего старалась пролить свет на политические дела и на военные события в царствование отца. Я в этой последней главе попытался сгруппировать сведения, какие смог собрать о внутреннем управлении Алексея.

Комнин был одновременно организатором и администратором. Он создал армию и флот, и эта военная организация обошлась очень дорого. Расходы, каких она потребовала, побудят нас говорить о способах, которые использовал Алексей, чтобы добывать деньги, и о его поведении по отношению к привилегированным классам, то есть к белому и черному духовенству и к знати.

Почти все работы о византийских императорах должны включать рассмотрение религиозных проблем, возникавших в каждое царствование; таким рассмотрением и завершится эта глава.

I

Вспомним, при каких обстоятельствах Алексей захватил власть. Империю атаковали на всех границах, и отпор всем врагам надо было давать с помощью очень малочисленных войск. Алексей, который был прежде всего воином, с тех пор занялся созданием настоящей армии.

В состав византийской армии входили греческие контингенты и вспомогательные войска. Греческие контингенты формировались за счет набора воинов по фемам. Каждая фема была обязана поставить определенное количество людей, как ясно следует из одного письма Феофилакта Болгарского¹²⁷¹. Вероятно, каждый богатый собственник или каждая группа собственников должны были поставлять одного бойца

и финансировать его содержание¹²⁷². Именно эти контингенты в текстах и называют *θήματα*¹²⁷³.

Помимо формировавшихся таким образом контингентов существовали военные семьи, каждая из которых пользовалась феодем при условии несения военной службы. Вопрос этих военных феодеов для X в. был очень детально изучен г-ном Рамбо¹²⁷⁴; мы к нему возвращаться не будем и только отметим, что во времена Алексея такие военные феодеи еще существовали¹²⁷⁵. Действительно, мы видим, что василевс роздал земли манихеев, виновных в измене, своим солдатам¹²⁷⁶. Поскольку манихеи были обязаны военной службой, мне представляется вероятным, что Алексей, предоставляя такие земли солдатам, тоже обязывал их служить. На военные феодеи зарились сильные мира сего, то есть крупные землевладельцы, заставлявшие держателей таких феодеов уступать им земли и становиться их колонами¹²⁷⁷. Должно быть, такие злоупотребления еще встречались, коль скоро в тексте Зонары¹²⁷⁸ Алексей проверяет военные учетные списки.

Кроме этих национальных войск, армия включала и многочисленные иностранные формирования. В одном акте Алексея, составленном в пользу св. Христодула¹²⁷⁹, упоминаются служащие в греческой армии русские, колбяги¹²⁸⁰, турки, аланы, англичане, франки, немцы и болгары. Новым было только присутствие англичан в греческих войсках¹²⁸¹.

Наконец, в состав армии входила и императорская гвардия, где служили варяги¹²⁸², «бессмертные»¹²⁸³, иканаты¹²⁸⁴, вестияриты¹²⁸⁵ и архонтопулы — корпус, созданный Алексеем и формировавшийся из сыновей погибших знатных воинов¹²⁸⁶.

Василевс, не только обладая практическим опытом войны, но ставя себе в заслугу и теоретические познания¹²⁸⁷, занимался тем, что сплавлял эти разнородные элементы воедино. Анна несколько раз описывает, как он тренирует войска, прежде чем начать кампанию, и не нападает на противника, пока обучение не завершено¹²⁸⁸. В начале его царствования кавалерии в греческой армии почти не было; Алексей приложил все силы для восстановления конницы и покупал коней в разных местах до самой Сирии¹²⁸⁹.

Результатом этой терпеливой организационной работы и стали большие военные успехи, достигнутые им во второй половине царствования.

Реорганизован был и флот. В начале царствования Алексея греческого флота уже практически не существовало, и мы видели, что василевс был вынужден обращаться за помощью к венецианцам, чтобы бороться на море с норманнами. Анна несколько раз упоминает строительство кораблей по приказу отца¹²⁹⁰. Вскоре греческий флот стал довольно сильным: в 1087 г. он принял участие в походе на печенегов, потом, в последующие годы, следил за порядком в Архипелаге, позже надзирал за крестоносцами и т. д. То есть можно сказать, что Алексей полностью реорганизовал греческую армию и военный флот и сумел создать два мощных инструмента. Но именно потому, что он создал довольно могучую армию, Алексей хотел располагать абсолютной властью. Оттеснив на второй план сенат¹²⁹¹, он точно так же не желал, чтобы его офицеры могли обратить созданный им инструмент против него. Он имел абсолютную власть над армией и во всех важных походах принимал командование лично. Все его непосредственные предшественники были довольно равнодушны к военным делам и оставляли заботу о проведении кампаний полководцам. Алексей же всегда сам стоял во главе войск, а почти все важные командные посты предоставлялись только членам императорского семейства. Полководцы играли лишь второстепенную роль, и этим объясняется их недовольство, доказательство которому мы находим в их участии в многочисленных заговорах¹²⁹².

II

Вся эта военная реорганизация стоила очень дорого и вовлекла империю в значительные расходы. Чтобы выдержать их тяжелейшее бремя, Алексею пришлось принять очень суровые меры, которые я сейчас опишу. Результаты, которые мы получим при этом исследовании, подтверждают, что Зонара был прав в своих упреках; но надо вспомнить, что Алексей наносил удары прежде всего по сильным и богатым и проявлял определенную справедливость в отношении народа. Он

старался назначать в провинции хороших чиновников¹²⁹³, и в документе о способе сбора налогов, упоминаемом далее, мы увидим, что Алексей пытался восстановить порядок в налоговом ведомстве и в некоторых случаях сгладить чудовищное неравенство, от которого страдали простые люди.

Анна Комнина описывает крайнюю скудость государственных финансов к моменту, когда отец пришел к власти. Многочисленные войны, которые Алексею приходилось почти непрерывно вести, и причины, которые я только что перечислил, лишь ухудшали финансовое положение империи. Надо добавить, что Алексей был обязан вознаграждать сторонников и одаривать членов семьи. Мы уже видели, что, оказавшись в стесненных обстоятельствах, Алексей, чтобы добыть деньги, посягнул на движимое имущество церквей; но эта мера принесла средства лишь ненадолго. Чтобы наполнять государственную казну, Алексей с неумолимой суровостью преследовал все злоупотребления и конфисковал имущество привилегированных особ, независимо от того, принадлежали ли они к знати или к белому и черному духовенству. Похоже, он намеревался следовать примеру дяди Исаака, который ради приращения государственных земель присвоил владения многих частных лиц и монастырей, не считаясь с государственными записями¹²⁹⁴.

О мерах, принятых Алексеем против знати, мы знаем весьма немного. Зонара¹²⁹⁵ упрекает его в том, что он щедро одаривал сторонников и проявлял мало благосклонности к остальной знати. По одному письму Феофилакта мы видим, что василевс отнимал владения у архонтов¹²⁹⁶. Наконец, мы замечаем, что после каждого заговора виновные приговаривались уже не к смерти, а к конфискации имущества, и это позволяло приобрести для государства новые земли, часто очень ценные. Этих нескольких фактов достаточно, чтобы мы имели право сказать: поведение Алексея по отношению к знати было аналогичным образу действий, который он, как мы скоро увидим, усвоил в отношении белого и черного духовенства.

Придя к власти, Алексей должен был прежде всего вознаграждать сторонников и наделить богатыми бенефициями членов собственной семьи. Не имея денег, он использовал

владения монастырей, раздав их в качестве бенефициев. Греческие бенефициарии назывались харистикариями.

Справедливости ради надо признать, что не Алексей избрал этот прием, к которому прибегали еще императоры-иконоборцы и который был в ходу в XI в., судя по постановлению собора, созванного в 1027 г. патриархом Алексием¹²⁹⁷ и осудившего недавно возродившийся обычай — поручать управление монастырями мирянам под предлогом обучения, улучшения или расширения. В январе 1028 г.¹²⁹⁸ собор одобрил целый ряд мер против злоупотреблений, совершаемых в ущерб монастырским владениям. Эти меры оказались неэффективными, и мы уже видели, что Исаак Комнин с этими предписаниями не считался. Константин Дука, его преемник, выступил против методов Исаака. Но в 1073 г. Константин, архиепископ Кизика, заявил, что его предшественники роздали разным лицам монастыри, прежде зависевшие непосредственно от митрополии, и что харистикарии получают от них огромные доходы, тогда как митрополичья церковь находится в очень стесненном положении и даже испытывает трудности с выплатой налогов¹²⁹⁹.

Упомянем еще пример логофета Никифорицы, который при Михаиле VII добился, чтобы ему пожаловали большой монастырь в Гебдомоне, и сделал его центром своих владений¹³⁰⁰. Но в большинстве случаев дары, о которых мы только что говорили, делались епископами, а василевсы чаще всего были ни при чем. При Алексее Комнине все переменялось: теперь монастырские имущества раздавал сам василевс. Это ясно видно из одного любопытного документа, который долго датировали другими временами, но который определенно относится к царствованию Алексея¹³⁰¹. Я имею в виду рассуждение Иоанна, патриарха Антиохийского, о монашеской жизни. Автора возмущают сам император и слабость патриарха. Он напоминает, что истоки этих злоупотреблений надо искать во временах Льва Исавра и прежде всего Константина Копронима, который хотел полностью уничтожить монашество¹³⁰². Картина, которую он рисует, — интересна; вот ее основные черты:

«Враг изобрел снова средство вредить богоугодной монашеской жизни, и на этот раз хитрое и обманчивое. Он стал внушать, чтобы пожертвования, принесенные благочестивыми царями, архиереями, архонтами, монахами, мирянами, отдавались в дар другим людям; чтобы порабощались монастыри, богадельни и странноприимные дома». Этот обычай ввели иконоборцы, а потом его сохраняли под предлогом заботы о монастырях¹³⁰³. Сначала мирским чиновникам якобы ради восстановления отдавали разрушенные монастыри. «Последующие цари и патриархи начали уже дарить в виде полного дара даже состоятельные монастыри и богадельни, а потом с течением времени и те из них, которые были наиболее обширны и доходны»¹³⁰⁴. Зло продолжало разрастаться и в эпоху, когда писал автор, стало настоящим бедствием, поскольку таким образом передали не один-два монастыря, а все, большие и малые, богатые и бедные, как мужские, так и женские; свободными остаются монастыри старинные и недавно построенные, которые вскоре постигнет похожая судьба. Уступки делаются мирянам, женщинам, чужеземцам; иногда переданные таким образом имения наследуются¹³⁰⁵. Виноват в этом император¹³⁰⁶; это ясно следует из дарственной записи, которую цитирует Иоанн Антиохийский: «Царство мое [...] дарит тебе такому-то такой-то монастырь».

Слова Иоанна Антиохийского подтверждает один дошедший до нас акт Алексея¹³⁰⁷. Среди членов семьи, среди которых василевс таким образом распределял имения, принадлежавшие монашеским общинам, был его брат Адриан, которому он передал полуостров Кассандра¹³⁰⁸ с правом пользования доходами. Самый значительный доход давала поземельная подать, которую духовенству было разрешено взимать на своих землях; эта подать называлась *канон* (κάνων).

Императорская уступка предоставила Адриану право поручать сбор этой подати своим людям. А ведь имениями на полуострове Кассандра владела лавра св. Афанасия. Монахи испугались, как бы, платя подать частному лицу, они не стали простыми париками, то есть уже не собственниками, а только колонами, живущими в чужом имении и тем самым обязанными нести некие повинности. Поэтому они обратились

с запросом к Алексею. Тот, всегда выказывавший величайшее благоволение обитателям Афона, Agion Oros, в силу рассматриваемого акта вынес решение, что монахи, платя подать его брату, остаются собственниками.

Такие дары, которые василевс делал частным лицам, вызвали сильнейшие потрясения в монастырской жизни. Эта мера, — говорит Иоанн Антиохийский, — «изменяет и спутывает порядок церковного благоустройства. В церкви существует три степени, или чина: за священническим сейчас же следует чин монашеский, а за сим уже на третьем месте стоят миряне. Но обычай отдачи монастырей мирянам поставил над монахами мирян и подчинил мирянам монахов»¹³⁰⁹. В самом деле, харистикарии селились в монастырях, устраивая там личные резиденции¹³¹⁰. Содержанием обителей они пренебрегали. Чаще всего они имели право бесконтрольно использовать доходы монастыря, оплатив его расходы, и нередко злоупотребляли этой привилегией: «Получив в свою власть монастыри, он [харистикарий] тотчас распускает ненасытную утробу и кладет туда все, принадлежащее монастырю: не только дома, поместья, скот и всякие доходы, но и самые храмы, игумена и монахов он почитает своими рабами и всех и вся рассматривает как свою благоприобретенную собственность, всем пользуется как своим наследством. Большим храмам и церквам он уделяет какую-нибудь самую маленькую часть из всего дохода [...] прекращаются установленная ктиторами благоговейная служба, возжигание свечей, псалмопение, раздача милостыни [...] прекращается отпуск самого необходимого пропитания для монахов». Игумен¹³¹¹ более не имел власти и получал приказы от харистикария; дисциплина переставала существовать, поскольку монахи старались угодить тому, кто распределяет блага. «В одинаковом числе с монахами в них [монастырях] находятся помещенные царями и харистикариями светские братья, живущие внутри и вне обители. И внутри святой ограды мирские люди убивают [скот], едят мясо, поют песни и творят невозбранно всякие мирские дела»¹³¹². С женскими монастырями, если верить Иоанну Антиохийскому, дело обстояло и того хуже¹³¹³:

«Какими словами, — восклицает он, — можно описать ужасы, там происходящие!»

Такие монастыри уступались харистикариям на имя жен; концессионеров часто бывало двое-трое. Важные лица в соответствии со своим рангом получали более или менее богатые монастыри. Желая закрепить за своей семьей эту уступку навсегда, они внутри самой монастырской ограды возводили здания, где вели самую что ни на есть мирскую жизнь. Их многочисленные слуги, мужчины и женщины, постоянно жили вместе с монахинями, с которыми вели нескончаемые разговоры. Монахини старались снискать милость жены бенефициария, вместо того чтобы подчиняться настоятельнице монастыря. Это порождало постоянные споры между настоятельницей и женой бенефициария, тем более долгие и жаркие, если монастырь был уступлен нескольким женатым концессионерам¹³¹⁴.

Доверившись исключительно свидетельству Иоанна Антиохийского, мы усвоили бы совершенно превратное представление о поведении Алексея. Монахи сами делали то, в чем упрекали могущественных архонтов как своих притеснителей¹³¹⁵. Они использовали свое положение, чтобы любыми путями, в том числе и самыми недостойными, приобретать большие владения.

Атталиат¹³¹⁶ превозносит меры, аналогичные мерам Алексея, какие в отношении монастырей принимал Исаак Комнин. «Монахов, — говорит он, — тем самым освобождали от забот, не соответствовавших их образу жизни, у тех же, кто был алчен, отнимали возможность приобретений, не лишая жизненно необходимого; одновременно от тяжелого бремени избавляли соседних крестьян, ведь монахи, пользуясь многочисленностью своих владений и богатств, вынуждали их покидать свои земли». Стремление к богатствам было их страстью и болезнью, и Атталиат добавляет, что в судах они всегда выигрывали дела благодаря своим деньгам. Хотя автор труда, который я буду цитировать, жил несколько позже алексеевских времен, но я буду опираться на его свидетельство, так как оно показывает, каким способом монахи расширяли свои имения, и дополняет данные, которые привел

Атталиат. «Когда монастырь узнает, — рассказывает Евстафий Солунский¹³¹⁷, — что в окрестностях живет человек, который разбогател и у которого есть поля, дом, скот, монахи быстро пытаются завлечь его при помощи даров. Они приглашают его, устраивают ему баню, когда он приходит, угощают его изысканными блюдами, лакомствами, приятными напитками, стараются угодить ему всеми возможными способами. Потом монахи расхваливают перед ним преимущества монастырской жизни, славят благотворное действие воздержания на здоровье — это они-то, которые никогда не постыятся. Они добиваются, чтобы у жертвы заблестели глаза от духовных преимуществ их жизни; они дают ему понять, что только при монашеском образе жизни можно обрести спасение. Они говорят о своих сверхъестественных видениях, и едва бедняга поверит их словам и отдаст монастырю, вступив в него, все свои владения и деньги, им начинают пренебрегать, говоря, что никаких склонностей к добродетели у него нет. Если он в ответ упрекнет их, ему пригрозят отнять то небольшое, что ему оставили». Евстафий с юмором рассказывает о разочарованиях новичка, который принял постриг и вынужден, чтобы выжить, остаться в монастыре. Его вновь обращают к прежним трудам; только теперь он работает на монахов. Евстафий находит, что вследствие всего этого хорошо, когда монастырями управляют миряне.

Таким образом, можно сказать, что монастыри чрезмерно расширили свои владения. Алексей не хотел допускать, чтобы они росли дальше. В этом отношении его политика продолжала политику Никифора Фоки¹³¹⁸. Но он также ссылался на эти соображения как на благовидный предлог, чтобы наделить владениями своих сторонников. Чтобы понять, какую роль он играл, надо вспомнить о мерах совсем иного рода, принимавшихся им в пользу монахов, и о его усилиях возродить моральный дух в некоторых монастырях.

Сколь бы нелестной ни была картина жизни монастырей, описанная Иоанном Антиохийским, она еще приукрашивает реальность. В конце XI в. монастыри находились в глубоком упадке со всех точек зрения и особенно с нравственной. Вот какие факты можно привести в подтверждение этого. На

афонских землях поселились влахи¹³¹⁹. Их главным занятием была поставка в монастыри продуктов скотоводства, но этим их услуги монахам не ограничивались. Они одевали своих женщин в мужское платье и поручали им охранять стада и доставлять в обители сыр, молоко и шерсть. «Тем самым, — пишет афонский хронист, оставивший рассказ об этих фактах, — их женщины стали желанными для монахов». Дело зашло настолько далеко, насколько это было возможно, и наш автор только присовокупляет: «Рассказывать о том, что они делали, было бы стыдно». Тем временем на Святой горе сложилась партия, желавшая реформ, которая сообщила о распутстве монахов синоду и патриарху¹³²⁰, и те решили провести расследование¹³²¹. Реформаторы, сочтя решение патриарха недостаточно строгим, подменили его и составили акт, в силу которого патриарх изгонял владов с территории Афона¹³²². При этой вести вспыхнуло настоящее восстание, и масса монахов, сожалевших о влахах и их женщинах, покинула свои монастыри¹³²³. Позже в тех же афонских монастырях разразился новый скандал, вызванный присутствием мальчиков и безбородых молодых людей¹³²⁴. Даже если не заострять внимание на этих безобразиях, можно увидеть, что монахи, скучая в монастырях, то и дело уходили в города, а некоторые даже селились в Константинополе. Известно, что монахи из Келлии и Загоры отказались подчиняться решениям Христула, великого реформатора XI в., о котором я сейчас буду говорить. «Общинная жизнь, рефекторий и его однообразная кухня, признаки бедности и особенно запрет ходить в города их страшили. Привыкшие уходить после каждой службы, обедать где заблагорассудится, у родственников или друзей, они не пожелали признавать Христула настоятелем»¹³²⁵. Афонские монахи не могли жить вдалеке от Константинополя¹³²⁶. Привычку бродить по улицам монахи усвоили настолько прочно, что пришлось вмешаться Алексею: в одной из новелл¹³²⁷ он требует от патриарха принять меры в этом плане, а в другой раз мы видим, что он грозил монахам, приходившим в Византий без разрешения настоятеля, отрезать носы.

Все эти распри между монахами и их игуменами, скандалы, к которым они приводили, Алексею были ненавистны.

В одном из хрисовулов он хвалит монахов, любящих спокойствие, и добавляет: «Таких наша властность почитает и внемлет их просьбам»¹³²⁸. Одним из желаний василевса было реформировать институт монашества. Он особо благоволил к святому Христодулу, который, гонимый турецкими вторжениями из монастыря в монастырь, в конечном счете обосновался на острове Патмос, где основал монастырь святого Иоанна Богослова. В 1088 г. Алексей уступил ему этот остров и пожаловал широчайшие иммунитеты. Золотая булла василевса¹³²⁹ включает любопытный перечень различных повинностей, лежавших на византийцах. «Остров Патмос стал почти независимой маленькой монашеской республикой: там могли жить только монахи. Миряне, даже купцы или колонисты, там селиться не могли; допускались только холостые наемные работники, необходимые для обслуживания островного населения».

Императорские чиновники не должны были приезжать на остров; поскольку монастырь был освобожден от выплаты поземельной подати, агентам фиска было незачем появляться там и проводить кадастровые операции. «Император это категорически запрещает; он запрещает также облагать обитель экстраординарными налогами»¹³³⁰. Он жаловал монастырю также право содержать несколько кораблей, с которых таможенники не могли взимать никакой пошлины¹³³¹. Алексей дал монастырю и другие доказательства своей заботливости. Он освободил от военной службы военнообязанных колонов обители св. Иоанна Богослова¹³³².

Василевс попытался также сформулировать права патриарха и епископов в отношении монастырей. Этому целиком посвящена одна из его новелл¹³³³. Кроме патриарших монастырей¹³³⁴, в отношении остальных патриарх обладал только правом визитации и исправления, которые предпринимал сам или в лице одного из своих представителей, называвшихся *экзархами*. Впрочем, приезжать на земли Афона епископам император запрещал, кроме как для рукоположения священников и диаконов или по личному приглашению прота¹³³⁵.

То есть Алексей не проявлял систематической враждебности к монахам. Если он был вынужден применять насилие

к монастырям, которые пользовались своим положением, чтобы богатеть за счет соседей, если он конфисковал, часто по политическим соображениям, имущество многих из них, то он также поощрял реформы Христула, пытался поднять моральный уровень черного духовенства и отстаивал привилегии этого духовенства перед церковными властями. Поэтому монахи, которых он защищал, испытывали к нему признательность, и Алексей стал для них «великим императором среди всех императоров».

Ту же озабоченность возрождением нравственности можно усмотреть в том, как Комнин вел себя по отношению к белому духовенству, которое, как и монашество, пришло в полный упадок: «Опасность, грозящая Церкви, поразила меня в сердце, ведь под угрозой оказались... души православных... Церковное сословие с каждым днем опускается, вызывая гнев Божий»¹³³⁶. Эти фразы из преамбулы к новелле, где Алексей вводил некоторые реформы для греческого духовенства, показывают, сколь мало иллюзий питал василевс насчет морального уровня византийского клира. Комнин упрекал духовенство за вялость, а невежественным оно было настолько, что в догматах уже никто ничего не понимал. Чтобы устранить беды, выявленные им, Алексей предложил несколько мер. Сначала он ограничил численность клириков Большой церкви, потом организовал целую систему экзаменов для проверки как нравственности, так и образованности. Отныне клирики, разделенные на классы, приобретали право на переход из одного класса в другой и на получение императорских премий, только доказав, что удовлетворяют требованиям василевса. Мы не знаем, к какому результату привели эти меры, но дошедшей до нас новеллы достаточно, чтобы стало ясно, какой интерес питал Алексей ко всему, что было связано с религией.

III

Для жителей империи царствование Алексея было эпохой больших бедствий. Не говоря уже о несчастьях, постигавших провинции Малой Азии, где турки не раз угоняли население целых местностей, даже материальное положение западных

провинций империи совсем нельзя назвать блестящим. Феофилакт в письме Иоанну, дукке Диррахия, описывает, не называя места, злосчастья одного из своих викарных епископств¹³³⁷. Из этого письма следует, что постоянное прохождение через эту землю войск, несомненно — норманнов, греков и крестоносцев, разорило ее. Архиепископ рассказывает, что побывал в этом городе и не мог сдержать слез. В церкви уже не поют, свеч не возжигают, епископам пришлось удалиться, а городской люд покинул жилища, чтобы укрыться в лесах. В дополнение к этим бедствиям, вызванным войной, крупные светские или церковные землевладельцы отбирают земли у крестьян, а военная служба и налоги стали для сельских жителей тяжким бременем. Поэтому крестьяне покидают поля и ищут убежища в городах.

Такому переселению очень способствовали рекрутские наборы, потому что сокращавшееся население переносило их тяжело. Мы видим, что фема Пелагония¹³³⁸ в 1091 г. так страдала от частых наборов, что архиепископ Охридский в письме сыну севастократора, очень вероятно — Иоанну, дукке Диррахия, попросил сократить количество пехотинцев, которых должна была поставлять фема. Численность населения, — писал он, — в этой феме уменьшилась настолько, что ее следовало бы назвать «Миконос», как один из самых маленьких Кикладских островов. Архиепископ в объяснение милости, о которой просил, ссылался и на другую причину: опасение, что солдаты, покинув свой край, найдут его слишком диким и не захотят возвращаться. С этой тенденцией провинциалов боролся еще Юстиниан: в новелле¹³³⁹, частично воспроизведенной в Василиках¹³⁴⁰, он рекомендовал квестору «требовать от провинциалов, прибывающих в Константинополь, чтобы они как можно скорей улаживали свои дела, и отсылать всех по домам»¹³⁴¹. Бремя военной службы было основной причиной такого переселения в города, и для противодействия последнему Феофилакт предлагал сократить количество солдат, которое должна была поставлять данная фема, что должно было привлечь туда жителей соседних фем, желавших избежать рекрутского набора¹³⁴².

К этой причине добавлялась другая — налоги. Не вникая здесь в детали в византийскую налоговую систему, перечислим лишь основные сборы, обременявшие податных. Прежде всего поземельную подать, *зевгаратикий* (ζευγαράτικιον)¹³⁴³. Г-н Васильевский, особо компетентный в этих материях, поскольку он сумел изучить много неопубликованных актов, говорит, что этот налог носил также названия *ситаркия* (σιταρκία) и *алониатикон* (ἀλωνιατικόν)¹³⁴⁴.

Этот налог исчислялся на основе единицы площади, называемой *зевгарь* (ζευγάρ), которая была равновеликой древнему югу (jugum)¹³⁴⁵. Размер юга менялся в зависимости от качества почвы¹³⁴⁶; то же относится и к зевгарю, судя по одному акту Мануила Палеолога за 1407 г.¹³⁴⁷ Был ли юг реальной или идеальной мерой — неизвестно. Г-н Моннье, последний автор, занимавшийся этим вопросом, полагает, что это была идеальная мера¹³⁴⁸.

База обложения этой податью должна была пересматриваться раз в пятнадцать лет, в конце каждого индикта, но, похоже, такой обычай долго не просуществовал. Мы видим, что Василий Македонянин тщетно пытался провести такой пересмотр и был вынужден отказаться от этой идеи, осуществление которой потребовало бы огромной работы и представляло значительные трудности¹³⁴⁹.

Этот налог требовали с того, на чье имя земля была записана в кадастр, коль скоро в купчих документах мы видим, что покупатель обязуется ежегодно его выплачивать продавцу или сборщику налогов¹³⁵⁰. Эта подать, главный источник дохода для империи, выплачивалась всегда, даже если владелец покидал свою землю. В таком случае в действие вступал принцип «эпиболе» (ἐπιβολή). Вот как его механизм описывает г-н Моннье: «Владелец А разорен, его земля бесплодна, он ее покидает. Владелец Б, напротив, богат плодородными полями; назначая Б владельцем данной территории, его делают на будущее плательщиком налога, которым обложена брошенная территория, и агенты фиска получают податного, способного платить подать не только за плодородное поле, но еще и за бесплодное поле»¹³⁵¹.

К этому налогу надо добавить *капникон* (καπνικόν), взимавшийся со всех владений, как возделываемых, так и обитаемых¹³⁵². Этот налог соответствовал подымной подати. Отмененный Иоанном Цимисхием¹³⁵³ при вступлении на престол, при Алексее он был уже восстановлен, коль скоро он фигурирует в списке податей, от которых василевс освободил монастырь Христодула¹³⁵⁴.

Взимали также *кефалеон* (κεφάλαιον), или *азрикон* (ἀερίκον)¹³⁵⁵, представлявший собой подушную подать.

Наконец, податных облагали целым рядом повинностей или обязанностей, известным нам с некоторыми подробностями из трех важных актов¹³⁵⁶.

В первую очередь это была *ангария* (ἀγγαρεία), или *парангария* (παράγγαρεία), представлявшая собой обязанность поставлять подводы, лошадей, волов или ослов, а также людей, для перевозки сановников, гонцов василевса, солдат, военных грузов. Это было наследие Римской империи¹³⁵⁷.

Далее, крестьяне были обязаны поддерживать в порядке мосты и дороги и давать постои — по-гречески эта повинность называлась *апликтон* (ἀπληκτον)¹³⁵⁸. Пользоваться ею имели право судьи, войсковые командиры, сборщики налогов, дуки, катапаны, иностранные послы и их свита¹³⁵⁹. Они могли требовать мулов и мулиц, коней и кобыл, ослов, коз, оленей, охотничьих и пастушьих собак, гусей, уток, фазанов, журавлей, павлинов, голубей и яйца¹³⁶⁰. Высшие сановники и должностные лица имели право на постои и питание, они могли претендовать на хлеб, мясо, вино, ячмень, овес, овощи, сливочное масло и т. д.¹³⁶¹

Податные должны были также принимать на постои и снабжать армию — это называлось *митатон* (μετάτον)¹³⁶².

Кроме того, ряд податей относился к военной и флотской службе: обязанность поставлять определенное количество моряков, пехотинцев или кавалеристов в полном вооружении¹³⁶³; обязанность валить деревья, транспортировать их и распиливать на доски для строительства галер, поставлять парусину, паклю, пеньку¹³⁶⁴; обязанность поставлять железо дляковки армейских коней¹³⁶⁵ и фураж для них¹³⁶⁶.

В завершение разговора о византийских налогах следовало бы упомянуть еще массу второстепенных податей: со скота, с пастбищ, с пчел и т. д.¹³⁶⁷ Это простое перечисление показывает, что платить налоги податным было тяжело; изъятия, какими многие пользовались, еще увеличивали податное бремя в ущерб бедноте. Церковные земли, владения монастырей и сильных мира сего чаще всего обладали многочисленными иммунитетами. В противном случае «сильные всегда находили возможность в большей или меньшей степени уклоняться от уплаты налогов; агенты фиска по отношению к ним были исполнены великодушия»¹³⁶⁸ или, точнее, удовлетворялись тем, что собирали с них положенное, не вымогая гигантских сумм, которых желали добиться от мелких податных, как мы увидим дальше¹³⁶⁹.

Трудное положение, в котором находилась империя при Алексее, вынуждало Комнина идти на чрезмерные расходы, и вследствие такой нужды в деньгах налоги взимались с чрезвычайной суровостью. Но справедливости ради надо сказать, что Алексей старался, судя по его наставлениям для сборщиков, распределять налоговую нагрузку на всех поровну и делал все что мог, чтобы покончить с послаблениями для высокопоставленных особ и для монастырей.

Прежде чем подробнее рассматривать способ сбора, попытаемся показать, как вели себя сборщики по отношению к белому духовенству. Это единственный общественный класс, для которого на основе документов возможно провести такое исследование. Отношения знати и бедняков с финансовой администрацией можно будет себе представить по аналогии.

Как правило, владения церковей и монастырей облагались поземельной податью¹³⁷⁰. Тем не менее у этого правила были очень многочисленные исключения, и немало церковных земель пользовалось иммунитетом. Часто бывало, что эти земли освобождались от поземельной подати, но в таком случае василевс ограничивал количество париков (πάροικοι) и клириков (κλήρικοι)¹³⁷¹, не облагаемых сборами. Так, Василий II указал, сколько париков дозволялось иметь разным епископствам в Болгарии. Это количество варьировалось в зависимости от количества церквей и не должно было превышать

указанного максимума. Вот основные привилегии, предоставлявшиеся таким церковным землям. Люди, живущие на этих землях, освобождались от поземельной подати и должны были платить особую подать — канон (κανών), взимаемую церковью в свою пользу. Гражданские и военные чиновники на эти земли не допускались¹³⁷². Размер канона регулировался хрисовулом Исаака Комнина¹³⁷³, и других податей фиску церковные земли не платили¹³⁷⁴.

Все документы, из которых мы получили эти сведения, относятся к Болгарии, но не исключено, что такая же ситуация была во всей империи, ведь новелла Алексея, посвященная канону, относится ко всей империи¹³⁷⁵, а мы видели, что один афонский монастырь собирал этот налог на полуострове Кассандра¹³⁷⁶. То есть в принципе церковные земли облагались налогами, но на практике большинство этих земель от податей освобождалось.

Земли, принадлежавшие знати, должно быть, очень часто обладали таким же иммунитетом, как и церковные, коль скоро в одном письме Феофилакта мы читаем, что с некоего имения, долго принадлежавшего церкви, по милости императора налоги в казну не платили, а недавно это имение было конфисковано, как и имения архонтов¹³⁷⁷. Феофилакт, похоже, объясняет обе этих меры одной и той же причиной.

Из этой ситуации следует, что все тяжелые налоги ложились на народ, давя его, потому что духовенство и архонты, не удовлетворяясь полученными льготами, пользовались привилегированным положением, в какое были поставлены, чтобы попытаться увеличить численность своих париков, сообщая казне ложные сведения об их количестве.

Алексей Комнин, пытаясь пресечь эти злоупотребления, принимал меры, чтобы точно выяснить количество людей на церковных землях и доходы от последних, и проводил тщательные переписи. Эти меры были невыносимы для духовенства, не желавшего, чтобы казна знала о состоянии их дел. Поэтому епископ Софийский писал Феофилакту, что не может присутствовать на соборе, поскольку вынужден остаться дома для надзора за переписчиками, а то агенты фиска нанесут ущерб его интересам¹³⁷⁸. За каждой переписью следовал

некий ряд строгих мер. Так, мы видим, что у Феофилакта несколько раз конфисковали дома и земли¹³⁷⁹. В одном из писем архиепископ говорит, что не хочет обсуждать вопрос, имеют ли право так поступать, но протестует против того, чтобы это право применяли к церковным владениям¹³⁸⁰. Однако он не очень уверен в правоте своего дела, коль скоро предлагает заплатить подать, если ему вернут землю.

Мы уже видели, что аналогичные меры применялись и в отношении архонтов — несомненно, по тем же причинам.

Алексей не только вводил такие суровые меры, но и пытался добиться, чтобы налоги приносили больше пользы. Размер налога, называемого «канон», должен был вырасти до более существенной цифры, чем ввела новелла Исаака; Алексей назначил новый размер, издав новеллу¹³⁸¹. Этот налог мог быть больше или меньше в зависимости от количества очагов; он состоял из денежной суммы и ряда натуральных повинностей. Положения новеллы Алексея сокращали сумму, взимавшуюся церковью; но крестьяне, жившие на церковных землях, от этого ничего не выгадали, потому что государство, ссылаясь на то, что они меньше платят церкви, требовало от них больше¹³⁸².

Алексей отменил также иммунитет, которым пользовались священники, переходившие из одной епархии в другую. Феофилакт протестует против этой меры и требует для священников освобождения от всех налоговых обременений, отягчавших мирян¹³⁸³.

Фискальные меры, указы о которых издавал Алексей, проводились в жизнь сборщиками неукоснительно, и последние проявляли тем больше рвения в выполнении своих функций, что несли ответственность за поступление налогов. Сбор податей поручали тем, кто обязывался внести более крупные суммы¹³⁸⁴; встречались сборщики, обещавшие внести в казну налоги в удвоенном размере¹³⁸⁵. Очевидно, что податные не могли не страдать от такой системы, поскольку суммы, которые они платили, должны были окупить не только сами налоги, но и залог, внесенный сборщиком. Феофилакт постоянно жалуется на их суровость и питает к ним лютую ненависть. «Это разбойники, — говорит он, — презирающие любой закон,

божий и человеческий»¹³⁸⁶. Он упрекает их в том, что они обогащаются за счет церкви¹³⁸⁷. Он пишет епископу Видинскому, что тот несправедливо жалуется на суровость сборщиков в своих краях, потому что охридские еще хуже¹³⁸⁸.

Факты, которые приводит архиепископ Болгарский, как будто в какой-то мере подтверждают эти жалобы. Чтобы выяснить количество париков и клириков, сборщики раздевали и бичевали людей, живущих на церковных землях¹³⁸⁹. Размеры имунитетной земли измеряли чрезвычайно придирчиво¹³⁹⁰. Несколько писем касаются доносов, которые на Феофилакта делал один из его париков, некий Лазарь, обвиняя его в сокрытии численности людей на своих землях¹³⁹¹. Сборщики налогов поносили Феофилакта перед лицом императора¹³⁹². «[Они утверждали], — говорит Феофилакт, — что мои пути усыпаны сыром, и горы мои текут молоком, и не знаю сколько талантов нажил я взятками, что живу как сатрап, что бедною показалась бы мидийская обстановка в сравнении с тою, какая у архиепископа, дворцы в Сузах и Экбатанах при сопоставлении с моими — простые хижины»¹³⁹³.

Сборщики совершенно не считались с имунитетами¹³⁹⁴. Так, крестьяне на церковных землях были освобождены от выплаты нового налога со скота. На практике эта мера не действовала, и крестьян заставляли платить то, что они платить были не обязаны¹³⁹⁵. Кроме того, их произвольно обирали. Так, за мельницы с клириков требовали вдвое больших сумм, чем с мирян; то же относилось к рыбной ловле; Феофилакта заставили платить за мельницы, уже несколько лет как разрушенные. В оценках сборщики выглядят всесильными¹³⁹⁶: они наводили на деревни настоящий ужас, грозя крестьянам разорить их податями, если они останутся под властью архиепископа, и стараясь отнять у церкви самых богатых держателей, невзирая на протесты иерарха¹³⁹⁷.

Возможно, жалобы Феофилакта отчасти были справедливы, но бесспорно, что сборщики проявляли тем больше суровости, чем больше архиепископ пытался их обмануть. В одном из писем Феофилакт говорит, что отобрать что-нибудь у казны — настоящее чудо. Я сильно подозреваю, что он

слишком часто пытался творить подобные чудеса, и это в какой-то мере объясняет ожесточение сборщиков.

Впрочем, организация системы налогообложения в высшей степени упрощала злоупотребления.

Мы только что показали суровость, с какой византийская финансовая администрация собирала в провинциях налоги; теперь мы изложим правила, по каким взимались эти налоги, и покажем, как чрезмерно усложненная бухгалтерия способствовала лихоимству сборщиков, — они могли как угодно составлять налоговые документы, в которых несчастному податному было не разобраться. Но прежде чем изучить финансовый вопрос в царствование Алексея, объясним, каким был способ сбора податей в нормальное время¹³⁹⁸.

Известно¹³⁹⁹, что монетными единицами в Византии были: золотая монета — номисма, которых должно было приходиться 72 на фунт золота и которая весила 4,55 г.; серебряные монеты — милиарисий, которых в номисме было 12, и кератий, которых в номисме было 24; медная монета — фолл, которых со времен Василия II в номисме было 144. Чтобы избежать подделок, монету оценивали по весу, сравнивая с монетным эталоном, который назывался экзагий и имелся в каждом городе¹⁴⁰⁰.

У нас есть образцовый счет для пользования сборщиков, где взимаемые суммы указаны в соответствии с номиналами, которые мы только что привели¹⁴⁰¹. Указанный способ сбора был в ходу до царствования Алексея. Счета очень усложняло существование дополнительных налогов, пропорциональных поземельной подати.

Вот названия этих дополнительных налогов.

1. *Дикерат* (δικέρατον)¹⁴⁰². Этот налог был введен Львом Исавром после землетрясения 740 г., чтобы оплатить расходы на восстановление константинопольских стен¹⁴⁰³, и по завершении этих работ сохранился. Его взимали из расчета один дикерат, то есть два кератия, с номисмы¹⁴⁰⁴.

2. *Эксафолл* (έξάφολλον) взимался с любого налога размером свыше 4/6 номисмы из расчета, как показывает его название, шесть фоллов с номисмы¹⁴⁰⁵.

Оба этих налога шли в казну, но сборщики усвоили обычное добавлять к ним в свою пользу:

1) синифию (συνήφεια), или обычай, из расчета один милиарсий с номисмы¹⁴⁰⁶, а также, за труды, —

2) элатикон (ἐλατικόν) из расчета 12 фоллов с номисмы¹⁴⁰⁷.

Поступления за счет дикерата и экзафолла поступали в казну; они назначались на основе кадастра и вносились в счета, выписываемые центральным ведомством, на основе которых сборщики собирали налоги в своих округах¹⁴⁰⁸.

Поступления же за счет синифии и элатикона собирались тоже на основе счетов (эктеcис, ἐκθέσεις), выписываемых центральным ведомством, но последнее ограничивалось тем, что регистрировало сведения, представляемые каждым сборщиком, и в результате эти налоги назначались бесконтрольно. Оба этих налога вносились в счет податного, но не в квитанцию, выписываемую ему налоговым ведомством. Однако какое-то время синифия и элатикон взимались в пользу казны, и полученные суммы вносились в квитанции. Все эти дополнительные налоги ощутимо увеличивали сумму, которую должен был выплачивать податной. Вот, например, что приходилось на налог в 100 номисм.

Налог: 100 номисм.

Дикерат: 100 милиарсиев, то есть $8 \frac{1}{3}$ номисм.

Экзафолл: 25 милиарсиев, то есть $2 \frac{1}{12}$ номисмы.

Синифия: 3 номисмы.

Элатикон: 1 номисма.

То есть в сумме $114 \frac{5}{12}$ номисм, а значит, увеличение более чем на 14%¹⁴⁰⁹.

Синифия и элатикон не могли превышать 10 номисм, то есть были пропорциональны налогу, пока он не превосходил 200 номисм; далее они становились фиксированными¹⁴¹⁰. Это определенно следует объяснять влиянием крупных собственников.

Когда дополнительные налоги взимались в пользу казны, казначейство выписывало податные листы, называемые акростихами, куда вписывалась общая сумма, которую надлежало собрать в каждом округе¹⁴¹¹. За это отвечали сборщики и должны были внести в казну назначенную сумму¹⁴¹². То

есть они должны были стараться любыми путями собрать как можно больше денег, чтобы ничего не платить самим. Дополнительные налоги при размере основного от 1/48 номисмы и выше взимались строго пропорционально. Вот что требовалось добавить к налогу в одну номисму. (Надо вспомнить, что элатикон взимался, только когда размер налога достигал 4/6 номисмы).

Налог: 1 номисма.

Дикерат: 1 милиарсий = 1/12 номисмы.

Экзафолл: 1/48 номисмы.

Синифия: 1/12 номисмы.

Элатикон: 1/24 номисмы.

Итого 1 5/6 номисмы; это почти удваивает налог¹⁴¹³.

Податной должен был платить золотом; требовали, чтобы он платил номисмами, а не набирал сумму без сдачи мелкой монетой, сдачу же ему давали именно такой монетой — это называлось антистрофа¹⁴¹⁴.

Таким было обычное правило; заметно, что уже оно позволяло изрядно усложнить счета. При Алексее все стало намного хуже, потому что к трудностям, порождаемым сбором дополнительных налогов, добавились трудности, возникшие в результате порчи монеты.

Столкнувшись со всевозможными проблемами, пришедшимися на начало царствования, Алексей, чтобы удовлетворить нужды государственной казны, прибегнул к средству, которое в Средние века очень часто использовали главы государств, желавшие наполнить пустую казну. Он стал чеканить фальшивую монету или, точнее, монету из металла более низкой пробы.

Зонара рассказывает, что Алексей, обнаружив, что предшественники испортили номисму, велел выпускать медные номисмы; он пользовался ими, делая расходы, тогда как налоги требовал платить в золотых монетах, иногда принимая, — пишет хронист, — полузолотую номисму, а то и медную монету¹⁴¹⁵.

Этот довольно темный пассаж Зонары можно объяснить с помощью данных, которые дает образцовый счет Алексея. Василевс выпустил монету, именовавшуюся *τραχὺ ἀσπρον*

νόμισμα [шероховатая белая номисма], которая имела стоимость менее чем в две трети обычной монеты — всего 5 миллиарисиев.

Хождение обеих этих монет, которые обе назывались словом «номисма», привело к величайшей путанице в бухгалтерии, судя по следующим фактам¹⁴¹⁶.

В двух важнейших провинциях империи, во Фракии и Македонии, налоги взимались по старому образцу, который я описал выше. В 13-м индикте Димитрий Каматир пообещал выбить из этих провинций вдвое больше обычного. Поскольку он не смог выполнить обязательство, на его дом, стоявший близ Ипподрома, наложили арест. Это показывает, что сборщик отвечал своим имуществом за налог, который брал в откуп¹⁴¹⁷.

В 14-м индикте¹⁴¹⁸ сбор налогов в этих обеих провинциях был поручен Никифору Артавазду, который его провел и попросил доверить ему сбор также на 15-й индикт.

В рапорте он признал, что, собирая налоги в указанных провинциях, обнаружил большую неразбериху. Так, в некоторых деревнях казна требовала номисму вместо одного милиарисия, в других — номисму вместо двух милиарисиев, в третьих — вместо трех или четырех милиарисиев. Из этого видно, что сборщики могли требовать *в шесть или в двенадцать раз* больше полагающегося, и эти притеснительные меры применялись только к крестьянам, ведь акт, который мы рассматриваем, добавляет, что видные особы и монастыри платили всего одну номисму вместо двенадцати милиарисиев. Это был не изолированный факт, а обычай: Артавазд говорит, что поступал так же, как предшественники¹⁴¹⁹. Похоже, он был менее жесток, чем другие сборщики, поскольку, найдя ситуацию неправильной, сообщил об этом и задал вопрос, как ему действовать в следующем году. Император ответил, что надо брать со всех плату по одним и тем же счетам, и принял решение, что для оплаты дополнительных налогов вместо серебряного милиарисия надо требовать новую номисму, то есть что податным придется платить вчетверо больше, потому что новая номисма стоила четыре милиарисия; что касается

основного налога, его вместе с добавлениями следовало взимать в старых номисмах¹⁴²⁰.

То ли из-за роста подати, который тем самым предполагался, то ли из-за лихоимства сборщиков эту меру восприняли очень негативно, и Артавазд представил новый доклад. Тогда Алексей решил, что мелкие выплаты, размером в 1/48 и 1/12 номисмы, которых, естественно, было больше всего, следует взимать в новой медной монете; но как только сумма всех этих дробей достигнет четырех милиарисиев, следует требовать новую номисму, которая стоит именно столько¹⁴²¹. Казна от этого ничего не теряла: действительно, дополнительные налоги, сопровождавшие каждую номисму, утроились, так как вместо одной номисмы теперь платили три.

Сборщики, чтобы извлечь выгоду из решения Алексея, придумали следующую уловку. Они сделали вид, что поняли дело так: только полные суммы, кратные новой монетной единице, должны взиматься в новой монете, то есть из расчета четыре милиарисия в номисме, а дробные части надо по-прежнему взыскивать по курсу двенадцать милиарисиев в номисме. Тем самым дело доходило до того, что за часть брали больше, чем за целое, то есть *номисма стоила четыре милиарисия*, тогда как в качестве *полуномисмы*, поскольку по-старому номисма стоила двенадцать милиарисиев, платили *шесть милиарисиев*, то есть, в новой монете, номисму и два милиарисия. На основе таких соображений и составляли счета. Когда эти поистине чудовищные счета проверили в центральном ведомстве, обнаружили вопиющие злоупотребления. Но поскольку император отсутствовал, стали ждать его возвращения, и в результате два года (15-й и 1-й индикты) с податных взимали налоги на основе вышеприведенного счета¹⁴²².

По возвращении Алексей рассмотрел вопрос и остался очень недоволен¹⁴²³: «Мой указ был очень ясным, — сказал он, — и совершенно недвусмысленным; мое величество повелело собирать суммы в целых номисмах в новой серебряной номисме¹⁴²⁴, а дробь рассчитывать по курсу четыре милиарисия в номисме», то есть тот, кто должен половину номисмы, обязан платить два милиарисия; и он составил следующую таблицу:

1/3 номисмы = 1 милл. 8 фоллов

1/4 —“— = 1 милл.

1/6 —“— = 1 милл. 16 —“—

1/8 —“— = 1 милл. 12 —“—

1/12 —“— = 1 милл. 8 —“— и т. д.

Император добавил, что сборщики обманывались сознательно, чтобы больше получить, и приказал взыскать с них самих по той же системе, по какой они взымали налоги, чтобы их нечестность не пошла им на пользу¹⁴²⁵.

На этом решении Алексея споры не закончились, потому что налоговый вопрос порождал трудности во множестве. Некоторые податные сочли очень неправильным, что при росте количества номисм, которое они обязаны платить (три вместо одной), от них еще с каждой номисмы требуют дополнительные налоги, и попросили, коль скоро номисма обесценилась на две трети, точно так же пересчитать и дополнительные налоги, то есть взимать дикерат не по тридцать фоллов с номисмы, а довольствоваться десятью. Алексей решил, что дикерат будет составлять 15 фоллов с номисмы вместо тридцати; он также предписал, чтобы синифию и элатикон взымали в размере 18 фоллов с номисмы¹⁴²⁶.

В конце¹⁴²⁷ образцового счета есть очень любопытная таблица, показывающая, как должен был оплачивать недоимки податной, просрочивший платеж. Вследствие порчи монеты номисма стоила уже не более 12 фоллов. В результате долг чрезвычайно возрастал, так как, поскольку законным платежным средством оставалась только номисма, всякий, кто задолжал 12 фоллов, был обязан платить государству целую номисму, а выплата каждой новой номисмы влекла за собой платеж дополнительных налогов. Вот счет для податного, просрочившего два года, если он поначалу должен был заплатить 1 номисму 9 милиарисиев.

Сумма основного налога за два года = 2 номисмы 18 милиарисиев. 18 милиарисиев составляют 432 фолла.

Дополнительные налоги с 2 номисм = 66 фоллов.

Дополнительные налоги с 18 милиарисиев = 148,5 фоллов.

Итого 2 номисмы 646,5 фоллов.

Таким образом, вместо двух номисм следовало взыскать 56 номисм (из расчета 12 фоллов в номисме).

Из этого видно, что жалобы Феофилакта не были преувеличенными, и этот счет объясняет, почему греки с островов, спасаясь от налогового деспотизма империи, переходили в иностранное подданство¹⁴²⁸.

IV

Нигде, кроме Византии, религиозные вопросы так не при- мешивались к политике. Этот факт легко объясним, если вспомнить, что в Константинополе, как некогда в Риме, вся- кий, кого облекали верховной властью, тем самым приобре- тал сакральность. Василевс походил одновременно на понти- фика и на царя. «Ты одновременно священник и император, победитель на войне и учитель веры», — сказали Маркиану отцы Халкидонского собора¹⁴²⁹. Позже¹⁴³⁰ император получил место в церковной иерархии; у него была своя роль в религи- озных церемониях; в назначенные дни он служил как ипо- диакон и поднимался на амвон, чтобы зачитывать послание. «Поэтому прославлением, к которому византийский василевс был более всего восприимчив, была религиозная пропаган- да. Цирковые партии неустанно восклицали, что он апостол, схожий с древними апостолами, называли его равноапо- стольным (Ἰσάπόστολος). “Твой процветающий город провоз- глашает тебя вторым Давидом, премудрым вестником веры, апостолом Павлом, панцирь которого — Христос. Тебе надле- жит покорять народы оружием веры”. С еще большим основа- нием он мог считать своей миссией обращение собственных подданных. “О государь, веди свой народ во Святом Духе”»¹⁴³¹.

Алексей воспринимал религиозную сторону своих функ- ций более серьезно, чем любой другой василевс. Мы видели, что в деле Льва Халкидонского он взял на себя роль защит- ника православия. Эту роль поборника веры он исполнял всякий раз, когда появлялась возможность. Поэтому в глазах его дочери Анны апостольская активность, какую выказывал отец, — один из лучших поводов для гордости, и она требует для Алексея титул тринадцатого апостола или хотя бы четыр- надцатого, если ту же честь надо оказать Константину¹⁴³².

Обстоятельства предоставили Комнину немало возможностей проявить свои достоинства диалектика. Может быть, его царствование принадлежало к эпохам, когда интеллектуальная деятельность была в Византии самой оживленной. С его воцарением началось эллинское Возрождение, которое давно готовили такие выдающиеся люди, как Пселл. Но с этой интеллектуальной активностью, вызывавшей развитие мысли, сочеталось распространение ересей. Доказательство этого мы находим в любопытном сборнике, озаглавленном «Синодик на первое воскресенье поста», — тексте, который содержит перечень всех еретических высказываний, осужденных греческой церковью. Мы видим, что в царствование Алексея осужденных мнений оказалось особенно много. Опубликовав этот очень ценный документ, который он вполне справедливо назвал «памятником торжествующего православия», г-н Успенский оказал большую услугу византологии, и, добавив к данным, которые дает «Синодик», сведения, которые мы находим в «Алексиаде», в «Паноплии» Евфимия Зигабена и в документах о процессе Итала, можно получить довольно полную картину ересей в царствование Алексея.

Первое в хронологическом порядке дело, которое мы встречаем, — дело Итала, которым Комнин занимался зимой после поражения при Диррахии. Если бы мы доверились только тому, что говорит об Итале Анна Комнина¹⁴³³, то, как Лебо¹⁴³⁴, сочли бы этого человека очень малоинтересным. Но недавно мы получили совсем новые данные об этом философе благодаря последним открытиям г-на Успенского. Благодаря публикации «Синодика»¹⁴³⁵ и документов о процессе Итала, обнаруженных в библиотеке монастыря св. Дионисия на Афоне, мы можем уточнить его портрет и в то же время узнать, что представлял собой процесс о ереси в Византии в конце XI в.

Итал — одна из самых любопытных фигур начала эллинского Возрождения и заслуживает, чтобы его поставили рядом с Пселлом, его учителем, с которым нас познакомили работы г-на Сатаса.

Как показывает его имя, Иоанн Итал по происхождению был итальянцем. Он жил вместе с отцом на Сицилии и во время восстания Маниака укрывался на греческой территории.

После этого он прибыл в Византию и стал учиться у Пселла. В царствование Михаила VII, другого ученика Пселла, Итал жил при дворе и пользовался некоторой милостью. Ему поручили тогда миссию в Италии; но, изменив империи, он укрылся в Риме. Вернувшись через недолгое время в милость, он возвратился в Константинополь. После отставки Пселла он, очень вероятно, сменил его на кафедре философии и получил должность консула [ипата] философов. Анна Комнина, сообщившая все эти детали, подробно описывает учение Итала и набрасывает его портрет, который, будь он верен, побудил бы сделать довольно удручающие выводы о преподавательском составе Византии. Любопытно напомнить, какие приемы дискуссии дочь Алексея приписывает Италу.

Отдав должное его талантам диалектика, она добавляет, что ему было мало привести оппонента в замешательство и заставить его замолчать: он вцеплялся в волосы и бороду тому, кто с ним спорил, осыпая его самыми грубыми оскорблениями, так как этот человек, — говорит она, — не умел сдерживать ни языка, ни рук. Впрочем, когда приступ проходил, Итал, по словам Анны, заливался слезами и горько раскаивался в своем поведении¹⁴³⁶. Сведения, которые сообщает Никита Акоминат¹⁴³⁷, к данным «Алексиады» добавляют мало: мы узнаем только, что Итал оказывал сильное влияние на современников и что его взгляды разделяли многие особы, занимавшие высокие посты при дворе, и вся молодежь, жаждавшая знаний. Таким был человек, процесс которого живо заинтересует весь Константинополь, заставив на время забыть о несчастьях, терзавших империю.

В начале января 1082 г.¹⁴³⁸ Алексей получил анонимное письмо, автором которого, как стало известно позже, был некий Михаил Каспак. Он обвинял Итала в распространении еретических представлений, противоречащих Священному писанию и традициям церкви¹⁴³⁹. Еще в 1077 г., при Михаиле VII, Италу пришлось защищаться от подобного обвинения; но поскольку он был в милости, дело продолжения не получило¹⁴⁴⁰. Алексей, желая сохранить целостность веры, решил провести расследование. В то же время Итал обратился к патриарху Евстафию Гариде с просьбой разобраться в его деле,

дав ему возможность опровергнуть выдвигаемые против него обвинения¹⁴⁴¹. Итал выступил перед церковным собором и изложил исповедание своей веры. Но толпа подняла такой крик, что патриарх был вынужден закрыть заседание. Чтобы избежать новых беспорядков, дело передали на рассмотрение императора. Алексей собрал смешанную комиссию, состоявшую из представителей патриарха и сената, перед которой и предстал Итал. Философ зачитал длинную записку, в которой излагались его взгляды. Выслушав его, комиссия не приняла никакого решения, но составила доклад, который представила императору и в котором сделала вывод о виновности Итала¹⁴⁴². Следует отметить, что комиссия не затронула вопроса об учениках Итала, весьма важного, поскольку большинство из них занимало высокое положение. Алексей в результате этого расследования вновь велел Италу предстать перед патриархом и собором¹⁴⁴³ и, не дожидаясь их решения, запретил Иоанну и тем, кто будет признан его учениками, заниматься преподавательской деятельностью¹⁴⁴⁴. Этот указ следовало передать в канцелярию Святой Софии, где все смогли бы сделать с него списки¹⁴⁴⁵.

Из рассмотрения дела следует, что духовенство враждебно отнеслось к этим гонениям, затронувшим многих его представителей¹⁴⁴⁶. В самом деле, патриарх как будто хотел остаться непричастным к этому делу. Поначалу он говорил об Итале благосклонно¹⁴⁴⁷, и Алексей ему написал: «Твое Святейшество более имеет склонности кумственным занятиям и предпочитает спокойствие и тишину шумным тревогам»¹⁴⁴⁸. Патриарх появился только на последнем заседании собора, где оправдали учеников Итала. Поэтому мне кажется вероятным, что духовенство сочувствовало обвиняемым, и аргументом в поддержку такого мнения я считаю тот факт, что дело учеников отделили от дела Итала. События, о которых я рассказывал, произошли ранее 13 марта¹⁴⁴⁹. В этот день Итал был отлучен, а 20¹⁴⁵⁰ и 21 марта¹⁴⁵¹ разбирали дело его учеников. Собор прежде всего отлучил тех представителей клира и, в частности, клира святой Софии, которые тайно обсуждали дело Итала и порицали указ Алексея или анафему, объявленную Италу¹⁴⁵². Наконец, 11 апреля состоялось последнее заседание

собора, куда явились ученики философа, все принадлежащие к клиру¹⁴⁵³. Синод объявил им полное оправдание и в постановлении оговорил, что меры, принятые императором, неприменимы к ученикам¹⁴⁵⁴.

Таковыми были дебаты на процессе Итала; мы видим, что Алексей сыграл на нем роль защитника православия и что он проявил больше рвения в защите веры, чем духовенство.

В дебатах на процессе, какими они представлены нам, Итал выглядит совсем другим человеком, чем его изображает «Алексиада». Он признает свои ошибки в некоторых пунктах обвинения, оспаривает другие и утверждает с достоинством, что не может отречься от того, что считает здравым и истинным¹⁴⁵⁵. Так что же представляло собой учение Итала? Изложение идей этого философа очень важно, потому что все ереси, которые мы рассмотрим, более или менее связаны с ним. Г-н Успенский долго разбирал этот вопрос в статье, которую посвятил богословскому и философскому движению в Византии XI и XII веков. Он встал на довольно специфическую точку зрения, изо всех сил стараясь показать, что истоки философского движения на Западе в XII в. надо связывать с Византией¹⁴⁵⁶.

Вот статьи «Синодика», посвященные Италу¹⁴⁵⁷.

Первая статья провозглашает анафему тем, кто пытается проникнуть в «неизреченную тайну» Воплощения и в способы, какими само Слово обрело человеческий облик и обожествило плоть, и тем, кто оспаривает единство обоих начал в Христе.

Вторая статья направлена против тех, кто вводит в православную и католическую церковь нечестивые учения греков о душах людей, о небе, земле и других творениях.

Третья статья осуждает тех, кто верит в метемпсихоз человеческих душ или их полное уничтожение, как у животных.

В четвертой статье анафемствуются те, кто учит, что материя вечна, что идеи совечны Богу и что небо, земля и сотворенный мир вечны и неизменны.

Пятая статья осуждает тех, кто утверждает, что греческие философы и первые ересиархи, осужденные семью

вселенскими соборами, лучше многих ортодоксов, грешивших невежеством и уступками человеческим страстям.

Шестая статья обрушивается на тех, кто отрицает чудеса Христа, Богоматери и святых или пытается найти им естественное объяснение.

Седьмая глава направлена против тех, кто принимает эллинские учения и учит им как истинным.

Восьмая глава осуждает тех, кто признает платонические идеи и говорит, что материя существует сама по себе и облекается в формы сообразно идеям, отрицая тем самым верховенство Творца, создавшего все из ничего.

Девятая статья анафемствует тех, кто учит, что люди воскресают в ином теле, чем то, какое они имели при жизни.

Наконец, десятая и последняя статья осуждает теории о предсуществовании душ, невечности кары и новом сотворении мира.

Видно, что философская система Итала имеет отчетливо антицерковный характер и что источник, из которого она почерпнула все представления, — эллинская Античность. Три главных пункта, которые признает Итал, — это метемпсихоз, учение Платона об идеях, рассматриваемых как реальные сущности, предсуществование душ и сотворение мира при помощи вечной материи. Эти данные из «Синодика» подтверждают сведения, которые дала Анна Комнина, указав на Аристотеля, Платона, Прокла и Ямвлиха как на учителей, доктрину которых усвоил Итал. Тем самым видно, что у Итала были те же философские предпочтения, что и у его учителя Пселла, для которого Платон был величайшим из философов, предтечей христианства¹⁴⁵⁸. Изучение работ Пселла не оставляет сомнений в наличии платонических тенденций в философской школе Византии XI в. Правда, ни Пселлу, ни Италу нельзя приписывать честь этого философского возрождения. Ведь из работ г-на Безобразова¹⁴⁵⁹ следует, что изучение трудов Платона в Византии никогда не прерывалось и что уже Иоанн Мавропод, учитель Пселла, был ревностным почитателем Платона, считая его по учениям и делам близким к Христу. Таким образом, воспринимать Итала исключительно как богослова ошибочно. «Он был мыслитель и подвергся

церковному отлучению за то, что не согласовал свою философскую систему с церковным учением»¹⁴⁶⁰. Кратко охарактеризовать его дело можно, сказав вместе с г-ном Успенским, «что на Итала нужно смотреть как на выразителя философской мысли в конце XI века».

Итал был осужден и через некоторое время покорился, но его влиянию предстояло ощущаться еще долго. Вопросы, которые он поднимал, и его уроки повлекли за собой в царствование Алексея процессы о ереси Нила и епископа Евстратия Никейского. «Синодик» называет Нила в числе еретиков, учение которых было осуждено, но не упоминает никаких его теорий¹⁴⁶¹. Мы располагаем о нем только некоторыми сведениями из «Алексиады», а то, как Анна описывает Итала, делает ее свидетельство сомнительным и не позволяет верить суждению, какое она приводит о Ниле¹⁴⁶². Мы знаем, что Нил был монахом¹⁴⁶³, что он занимался изучением священных книг и был незнаком с эллинской наукой¹⁴⁶⁴. Это был учитель, широко принятый в высших классах, он пользовался общим уважением. Его преследовали и осудили за высказываемые им идеи о природе таинства ипостасного соединения. Он не мог понять, в чем состоит это соединение и как обожествилась человеческая природа Христа. Вопреки учению церкви он делал вывод, что человечество обожествлено по естеству. Это положение надо сопоставить с первой статьей «Синодика», где Итала осуждают за высказывания в таком духе и запрещают вводить новые учения и предпринимать новые разыскания о Воплощении Слова. Очевидно, что уроки Итала поощряли возврат к обсуждению таинства Воплощения, и надо признать, что в этом плане Итал повлиял на Нила. Рассказ «Алексиады» позволяет связать Нила с другой сектой. Учение Нила, — говорит Анна Комнина, — быстро распространилось среди армян¹⁴⁶⁵. Тогда в Константинополе было немало армян, и Нил нашел среди них огромное количество приверженцев. А ведь мы знаем из других источников, что обращение армян было одной из главных забот Алексея. Г-н Пападопуло-Керамевс¹⁴⁶⁶ опубликовал речь, в которой василевс старается опровергнуть их заблуждения насчет природы Христа. Из одного письма Феофилакта мы знаем, что Комнин, чтобы поощрять

отречения, приглашал обращенных армян через посредство их епископа в Византию¹⁴⁶⁷. Архиепископ Охридский не раз говорил о пропаганде, какую вело греческое духовенство. Должно быть, эти меры приносили какие-то результаты, коль скоро Феофилакт дает одному из викарных епископов инструкции о том, как вести себя, когда обращается армянская деревня¹⁴⁶⁸. Очень много этих еретиков было во всей области Филиппополя, и их союз со сторонниками Нила мог нарушить покой церкви. Алексей созвал собор, осудивший армян и Нила. Не исключено, что учение Нила надо считать близким в некоторых отношениях к учениям восточных сект, очень распространенных в империи в то время, и что Алексей сам боролся с ними в 1114 г. в Филиппополе, когда готовился к походу на половцев¹⁴⁶⁹. В течение всего времени, когда Алексей находился в этом городе, он с помощью своего зятя Вриенния и Евстратия, епископа Никейского, дискутировал с павликианами. Чтобы придать больше веса своим богословским аргументам, он заложил для новообращенных деревню, которой дал свое имя, и роздал им земли и придворные должности сообразно рангу. Самых упорных он в конечном счете посадил в заключение в Константинополе¹⁴⁷⁰. Учение павликиан мне излагать здесь незачем, так как их история больше связана со всеобщей историей, чем с историей царствования Комнина¹⁴⁷¹.

Дискуссии, которые Алексею пришлось тогда вести с еретиками, привели, как часто бывало, к появлению новой ереси, автором которой был один из соратников самого Алексея, епископ Евстратий Никейский. Он когда-то был учеником Итала, во время одного спора с еретиком вспомнил уроки учителя и допустил неправославное высказывание¹⁴⁷². Ему выразили порицание, а через недолгое время он был лишен епископского сана как инициатор новой ереси. С его учением можно познакомиться по его трудам; кроме нескольких речей, направленных против Петра Хризолана, архиепископа Миланского, ему принадлежит также ряд посланий о природе Христа и о почитании икон¹⁴⁷³.

Алексею пришлось вести религиозную пропаганду и дальше, до смерти. В последний год жизни он посвятил себя

обращению и процессу богомилов — религиозной секты, зародившейся в его царствование, к которой он поначалу весьма благоволил, если верить Зонаре¹⁴⁷⁴. Автором нового учения был монах по имени Василий, который проповедовал в окружении двенадцати спутников — в память о двенадцати апостолах. Его учение было смесью манихейства и павликианства. Алексей, увидев, что эта ересь распространяется, долго спорил с Василием, но, признав, что все его красноречие не дало никакого результата, велел сжечь его на Ипподроме и отправил его учеников в тюрьму¹⁴⁷⁵.

Этой активной борьбы с ересiarхами Алексею было недостаточно: в своей усердной защите православия он не довольствовался тем, чтобы действовать во имя настоящего времени, но хотел предупредить возможное возрождение ереси и в будущем. Он прибегнул к богословским познаниям одного монаха, Евфимия Зигавина, чтобы истребить в душах последние ее остатки, и счел торжеством гарантированного православия ситуацию, когда этот монах-резонер сделал свою «Догматическую паноплию» (*Πανοπλία δογματικῆ*) полным арсеналом научных доказательств, пригодных для опровержения аргументов еретиков и демонстрации их бессодержательности¹⁴⁷⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До сих пор Алексея Комнина оценивали прежде всего по тому, как он вел себя с крестоносцами. Тому, что он сделал, недостаточно воздавали должное. Придя к власти в особо сложной ситуации, когда империю атаковали соседи, он сумел сдержать натиск норманнов, печенегов, турок, крестоносцев. Феофилакт в одном из писем говорит о болгарской феме, которую, как виноградную лозу Давида, обрывают все, проходящие по пути¹⁴⁷⁷. Это сравнение можно было бы отнести к Восточной империи. Все соседи пытались воспользоваться ее слабостью, чтобы отторгнуть от нее несколько провинций. Алексей сумел дать всем отпор, и в его царствование упадок Византии на время приостановился. Мы показали, где проходили границы империи при его воцарении; ко дню его смерти границы сместились — в Европе до Балкан, в Азии до Поливота. Враги греков повсюду отступили. То есть в территориальном отношении произошел выраженный прогресс.

Эти приобретения были получены благодаря как переговорам, так и оружию. Алексей искусно вел переговоры. Имел ли он дело с германским императором или с половцами, он всегда умел извлечь из обстоятельств максимальную выгоду. Его сильно упрекали за отношение к крестоносцам. Но с их стороны недобросовестность кажется мне более очевидной, чем с его стороны. Комнин считал себя в первую очередь византийским василевсом и действовал в интересах своего государства. Поскольку крестоносцы в нем нуждались, он попытался максимально воспользоваться этой ситуацией в интересах греков. Он сумел избежать конфликта с латинянами под Константинополем, и в этом плане последующие события блестяще оправдали выбранную им линию поведения. Он сумел спасти Византию от судьбы, какая ее постигла позже, в результате крестового похода 1204 г. Только за счет

ловкой политики, почти без войск, он устоял против массы латинян и заставил крестоносных вождей делать то, чего хотел он. Его борьба с Боэмундом была чисто политической, и в ней сын Гвискара больше заслуживает упреков в недобросовестности, нежели Алексей.

Внутри страны Алексей пытался вернуть себе абсолютную власть. Он хотел основать династию, и поэтому ему пришлось бороться с могуществом партий, с которым он был достаточно знаком, чтобы суметь использовать его себе на пользу. Он попытался уменьшить влияние сената и военной партии. Всегда, когда мог, он возглавлял войска сам, чтобы какой-нибудь полководец не приобрел популярность своими успехами. Он хотел добиться единства в империи; ради этого он старался сохранить цельность религиозной веры, служившей сильным средством для распространения греческого влияния; с той же целью религиозной пропаганды он стремился повысить нравственный уровень белого и черного духовенства.

С материальной точки зрения его царствование обошлось всем тяжело. Это стало неизбежным следствием постоянных военных походов, которые ему приходилось предпринимать. По его указам ясно видно: он делал все, что мог, чтобы распределить это бремя на всех поровну.

Впрочем, современники оценивали сделанное им по справедливости, и едва Зонара заявляет, что должен несколько сдержать похвалы ему, как тут же их приводит. Насколько Алексей сумел внушить византийцам уважение, видно также из того простого факта, что, несмотря на интриги придворной партии, его сын Иоанн смог ему наследовать, не устраивая переворота. За много лет подобное произошло в Византии в первый раз.

Итак, можно сказать, что Алексей был одним из тех талантливых людей, которых Византийской империи не раз удавалось находить как раз в моменты, когда она в них нуждалась. Он сумел на время остановить «медленное разъединение столь различных элементов, из которых состояла империя». Успешные итоги его царствования сохранятся при его сыне Иоанне, а его дело подхватит и продолжит Мануил Комнин.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПИСЬМО АЛЕКСЕЯ ГРАФУ ФЛАНДРСКОМУ

Долгое время на письмо Алексея графу Роберту Фландрскому ссылались, чтобы утверждать, что причиной первого крестового похода был призыв Востока к Западу. Это письмо распространилось широко и быстро, коль скоро через недолгое время после похода его уже знали Гвиберт Ножанский и Гуго Флерийский¹⁴⁷⁸, и оно есть в большинстве рукописей Роберта Монаха.

Вопрос подлинности «Эпистолы» стал очень спорным. Ссылки на авторов, рассматривавших этот сюжет раньше, можно найти в недавней статье г-на Хагенмейера¹⁴⁷⁹. Мы займемся здесь лишь теориями авторов, писавших об этом в последнее время. Г-н Васильевский в статье «Византия и печенеги» посвятил изучению «Эпистолы» целое приложение. В 1880 г. он вернулся к этому вопросу, чтобы опровергнуть утверждения г-на Риана¹⁴⁸⁰. Он сделал вывод, что письмо было подлинным, отправленным, по его мнению, в то время, когда на Алексея напали печенеги, — в 1091 г. Он полагает, что оригинал был написан на греческом языке.

Г-н Риан рассмотрел этот вопрос дважды: сначала — в издании «Подложного письма»¹⁴⁸¹, а потом — в «Критическом перечне исторических писем крестоносцев»¹⁴⁸². Он считает, что: «1) “Epistola Alexii” — документ, который не был ни написан по-гречески, ни переведен с греческого, ни составлен на греческой земле; 2) что он состоит из нескольких частей, написанных на латыни, при помощи: а) фламандских данных; б) латинского каталога константинопольских реликвий, составленного на Западе, и в) проповедей Урбана II; 3) что он был сфабрикован либо в Северной Франции, в окрестностях

Реймса, либо в Сирии, в лагере крестоносцев, и не Гвибертом Ножанским, а, возможно, Робертом Монахом; 4) что его распространяли в качестве *excitatorium* [ободрительного послания (*лат.*)], чтобы ускорить отъезд подкреплений, которых крестоносцы ждали в 1098–1099 гг.; 5) что фальсификатор, составивший его, хотел создать впечатление, что письмо датируется 1093 г.»

Г-н Г. Парис в «Ревю критик»¹⁴⁸³ допустил, что письмо было подложным. Он представил его творением монаха, но отверг авторство Роберта из Сен-Реми и отнес его написание к 1090 г. Г-н Папарригопулос тоже рассматривает это письмо как фальшивку¹⁴⁸⁴.

Наконец, г-н Хагенмейер недавно опубликовал превосходную работу, где постарался доказать, что письмо было сфабриковано по инициативе графа Фландрского, когда к этому князю прибыло посольство от Алексея, в 1088 г., в качестве *excitatorium* — чтобы упростить набор пятисот всадников, которых он должен был послать василевсу¹⁴⁸⁵.

Таково сегодня состояние вопроса, который мы намерены рассмотреть.

Мог ли Алексей просить помощи на Западе и, в частности, у графа Фландрского?

Г-н Риан¹⁴⁸⁶ на этот вопрос отвечает отрицательно. В этом мы не разделяем его точку зрения. Гвиберт Ножанский, который был связан с фландрским двором и получал сведения от приближенных графа¹⁴⁸⁷, сообщает, что к графу Роберту прибыло посольство от Алексея и что это посольство привезло письмо от василевса¹⁴⁸⁸. Вместе с гг. Зибелем¹⁴⁸⁹ и Хагенмейером¹⁴⁹⁰ мы рассматриваем свидетельство Гвиберта как абсолютно достоверное. Он указывает свои источники, давая понять, что имеет отношение к делам Фландрии и ничуть не заинтересован придумывать факт, о котором говорит. Наконец, как отметил г-н Риан¹⁴⁹¹, он находился в великолепном положении, дававшем возможность быть хорошо осведомленным, ведь Реймс в те времена был центром, куда стекались все сведения, поступавшие с Востока, прежде чем распространиться по Бельгии и по всей Германии.

Позволяют ли известные нам факты назвать тему этого письма и датировать его?

Похоже, это посольство от василевса стало следствием поездки графа Фландрского в Святую землю и его проезда через Греческую империю. Дата встречи Роберта и Алексея очень спорна. Г-н Васильевский предложил в качестве ее даты выбрать зиму 1088–1089 г.¹⁴⁹² и предположил, что посольство приехало в 1091 г.¹⁴⁹³ Граф Риан счел, что посольства не было, а свидание обоих государей отнес к 1084 г.¹⁴⁹⁴ Коль скоро встреча Алексея и графа Фландрского состоялась в Эски-Загра после поражения при Дристре, если верить рассказу «Алексиады», то надо полагать, что свидание произошло в 1087 г. Эту дату принимает и г-н Хагенмейер¹⁴⁹⁵. Иоанн Ипрский относит эту поездку к 1085 г.¹⁴⁹⁶ А ведь, с другой стороны, мы знаем, что эта поездка продолжалась два года¹⁴⁹⁷. Эти сведения и данные из «Алексиады»¹⁴⁹⁸ достаточно согласуются, чтобы я без колебаний в качестве даты встречи принял последние месяцы 1087 г. Г-н Дитер, который перенял хронологию, предложенную г-ном Рианом, полагает, что свидетельство Анны принимать в расчет не надо. Это заблуждение, поскольку во всей этой части Анна следовала хронологическому порядку и очень хорошо осведомлена. Свои сведения она должна была получить от очевидца, несомненно, от Георгия Палеолога, судя по многочисленным и особым подробностям, какие она приводит о действиях этого полководца¹⁴⁹⁹.

Согласно этой гипотезе, граф Фландрский прибыл в Эски-Загра в последние месяцы 1087 г. Он заметил, в каком трудном положении находится империя, и пообещал Алексею прислать пятьсот всадников¹⁵⁰⁰. А ведь мы знаем, что в тот период греческой армии недоставало кавалерии; именно потому, что ее не было, Татикий не смог воспользоваться своей победой в 1086 г.¹⁵⁰¹ Так что обещанная помощь, вопреки мнению г-на Риана¹⁵⁰², имела для греков большое значение.

Вернувшись к себе в государство, граф забыл о своем обещании или не спешил его исполнять. Алексей, положение которого, далекое от улучшения, продолжало ухудшаться из-за того, что империю атаквали на всех границах¹⁵⁰³, несомненно, решил, не видя обещанного подкрепления, отправить

посольство, чтобы напомнить о выполнении данного обещания, — вероятно, в 1088 или 1089 г. Посольство повезло графу письмо от Алексея, по обычаю, как это сделало и посольство к Генриху IV. Отправка этого письма едва ли преследовала другую цель, кроме как настойчиво просить о присылке обещанных пятисот всадников, и оно совсем не должно было призывать всех государей христианского мира освободить Константинополь.

Положение империи в 1088–1089 гг. было достаточно тяжелым, чтобы был смысл посылать письмо с просьбой о помощи, и возражение г-на Риана против даты, предложенной г-ном Васильевским, отпадает само собой¹⁵⁰⁴.

Может ли дошедшее до нас письмо быть тем самым, которое было написано по этому поводу?

В письме, дошедшем до нас, мы находим три разных части.

Первая содержит отдающее риторикой рассуждение о страданиях христиан Востока, а также не очень точное перечисление азиатских провинций¹⁵⁰⁵.

Во второй части¹⁵⁰⁶ мы находим точные и очень ясные сведения о трудном положении Греческой империи, оказавшейся меж двух захватчиков — турок и печенегов, и о завоеваниях турок в Малой Азии. Точность всех этих деталей бросается в глаза, если сравнить наш текст с «Алексиадой». Там есть все сведения, какие приводит Анна Комнина, вплоть до той подробности, что флот Чахи был построен греком¹⁵⁰⁷, а также данные о захвате Чахой островов Архипелага¹⁵⁰⁸.

Приведенные таким образом сведения относятся к 1087–1089 гг.¹⁵⁰⁹ Мы нашли упоминание как о недавнем событии о захвате турками Хиоса и Митилены, отбитых у турок в 1092 г., согласно г-ну Риану¹⁵¹⁰. Исправление, предложенное г-ном Дитером, легко позволяет предположить, что этот захват случился как раз в 1088 г., потому что совершенно не исключено, что Анна решила закончить рассказ о войне с печенегами, прежде чем начинать рассказ о мятеже Чахи¹⁵¹¹. Г-н Риан опирался на данные Муральта¹⁵¹², но этот автор построил весь соответствующий раздел своей «Хронографии» только на основе текста Анны Комниной и допустил много ошибок. Нам кажется, что г-н Риан также ошибся, усмотрев

во фразе «*Nam et Propontidem qui et Avidus dicitur et ex Ponto juxta eamdem Constantinopolim in Mare Magnum decurrit cum ducentis navibus invaserunt*»¹⁵¹³ [В Пропонтиде, которая нынче называется Авидосом и протекает подле Константинополя из Понта в Великое море, появились уже двести кораблей (*лат.*; пер. В. Г. Васильевского)] намек на осаду Авидоса, случившуюся в 1093 г. Г-н Парис обоснованно отметил, что автор смешивает Пропонтиду с Дарданеллами, а этот пролив — с Авидосом¹⁵¹⁴. Совершенно не исключено, что Чаха, став хозяином островов, устраивал набеги и туда¹⁵¹⁵. С другой стороны, положение турок в Малой Азии, каким его описывает письмо, вполне соответствует тому, каким оно действительно было в год, указанный нами¹⁵¹⁶.

Третья часть включает текст начиная со слов «*Наес рауса*» [Это немногие (*лат.*)] и до конца¹⁵¹⁷. Она содержит просьбу о помощи, адресованную Алексеем графу Фландрскому, и потом перечисление сокровищ Константинополя, а именно каталог реликвий, которые в нем хранятся.

Г-н Риан не приемлет все письмо в целом. Я думаю, что полностью сфабрикованными надо считать первую и третью части. Нигде у византийских авторов мы не встречаем описания, аналогичного описанию страданий христиан: «Никогда византийская канцелярия не опустилась бы до столь грубых и даже скабресных деталей, какие мы находим здесь, и очевидно, что эти прямолинейные и даже непристойные попытки воздействовать то на чувства читателя, то на его алчность, напыщенный стиль, наивные аллитерации — все это показывает, что перед нами *excitatorium*»¹⁵¹⁸.

Мне тоже кажется невозможным допустить, чтобы император, в каком бы положении он тогда ни находился, унизился до того, чтобы предлагать свое царство, свои богатства, свои реликвии. Конечно, в тот период, как мы видели, изучая религиозную ситуацию в Константинополе, была провозглашена разрядка напряженности в отношениях между восточной и западной церквями; но, даже признавая эту разрядку, нам все-таки надо помнить о византийской надменности, которая в то же время так явственно слышится в речи Феофилакта. Архиепископ Болгарский высокопарным языком славит

победы василевса в тот самый момент, когда последний вынужден молить о перемирии¹⁵¹⁹. Если мы учтем, что в этой речи Феофилакт обращается ко всему двору и, следовательно, к людям, которые целиком в курсе событий, мы не сможем допустить, чтобы василевс писал иностранцам: «*Nam melius est ut vos habeatis Constantinopolim quam pagani*»¹⁵²⁰ [Лучше, чтобы Константинополь достался вам, чем язычникам (*лат.*; пер. В. Г. Васильевского)].

Г-н Риан допустил, что одним из источников были жалобы сирийских христиан, другим — проповеди Урбана II. Мы принимаем его мнение относительно первого источника, потому что сходство между одним местом из «Эпистолы» и текстом Раймунда Ажильского, отмеченное им, разительно¹⁵²¹. Послужили ли проповеди Урбана источником для «Эпистолы» или, наоборот, авторы этих мнимых проповедей использовали последнюю, выяснить невозможно.

Каталог реликвий, который г-н Риан упоминает как последний источник сведений для автора *excitatorium*'а, мне тоже кажется бесспорным источником.

Все это не исключает того факта, что во второй части «Эпистолы» приводятся реальные данные о событиях на Востоке в 1088–1089 гг. В частности, отмечу, что автор письма изображает турок и печенегов действующими против Византии как союзники, тогда как крестоносцам печенеги были известны только как союзники греков. После этого для меня невозможно видеть в этом письме только «вымысел в чистом виде, основанный на смутных сведениях» — я выделяю часть, основанную на сведениях абсолютно достоверных, которую обрамляют два текста, для написания одного из которых были привлечены жалобы сирийских христиан, а для написания другого — каталог реликвий.

То есть мне кажется, что вся вторая часть была написана с привлечением оригинального письма. Может быть, в последнем приводились названия провинций Малой Азии, оккупированных турками? Список, который содержит письмо, — фантастический, но можно только сказать, что фальсификатор, имея перед глазами подлинное письмо императора, обязательно использовал бы названия фем. Г-н Риан

считает неправдоподобным, чтобы византийская администрация пользовалась старыми названиями провинций в то время, как империя была уже разделена на фемы¹⁵²². Со своей стороны я не вижу ничего удивительного, что в Византии использовали старые названия, адресуясь к иностранному государю. Если бы ему сказали о феме Оптиматы, феме Фракисий, Анатолик или Букелларии, эти названия могли бы у него ни с чем не ассоциироваться, тогда как был некий шанс, что старинные названия он знает. Кстати, след некоторых из этих названий г-н Риан нашел у Анны Комниной¹⁵²³. Мы можем добавить к этому свидетельство ибн Хордадбега, который фему Букелларии называет «Калаф» от прежнего «Галатия»¹⁵²⁴. То есть, признавая, что приведенный список неполон, я думаю, можно допустить, что в оригинале некоторые из провинций были названы по-старому.

Теперь надо разобраться, исключено ли, как утверждает Риан, что письмо, которое, по нашему мнению, послужило оригиналом для «Эпистолы», было написано по-гречески, и полностью ли оно противоречит обычаям византийской канцелярии.

Мы знаем, что письма, которые императорская канцелярия отправляла латинянам, обычно сопровождалась либо резюме, написанным на латыни, либо латинским переводом, который имел форму официального акта и часто подписывался императором. Несколько документов такого рода сохранилось в архивах Ватикана. Упомянем два письма Иоанна Комнина, одно Мануила Комнина и несколько писем Михаила Палеолога¹⁵²⁵. Есть у нас и резюме такого рода, сделанные для ряда писем, которые Алексей посылал аббатам Монтекасино¹⁵²⁶, и мы знаем, что при византийском дворе были латинские переводчики¹⁵²⁷. Вполне вероятно, что письмо Алексея графу Фландрскому по обыкновению сопровождалось переводом. Можно допустить, что наш фальсификатор работал с переводом письма, отправленного василевсом. Соображения, высказанные Рианом насчет негреческого характера письма, неубедительны, потому что ни один из примеров, которые он приводит, не взят из той части письма, которую мы могли бы

назвать исторической, кроме фразы «Propontis qui et Avidus dicitur», которую мы уже объяснили в другом месте.

Можно ли сказать, что фальсификатор, имея перед глазами настоящее письмо, вышедшее из императорской канцелярии, нигде не сделал очень грубой ошибки?

Мы уже допустили, что существовало письмо Алексея одному только графу Фландрскому, написанное в соответствии с правилами канцелярии. Подпись и адрес на письме, которым располагаем мы, ни в чем не похожи на формулировки, какие, насколько нам известно по актам, использовались в канцелярии Алексея¹⁵²⁸. Обычно подпись включала имя и титул императора, а далее, как правило, общий или частный адрес, в зависимости от характера акта.

Вот пример из одного акта Иоанна Комнина:

Ἰωάννης ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστός βασιλεὺς πορφυρογέννητος ἀναξύφηλος, κραταῖος αὐγουστός καὶ αὐτοκράτορ Ῥωμαίων ὁ Κομνηνός. Ἐἰς τῶν ἀγιώτατον πάπαν¹⁵²⁹ [Иоанн, во Христе Боге верный василевс, багрянородный царь, могущественный август и самодержец римлян, Комнин. Святейшему Папе (греч.)]. Но в письмах Алексея Одеризию Монтекассинскому мы не находим и следа адреса. В таком случае мы можем выбрать одно из двух предположений. Если существовала формулировка, она очень отличалась от формулировок, обычных на Западе, и, чтобы сделать письмо правдоподобнее, фальсификатор счел нужным использовать формулировку, обычную на Западе.

Или же, как в письмах Одеризию, ни подписи, ни адреса не было, и, опять-таки, чтобы сделать письмо правдоподобнее, фальсификатор просто придумал адрес и подпись по западному образцу.

Чтобы объяснить, почему не указаны месяц и место, которые в византийских актах всегда приводились в конце, отметим, что в последней части письма, как минимум начиная с перечисления реликвий, нет ни одного точного исторического факта. Позволительно предположить, что, когда составитель начал переписывать каталог реликвий, у него перед глазами уже не было документа, которым он пользовался поначалу; поэтому он не стал указывать месяц и место. Это могло бы также послужить объяснением, почему забыто краткое

упоминание о дарах, какими всегда сопровождалась императорские хрисовулы, упоминание, которое неизменно завершало императорские письма. А ведь мы можем догадаться, что эти дары были привезены, ведь, несомненно, Роберт отправил своих сто пятьдесят коней в ответ на императорский подарок¹⁵³⁰.

Теперь перейдем к аргументу, который г-ну Риану дает использование первого лица. Император, — пишет он, — говоря о самом себе, всегда использует третье лицо единственного числа, тогда как здесь он говорит только от первого.

Г-н Васильевский¹⁵³¹ в ответ сослался на два письма Михаила Дуки Парапинака, адресованных, как он полагал, русскому князю Всеволоду Ярославичу, где используется первое лицо. Ничто не говорит о том, что, как утверждает г-н Риан¹⁵³², мы имеем дело с канцелярскими черновиками.

Существование писем к аббатам Монтекассино не позволяет принять эту гипотезу, потому что наш документ должен быть совершенно аналогичным.

Добавлю, что, если мы рассмотрим письма к Одеризию, на которые опирается г-н Риан, мы найдем в первом:

«*ea quae continebant scripta intellexi et dilexi*» [то, что содержат письма, я понял и оценил (*лат.*)] (*Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. 41); в третьем:

«*quanta imperio meo scripsistis venerabilissime abbas didici*» [с тем, что вы написали моему величию, достопочтенный аббат, я познакомился (*лат.*)] (*Ibid.* P. 44); далее:

«*et Omnipotentis quidem, atque misericordis Dei nostri est in me, et in subjectis nostris propitiatio maxima*» [и наибольшую благодать нашего всеильного, но милосердного Бога на меня и наших подданных (*лат.*)] (*loc. cit.*), и наконец:

«*Ego autem non solum, quod nil boni habeo in me, sed maxime quia super omnes homines pecco, ad Deum quotidie, ut longanimis, atque misericors misereatur, atque sustineat meam infirmitatem, precor. Vos autem, ut boni, atque virtute pieni judicatis me peccatorem...*» [Я же не только не имею в себе ничего хорошего, но усердно, ибо грешу более всех людей, ежедневно молю Бога, чтобы многотерпеливый, но милосердный сжалился, а также

стал опорой моей немощи. Вы же считаете меня, грешника, добрым, а также исполненным добродетели... (лат.)] (loc. cit.).

То есть этот обычай, во всяком случае, в резюме к императорским хрисовулам, соблюдался не столь скрупулезно, как утверждает г-н Риан, коль скоро использование первого лица мы встречаем очень часто.

Таким образом, я склонен полагать, что в «Эпистоле», в той форме, в какой она до нас дошла, можно, как это сделали Вилькен¹⁵³³ и Хагенмейер, усмотреть следы оригинального письма, посланного Алексеем графу Фландрскому. Видимо, это письмо попало в руки фальсификатору, который его переработал с целью изготвить *excitatorium*.

Г-н Парис считает, что «Эпистола» — дело рук какого-то монаха, просто упражнявшегося в риторике¹⁵³⁴. Было бы очень странно, как заметил ему Риан, чтобы возникший таким образом документ с момента появления приобрел столь большую известность, какая окружила наше письмо, и я вместе с издателем «Эпистолы» думаю, что она послужила *excitatorium*'ом.

К какому году мы можем отнести составление «Эпистолы»?

Пытался ли кто-то определить, за документ какой эпохи фальсификатор хотел выдать это письмо? События турецкой войны происходили в 1088–1089 гг.; с другой стороны, фразу, где говорится, что латиняне освободили Галисию и другие западные королевства, датировать очень трудно. Я думаю вместе с г-ном Парисом¹⁵³⁵, что это намек на завоевания Роберта, Эда, Раймунда и Генриха Бургундских в Португалии в 1089–1090 гг. Г-н Риан оспаривает это мнение и хочет видеть в данном тексте намек на завоевания Альфонса VI, которые автор якобы сместил на несколько лет вперед¹⁵³⁶.

Наконец, трудно объяснить последнюю фразу: «Agite ergo, dum tempus habetis, ne Christianorum regnum ed, quod majus est, Domini perdatis sepulcrum»¹⁵³⁷ [Итак, действуйте, пока имеете время, дабы вам не погубить христианского царства, а что еще важнее, Гроба Господня (лат.; пер. В. Г. Васильевского)]. До первого крестового похода Гроб Господень никогда не принадлежал европейцам. Думаю, это место надо объяснять так, как это сделал Хагенмейер: «Если вы, франки, не придете к нам на помощь, все христианское владычество на Востоке

будет утрачено и вместе с ним — обладание Гробом Господним» (которым европейцы владели как минимум в том смысле, что им было позволено посещать его и совершать там богослужение, даже прежде чем его по-настоящему завоевали крестоносцы)¹⁵³⁸.

Чтобы точнее определить, к какому времени автор хотел отнести письмо, надо, я думаю, обратить внимание на преамбулу, которая в большинстве рукописей предваряет «Эпистолу». Согласно этой преамбуле, письмо было написано за четыре года до крестового похода. Мог иметься в виду Клермонский собор, и это нам дает 1091 г.; а ведь именно в этом году Алексей отправил в Рим просьбу о помощи; он просил только наемников. Об этом обращении василевса узнали; сопоставленное с тем, что было известно об отношениях Алексея и Роберта, оно могло подать идею сочинения «Эпистолы» и просьбы о помощи, которую Алексей адресовал бы всем латинянам. Эта гипотеза довольно точно согласуется с намеком на завоевания франков в Испании.

Таким образом, думаю, можно допустить, что автор предполагал: письмо будут датировать 1091 г. Что касается даты его составления, я вполне склонен присоединиться к мнению г-на Риана¹⁵³⁹. Исходя из отсутствия в каталоге реликвий Святого копья, издатель «Эпистолы» предположил, что этот текст был написан после взятия Антиохии (состоявшегося в июне 1098 г.): действительно, фальсификатор не мог бы упомянуть, что Святое копье, обладанием которым кичились византийцы, находится в Константинополе, если крестоносцы только что нашли его в Антиохии. Опираясь также на тот факт, что «Эпистолу» чаще всего объединяют с письмом, написанным и отправленным с Востока патриархом Симеоном¹⁵⁴⁰, г-н Риан заключил, что письмо было написано на Востоке в период между июнем 1098 г. и июлем 1099 г.

В таком случае письмо вполне могло распространяться с 1100 г. и через недолгое время стать известным Гвиберту Ножанскому и Гуго Флерийскому.

Есть мнение, что в то время подобное письмо не принесло бы пользы¹⁵⁴¹ из-за плохой репутации Алексея. Полагаю, что я показал: тогда отношения между Алексеем и крестоносцами

были еще достаточно хорошими¹⁵⁴². Думаю, г-н Хагенмейер ошибается, рассматривая письмо как *excitatorium*, рассчитанный на то, чтобы упростить набор пятисот всадников, которых Алексею хотел послать граф Фландрский. Как справедливо отмечено, во времена, когда страсть к приключениям чрезвычайно распространилась, набрать отряд в пятьсот всадников было несложно, и *excitatorium* был бы совершенно излишним.

Итак, «Эпистола», очень вероятно, была сфабрикована около 1098–1099 гг. в качестве *excitatorium* на основе настоящего письма Алексея графу Фландрскому, жалоб сирийских христиан и каталога реликвий. Автор хотел создать впечатление, что письмо датируется 1091 г.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ АЛЕКСЕЯ I КОМНИНА

Воздавать должное византийской цивилизации и признавать ее значимость для исторического развития начали только в наше время. Раньше она страдала от неоправданного пренебрежения и представляла в трудах историков лишь в искаженном и неузнаваемом виде. Один из самых разительных примеров — легенда, сложившаяся об Алексее I Комнине, распространению которой в большой мере способствовали поэзия и романы. Суждения о греках, касающиеся их отношений с первыми крестоносцами, слишком часто формировались на основе реминисценций из Тассо¹⁵⁴³, а то и из Вальтера Скотта. Я попытался высветить подлинный характер Алексея и очистить его историю от всего, что в ней было легендарного, по возможности исчерпав все источники. Используемые документы очень разнообразны и неравноценны; задача данного вступления — кратко охарактеризовать их.

Этот обзор источников будет посвящен исключительно повествовательным источником, намного превосходящим в количестве все остальные.

I. Архивные документы. Акты, исходившие от самого Алексея, хоть для византийского императора их довольно много, дошли до нас в очень малом количестве. Большинство их имеет отношение к уступкам земель или налоговым льготам, предоставленным либо частным лицам, либо монастырям, прежде всего монастырю св. Иоанна Богослова, основанному на острове Патмос святым Христодулом. Эти акты позволяют познакомиться с налоговым бременем, возлагавшимся на податных; больше из них почти ничего интересного почерпнуть нельзя.

К этой первой категории надо добавить некоторое количество новелл, которые посвящены в основном церковным

вопросам и регламентируют продвижение по службе духовенства, выборы, права патриарха по отношению к монастырям и т. д. Упомянем также две новеллы для хартофилакса св. Софии, одного из важнейших сановников в церковной иерархии.

Третья категория документов включает договоры, заключенные с иностранными государствами или государями. Наиболее важны договоры, заключенные с Венецианской и Пизанской республиками и дошедшие до нас в виде заверенных копий в актах Мануила Комнина и Исаака Ангела, соглашения между Алексеем и императором Генрихом IV в 1081 г., между Алексеем и Боэмундом, князем Антиохийским, в 1108 г. Оба последних акта включены в «Алексиаду».

Наконец, мы располагаем административными актами, к сожалению, очень малочисленными — их нам известно только два. Первый — это хрисовул, в силу которого Алексей в 1081 г. предоставляет матери регентскую власть; второй, намного более важный, — это типовой отчет, составленный Алексеем для сборщиков налогов. Этот документ, очень любопытный, позволяет изучить способ, каким взимались подати.

II. Повествовательные источники. — А) Греческие источники. Бегло упомяну хронику Михаила Атталиата, написавшего свою «Историю», чтобы оправдать приход Никифора Вотаниата к власти. Сведений об Алексее Атталиат приводит мало, и все, какие он дает, относятся к событиям до восшествия Комнина на престол¹⁵⁴⁴.

То же можно сказать о хронике куропалата Иоанна Скилицы, которая в последней части в основном воспроизводит текст Михаила Атталиата¹⁵⁴⁵.

Далее мы обнаруживаем неоконченный труд Никифора Вриенния. Автор принадлежал к одной из старейших семей Адрианополя¹⁵⁴⁶. Он был старшим сыном¹⁵⁴⁷ того самого Вриенния, который пытался захватить власть при Михаиле VII и при Вотаниате. Точная дата его рождения неизвестна. В 1097 г. он был достаточно взрослым, чтобы принять активное участие в обороне Константинополя, когда на город напали крестоносцы Готфрида Бульонского¹⁵⁴⁸. Незадолго до того он женился на Анне Комниной, старшей дочери василевса. Алексей должен был заключить этот брак из политических

соображений, чтобы смягчить ненависть, какую к нему питали сторонники семейства Вриенниев¹⁵⁴⁹. Ведь именно Комнин расстроил честолюбивые планы соперника Вотаниата, Вриенния, взяв его в плен.

Роль, сыгранная Никифором, известна мало, так как Анна Комнина упоминает его довольно редко. Именно он убедил Боэмунда в 1108 г. заключить мир с василевсом¹⁵⁵⁰. Кроме того, он помогал тестю в спорах с манихеями¹⁵⁵¹ и принял участие в походах на турок¹⁵⁵². В последние годы жизни Алексея Никифор был замешан в довольно темных интригах из-за наследования престола Комнина. Анна и ее мать Ирина хотели, чтобы Алексей выбрал преемником Вриенния в ущерб Иоанну, законному наследнику. Эти попытки повлиять на императора не увенчались успехом. После смерти Алексея Вриенний остался в хороших отношениях с новым василевсом, своим шурином Иоанном, которого сопровождал в разные походы. Умер он, видимо, немногим позже 1137 г.¹⁵⁵³ Анна пишет, что он умер после похода на Антиохию, который в то время предпринял Иоанн, а в 1143 г., когда Анна начала писать «Алексиаду», Никифор был уже мертв.

Никифор Вриенний взялся описывать жизнь Алексея по просьбе своей тещи Ирины¹⁵⁵⁴. Он хотел лишь собрать материалы, чтобы написать историю тестя¹⁵⁵⁵, а завершить дело ему помешала смерть. В том состоянии, в каком он оставил свою книгу, это скорее история империи со времен Исаака Комнина, чем биография Алексея. От Исаака Комнина до Романа Диогена это краткий очерк, но начиная с царствования последнего автор становится очень обстоятельным. Труд разделен на четыре книги. Четвертая не закончена и обрывается на середине царствования Вотаниата. Это хорошо выполненная работа, сообщающая много интересных и полезных сведений. Автор использовал достойные источники — Пселла и Аталиата¹⁵⁵⁶. Произведение имеет тенденциозный характер: его цель — обосновать права Алексея на корону¹⁵⁵⁷.

Дело Вриенния переняла и продолжила его жена, дочь Алексея. Анна Комнина родилась 1 декабря 1083 г. С первых лет жизни она была обручена с Константином Дукой, сыном Михаила VII, и ее воспитывала вдова последнего — Мария

Дукия. После того как Мария попала в немилость, Анна, которой тогда было восемь лет, вернулась к родителям; тем не менее она осталась помолвленной с Константином, но после смерти последнего вышла за Никифора Вриенния. Анна была любимицей ее матери Ирины, пытавшейся добиться от Алексея, чтобы он передал императорскую корону зятю и дочери, обойдя сына — Иоанна. Вокруг императрицы и ее дочери сформировалась сильная партия, поставившая целью провозгласить Вриенния императором. Ловкость Иоанна, которому, что очень вероятно, помогал советами умирающий отец, разрушила эти планы. Анна была наказана и заключена вместе с матерью в монастырь Теотокос Кехаритомени [Богородицы Благодатной], основанный Ириной. Брат так никогда и не простил ее, притом что своего зятя Вриенния оставил при себе. Иоанн, должно быть, относился с недоверием к сестре, смертельно возненавидевшей его с того дня, когда она присутствовала на его коронации, то есть когда он занял место, которое было изначально предназначено ему, но право на которое, по ее неизменному мнению, имела она¹⁵⁵⁸. После смерти Иоанна в апреле 1143 г. участь Анны, похоже, смягчилась. Прежде всего именно тогда она могла приняться за сбор материалов, которыми позже пользовалась, чтобы написать историю отца¹⁵⁵⁹. Точную дату смерти Анны указать невозможно.

Она получила вполне полноценное образование и знала всё, что могло быть известно женщине ее времени. Зонара¹⁵⁶⁰ превозносит ее интеллектуальную культуру, и похвалы этого историка подтверждаются данными из других источников. Анна сама несколько раз хвасталась, что многое изучила и обладает очень просвещенным умом¹⁵⁶¹. Она знала арифметику, геометрию, астрономию и музыку; кроме того, она усвоила риторику и диалектику¹⁵⁶². В разных местах «Алексиады» она пишет о философии Аристотеля, Платона¹⁵⁶³ и неоплатонизма¹⁵⁶⁴. Среди известных ей произведений она упоминает «Органон» и приводит имена философов александрийской школы¹⁵⁶⁵. Знала Анна и древнегреческую литературу: она сорок четыре раза цитирует Гомера¹⁵⁶⁶, читала трагиков¹⁵⁶⁷ и Аристофана¹⁵⁶⁸. Ей были хорошо знакомы речи великих ораторов — Демосфена, Эсхина¹⁵⁶⁹ и Исократ¹⁵⁷⁰, а также сочинения

Пиндара и Сафо¹⁵⁷¹. Анна также знала греческую историю¹⁵⁷² и географию. Но в последней из этих наук ее познания были смутными и не очень точными, особенно касательно всего Подунавья: так, она путает Большую Преславу с одноименным городом на берегах Дуная¹⁵⁷³.

Анна изучала также искусства; она говорит о Фидии и Апеллесе¹⁵⁷⁴. Довольно обширны ее познания в богословии, она излагает доктрины разных ересей и иногда опровергает их¹⁵⁷⁵; знакомо ей и Священное писание¹⁵⁷⁶. В этих знаниях о религии нет ничего странного, ведь хорошо известно, насколько в чести при византийском дворе всегда были богословские изыскания, и можно вспомнить, что, описывая жизнь императорской семьи, Анна изображает Ирину и Алексея дискутирующими за столом об учении отцов церкви¹⁵⁷⁷.

Анна написала биографию отца, Алексея Комнина, и назвала свое произведение «Алексиадой». Свой труд она представила как продолжение биографии Алексея, которая была начата Вриеннием, но осталась незавершенной из-за смерти последнего. Тем не менее Анна пожелала создать полноценное произведение и поэтому не ограничилась тем, чтобы начать с места, где остановился муж. Она продолжила работу Вриенния и кратко изложила его четыре книги, сделав из них две первых книги «Алексиады».

Последняя была начата через долгое время после смерти Алексея, ведь Анна взялась за эту работу лишь после похода Иоанна Комнина в Сирию в 1137 г.¹⁵⁷⁸ Мне к тому же кажется вероятным, что Анна могла собирать материалы только после смерти ее брата Иоанна в 1143 г.; по крайней мере, на это как будто указывает одна фраза в «Алексиаде»¹⁵⁷⁹. Впрочем, это объясняется просто, если учесть, что в течение всего царствования брата Анна была почти узницей¹⁵⁸⁰, никого не видела и, следовательно, не могла бы обращаться в архивы Константинополя, предоставившие ей много сведений. С восшествием на престол Мануила Комнина участь Анны, похоже, была облегчена, и она могла начать работу над своим произведением. Оно было написано очень быстро, если в 1148 г. была уже готова книга XIV¹⁵⁸¹.

Анна Комнина также старалась стать как можно более осведомленной и использовала очень много источников¹⁵⁸². Немало подробностей сохранили ее личные воспоминания, но они не могли помочь ей в описании первых лет царствования Алексея, поскольку она родилась только в 1083 г. Я склонен полагать, что Анна не пользовалась своими воспоминаниями, повествуя о событиях до 1097 г. И, напротив, сделанное ею описание лагеря крестоносцев под Константинополем в этом году создает у меня впечатление рассказа очевидца. Эта гипотеза могла бы объяснить, почему в целом разделе десятой книги царит такая путаница.

Помимо собственных воспоминаний, Анна использовала целый набор устных сообщений бывших чиновников отца, самого Алексея и Георгия Палеолога¹⁵⁸³. Мне кажется вероятным, что большая часть сведений об осаде Диррахия Гвискардом и о войнах с печенегами исходит от Палеолога, которому Анна отводит очень важную роль в этих различных событиях. Рассказ о вступлении Алексея в Константинополь в ходе его мятежа, когда речь заходит об участии в этих событиях флота, похоже, принадлежит тому же Палеологу. Не исключено, что Анна воспользовалась и рассказами мужа, не раз сыгравшего значительную роль — например, во время осады Константинополя Готфридом Бульонским и во время пребывания Алексея в Филиппополе в 1114 г.

Анна обращалась и еще к одному очень важному источнику сведений о войне Алексея с Робертом Гвискардом. Она пишет о некоем Иоанне Барийском, который якобы участвовал в экспедиции Гвискарда и сообщил ей эти данные. Полагают, что Иоанн Барийский составил утраченную латинскую хронику, к которой обращался Вильгельм Апулийский. Сходство между некоторыми местами в «Алексиаде» и соответствующими местами у Вильгельма настолько разительно, что приходится допустить вместе с Вильмансом¹⁵⁸⁴, что Анна использовала этот латинский источник или по меньшей мере устные рассказы Иоанна Барийского.

К этим устным источникам надо добавить письменные, очень вероятно — мемуары или воспоминания бывших

соратников Алексея, которые, вероятно, записали их по просьбе Анны¹⁵⁸⁵.

Упомянем еще документы, найденные в константинопольских архивах. Анна получила доступ к разным административным актам отца. Назовем хрисовул¹⁵⁸⁶, которым Анне Далассине предоставлялось регентство¹⁵⁸⁷, а также переписку между Алексеем, его племянником Иоанном Комнином и жителями Диррахия в 1091 г.¹⁵⁸⁸ Анна использовала переписку отца с полководцами, например, письмо Льва Кефалы, который был осажден Боэмундом в Лариссе и просил у Алексея I помощи¹⁵⁸⁹, а может быть, также письмо Алексея Кантакузину с приказом оставить Лаодикею во время похода на Боэмунда 1105–1108 гг. и хрисовул за тот же период, назначавший Ошина, армянского князя Ламбронна, правителем Киликии¹⁵⁹⁰.

Кроме того, Анна использовала дипломатическую переписку отца с иностранными монархами. Эта категория документов включает: 1) на сюжет войны с Робертом Гвискардом — письма Алексея Герману, племяннику Гвискарда¹⁵⁹¹, Григорию VII, Гervasию, архиепископу Капуанскому¹⁵⁹², и императору Генриху IV¹⁵⁹³; 2) времен крестового похода — письмо Гуго Младшего Алексею с сообщением о своем скором прибытии¹⁵⁹⁴, письма Алексея графу Тулузскому, написанные в 1099 г. ради выдвижения притязаний на разные крепости в Сирии¹⁵⁹⁵, потом письмо, написанное в 1103 г. Боэмунду с требованием отдать Антиохию, и, наконец, ответ Боэмунда¹⁵⁹⁶; 3) письмо Малик-шаха, в котором тот предлагал Алексею союз и просил для своего сына руки одной из его дочерей¹⁵⁹⁷, и письмо, адресованное Кылыч-Арслану¹⁵⁹⁸.

К тому же Анна учла несколько договоров, заключенных отцом с венецианцами¹⁵⁹⁹, и договор, подписанный Боэмундом и Алексеем в сентябре 1108 г.¹⁶⁰⁰

Анна также не могла не ознакомиться с постановлениями соборов, осудивших Льва Халкидонского¹⁶⁰¹, Итала¹⁶⁰² и Нила¹⁶⁰³. Она не использовала новеллы отца, относившиеся к управлению церковью, но обращалась к актам, ныне утраченным, в силу которых Алексей основал сиротский приют и сделал разнообразные дары монастырям¹⁶⁰⁴.

Как Анна употребила эти разные источники? Она объединила все сведения, которые получила и нашла, чтобы создать целостное историческое повествование, а не просто, как Вриенний, собрала материал, чтобы биографию Алексея писал кто-либо другой.

«Алексиада» разделена на пятнадцать книг. Обе первых — просто краткое изложение текста Вриенния.

Книга III содержит рассказ о реалиях 1081 г. — восшествии Алексея I на престол, начале войны с норманнами, отношениях между греками и турками в Малой Азии.

Книга IV целиком посвящена подготовке к войне с Гвискардом и мерам, принятым Алексеем, чтобы организовать управление страной во время похода. Эта книга завершается поражением Алексея I под Диррахием в октябре 1081 г.

Книга V рассказывает о событиях 1082–1083 гг.: бедственном финансовом положении империи, завоеваниях Гвискарда, его возвращении в Италию, завоеваниях Боэмунда, деле Итала 1082 г.

Книга VI посвящена изгнанию норманнов, оставшихся на территории империи, в 1083 г., второму походу Гвискарда 1085 г., делам в Малой Азии по 1092 г. и началу войны с печенегами в 1086 г.

Книга VII и большая часть книги VIII рассказывают о войне с печенегами (1088–1091).

Почти вся книга IX посвящена разным походам Алексея на сербов с 1091 по 1093 г.

Книга X содержит рассказ о событиях 1095, 1096 и 1097 гг. (в 1097 г. — по май): деле ересиарха Нила, вторжении половцев, прибытии в Константинополь крестоносцев, их пребывании в столице.

Книга XI рассказывает о взятии Никеи и движении крестоносцев к Иерусалиму, потом о завоеваниях Алексея в Малой Азии в 1097 г., его отношениях с крестоносцами по 1104 г. включительно, его союзе с графом Тулузским и зарождении враждебности в отношениях между Боэмундом и греками. Надо отметить, что в этой книге, по крайней мере, в рассказе об отношениях Алексея и крестоносцев после взятия Антиохии, факты уже не расположены в хронологическом порядке,

а сгруппированы по сюжетам, повествующим о главных персонажах — графе Тулузском и Боэмунде.

Книга XII посвящена приготовлениям к войне с Боэмундом.

Книга XIII рассказывает о войне между Алексеем и князем Антиохии и завершается мирным договором, заключенным в сентябре 1108 г.

Книга XIV повествует о событиях в Малой Азии с 1108 по 1114 г., об отношениях Алексея с латинскими государствами Востока и о вторжении половцев.

Книга XV посвящена походам Алексея по Малой Азии и его последним дням.

По этому краткому анализу видно, что в целом Анна Комнина хотела соблюдать хронологический порядок, но фактически много раз отступала от него. В пяти первых книгах хронология довольно точна; самые серьезные ошибки: Анна отнесла поход греческого флота 1085 г. к 1082 г. (кн. V), а дело Итала, датируемое 1082 г., — к 1084 г.

Книга VI намного более запутана. Поначалу Анна старалась следовать хронологии: она рассказывает о походе отца на Касторию в ноябре 1083 г., а потом о событиях зимы 1084 г. Потом она возвращается к норманнам и говорит о событиях 1084–1085 гг. Но, рассказывая о временах с 1085 г., Анна начинает писать о турках и ведет рассказ о событиях в Азии по 1092 г. включительно — год, когда Кылыч-Арслан, оказавшись на свободе после смерти Малик-шаха, прибыл в Никею, чтобы вступить во владение наследием своего отца Сулеймана. Потом Анна возвращается назад и рассказывает о событиях 1086 г. Хронологию книг «Алексиады», посвященных войне с печенегами, я долго разбирал в другом месте; здесь я к ней возвращаться не буду¹⁶⁰⁵.

Книги IX и X с точки зрения хронологии не создают проблем.

Открывая книгу XI, мы вступаем в настоящий хаос. В шести первых главах этой книги Анна рассказывает о событиях крестового похода, от Никеи до взятия Антиохии; обо всем этом она хорошо осведомлена, но не о продолжении похода, что легко объяснимо, если учесть, что после ухода Татикия

никто из греков не сопровождал латинян; следовательно, Анна могла получать информацию с трудом и знала о дальнейших событиях лишь в общих чертах. Поэтому во всем, что не касается отношений между греками и крестоносцами, она допускает многочисленные и грубые ошибки. Например, она путает сражение при Рамле со сражением при Аскалоне и рассказывает, что Готфрид Бульонский попал в плен к египетскому султану. Чтобы понять главы 6 и 7 книги XI «Алексиады», надо вспомнить, что после взятия Антиохии самой значительной фигурой крестового похода для Алексея стал граф Тулузский, потому что между ними был заключен союз. Анна узнала об этих связях Раймунда и Алексея, и с тех пор личность графа приобрела для нее совершенно особую важность; она поместила фигуру этого князя в центр своего рассказа и собрала вокруг него, не считаясь с хронологией, все, что знала о его отношениях с Алексеем.

Вот в каком порядке надо расположить разные факты, описанные в главах 7 и 8:

- 1) переговоры Алексея и Раймунда о Лаодикее в 1099 г.;
- 2) поездка Раймунда в Константинополь;
- 3) крестовый поход 1101 г.;

4) осада Триполи и призыв Раймунда к Танкреду снять осаду Лаодикее. Последние события произошли, несомненно, после возвращения Раймунда, так как Танкред осадил Лаодиkeyю только в 1101 г., когда Раймунд уже более года как уехал.

В последних главах книги XI Анна Комнина использует тот же прием — не считаясь с хронологией, группирует факты вокруг фигуры Боэмунда. Так, прежде всего она говорит о письме Алексея Боэмунду, посвященном Лаодикее. А ведь это письмо датируется самое раннее 1103 г., коль скоро Лаодиkeyя была взята Танкредом только в 1102 г., а Боэмунд освобожден из плена только в 1103 г. Глава 10, как показал Куглер¹⁶⁰⁶, повествует о событиях 1099 г., а глава 11 — не о событиях следующего года, как утверждает Анна, а о событиях 1104 г.

Книги XII, XIII и XIV точны в хронологическом отношении. Однако надо указать, что посольство, упомянутое в главе 2 книги XIV¹⁶⁰⁷, имело место тогда же, когда и экспедиция,

упомянутая в главе 3¹⁶⁰⁸, а не раньше, на что вроде бы намекает текст.

Книга XV трудностей не создает. Однако надо отметить, что, говоря о процессе ересиарха Василия, Анна сгруппировала вокруг него все факты, имевшие отношение к богомилам, притом что некоторые из этих событий произошли более чем за двенадцать лет до указанной даты.

Насколько мы можем доверять «Алексиаде»?

Анна несколько раз заверяет, что намерена говорить правду и оставаться чуждой любым страстям, но это формальные фразы — здесь она, очень вероятно, следует примеру Фукидида.

Автора «Алексиады» сильно упрекали за ненависть к латинянам¹⁶⁰⁹. По «Алексиаде» ясно видно, что Анна испытывала к ним отвращение¹⁶¹⁰ и видела в крестоносцах не более чем врагов империи. Такую ненависть к латинянам извиняет тот факт, что Анна не была исключением, а только разделяла общие чувства греков. Я даже пойду дальше: можно сказать, что у нас нет никаких положительных оснований обвинять ее в клевете на латинян. Поведение крестоносных государей полностью оправдывает лексикон автора «Алексиады». Впрочем, Анна не совсем ослеплена страстями в этом отношении и умеет показать себя беспристрастной, коль скоро графа Тулузского она тщательно отделяет от остальных крестоносцев.

Я адресую Анне более суровый упрек: она сознательно и намеренно упустила из виду целый пласт внутренней истории Византии, обойдя молчанием все темные и малопочтенные интриги, в которых приняли участие ее мать и она сама в связи с наследованием престола Алексея. В «Алексиаде» Анна выглядит гордой своим родом, своим воспитанием, своим положением; очевидно, что она воспринимала себя как женщину совершенно выдающуюся, имеющую высшее предназначение. Поэтому она так и не простила брата за то, что он занял место, которое полагала себя вправе занимать она. Суровые меры, которые темные интриги Анны вынудили принять Иоанна Комнина, когда Алексей умирал, лишь усилили ненависть сестры к брату. В монастыре, куда ее удалили, Анна, должно быть, любила вспоминать тот блистательный

период, когда делила с матерью радости власти¹⁶¹¹. Для нее писать историю отцовского царствования значило некоторым образом писать собственную историю и заново переживать былые дни. Это чувство, конечно, сильно сказалось на композиции «Алексиады»; именно им объясняется полное молчание, хранимое автором в отношении Иоанна Комнина, хоть судьба последнего с 1092 г. была связана с судьбой империи. Анна упоминает брата между делом, но ни о чем, что касается его, никогда не распространяется. В ходе письма она утешалась воспоминаниями о прошлом, но бедственное положение тем не менее ожесточало ее¹⁶¹². Чтобы продемонстрировать несправедливость судьбы, которая ее постигла, она пытается изобразить себя в как можно более выгодном свете и умалчивает обо всем, что могло бы повредить ей в глазах читателя. Так, она мимоходом отмечает, что брат короновался, когда Алексей был еще жив, но не говорит ни слова о причинах такой спешки Иоанна¹⁶¹³.

В какой-то мере Анну можно упрекнуть в том, что она иногда впадает в неумеренные восхваления¹⁶¹⁴. Автор «Алексиады» хотел представить отца героем. Всякий раз, когда побежденный Алексей вынужден обратиться в бегство, дочь приписывает ему тысячу чудесных подвигов; это некий шаблон, применяющийся постоянно. Из тех же соображений Анна обходит молчанием некоторые слишком ловкие поступки отца — например, не говорит ни слова о начатых им переговорах с турками о выкупе плененного ими Боэмунда.

За пределами этих намеренных умолчаний Анна Комнина информирована очень хорошо: она старалась быть как можно более осведомленной, и во всем, что касается внешних событий, ее сведения чаще всего согласуются со сведениями, которые мы получили из других источников. Поэтому, несмотря на высказанные выше критические замечания, ценность «Алексиады» остается высокой, и можно сказать вместе с Крумбахером, что это один из лучших исторических источников Средневековья¹⁶¹⁵.

С точки зрения стиля «Алексиада» написана очень изысканно. Во введении Анна пишет, что старалась достичь полной чистоты аттицизма, а в другом месте извиняется, что

называет имена варваров, то есть латинян¹⁶¹⁶. «Анну можно упрекнуть в некоторой аффектации, побуждающей ее слишком часто применять риторические фигуры. Можно осудить и некоторый педантизм, выраженный в чрезмерном обилии цитат из древних авторов. Но эти изъяны весьма незначительны рядом с вдохновением и жаром, которые одушевляют почти каждую страницу “Алексиады” и не дают затухать интересу к повествованию. Читая произведение Анны, понимаешь, как ошиблась г-жа де Севинье, написавшая в одном из своих писем: “Мы читаем историю императоров Востока, написанную юной принцессой, дочерью императора Алексея; эта история занимательна”¹⁶¹⁷. Юной принцессе было шестьдесят пять лет».

Итак, «Алексиаду» можно рассматривать как «первое большое произведение эллинского Возрождения, начавшегося с пришествием Комнинов, чтобы завершиться с уходом Палеологов»¹⁶¹⁸.

Лакуны, только что отмеченные нами в труде Анны Комниной, удачно заполняет другая хроника — Зонары.

Иоанн Зонара, занимавший высокую должность, а именно главы императорской канцелярии, позже удалился в монастырь на Принцевых островах¹⁶¹⁹. Он был автором всемирной истории, заканчивающейся смертью Алексея Комнина. Здесь я займусь только последней частью этого труда. Зонара, рассказывая о событиях, свидетелем которых он был, счел нужным сделать конец своего труда соразмерным началу, и царствование Алексея у него не занимает ощутимо больше места, чем царствования других василевсов. Согласно Крумбахеру, Зонара должен был завершить свою хронику между 1143 и 1155 гг.

Главным источником Зонары по всему царствованию Алексея стало произведение Анны Комниной. Но у него «Алексиада» подверглась чрезвычайно сильному сокращению. Так, все, что Анна пишет о мятеже Чахи, Зонара вмещает в шесть строк. Чем интересен Зонара применительно к истории Алексея, так это дополнительными сведениями по отношению к «Алексиаде». Благодаря своему положению автор мог многое знать, и он раскрывает все интриги, ареной которых был

Святой дворец. Он сообщает подробности о семье Алексея и о детях василевса¹⁶²⁰, о правлении Анны Далассины, об отношениях между Алексеем и женой¹⁶²¹, об интригах Ирины и Анны Комниной¹⁶²² и о суровости власти Алексея¹⁶²³.

Для периода, которым мы занимаемся, именно эти подробности составляют всю ценность хроники Зонары, которую следует рассматривать как необходимое дополнение к «Алексиаде».

К хронике Зонары надо присовокупить хронику Глики, жившего в конце XII в.¹⁶²⁴ Глика был автором всемирной хроники, заканчивающейся смертью Алексея Комнина. Это произведение вызывает мало интереса, так как для периода, которому посвящен наш сюжет, представляет собой просто краткий пересказ Зонары без добавления каких-либо личных сведений.

Чтобы покончить с греческими хрониками, упомянем еще одно анонимное произведение XIII в., которое опубликовано недавно и приводит некоторые подробности¹⁶²⁵.

К этим различным источникам надо добавить тексты Феофилакта, который был при Алексее архиепископом Болгарским, давшие много ценных сведений о состоянии провинций в ту эпоху.

О жизни Феофилакта мы знаем очень мало. Вероятно, он родился на Эвбее¹⁶²⁶; он был диаконом св. Софии и стал наставником Константина, сына Михаила VII. Последнее событие Крумбахер относит к 1071–1078 гг. Он добавляет, что Феофилакт стал архиепископом Болгарским в 1078 г.¹⁶²⁷ Эти датировки кажутся мне неприемлемыми. В самом деле, с одной стороны, архиепископ Болгарский в 1080 г. именовался Иоанном Аином и сменил архиепископа, тоже носившего имя Иоанн¹⁶²⁸; с другой стороны, сын Михаила VII родился в 1074 г.¹⁶²⁹, и мне представляется невероятным, чтобы к ребенку, которому еще не было четырех лет, приставили воспитателя. Кроме того, занятия, которые Феофилакт описал в «Трактате об императорском воспитании», подобают ребенку четырнадцати-пятнадцати лет. А ведь, как мы увидим, именно таким был возраст Константина, когда Феофилакт сочинил «*Παιδεία βασιλική*»¹⁶³⁰.

Мы знаем из «Алексиады»¹⁶³¹, что Константин, обрученный с Анной Комниной, был соправителем Алексея в империи¹⁶³². Через несколько лет, очень вероятно — незадолго до 1092 г., когда короновался Иоанн Комнин¹⁶³³, Константин утратил свое положение¹⁶³⁴.

Незадолго до него, в 1090 г. (?), в немилость попала его мать. Согласно Зонаре, между опалой Марии и опалой Константина прошло некоторое время¹⁶³⁵. А ведь именно в этот промежуток времени и был написан трактат Феофилакта об императорском воспитании. Действительно, в этом произведении мы видим, что Константин — еще соправитель василевса, а его мать — в монастыре, где носит власяницу и черное покрывало¹⁶³⁶. Значит, произведение было написано около 1090 г. и к тому времени Феофилакт еще не был архиепископом, он был просто учителем Константина и жил в Византии¹⁶³⁷. Сведения, какие нам дает об этом «*Παιδεία βασιλική*», согласуются с данными, какие мы находим в другом сочинении архиепископа — речи, обращенной к Алексею Комнину, дата которой не определена, но которую можно заключить в довольно тесные хронологические рамки¹⁶³⁸.

В этой речи Феофилакт намекает на Иоанна Комнина, сына Алексея, и говорит, что тот еще не коронован¹⁶³⁹. А ведь коль скоро Иоанн родился в 1088 г. и был коронован в 1092 г., то данная речь должна была произноситься в интервале между этими двумя датами. С другой стороны, архиепископ намекает на договор, заключенный с печенегами. Речь, конечно, идет о договоре, заключенном в 1089–1090 гг. Я очень склонен еще уточнить дату и допустить, как это сделал Васильевский, что речь Феофилакта была произнесена 6 января 1090 г.¹⁶⁴⁰ Действительно, византийский этикет требовал, чтобы в этот день ежегодно перед императором и его двором произносилась речь¹⁶⁴¹.

Должно быть, Феофилакт тогда был магистром риторов; функции, которые он выполнял, нам известны по одному из его писем¹⁶⁴², и он как будто намекнул на них в конце одной из своих речей¹⁶⁴³. Вполне естественно, что в этом качестве его пригласили выступить по этому торжественному поводу.

Следовательно, архиепископом Болгарским Феофилак-та назначили только после января 1090 г. На мой взгляд, это должно было произойти в течение 1090 г. или в самом начале 1091 г., поскольку одно из писем, написанное из его епархии, определено посвящено событиям 1091 г.¹⁶⁴⁴

Благодаря пребыванию Феофилак-та в своей епархии мы располагаем целым комплектом очень интересных писем. Но изданы эти письма очень плохо, и расположить их в хронологическом порядке почти невозможно.¹⁶⁴⁵ Мерсиус опубликовал их 75, Лами — 36 и Финетти — 20. Три этих сборника воспроизведены в «Греческой патрологии» Миня, в т. 126.

Три этих собрания позволяют предположить, что существовало три разных рукописи, записанных, похоже, независимо друг от друга¹⁶⁴⁶. Современные издания содержат значительные лакуны и многочисленные ошибочные прочтения. Я смог воспользоваться уточнениями, предложенными г-ном Успенским в ватиканских греческих рукописях №№ 509 и 452¹⁶⁴⁷.

Большинство событий, на которые Феофилакт намекает в письмах, относятся к 1091–1108 гг. Эта переписка очень любопытна, потому что дает множество сведений на самые разные темы: соперничество между греками и болгарами, прохождение крестовых походов, трудности в отношениях между архиепископом и сборщиками налогов и т. д. Благодаря многочисленным характерным штрихам, которые мы здесь находим, мы приобщаемся к целому пласту сведений о византийской администрации, ранее плохо известному.

Феофилакт был автором и многих богословских трудов¹⁶⁴⁸. Упомяну только его знаменитое послание о заблуждениях латинян, написанное между 1091 и 1108 г.: ведь когда он его писал, он уже был архиепископом Болгарии¹⁶⁴⁹. У нас нет ни одного письма Феофилак-та, сообщающего о событиях, которые происходили позже 1108 г.; таким образом, вероятно, архиепископ Болгарский к тому времени уже умер.

Переписка Феофилак-та создает очень благоприятное впечатление о нем. Похоже, этот прелат был очень просвещенным и довольно хорошо знал Античность. Древние источники, использованные им в «Παίδεία βασιλική», изучил г-н Прехтер¹⁶⁵⁰. Они достаточно многочисленны и свидетельствуют о высокой

культуре. Главное, Феофилакт имел важное достоинство: в столь жгучем вопросе, как отношения между греческой и латинской церквями, он проявлял большую терпимость и немалую широту взгляда. Его многочисленные ссоры с налоговой администрацией, какие обнаруживает переписка, показывают архиепископа Охридского в куда менее выгодном свете. Из них ясно следует, что Феофилакт не только пытался защитить прерогативы своей церкви, но еще и старался обмануть сборщиков налогов, прибегая ко всевозможным приемам. Скажем так: в оправдание этого можно сослаться на суровость византийской финансовой администрации.

Чтобы покончить с повествовательными греческими источниками, упомяну еще два произведения.

Первое — очень любопытный труд Иоанна, патриарха Антиохийского¹⁶⁵¹. Это речь, осуждающая усвоенный императорами обычай давать мирянам монастырские владения в качестве бенефициев. Котелье¹⁶⁵² полагал, что Иоанн жил в середине XII в. На мой взгляд, автора надо идентифицировать как Иоанна IV, патриарха Антиохийского во время первого крестового похода¹⁶⁵³, потому что автор речи определенно был современником Алексея Комнина. Действительно, в этой речи говорится, что Бог, дабы наказать императоров за нечестивое поведение, наслал на них вторжения турок, печенегов, половцев, франков, случилось и страшное землетрясение. А ведь намеки на такие факты соответствуют только царствованию Алексея Комнина, и все эти события мы обнаруживаем в 1090–1097 гг. К тому же после 1091 г. Византии уже можно было не опасаться вторжений печенегов. Следовательно, г-н Ферраду¹⁶⁵⁴ ошибочно отнес этот текст к XII в., притом что уже Уден¹⁶⁵⁵ определил его вероятную датировку — конец XI в.

Много сведений о положении афонских монахов и их отношениях с Алексеем и патриархом мы находим в своде, составленном из текстов нескольких авторов — монахов с Афона. Этот труд интересен тем, что в его состав входит несколько писем и актов¹⁶⁵⁶.

Б) Латинские источники. — Латинские источники в некоторых отношениях дополняют греческие источники о царствовании Алексея Комнина.

Два основных автора, давшие сведения о норманнской войне, — это Вильгельм Апулийский и Готфрид Малатерра.

Вильгельм Апулийский написал «Историческую эпическую поэму в пяти книгах о деяниях норманнов на Сицилии, в Апулии и Калабрии»¹⁶⁵⁷. К нашему сюжету имеют отношение только последние книги. Для рассказа о походе Гвискарда Вильгельм Апулийский использовал утраченный латинский источник, которым, очень вероятно, была хроника Иоанна Баррийского¹⁶⁵⁸. Вспомним, что эту книгу держала в руках и Анна Комнина. Чтобы признать, что этот общий источник существовал, достаточно прочесть рассказ о сражении при Диррахии в «Алексиаде» и у Вильгельма: в одном и том же порядке приводятся одни и те же детали.

Вильгельм Апулийский писал по просьбе Рожера, сына Гвискарда, и мог использовать устные рассказы. Занимался он почти исключительно Гвискардом и поэтому о походе Боэмунда в Фессалию (1083–1084) приводит очень мало подробностей.

Рядом с трудами Вильгельма Апулийского надо поставить «Историю Сицилии»¹⁶⁵⁹ Готфрида Малатерры, тоже очень хорошо осведомленного обо всем, что касалось Роберта Гвискарда.

Малатерра и Вильгельм Апулийский — важнейшие латинские источники по войне Алексея с Гвискардом, намного более важные, чем остальные; однако некоторые сведения можно найти в южноитальянских хрониках, например, у Баррийского анонима, чья хроника послужила Лупу Протоспафарию источником, а также у самого Лупа Протоспафария, вдохновлявшегося предыдущим сочинением. «Хроника» Ромуальда Салернского, хоть и написанная позже, тем не менее дает некоторые полезные данные¹⁶⁶⁰.

Для изучения отношений Алексея с сербами у нас, помимо сведений из «Алексиады», есть только хроника анонимного автора, известного под именем «поп Дуклянин». Это очень посредственный труд, написанный в середине XII в. и дошедший до нас с некоторыми переработками. По крайней мере, таково мнение Рачки¹⁶⁶¹. Согласно г-ну Петрову, эта хроника появилась не раньше XIII в.¹⁶⁶²

Латинские источники о первом крестовом походе намного обширней и предоставляют многочисленные сведения об отношениях Алексея и крестоносцев¹⁶⁶³.

«Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum» [Деяния франков и прочих иерусалимцев (*лат.*)] анонимного автора — лучшая работа, написанная о первом крестовом походе современниками¹⁶⁶⁴. Это произведение охватывает период с 1095 по 1099 г. (август). Известно, что оно существовало уже в 1101 г., когда Эккехард из Ауры, находясь в Иерусалиме, видел его и сделал с него список.

Автор был рыцарем, входившим в состав отрядов из Южной Италии. До Антиохии он сопровождал итало-норманнов, потом, желая прежде всего выполнить обет, проследовал с графом Тулузским и провансальцами до Иерусалима. Он описывал события почти день в день и, должно быть, посылал отрывки своего произведения к себе в страну как сводки.

Автор «Деяний» дает сведения об отношениях крестоносцев с греками только до своего прибытия в Антиохию. Во время марша на Иерусалим о греках он молчит. Это молчание можно объяснять по-разному. Может быть, автор постеснялся рассказывать о не слишком лояльном поведении крестоносцев? Мне кажется более вероятным, что причиной молчания было просто-напросто его неведение. Автор «Деяний», не принадлежащий к числу вождей, вполне мог ничего не знать о переговорах, которые происходили между Алексеем и вождями крестового похода.

«Деяния» ценны тем, что дают возможность для критики рассказов Альберта Ахенского о крестовых походах Петра Пустынника и Готфрида Бульонского. Автор, на мой взгляд, дает достаточно точную версию отношений между крестоносцами и греками, выражая мнение обычного воина. Он враждебно относится к грекам из-за того, что они затеяли ссоры с латинянами. Так, он бездоказательно обвиняет Алексея в том, что тот якобы радовался поражению отрядов Петра Пустынника; впрочем, к последним он проявляет довольно мало благосклонности. Во всей первой части он часто сопровождает имя василевса оскорбительными определениями. Начиная с Nikeи он более беспристрастен и признает реальные

услуги, оказанные тогда Алексеем крестоносцам. В целом «Деяния» важны для изучения как отношений между греками и латинянами, так и всей истории первого крестового похода.

Существуют четыре редакции «Деяний». Первоначальная редакция — анонимная, изданная в «Collection des Historiens des Croisades» [Коллекции историков крестовых походов (*фр.*)] под заглавием «Tudebodus abbreviatus» [Сокращенный Тудебод (*лат.*)]. Из этой версии проистекают: 1) две редакции, приписываемые Петру Тудебоду, священнику из Сивре¹⁶⁶⁵; 2) редакция, опубликованная Мабильоном под названием «Historia belli sacri» [История священной войны (*лат.*)]¹⁶⁶⁶ и переизданная в Коллекции историков крестовых походов как «Tudebodus imitatus et continuatus» [Подражание Тудебоду и его продолжение (*лат.*)]¹⁶⁶⁷.

Последняя редакция — единственная, которая предоставила некоторые детали в дополнение к анонимным «Деяниям».

Раймунд Ажилский, автор «Historia Francorum qui ceperunt Jerusalem» [Истории франков, которые взяли Иерусалим (*лат.*)], сопровождал в крестовом походе графа Тулузского, капелланом которого был. Сочинение Раймунда оценили очень по-разному¹⁶⁶⁸. Полен Парис считает автора «опасным фальсификатором и неумелым фанатиком», а Клейн хотел доказать, что это был просто лжец. Более проникновенен был Зибель, увидевший в этом сочинении оправдательную записку с целью обосновать обретение Святого копья. Действительно, если верить Фульхерию Шартрскому, очень похоже, что в этом эпизоде крестового похода Раймунд сыграл странную роль. Как бы то ни было, думаю, в отношении Раймунда Ажилского историки проявили чрезмерную суровость. Его хроника представляет ценность в том смысле, что позволяет узнать об основных событиях крестового похода, и ценность в более узком смысле — для настоящего сочинения. Раймунд приводит много подробностей об отношениях Алексея и латинских вождей, и в этом плане его рассказ делится на две части. В первой, до взятия Антиохии, автор испытывает откровенную враждебность к Алексею¹⁶⁶⁹. Ясно видно, что он лишь выражает недовольство Раймунда Тулузского

греческим императором. Начиная со взятия Антиохии, то есть с момента, когда усилившиеся трения между Боэмундом и графом Тулузским побудили последнего сблизиться с Алексеем, рассказ Раймунда Ажильского становится в отношении греков более сдержанным. Раймунд не возносит им хвалу, но беспристрастно рассказывает о фактах. Как человек, приближенный к графу Тулузскому, он мог быть хорошо осведомлен: он сообщает много подробностей о том, что происходило на совете крестоносцев. Именно благодаря ему мы знаем о посольстве, которое Алексей отправил к крестоносцам в 1099 г. и о котором не говорит больше ни один источник.

В лице Фульхерия Шартрского¹⁶⁷⁰ мы обращаемся к последнему из авторов, которые были очевидцами первого крестового похода; Фульхерий написал «Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим»¹⁶⁷¹. Он присутствовал на Клермонском соборе и отправился в крестовый поход с Робертом Короткие Штаны и Стефаном Блуаским. Он стал капелланом Балдуина, брата Готфрида Бульонского, которого сопровождал в его Эдесское княжество. Его сочинение содержит рассказ о событиях до 1127 г. Труд Фульхерия очень важен: это единственный автор, излагающий настоящую причину крестового похода — замысел Урбана II установить в Европе мир, отправив феодалов, помышлявших только о внутренних распрях, сражаться с мусульманами. Кроме того, Фульхерий, на мой взгляд, — самый объективный автор по отношению к грекам. Он вполне понял истинное положение Алексея и крестоносцев; он увидел, что они ничего не могли без помощи императора. В его работе мы нигде не найдем и следа ненависти к грекам.

Данные из трех источников, только что рассмотренных мной, были использованы и смешаны с другими в сочинениях Роберта Монаха, Гвиберта Ножанского и Бальдерика Бургейльского¹⁶⁷², текстах, широко распространившихся с самого их появления. На этих трех авторах, не сообщивших ничего об отношениях греков и крестоносцев, потому что у них нет об этом никаких оригинальных сведений, я особо останавливаться не буду.

Рауль Канский, автор «Деяний Танкреда, короля Сицилии, в Иерусалимском походе с самого начала священной войны» (*Gesta Tancredi Siciliae regis in expeditione Hierosolymitana ab ipso belli sacri exordio*)¹⁶⁷³, уже не был очевидцем первого крестового похода. Однако его труд представляет больше интереса, чем предыдущие сочинения. В самом деле, Рауль Канский писал историю похода с 1096 по 1108 г. по рассказам Танкреда, сыгравшего тогда важную роль. В результате это произведение приводит многочисленные подробности об отношениях крестоносцев и греков и о трудностях, которые возникли в отношениях Танкреда и Алексея.

Теперь мы переходим к труду, влияние которого на формирование легенд о первом крестовом походе было значительным, — к «Книге о христианском походе с целью освобождения, очищения и восстановления святой Иерусалимской церкви» (*Liber christianae expeditionis pro ereptione, emundatione et restitutione sanctae Hierosolymitanae ecclesiae*)¹⁶⁷⁴, написанной Альбертом Ахенским. Действительно, это произведение было главным источником для «Иерусалимской истории» Вильгельма Тирского, которую до середины этого века считали лучшим рассказом о первом крестовом походе. Зибель первым оспорил ценность этого источника, которым при создании своей «Истории первого крестового похода» почти не пользовался. Его теории при всей их справедливости были приняты не всеми и подверглись сильным нападкам, особенно в Германии.

Об Альберте Ахенском мы знаем мало. Он был каноником в Ахене. На Восток он не ездил никогда, хотя испытывал такое желание; в качестве компенсации он решил «*memoriae commendare quæ auditu et relatione nota fierent ab his qui præsentibus affuissent*»¹⁶⁷⁵ [записать для памяти то, что услышал, сообщенное теми, кто там побывал (*лат.*)]. Рассказ доходит до 1121 г. и резко обрывается на этом годе. Каноник Бок¹⁶⁷⁶, с которым согласился Ваттенбах¹⁶⁷⁷, идентифицировал автора «Истории» как ахенского каноника, умершего 18 января 1192 г. Г-н Мейер выступил против этого утверждения и показал, что Альберт, очень вероятно, жил «во время крестового похода,

так что трудно допустить, чтобы он мог жить в конце XII в.»¹⁶⁷⁸. Больше об Альберте Ахенском нам ничего не известно.

В посвященном ему исследовании Зибель показал, что у этого автора есть некоторые полезные подробности о первых походах крестоносцев, о походах Готшалка и Эмиха, но все, что касается самого крестового похода как такового, изобилует фактическими ошибками и путаницей, поэтому он рассматривает Альберта Ахенского как второразрядный источник, при пользовании которым все следует проверять¹⁶⁷⁹.

Г-н Хагенмейер в работе о Петре Пустыннике продемонстрировал, что Альберт использовал письменные источники, вероятно, поэтические. Какие — точно сказать нельзя, потому что, как отметил г-н Мейер¹⁶⁸⁰, один из элементов сравнения, песнь о деяниях, отсутствует, а черты сходства, какие мы находим между текстом Альберта и «Песнью об Иерусалиме» Грендора из Дуэ, не позволяют сделать однозначного вывода. Грендор, несомненно, использовал «Песнь об Антиохии» Ришара Пилигрима, но поскольку он жил позже Альберта, он вполне мог воспользоваться и текстом последнего.

Г-н Куглер¹⁶⁸¹ попытался реабилитировать Альберта Ахенского и показать, что тот, помимо второразрядных устных данных, использовал письменный источник — сочинение лотарингца, находившегося на службе у Готфрида Бульонского. Автору этой теории сделали обоснованный упрек¹⁶⁸²: г-н Куглер исходит из «гипотезы о существовании дневника лотарингского крестоносца, откуда якобы списывал Альберт Ахенский», из гипотезы, которой он объясняет всё, но дневника он так и не предъявил.

Надо ли вместе с Зибелем отрицать всякую ценность сочинения Альберта? Или следует вместе с Куглером принять на веру все, чему не противоречат другие источники? На мой взгляд, оба автора слишком категоричны. Текстом Альберта Ахенского пользоваться можно, но осмотрительно — факты, которые он приводит, чаще всего сами по себе верны, но ложны в контексте, в какой их включает автор: «Альберту недостает точности, и он склонен к рассказам о чудесах, но он скорее доверчив, чем сознательно выдумывает или лжет»¹⁶⁸³. Всякий раз, когда я мог сравнить рассказ Альберта с другим

источником, я обнаруживал определенное совпадение в основных событиях. То есть Альберт был достаточно хорошо осведомлен; но большинство его источников имело немецкое происхождение, и отсюда у него тенденция сверх меры преувеличивать роль Готфрида Бульонского, некоторым образом делая из него героя, которому было предначертано свыше освободить Святую землю.

Альберт пользовался разными источниками, но не всегда брал на себя труд сверить и согласовать их; отсюда многочисленные противоречия, которые можно найти в его рассказе¹⁶⁸⁴; к тому же он часто приукрашивал сведения, которые получал. Впрочем, он умел показать себя беспристрастным по отношению к грекам, он признавал услуги, оказанные Алексеем¹⁶⁸⁵, с которого позаботился снять обвинения, предъявленные после уничтожения отрядов в 1101 г. Поэтому, несмотря на многочисленные недостатки, на неточности в хронологии, хронике Альберта Ахенского не следует априори отказывать во всякой ценности — ее надо использовать с осторожностью.

Эккехард из Ауры¹⁶⁸⁶, сначала монах в Корвее, позже аббат монастыря св. Лаврентия в Урахе, или Ауре, отправился в поход в 1101 г. Он оставил нам «Hierosolymita» [Иерусалимца (*лат.*)]¹⁶⁸⁷, написанного между 1114 и 1117 г. Самая интересная часть этого произведения — та, где автор рассказывает о событиях, которым был свидетелем. Эккехард проявляет себя довольно легковерным, принимая на веру все слухи, ходящие в лагере крестоносцев, и он откровенно враждебен по отношению к Алексею. Что касается событий, случившихся до его приезда, он интересуется прежде всего теми, ареной которых в 1099 г. стала Лаодикея. В этой части его рассказ следует дополнить с помощью рассказа Ордерика Виталия.

«Liber de liberatione civitatum Orientis» [Книга об освобождении городов Востока (*лат.*)]¹⁶⁸⁸ генуэзца Каффарио дала нам некоторые сведения о событиях, случившихся в Сирии после взятия Иерусалима.

До нас дошло большое количество писем о первом крестовом походе, и эти документы очень ценны для знакомства с событиями. Упомяну письма Стефана Блуаского жене, особенно важные в том смысле, что позволяют узнать мнение вождей

крестового похода, благосклонно относившихся к Алексею, письмо Ансельма из Рибемона к Манассии с любопытными данными о роли греков в никейских событиях, а также несколько посланий крестоносных вождей папе, написанных в разное время. Все эти письма были изучены графом Рианом в его «Критическом перечне исторических писем о крестовых походах»¹⁶⁸⁹.

Первый крестовый поход вызвал к жизни целую поэтическую литературу. Большинство этих историй лишены всякого исторического основания, и в «Пленниках» или «Рыцаре с лебедем» искать нечего. Однако надо сделать исключение для «Песни об Антиохии», сочинения Ришара Пилигрима, от которой до нас дошла только переработка конца XII в., сделанная Грендором из Дуэ. «Песнь об Антиохии» дает очень полезные сведения о жизни народа в лагере крестоносцев, о бродягах, следовавших за армией, об организации снабжения и т. д.¹⁶⁹⁰

В) Восточные источники. — Восточные писатели говорят об отношениях между греками и турками с 1085 г. лишь между прочим. С тех пор как на Востоке обосновались крестоносцы, эти авторы уже совсем не интересовались византийцами и их войнами с султаном Икония и сообщали сведения только о Сирии и латинских государствах. Впрочем, узнать восточную версию событий крестового похода очень интересно. Арабские авторы, хоть и были очень ревностными мусульманами, не испытывали к христианам той ненависти, какую можно было бы предположить. Большинство из них жило позже первого крестового похода, писали они в конце XII или в начале XIII в., но пусть они и не были современниками событий, их труды имеют большое значение, поскольку эти авторы очень часто довольствовались сортировкой выдержек из старинных хроник, прилежно переписывая их.

Среди восточных источников данных о первом крестовом походе одно из первых мест должна занимать хроника Матфея Эдесского¹⁶⁹¹. Автор был уроженцем Эдессы; дату его рождения мы не знаем. Умер он заведомо после 1136 г., на котором останавливается его хроника. Предполагают, что он погиб во время взятия Эдессы в 1144 г. Имад ад-Дином Зенги, эмиром Мосула. Хроника Матфея Эдесского начинается

с 952 г. Матфей Эдесский мог быть хорошо осведомленным обо всем периоде, который интересует нас, и его произведение обладает реальной ценностью.

Бар-Эбрей, или Абу-ль-Фарадж, родился в Мелитене; жил он в конце XIII в.¹⁶⁹² Он был автором всемирной истории, написанной на сирийском языке. Для конца XI в. это произведение имеет реальную значимость, поскольку он пользовался надежными источниками, а именно хроникой Михаила Сирийца¹⁶⁹³, сирийская версия которой, кстати, сохранившаяся, издана еще не целиком.

Ибн аль-Асир¹⁶⁹⁴ — автор двух важных произведений: «Истории атабеков Мосула» и большой хроники «Аль-Камиль фи-т-тарих»¹⁶⁹⁵. Он был сыном правителя Мосула, родился в 1160 г. и умер в 1233 г. Оба этих произведения очень важны. В истории атабеков и в хронике некоторые места совпадают, но многочисленные подробности, относящиеся к первому крестовому походу, можно найти только в первом из текстов.

Абу-ль-Фида (1273–1331)¹⁶⁹⁶ составил длинные анналы путем заимствований из текстов более ранних историков, текстов, ныне отчасти утраченных. По первому крестовому походу он многое взял у ибн аль-Асира.

Некоторые сведения есть также в «Сливках истории Халеба» Камалю ад-Дина (1192–1262 [?]), у Абу-ль-Музаффара, ибн Хальдуна, ибн Халликана и ибн Муяссара¹⁶⁹⁷.

ЛИТЕРАТУРА

Abou'l Modaffer Youssouf Ibn Kizoghlou. См. *Sibt ibn al-Jawzi.*

Abu-'l-Fida Ismail Ibn-Ali. *Abvlfedae annales Mvslemici, Arabice et Latine / opera et stvdiis I. I. Reiskii, svmtibus atqve avspiciis P.F. Svhmii. Nvnc primvm edidit I.G.Ch. Adler. Hafniae: Proft; Thiele, 1789–1795. 5 t.*

Abu-'l-Fida Ismail Ibn-Ali. *Géographie d'Aboulféda / texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par J.T. Reinaud... et W. Mac Guckin de Slane. Paris: Imprimerie Royale, 1840.*

Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana / coll. et ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae: Gerold, 1860–1890. 6 t.

Albertus Aquensis. *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux.* Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 4. 1879. P. 265–714.

Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria / publiée par le P. Riant. Genevae: I. G. Fick, 1879.

Al-Makīn Jirjis Ibn al-'Amīd. *Historia saracenicā / latine reddita opera ac studio Th. Erpenii. Lugduni Batavorum: ex typographia Erpeniana linguarum orientalium, 1625.*

Anecdota syriaca / collegit, edidit, expliciuit J. P. N. Land. Lugduni Batavorum: apud E. J. Brill, 1862–1875. 4 t.

Anna Comnena. *Annae Comnenae Alexiadis libri XV // Graeca ad codd. fidem nunc primum recensuit, novam interpretationem latinam subiecit, C. Ducangii commentarios suasque annotationes addidit L. Schopenus. Bonnae: E. Weber, 1839–78. 2 t. [Русский перевод: Анна Комнина. Алексиада / пер. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965.]*

Annales Beneventani a. 788–1130 // Scriptores. MGH / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. III: Annales, chronica et historiae aevi Saxonici. 1839. P. 173–185.

Annales Januae a. 1099–1294 // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. XVIII: *Annales aevi Suevici*. 1863. P. 1–356.

Annales Mellicenses a. 1–1123 // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. IX: *Chronica et annales aevi Salici*. 1851. P. 479–843.

Annalista Saxo a. 741–1139 // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. VI: *Annales, chronica et historiae aevi Saxonici*. 1844. P. 542–777.

Ardzrouni T. Histoire des Ardzrouni. Saint-Pétersbourg: Impr. de l'Académie impériale des sciences, 1874. [Collection d'historiens arméniens. 1.]

Armingaud J. Venise et le Bas-Empire: histoire des relations de Venise avec l'empire d'Orient depuis la fondation de la république jusqu'à la prise de Constantinople au XIIe siècle // *Archives des missions scientifiques et littéraires*. 4/2 (1868). P. 299–443.

Attaliata Michael. Ἱστορία = Michaelis Attaliothae Historia / opus a W. Bruneto de Presle inventum descriptum correctum recognovit I. Bekkerus. Bonnae: Weber, 1853.

Baluze É. Miscellanea novo ordine digesta et non paucis ineditis monumentis opportunisque animadversionibus aucta opera ac studio Joannis Dominici Mansi Lucensis. Lucae: Vincentius Junctinius, 1761–1764. 4 t.

Banduri A. M. Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae. Parisiis: J. B. Coignard, 1711. 2 t.

Bar Hebraeus. Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chronicon Syriacum / e codicibus Bodleianis descripsit, maximam partem vertit, notisque illustravit P. J. Bruns; edidit, ex parte vertit, notasque adiecit G. G. Kirsch. Lipsiae: Boehm, 1789.

Batiffol P. Chartes byzantines inédites de Grande Grèce // *Mélanges d'archéologie ed d'histoire de l'École française de Rome*. 10 (1890). P. 98–111.

Batiffol P. L'abbaye de Rossano: contribution à l'histoire de la Vaticane. Paris: Picard, 1891.

Bernoldi chronicon // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. V: *Chronica et annales aevi Salici*. 1844. P. 385–467.

Beugnot A. A. Mémoire sur le régime des terres dans les principautés fondées en Syrie par les Francs à la suite des croisades // Bibliothèque de l'École des chartes. 3e série. 14 (1853). P. 529–545. 15 (1854). P. 31–57.

Bibliothèque historique arménienne, ou Choix et extraits des historiens arméniens traduits en français, avec un volume de Prolégomènes / par E. Delaurier, avec le concours du R. P. Gabriel Aïvasovski et de V. Langlois. Paris: J. Rouvier, 1856.

Bikelas D. La Grèce byzantine et moderne: essais historiques. Paris: Firmin-Didot, 1893.

Boué A. Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Vienne: Braumüller, 1854. 2 t.

Brehier L. Le schisme oriental du XIe siècle. Paris: E. Leroux, 1899.

Brosset M. F. Histoire de la Géorgie: depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle / trad. du géorgien. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1849–1857. 2 t.

Buchon J. A. C. Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée et ses hautes baronnies. Paris: au Comptoir des imprimeurs-unis, 1843. 2 t.

Burchardi et Cuonradi Urspergensium Chronicon // Scriptores. MGH / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. XXIII: Chronica aevi Suevici. 1874. P. 333–383.

Caffaro de Caschifelone. Cafari de Caschifelone, Genuensis consulis, De liberatione civitatum Orientis // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 5. P. 47–74.

Čámčéan M. Patmowt'iwn hayoc' i skzbané ašxarhi minč'ew c'am tearn. Vénétik: Petros Vağvazean, 1784–1786. 3 t.

Cartulaire de l'abbaye de Saint-Martin de Pontoise / publié d'après les documents inédits par J. Depoin. Pontoise: Société historique du Vexin, 1895–1909. 5 t.

Casanova P. Numismatique des Danischmendites // Revue numismatique. 3e série. 13 (1895). P. 389–402. 14 (1896). P. 210–230, 306–315.

Cecaumeni Strategicon: et incerti scriptoris De officiis regis libellus / ed. B. Wassiliewsky, V. Jernstedt. Petropoli: Typis Academiae Caesareae Scientiarum, 1896. [Записки историко-филологического факультета императорского С.-Петербургского университета. 38.]

Cedrenus Georgius. Σύνοψις ιστοριῶν = Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnae: Weber, 1838–1839. 2 t.

La chanson d'Antioche / composée au commencement du XIIe siècle par le pèlerin Richard, enouvelée sous le règne de Philippe Auguste par Graindor de Douay; publiée pour la première fois par P. Paris. Paris: J. Techener, 1848. 2 t.

Chronicon breve Northmannicum ab anno MXLI usque ad annum MLXXXV // Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani: ex typographia Societatis Palatinae in Regia curia, 1723–1751. 25 t. T. 5. 1724. P. 278 (I)–278 (VI).

Chronicon ignoti civis Barenensis, sive Lupi Protospatae // Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani: ex typographia Societatis Palatinae in Regia curia, 1723–1751. 25 t. T. 5. 1724. P. 145–156.

Chronicon Poseniense // *Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana* / ed. S. L. Endlicher. Sangalli: Scheitlin & Zollikofer, 1849. P. 55–59.

Chronicon Sancti Maxentii Pictavensis // *Chroniques des églises d'Anjou* / rec. et publ. par P. Marchegay et E. Mabille. Paris: Ve J. Renouard, 1868. P. 349–433.

Chronicon Vindocinense seu de Aquaria // *Chroniques des églises d'Anjou* / rec. et publ. par P. Marchegay et E. Mabille. Paris: Ve J. Renouard, 1868. P. 153–177.

Chronique dite de Nestor = *Несторова или первоначальная летопись* / trad. sur le texte slavon-russe avec introduction et commentaire critique par L. Léger. Paris: E. Leroux, 1884. [Русский перевод: *Повесть временных лет* / ред. Д. С. Лихачев. М.-Л.: изд. и 1-я Тип. изд-ва АН СССР, 1950. 2 т. [Литературные памятники.] 2-е изд.: доп. М. Б. Свердлов. СПб.: Наука, 1996.]

Collection d'historiens arméniens / trad. par M. F. Brosset. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1874–1876. 2 t.

Cotelier J.-B. Ecclesiae Graecae Monumenta. Luteciae Parisiorum: F. Muguet, 1677–1692. 4 t.

Couret A. La Russie à Constantinople: premières tentatives des Russes contre l'empire grec, 865–1116 // *Revue des questions historiques*. 19 (1876). P. 69–129.

Dandolo A. Andreae Danduli Venetorum ducis Chronicon Venetum: à pontificatu S. Marci ad annum usque MCCCXXXIX // Muratori L. A.

Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani: ex typographia Societatis Palatinae in Regia curia, 1723–1751. 25 t. T. 12. 1728. P. 1–524.

Defrémery C. Histoire des Seldjoukides // *Journal Asiatique*. Série IV. 11 (1848). P. 417–462. 12 (1848). P. 259–279, 334–370. 13 (1849). P. 15–55.

Defrémery C. Nouvelles recherches sur les Ismaéliens ou Bathiniens de Syrie, plus connus sous le nom d'Assassins // *Journal Asiatique*. Série V. 3 (1854). P. 373–421. 5 (1855). P. 5–76.

Defrémery C. Recherches sur le règne du Sultan seldjoukide Barkiarok (485–498 de l'hégire, 1092–1104 de l'ère chrétienne) // *Journal Asiatique*. Série V. 1 (1853). P. 425–458. 2 (1853). P. 217–322.

Delarc O. J. M. Les Normands en Italie depuis les premières invasions jusqu'à l'avènement de S. Grégoire VII (859–862, 1016–1073). Paris: E. Leroux, 1883.

Dēmētrakopulos A. Bibliotheca ecclesiastica continens Graecorum theologorum opera ex codicibus mss. Mosquensibus. Lipsiae: s. n., 1866.

Derenbourg H. Ousâma Ibn Mounkidh: un émir syrien au premier siècle des croisades (1095–1188). Paris: E. Leroux, 1886–1893. 4 t.

Dieter K. Zur Glaubwürdigkeit der Anna Komnena. I. Der Petschenegenkrieg 1084–1091 // *Byzantinische Zeitschrift*. 3 (1894). S. 386–390.

Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / collegit, digessit, explicuit dr. Fr. Rački. Zagrabiae: ex officina Societatis typographicae, 1877. [Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. 7.]

Döllinger J. von. Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters. 1. Geschichte der gnostisch-manichäischen Sekten in früheren Mittelalter. München: Beck, 1890.

Drapeyron L. L'empereur Héraclius et l'empire byzantin au VIIe siècle. Paris: Thorin, 1869.

Du Cange Ch. du Fresne. Historia Byzantina duplici commentario illustrata. 1. Familiae augustae byzantinae seu stemmata imperatoribus christianis. 2. Constantinopolis christiana, seu descriptio urbis Constantinolitanae qualis exstitit sub imperatoribus christianis. Lutetiae Parisiorum: L. Billaine, 1690.

Du Cange Ch. du Fresne. Le familles d'Outre-Mer de Du Cange / publ. par M. E.-G. Rey. Paris: Imprimerie impériale, 1869. [Collection

de documents inédits sur l'histoire de France. Première série, Histoire politique.]

Dudon de Sant-Quentin. Dudonis decani S. Quintini, de moribus & actis primorum Normanniæ ducum libri tres // *Historiæ Normannorum scriptores antiqui* / ed. A. Duchesnius. Lutetiae Parisiorum: apud R. Foüet, N. Buon et S. Cramoisy, 1619. P. 49–160.

Dulaurier É. Recherches sur la chronologie arménienne technique et historique. Tome Ier (seul paru). Chronologie technique. Paris: Imprimerie impériale, 1859.

Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita / nach der Waitz'schen Recension, mit Erläuterungen und einem Anhang hrsg. von H. Hagenmeyer. Tübingen: Fr. Fues, 1877.

Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis chronicon universale // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. VI: *Chronica et annales aevi Salici*. 1844. P. 1–267.

Engel A. Recherches sur la numismatique et la sigillographie des Normands de Sicile et d'Italie. Paris: E. Leroux, 1882.

Fallmerayer J. P. Geschichte des Kaiserthums Trapezunt. München: Weber, 1827.

Fallmerayer J. P. Original-Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt. München: Weiss, 1843–1846. 2 Bde. [Abhandlungen der historischen Klasse der Königlich-Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 17.]

Ferradou A. Des biens des monastères à Byzance. Bordeaux: Y. Cadoret, 1896.

Finlay G. A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time, B. C. 146 to A. D. 1864 / ed. by the rev. H. F. Tozer. Oxford: Clarendon press, 1877. 7 vol.

Fischer K. Geschichte des Kreuzzugs Kaiser Friedrich's I. Leipzig: Duncker und Humblot, 1870.

Fischer W. Beiträge zur historischen Kritik des Leon Diakonos und Michael Psellos // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 7 (1886). S. 353–377.

Fischer W. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts. Plauen im Vogtland: F. E. Neupert, 1883.

Fischer W. Trapezus im elften und zwölften Jahrhundert. Ein Stück byzantinischer Provincial-Geschichte, zugleich ein Beitrag zur Kritik

der Anna Komnena // *Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung*. 10 (1889). S. 177–207.

Fulcherius Carnotensis. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium, ab anno Domini MXCV usque ad annum MCXXVII, auctore domno Fulcherio Carnotensi // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 3. P. 311–486.

Gasquet A. L'Empire byzantin et la monarchie franque. Paris: Hachette, 1888.

Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum, seu Tudebodus abbreviatus // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 3. P. 119–163.

Gfrörer A. F. Byzantinische Geschichten. I–II. Geschichte Venedigs von seiner Gründung bis zum Jahre 1084. Graz: Verlag der Vereins-Buchdruckerei, 1872–1877. 3 Bde.

Gfrörer A. F. Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter. Schaffhausen: Fr. Hurter, 1859–1864. 7 Bde.

Gibbon E. Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain / trad. par J. A. C. Buchon. Paris: Société du «Panthéon littéraire», 1843. 2 t. [Русский перевод: *Гиббон Э. Закат и падение Римской империи*. М.: Терра, 1997. 7 т.]

Glykas, Michael. Βίβλος χρονική = Michaelis Glycae annales / recognovit I. Bekkerus. Bonnae: Weber, 1836.

Guibertus Novigentius. Historia quae dicitur Gesta Dei per francos, edita a venerabili Domno Guiberto, abbate monasterii Sanctae Marii Novigenti // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 4. P. 113–263.

Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade (1094–1100) // Revue de l'Orient latin. 6 (1898). P. 214–293, 490–549. 7 (1899). P. 275–340, 430–503. 8 (1900/01). P. 318–382.

Hagenmeyer H. Das Verhältnis der Gesta Francorum zu dem Hierosolymita Ekkehard von Aura // Forschungen zur deutschen Geschichte. 15 (1875). S. 19–42.

Hagenmeyer H. Der Brief des Kaisers Alexios I. Komnenos an den Grafen Robert I. von Flandern // Byzantinische Zeitschrift. 6 (1897). S. 1–32.

Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Leipzig: O. Harrassowitz, 1879.

Heinemann L. von. Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sicilien, bis zum Aussterben des normannischen Königshauses. Leipzig: C. E. M. Pfeffer, 1894.

Hertzberg G. F. Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechzehnten Jahrhunderts. Berlin: G. Grote, 1883.

Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge / édition française, publiée... par F. Raynaud. Leipzig: O. Harrassowitz, 1885–1886. 2 t.

Hirsch F. De Italiae inferioris annalibus saeculi decimi et undecimi: dissertatio inauguralis. Berolini: typis expressit G. Lange, 1864.

Hirsch F. Amatus von Monte Cassino und seine Geschichte der Normannen: eine kritische Untersuchung // *Forschungen zur deutschen Geschichte*. 8 (1868). S. 203–325.

Hirsch F. Byzantinische Studien. Leipzig: Hirzel, 1876.

Hopf K. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // *Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften und Künste* / in alphabetischer Folge von genannten Schriftstellern bearb. und hrsg. von J. S. Ersch und J. G. Gruber. Sect. 1: A–G. Theil 85: *Griechenland*. Leipzig: Gleditsch u. a., 1867. Theil 86: *Griechenland*. Leipzig: Brockhaus, 1868.

Ibn el-Athir. Extrait de la chronique intitulée *Kamel-Altevarykh* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. T. 1. 1872. P. 189–744. T. 2/1. 1887. P. 3–180.

Ibn el-Athir. Histoire des Atabecs de Mosul // *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. 1876. T. 2/2.

Ibn Hallikān. Ibn Khallikan's Biographical dictionary / transl. from the Arabic, by Bn Mac Guckin de Slane. Paris: Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1842–1871. 4 t.

Ibn Khaldūn. Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum in terras Islamismo subjectas / e codicibus bodleianis ed. et latine vertit C. J. Tornberg. Upsaliae: Leffler et Sebell, 1840.

Ibn Muyassar. Extraits d'Ibn Moyesser // *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. T. 3. 1884. P. 457–473.

Ioannis Antiochensis. Λόγος περί τοῦ ὅτι οἱ τὰ μοναστήρια διὰ δωρεῶν λαμβάνοντες, εἴτε, ἀρχιερατικῶν εἴτε βασιλικῶν καί ἐκ τῶν μοναστηρίων κέρδη ἔχοντες ἀσεβοῦσιν // *Migne*. PG. T. 132. Col. 1117–1150.

Jireček C. J. Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe, eine historisch-geographische Studie. Prag: F. Tempsky, 1877.

Jireček C. J. Geschichte der Bulgaren. Prag: F. Tempsky, 1876.

Jus graeco-romanum / ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae: T. O. Weigel; J.B. Hirschfeld, 1856–1884. 7 t.

Kamal al-Dīn. Selecta ex historia Halebi / edidit, latine versit et adnotationibus illustravit G.W. Freytag. Lutetiae Parisiorum: e Typ. regia, 1819.

Kemal ed-Dīn. Extraits de la chronique d'Alep // *Defrémery C.* Mémoires d'histoire orientale, suivis de Mélanges de critique, de philologie et de géographie. Paris: impr. de Firmin-Didot frères, 1854–1862. 2 t. T. 1. P. 35 et suiv.

Klein C. Raimund von Aguilers: Quellenstudie zur Geschichte des ersten Kreuzzuges. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1892.

Konstantin VII. Constantinus Porphyrogenitus De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Bonnae: Weber, 1829. 2 Bde.

Konstantin VII. Constantinus Porphyrogenitus De thematibus et de administrando imperio / recognovit I. Bekkerus. Bonnae: Weber, 1840. 2 t. [Русский перевод: *Константин Багрянородный*. Об управлении государством. О фемах Запада, т. е. Европы. Изложение царского чина. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934.]

Krebs F. Zur Kritik Alberts von Aachen. Inaug. Diss. Münster: Coppenrath, 1881.

Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches, 527–1453. 2. Aufl. München: Beck, 1897.

Kugler B. Albert von Aachen. Stuttgart: Kohlhammer, 1885.

Kugler B. Boemund und Tankred, Fürsten von Antiochien: ein Beitrag zur Geschichte der Normannen in Syrien. Tübingen: Fues, 1862.

Kugler B. Geschichte der Kreuzzüge. Berlin: Grote, 1880.

Kugler B. Kaiser Alexius und Albert von Aachen // *Forschungen zur deutschen Geschichte*. 23 (1883). S. 481–500.

Kugler B. Komnenen und Kreuzfahrer // *Historische Zeitschrift*. 14 (1865). S. 295–318.

Kugler B. Peter der Eremiten und Albert von Aachen // *Historische Zeitschrift*. 44 (1880). S. 22–41.

La Porte du Theil F. J. G. Notice d'un manuscrit de la Bibliothèque du Vatican, coté CCCV parmi les manuscrits grecs // *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques*. Paris: Bibliothèque Nationale, 1787–1965. 43 t. T. 8/2. 1810. P. 78–253.

Labarte J. Le Palais impérial de Constantinople et ses abords, Sainte Sophie, le Forum augustéen et l'hippodrome, tels qu'ils existaient au Xe siècle. Paris: V. Didron, 1861.

Le Barbier E. Saint-Christodule et la réforme des couvents grecs au XIe siècle. Paris: Firmin-Didot, frères fils et Cie, 1863.

Le Beau Ch. Histoire du Bas-Empire. Nouvelle édition. Tome XIV–XXI. Paris, 1823–1836. 8 vol. T. XV. 1824–1826.

Lécrivain Ch. Le Sénat romain depuis Dioclétien, à Rome et à Constantinople. Paris: E. Thorin, 1888. [Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. 52.]

Lécrivain Ch. Les soldats privés au Bas Empire // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 10/1 (1890). P. 267–283.

Leger L. Histoire de l'Autriche-Hongrie jusqu'à l'année 1894. 4e édition, revue et complétée. Paris: Hachette, 1895.

Lenormant F. La Grande-Grèce, paysages et histoire. Paris: A. Lévy, 1881–1884. 3 t.

Lequien M. Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus, in quo exhibentur Ecclesiae, patriarchae, caeterique praesules totius Orientis. Parisiis: ex Typographia Regia, 1740. 3 t.

Lucius J. Joannis Lucii Dalmatini de Regno Dalmatiae et Croatiae libri ex. Amstelaedami: apud J. Blaeu, 1666.

Lupi Protospatarii annales a. 855–1102 // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. V: *Chronica et annales aevi Salici*. 1844. P. 52–63.

Martynov I. M. Annus ecclesiasticus Graeco-Slavicus, editus anno millenario sanctorum Cyrilli et Methodii, Slavicae gentis apostolorum. Bruxellis: H. Goemaere, 1863.

Matthieu d'Edesse. Chronique de Matthieu d'Édesse (962–1136); avec la continuation de Grégoire le prêtre, jusqu'en 1162 / trad.

de É. Dularier. Paris: A. Durand, 1858. [Bibliothèque historique arménienne.]

Michael Psellus. Pselli ad Alexium I Comnenum gratulatio // *Recueil des historiens des Croisades. Historiens grecs*. Paris: Imprimerie nationale, 1875–1881. 2 t. T. 1. 1875. P. 96–97.

Michel le Syrien. Extrait de sa Chronique avec la continuation par un anonyme // *Recueil des historiens des Croisades*. Paris: Impr. nationale, 1869–1906. 2 t. T. 1: *Documents arméniens*. P. 309–409.

Miller E. Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial. Paris: Imprimerie Nationale, 1848.

Monnier H. Études de droit byzantin: «Ἱεπιβολή» // *Nouvelle revue historique de droit français et étranger*. 16 (1892). P. 125–164, 330–352, 497–542, 637–672. 18 (1894). P. 433–486. 19 (1895). P. 59–103.

Mordtmann A. S. (junior). Esquisse topographique de Constantinople. Lille: Desclée, de Brouwer et Cie, 1892.

Mordtmann A. S. (junior). Plombs byzantins de la Grèce et du Péloponnèse // *Revue archéologique*. 33 (1877). P. 289–298. 34 (1877). P. 47–61.

Mordtmann A. S. (junior). Ἱστορικά έγγραφα περί τοῦ Ἰθω // *Ο εν Κωνσταντινουπόλει ελληνικός φιλολογικός σύλλογος. Αρχαιολογική ἐπιτροπή. Παράρτημα τοῦ κ'–κβ' τόμου. Κωνσταντινούπολη, 1892.*

Muralt E. von. Essai de chronographie byzantine, 1057–1453. Saint Pétersbourg: Eggers et Cie; Bâle et Genève: H. Georg, 1871–1873. 2 t.

Neumann C. Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen: Habilitationsschrift. Leipzig: Duncker, 1894.

Neumann C. Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert: Studien zu Anna Comnena, Theod. Prodromus, Joh. Cinnamus. Leipzig: Duncker & Humblodt, 1888.

Orderic Vital. Orderici Vitalis historiae ecclesiasticae libri tredecim/ ex veteris codicis Uticensis collatione emendavit et suas animadversiones adjecit A. Le Prevost et L. Delisle. Parisiis: J. Renouard, 1838–1855. 5 t.

Oster E. Anna Komnena. Rastatt: Mayer, 1868–1871. 3 Bde.

Ousâma Ibn Mounkidh см. Derenbourg.

Paulus Diaconus. Petri chronicon a. 1075–1139 // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. VII: *Chronica et annales aevi Salici*. 1846. P. 727–844.

Praechter K. Antike Quellen des Theophylaktos von Bulgarien // *Byzantinische Zeitschrift*. 1 (1892). S. 399–414.

Prutz H. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Berlin: Mittler, 1883.

Rački F. Borba južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI. veku. U Zagrebu: Dioničke Tiskare, 1875.

Raimundus de Aguilers. Raimundi de Aguilers, canonici Podiensis, historia Francorum qui ceperunt Iherusalem // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 3. P. 231–309.

Rambaud A. L'Empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. Thèse présentée à la Faculté des lettres de Paris. Paris: Franck, 1870.

Rambaud A. Michel Psellos, homme d'Etat et philosophe du XIe siècle // *Revue historique*. 3 (1877). P. 240–283.

Ramsay W. M. The Historical geography of Asia Minor. London: J. Murray, 1890.

Raoul de Caen. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana, auctore Radulfo Cadomensi, ejus familiari // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 3. P. 587–716.

Regesta regni Hierosolymitani (1097–1291) / ed. R. Röhricht. Innsbruck: Wagner, 1893.

Regii neapolitani archivi monumenta edita ac illustrata. Neapoli: ex Regia typographia, 1845–1861. 6 t.

Reinaud J. T. Extraits des historiens arabes, relatifs aux guerres des croisades. Paris: L'Imprimerie royale, 1829.

Rey E.-G. Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre. Paris: Imprimerie nationale, 1871. [Collection de documents inédits sur l'histoire de France. 1.]

Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie aux XIIe et XIIIe siècles. Paris: A. Picard, 1883.

Riant P. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades. Paris: impr. de A. Lainé et J. Havard, 1865.

Riant P. Inventaire critique des lettres historiques des croisades // *Archives de l'Orient latin*. I (1881). P. 1–224.

Robertus Monachus. Roberti Monachi historia iherosolimitana // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris:

Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 3. P. 717–882.

Roesler R. E. Romänische Studien, Untersuchungen zur älteren Geschichte Romäniens. Leipzig: Duncker und Humblot, 1871.

Röhricht R. Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge. Berlin: Weidmann, 1874–1878. 2 Bde.

Röhricht R. Geschichte des Königreichs Jerusalem (1100–1291). Innsbruck: Wagner, 1898.

Röhricht R. Quellenbeiträge zur Geschichte der Kreuzzüge. Berlin: Moeser, 1875. [Jahresbericht über die Louisenstädtische Realschule Berlin.]

Romoaldus Salernitanus. Romoaldi II, archiepiscopi Salernitani Annales a. 893–1178 // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. XIX: *Annales aevi Suevici*. 1866. P. 387–461.

Sabatier J. Description générale des monnaies byzantines frappées sous les empereurs d'Orient, depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople par Mahomet II. Paris: Rollin et Feuardent, 1862. 2 t.

Saint-Martin J. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. Paris: Impr. royale, 1818–1819. 2 t.

Sakkélion. Documents inédits tirés de la bibliothèque de Patmos. I. Décret d'Alexis Comnène portant déposition de Léon, métropolitain de Chalcédoine // *Bulletin de correspondance hellénique*. 2 (1878). P. 102–128.

Samouel d'Ani. Tables chronologiques // *Collection d'historiens arméniens* / trad. par M. F. Brosset. Saint-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1874–1876. 2 t. T. 2. P. 339–483.

Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: sceaux de Hervé et de Roussel de Bailleul // *Revue historique*. 16 (1881). P. 289–303.

Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du Xème siècle. Paris: Hachette, 1896.

Schlumberger G. Les îles des Princes. Paris: C. Lévy, 1884.

Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris: E. Leroux, 1884.

Schlumberger G. Un empereur byzantin au Xe siècle, Nicéphore Phocas. Paris: Firmin-Didot, 1890.

Schwartz K. Die Feldzüge Robert Guiscard's gegen das Byzantinische Reich, nach den Quellen dargestellt. Fulda: Uth, 1854.

Seger J. Byzantinische Historiker des zehnten und elften Jahrhunderts. 1. Nikephoros Bryennios; eine philologisch-historische Untersuchung. München: Lindauer, 1888. [München, Univ., Diss.]

Sibt Ibn el-Djeuzi. Extraits du Mirât ez-Zêmân // *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux.* Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. T. 3. 1884. P. 511–570.

Sigebertus Gemblacensis. Chronica Sigeberti Gemblacensis a. 381–1111 // *Scriptores. MGH/* ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. VI: *Chronica et annales aevi Salici.* 1844. P. 300–374.

Simonsfeld H. Kurze Venezianer Annalen // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde.* 1 (1876). S. 395–410.

Syklitzés см. *Georgius Cedrenus.*

Suger. Vie de Louis le Gros / suivie de l'Histoire du roi Louis VII / publi. par A. Molinier. Paris: A. Picard, 1887.

Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs. 2. Aufl. Leipzig: Fleischer, 1881.

Ter-Mikelian A. Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zur byzantinischen (vom IV. bis zum XIII. Jahrhundert). Leipzig: G. Fock, 1892.

Ter-Mkrttschian K. Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1893.

Theophylactos. Επιστολαι // *Migne.* PG. T. 126. Col. 308–558.

Theophylactos. Παιδεία βασιλική πρὸς τὸν πορφυρογέννητον Κωνσταντῖνον // *Migne.* PG. T. 126. Col. 254–286.

Thurot Ch. Études critiques sur les historiens de la première croisade // *Revue historique.* 1 (1876). P. 67–77, 372–386. 2 (1876). P. 104–113.

Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. 1. Die Küstengebiete und die Wege der Kreuzfahrer. Wien: Tempsky, 1891. [Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 124,8.]

Trinchera F. Syllabus Graecarum membranarum quae partim Neapoli in maiori tabulario et primaria bibliotheca partim in Casinensi coenobio ac Cavensi et in episcopali tabulario Neritino... Francisco

Trincheria Neapolitanis archivis praefecto in lucem prodeunt. Neapoli: J. Cataneo, 1865.

Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante: vom 9. bis zum Ausgang des 15. Jahrhunderts / hrsg. von G. L. F. Tafel und G. M. Thomas. Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1856–1857. 3 Bde.

Vercruysse F. Essai critique sur la chronique d'Albert d'Aix. Liège: s.n., 1889. [Ext. de: Annales de la Faculté de philosophie et lettres de l'Université libre de Bruxelles. 1/1 (1889). № 2. P. 43–103.]

Weil G. Geschichte der Chalifen. Mannheim: F. Wassermann, 1848–1851. 3 Bde.

Wilken F. Geschichte der Kreuzzüge nach morgenländischen und abendländischen Berichten. Leipzig: S. L. Crusius (F. C. W. Vogel), 1807–1832. 7 Bde.

Wilken F. Rerum ab Alexio I., Joanne, Manuele et Alexio II. Comnenis Romanorum byzantinorum imperatoribus gestarum libri quatuor. Heidelbergae: sumtibus Mohrii et Zimmeri, 1811.

Willelmus Malmesburiensis. De gestis pontificum Anglorum // *Migne*. PL. T. 179. Col. 1441–1680.

Willelmus Malmesburiensis. De gestis regum Anglorum / ed. by W. Stubbs. London: Eyre and Spottiswoode, 1887–1889. 2 t.

Willelmus Tyrensis. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum a tempore successorem Mahumeth usque ad annum Domini MCLXXXIV edita a venerabili Willermo Tyrensi archiepiscopo // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 1.

Wilmans R. Über die Quellen der Gesta Roberti Wiscardi des Guillelmi Apuliensis // *Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde* / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 1819–1874. 12 Bde. Bd. 10. 1851. S. 87–121.

Wolff A. König Balduin I. von Jerusalem, Inaugural-Dissertation. Königsberg in Pr.: R. Leupold, 1884.

Wüstenfeld F. Geschichte der Fatimiden Chalifen: nach den arabischen Quellen. Göttingen: Dieterich, 1880–1881. 3 Teile in 2 Bde.

Zachariä von Lingenthal K.E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 2te, verbesserte und erweiterte Auflage. Berlin: Weidmann, 1892.

Zonaras J. *Epitomae historiarum*. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1841–1897. 3 t.

Αλέξιος Α' Κομνηνός. Λογαρική Παλαιά και Νέα // *Jus graeco-romanum* / ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae: T. O. Weigel; J. B. Hirschfeld, 1856–1884. 7 t. T. 3: *Novellae Constitutiones imperatorum post Justinianum*. 1857.

Γεδεών Μ. Ο Άθως. Κωνσταντινούπολη, 1885.

Γεωργιάδης Ν. Η Θεσσαλία. Αθήναι, 1881.

Ευθύμιος Ζιγαβηνός. Πανοπλία δογματική // *Migne*. PG. T. 130.

Εύσταθιος Θεσσαλονικεύς. Επίσκεψις βίου μοναχικού επί διορθώσει των περι αυτόν // *Migne*. PG. T. 135. P. 729–910.

Καλλιγά Π. Μελέται και λόγοι. Εν Αθήναις: Εκ των Καταστημάτων Ανδρέου Κορομηλά, 1882.

Μιχαήλ Ψελλος. Βυζαντινής ιστορίας έκασονταετηρίς (976–1077) // *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη* / επιστασία Κ.Ν. Σάθα. Τόμος Δ'. Αθήνησι: εν τω βιβλιοπωλείω των τέκνων Α. Κορομηλά, 1874.

Μιχαήλ Ψελλος. Έγκώμιον εις τόν όσιώτατον κύρ Κωνσταντίνον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως τον Λειχούδη // *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη* / επιστασία Κ.Ν. Σάθα. Τόμος Δ'. Αθήνησι: εν τω βιβλιοπωλείω των τέκνων Α. Κορομηλά, 1874.

Παπαδοπουλος-Κεραμευς Α. Άναλεκτα Ιεροσολυμιτικής σταχυολογίας. Πετρουπολις: Β. Κιρβάουμ, 1891.

Παπαρρηγόπουλος Κ. Ιστορία του έλληνικού έθνους. Σν Αθήναις: Εκ της τυπογραφίας Σ. Παυλίδου., 1860–1874. 5 τόμοι.

Ράλλης Γ.Α., Ποτλής Μ. Σύνταγμα τών θειών και ιερών κανόνων. Αθήνα, 1852–1859. 6 τόμοι.

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. CLXXVI. 1874. № 11. С. 105–144. Ч. CLXXVII. 1875. № 1. 394–451. Ч. CLXXVIII. 1875. № 3. 76–152.

Васильевский В. Г. Византия и печенеги // *Журнал министерства народного просвещения*. 164/2 (1872). С. 116–165, 243–332.

Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории Византийского государства // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. ССII. 1879. № 3. С. 160–232, 380–438. Ч. ССХ. 1880. 98–170, 355–440.

Васильевский В. Г. Николая еп. Мефонского и Феодора Продрома житие Мелетия Нового с предисловием и русским переводом // *Православный палестинский сборник*. 17 (1886). С. 1–39.

Васильевский В. Г. Советы и рассказы византийского боярина XI века: из неизданной греческой рукописи XV века // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. ССХV. 1881. № 6. С. 242–299. Ч. ССХVI. 1881. № 7. С. 102–171. Ч. ССХVI. 1881. № 8. С. 316–357.

Грен А. Н. Династия Багратидов в Армении // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. ССХС. 1893. № 2. С. 88–139.

Петров А. Л. Князь Константин Бодин: Очерк из истории сербов XI в. // *Сборник статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности*. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1883. С. 239–264.

Успенский Ф. И. Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. ССLXXVII. 1891. № 9. С. 102–159, 283–324.

Успенский Ф. И. Делопроизводство по обвинению Иоанна Италя в ереси // *Известия Русского археологического института в Константинополе*. 2 (1897). С. 1–66.

Успенский Ф. И. Образование второго Болгарского царства // *Записки императорского Новороссийского университета*. 27 (1879). С. 97–416.

Успенский Ф. И. Синодик в неделю православия (состав и происхождение частей его) // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. ССLXXIV. 1891. № 4. С. 267–323. Отд. изд.: Одесса: Типография Одесского военного округа, 1893.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ АЛЕКСЕЕ I КОМНИНЕ

История Византии в 3-х тт. / Под ред. С. Сказкина. М., 1967.

Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.

Острогорский Г. А. История Византийского государства / Пер. с нем. М. В. Грацианского; под ред. П. В. Кузенкова. М., 2011.

Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe et XVe siècles. Paris, 1966.

Angold M. Church and Society in Byzantium, 1081–1261. Cambridge, 1995.

Angold M. The Byzantine Empire, 1025–1204: A Political History. London, 1997.

Birkenmeier J. W. The Development of the Komnenian Army: 1081–1180. Leiden, 2002.

Bréhier L. Vie et mort de Byzance. Paris, 2006.

Cheynet J.-Cl. Le Monde byzantin. Tome II: L'Empire byzantin (641–1204). Paris, 2006.

Haldon J. F. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. Routledge, 1999.

Laiou A. The Economic History of Byzantium. From the 7th through the 15th Century. Washington, 2002.

Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin. Paris, 1977.

Lilie R.-J. Byzantium and the Crusader States, 1096–1204. Oxford, 1993.

Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos. Cambridge, 2002.

Malamut E. Alexis Ier Comnène. Paris, 2007.

Nicol D. M. Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1992.

Skoulatos B. Les personnages byzantins de l'Alexiade : Analyse prosopographique et synthèse. Louvain-la-Neuve, 1980.

Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Wilken F. Rerum ab Alexio I., Joanne, Manuele et Alexio II. Comnenis Romanorum byzantinorum imperatoribus gestarum libri quatuor.* Heidelbergae: sumtibus Mohrii et Zimmeri, 1811.
- ² *Zonaras J. Epitomae historiarum.* Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1841–1897. 3 t. Т. 3. XVII, 21, 618 и далее.
- ³ *Васильевский В. Г. Византия и печенеги // Журнал министерства народного просвещения.* 164/2 (1872). С. 122. По всем свидетельствам современников, в XI в. печенеги были еще очень дикими. Поэтому Гиббон, конечно, ошибся, написав, «что они настолько же продвинулись в военном искусстве, насколько утратили дикость» (*Gibbon E. Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain / trad. par J. A. C. Buchon. Paris: Société du «Panthéon littéraire», 1843. 2 t. Т. 1. С. 48, p. 335*).
- ⁴ Об отношениях печенегов и Византии в IX и X вв. см. *Rambaud A. L'Empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. Thèse présentée à la Faculté des lettres de Paris. Paris: Franck, 1870. P. 393.* — *Gfrörer A. F. Byzantinische Geschichten. I–II. Geschichte Venedigs von seiner Gründung bis zum Jahre 1084. Graz: Verlag der Vereins-Buchdruckerei, 1872–1877. 3 Bde. Bd. 3. S. 474 и далее.*
- ⁵ *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris: E. Leroux, 1884. P. 235.*
- ⁶ *Константин Багрянородный. Об управлении государством. I, VI, 71.*
- ⁷ *Chronique dite de Nestor = Несторова или первоначальная летопись / trad. sur le texte slavon-russe avec introduction et commentaire critique par L. Léger. Paris: E. Leroux, 1884. P. 51 и далее.* Ср. *Roesler R. E. Romänische Studien, Untersuchungen zur älteren Geschichte Romäniens. Leipzig: Duncker und Humblot, 1871. S. 321.* — *Васильевский В. Г.* Цит. соч. Приложение II. С. 129. — *Schlumberger G. Un empereur byzantin au Xe siècle, Nicéphore Phocas. Paris: Firmin-Didot, 1890. P. 735.*
- ⁸ Ср. *Васильевский В. Г.* Цит. соч. С. 118–119.
- ⁹ *Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du Xème siècle. Paris: Hachette, 1896. P. 88 и далее.*

- ¹⁰ *Cedrenus Georgius*. Ioannis Scylitzae ope. Bonnae: Weber, 1838–1839. 2 t. T. 2. P. 583–584.
- ¹¹ Ср. *Theophylactus*. Λόγος εις τόν αὐτοκράτορα κύριον Ἀλέξιον τόν Χομνηνόν // *Migne*. PG. T. 126. Col. 287 и далее. — *Nicetas Choniata*. De rebus gestis Manuelis Comneni libri septem // *Nicetae Choniatae Historia Byzantina*, inde ab imperio Joannis Comneni usque ad urbem anno 1204 a Latinis captam. *Migne*. PG. T. 139. 124. — Никифор Григора. I, 37. Западные авторы пишут о варварском населении Подунавья с ужасом. Ср. *Annales Mellicenses a. 1–1123* // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. IX: *Chronica et annales aevi Salici*. 1851. P. 640.
- ¹² *Cedrenus Georgius*. Ioannis Scylitzae ope. Op. cit. T. 2. P. 584.
- ¹³ Op. cit. T. 2. P. 588.
- ¹⁴ *Drapeyron L.* L'empereur Héraclius et l'empire byzantin au VIIe siècle. Paris: Thorin, 1869. P. 137.
- ¹⁵ *Michel Attaliates*. Michaelis Attalioetae historia. Bonnae: Weber, 1853. P. 84.
- ¹⁶ Op. cit. P. 204–205.
- ¹⁷ Op. cit.
- ¹⁸ Op. cit. P. 157.
- ¹⁹ Op. cit. P. 207–208.
- ²⁰ См. с. 43.
- ²¹ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия в X веке. М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1876. С. 108. — *Schlumberger G.* L'épopée byzantine... Op. cit. P. 179.
- ²² *Jireček C. J.* Geschichte der Bulgaren. Prag: F. Tempsky, 1876. S. 209 и далее.
- ²³ Этот акт подтвержден хрисовулом Михаила Палеолога за 1272 г. Ср. *Jus graeco-romanum* / ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae: T. O. Weigel; J. B. Hirschfeld, 1856–1884. 7 t. T. 3. P. 319.
- ²⁴ Преемник архиепископа, назначенного в 1020 г. Василием, принадлежал к константинопольскому духовенству. Ср. *Zachariä von Lingenthal K. E.* Beiträge zur Geschichte der bulgarischen Kirche. St. Petersburg: Eggers, 1864. S. 22.
- ²⁵ Ср. *Jireček C. J.* Op. cit. S. 202.
- ²⁶ *Cedrenus Georgius*. Ioannis Scylitzae ope. Op. cit. T. 2. P. 531.
- ²⁷ Георгий Маниак — византийский полководец в XI в. (прим. науч. ред.)
- ²⁸ *Ibid.* T. 2. P. 540–541. Ср. *Jireček C. J.* Op. cit. S. 205.

- ²⁹ *Theophylactus*. Ep. 1. Ἀπὸ ζῶν σαρκίᾳς, ὡς ἐκεῖνοι τοῦ τῶν κωδίων γράσου // *Migne*. PG. T. 126. Col. 504.
- ³⁰ Эмпедокл из Акраганта, родившийся ок. 490 г. до н. э., считал, что все произошло от земли, воздуха, воды и огня. В качестве высших начал он добавлял к ним любовь и ненависть. Мир, согласно ему, образовался поэтапно, и на каждом этапе поочередно торжествовало одно из первоначал. Разные части растений и животных возникали по отдельности. Поначалу голова, глаза, руки были самостоятельными существами.
- ³¹ *Theophylactus*. Ep. 1 // *Migne*. PG. T. 126. Col. 308–309.
- ³² Πάσης κακίας τιθηνός // *Theophylactus*. Ep. 41. *Migne*. PG. T. 126. Col. 444.
- ³³ *Baronius C.* Annales ecclesiastici. Romae: Typographia Vaticana, 1588–1607. 20 t. Ad an. 1076. — *Lucius J.* Joannis Lucii Dalmatini de Regno Dalmatiae et Croatiae libri ex. Amstelaedami: apud J. Blaeu, 1666. L. II. C. X. P. 85. Ср. *Gfrörer A.F.* Byzantinische Geschichten. Op. cit. Bd. 2. S. 235 и далее.
- ³⁴ Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum // *Lucius J.* Op. cit. P. 299 и далее. — *Skylitzés*. Op. cit. P. 714–718. — Зонара: *Zonaras J.* Op. cit. XVIII, 17, 713, рассказывает о третьем годе царствования Михаила, т. е. 1073–1074 г. — *Lucius J.* Op. cit. L. II. C. IX. P. 85. — *Петров А. Л.* Князь Константин Бодин: Очерк из истории сербов XI в. // *Сборник статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности*. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1883. С. 246 и далее. — *Gfrörer A. F.* Byzantinische Geschichten. Op. cit. Bd. 2. S. 274.
- ³⁵ Ср. *Rambaud A.* Op. cit. P. 178.
- ³⁶ *Rački F.* Borba južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI. veku. U Zagrebu: Dioničke Tiskare, 1875. S. 92.
- ³⁷ *Dandolo A.* Andreae Danduli Venetorum ducis Chronicon Venetum: à pontificatu S. Marci ad annum usque MCCCXXXIX // *Muratori L. A.* Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani: ex typographia Societatis Palatinae in Regia curia, 1723–1751. 25 t. T. 12. 1728. P. 236. — *Lucius J.* Op. cit. L. II. C. VIII. P. 76 и далее.
- ³⁸ *Rački F.* Loc. cit.
- ³⁹ Ср. *Васильевский В. Г.* Советы и рассказы византийского боярина XI века: из неизданной греческой рукописи XV века // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. CCXVI. 1881. № 7. С. 160 и далее.
- ⁴⁰ *Cedrenus Georgius.* Ioannis Scylitzae opе. Op. cit. T. 2. P. 476.

⁴¹ *Chronicon ignoti civis Barensis, sive Lupi Protospatae // Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani: ex typographia Societatis Palatinae in Regia curia, 1723–1751. 25 t. T. 5. 1724. P. 148. — Lupi Protospatarii annales a. 855–1102 // Scriptores. MGH / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. V: Chronica et annales aevi Salici. 1844. P. 57.*

⁴² *Васильевский В. Г.* Цит. соч. С. 163. Ср. *Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / collegit, digessit, explicuit dr. Fr. Rački. Zagrabiae: ex officina Societatis typographicae, 1877. №№ 32–35.* Васильевский исходит из того, что эти акты включали формулу «regnante imperatore N» [в царствование императора такого-то (*лат.*)]. Мне это не кажется достаточным основанием для вывода, что Крешимир управлял именем греческого императора, которого вполне могли по-прежнему упоминать в актах, притом что всякую власть он уже утратил.

⁴³ *Simonsfeld H. Kurze Venezianer Annalen // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1 (1876). S. 402. — Ср. Documenta historiae chroaticae... Op. cit. P. 444.*

⁴⁴ Ср. *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante: vom 9. bis zum Ausgang des 15. Jahrhunderts / hrsg. von G. L. F. Tafel und G. M. Thomas. Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1856–1857. 3 Bde. Bd. 1. S. 42.* Вот обязательство не принимать норманнов, взятое на себя магистратами разных далматинских городов: «Promittentes promittimus nos... vobis domino Dominico Silvio, duci Venetiae et Dalmatiae, ac imperiali prothofodro (i. *protohedro*) et seniori nostro ut ab hac die in antea, quarum (civitatum) nullus nostrorum civium audeat adducere Nortmannos aut extraneos in Dalmatiam, aut per se ipsum vel quovis ingenio» [Обязуемся... перед вами, господин Доминико Сильвио, дукс Венеции и Далмации, как императорским *prothofodro* (читай: *protohedro*) и нашим старейшим, что с этого дня, не то что прежде, ни один из граждан наших оных (городов) не посмеет приводить норманнов или даже иноземцев в Далмацию, как по собственной, так и по чьей-либо воле (*лат.*)].

⁴⁵ Ср. *Weil G. Geschichte der Chalifen. Mannheim: F. Wassermann, 1848–1851. 3 Bde. Bd. 3. S. 81 и далее. — Defrémery C. Histoire des Seldjoukides // Journal Asiatique. Série IV. 11 (1848). P. 417.*

⁴⁶ *Matthieu d'Edesse. Chronique de Matthieu d'Édesse (962–1136); avec la continuation de Grégoire le prêtre, jusqu'en 1162 / trad. de É. Dularier. Paris: A. Durand, 1858. [Bibliothèque historique arménienne.] C. 37, p. 40.*

⁴⁷ Восточней озера Ван.

- ⁴⁸ Ныне Сивас на реке Кызылырмак.
- ⁴⁹ На реке Кармалас, притоке Сароса.
- ⁵⁰ *Ardzrouni T. Histoire des Ardzrouni. Saint-Pétersbourg: Impr. de l'Académie impériale des sciences, 1874. P. 248.*
- ⁵¹ Ср. *Грен А. Н. Династия Багратидов в Армении // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХС. 1893. № 2. С. 123 и далее. Арцруни: Ardzrouni T. Histoire des Ardzrouni. Loc. cit., датирует это событие 1041 г.; но, согласно Самуилу Анийскому [Самвелу Анеци], Гагик воцарился только в 1042 г.*
- ⁵² Ср. *Matthieu d'Edesse. Op. cit. С. 65, p. 76 и далее. — Μιχαήλ Ψελλος. Βυζαντινῆς ἱστορίας ἑκατονταετηρίς (976–1077) // Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / ἐπιστοσία Κ.Ν. Σάθα. Τόμος Δ'. Αθήνησι: ἐν τῷ βιβλιοπωλείῳ τῶν τέκνων Α. Κορομηλά, 1874. Σ. 193. — Cedrenus Georgius. Ioannis Scylitzae οpe. Op. cit. T. 2. P. 559–562.*
- ⁵³ *Saint-Martin J. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. Paris: Impr. royale, 1818–1819. 2 t. T. 1. P. 373 и далее.*
- ⁵⁴ *Ibid.*
- ⁵⁵ *Michel Attaliates. Michaelis Attaliothae historia. Op. cit. P. 24–26.*
- ⁵⁶ *Bar Hebraeus. Chronicon Syriacum / e codicibus Bodleianis descriptum coniunctim ediderunt P.J. Bruns et G.G. Kirsch. Lipsiae: A.F. Boehmius, 1789. P. 252. Ср. Dulaurier É. Recherches sur la chronologie arménienne technique et historique. Tome Ier. Chronologie technique. Paris: Imprimerie impériale, 1859. P. 2, n. 50, p. 292.*
- ⁵⁷ *Michel Attaliates. Michaelis Attaliothae historia. Op. cit. P. 78. — Skylitzés. Op. cit. P. 653. Ср. Dulaurier É. Op. cit. P.295.*
- ⁵⁸ *Ibn Hallikān. Ibn Khallikan's Biographical dictionary / transl. from the Arabic, by Bn Mac Guckin de Slane. Paris: Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1842–1871. 4 t. T. 1. P. 275. Ср. Weil G. Op. cit. Bd. 3. S. 105.*
- ⁵⁹ *Skylitzés. Op. cit. P. 654. — Dulaurier É. Op. cit. P.297.*
- ⁶⁰ *Michel Attaliates. Michaelis Attaliothae historia. Op. cit. P. 93–95.*
- ⁶¹ *Ibid. P. 105.*
- ⁶² *Ibid. P. 123 и далее.*
- ⁶³ *Ibid. P. 199.*
- ⁶⁴ *Fischer W. Trapezus im elften und zwölften Jahrhundert. Ein Stück byzantinischer Provincial-Geschichte, zugleich ein Beitrag zur Kritik der Anna Komnena // Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung. 10 (1889). S. 183 и далее.*
- ⁶⁵ *Никита Хониат: Nicetas Choniata. De rebus gestis Manuelis Comneni libri septem. Op. cit. II, 97, излагает аналогичную мысль.*

- ⁶⁶ *Samouel d'Ani. Tables chronologiques // Collection d'historiens arméniens / trad. par M.F. Brosset. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1874–1876. 2 t. T. 2. P. 455.*
- ⁶⁷ Алексиада. III, 9, 171.
- ⁶⁸ Трапезунд был отнят турками у греков после поражения Романа Диогена, но в 1075 г. его отбили. Ср. *Fischer W. Op. cit. S. 185–186.*
- ⁶⁹ *Rambaud A. Op. cit. P. 278.*
- ⁷⁰ *Hertzberg G. F. Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechszehnten Jahrhunderts. Berlin: G. Grote, 1883. S. 209.*
- ⁷¹ *Jus graeco-romanum. Op. cit. T. 3. P. 318–319.*
- ⁷² *Никифор Вриенний. Исторические записки. Исторические записки (976–1087). М.: Посев, 1997. Кн. II, 22, 87–88. Ср. Le Livre de la conquête de la princée de Morée // Buchon J.A.C. Recherches historiques sur la principauté française de Morée et ses hautes baronnies. Première époque. Conquête et établissement féodal de l'an 1205 à l'an 1333. Paris: J. Renouard, 1845. 2 t. T. 1. P. 46, 92. — Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles, publiée et traduite pour la première fois... par A. Morel-Fatio. Genève: J.-G. Fick, 1885. V. 669, 738–739. Ср. Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории Византийского государства // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCII. 1879. № 3. С. 164. Я много почерпнул из этой статьи для дальнейшего изложения.*
- ⁷³ *Konstantin VII. Constantinus Porphyrogenitus De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Bonnae: Weber, 1829. 2 Bde. Bd. 2. Cap. 49.*
- ⁷⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении государством. Гл. 50.*
- ⁷⁵ Ср. *Lécrivain Ch. Le Sénat romain depuis Dioclétien, à Rome et à Constantinople. Paris: E. Thorin, 1888. P. 227.*
- ⁷⁶ Ср. *Васильевский В. Г. Цит. соч. С. 165.*
- ⁷⁷ Лев Философ разрешил правителям приобретать владения на управляемых территориях, но запретил такие приобретения низшим чиновникам, кроме как по особому разрешению. Ср. *Jus graeco-romanum. Op. cit. T. 3. P. 180.*
- ⁷⁸ Литра — основная единица веса монет в Византии. 1 литра = 12 унциям = 78 номисмам (прим. науч. ред.)
- ⁷⁹ *Васильевский В. Г. Цит. соч. С. 165–166.*
- ⁸⁰ *Cedrenus Georgius. Ioannis Scylitzae ope. Op. cit. T. 2. P. 622. — Michel Attaliates. Michaelis Attalioetae historia. Op. cit. P. 183. Ср. Neumann C. Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen: Habilitationsschrift. Leipzig: Duncker, 1894. S. 61–62.*
- ⁸¹ *Lécrivain Ch. Les soldats privés au Bas Empire // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 10/1 (1890). P. 267–283.*

- ⁸² Васильевский В. Г. Цит. соч. С. 214. Ср. аналогичный пример: *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 26, 93.
- ⁸³ *Lécrivain Ch.* Le Sénat romain depuis Dioclétien... Op. cit. P. 236.
- ⁸⁴ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 660.
- ⁸⁵ *Georgius Pachymeres*. Georgii Pachymerae Andronicus Palaeologus, sive Historia rerum ab Andronico Palaeologo seniore in imperio gestarum usque ad annum ejus aetatis undequingagesimum // *Migne*. AG. T. 144. P. 236. — *Michel Attaliates*. Michaelis Attalioetae historia. Op. cit. P. 314.
- ⁸⁶ См. главу X.
- ⁸⁷ Ср. с. 93.
- ⁸⁸ *Lécrivain Ch.* Le Sénat romain depuis Dioclétien... Op. cit. P. 231.
- ⁸⁹ *Ibid.*
- ⁹⁰ *Rambaud A.* Op. cit. P. 287.
- ⁹¹ *Nicéphore Ouranos*. Traité de tactique connu sous le titre: «Traité de castramétation». Paris: Imp. nationale, 1898. Ср. *Schlumberger G.* Nicéphore Phocas. Op. cit. P. 169 и далее.
- ⁹² *Leunclavius J.* Juris graeco-romani, tam canonici quam civilis. Francofurti: impensis heredum P. Fischeri, 1601. 2 t. T. 2. P. 144.
- ⁹³ Ср. Μιχαήλ Ψελλος. Βυζαντινής ιστορίας έκατονταετηρίς (976–1077) // *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / επιστασία Κ.Ν. Σάθα*. Τόμος Δ'. Αθήνησι: εν τω βιβλιοπωλείω των τέκνων Α. Κορομηλά, 1874. Σ. 58.
- ⁹⁴ Ср. Μιχαήλ Ψελλος. Op. cit. Σ. 210–211. — *Cedrenus Georgius*. Ioannis Scylitzae ope. Op. cit. T. 2. P. 614–615.
- ⁹⁵ Ср. *Neumann C.* Die Weltstellung... Op. cit. S. 45 и далее, у которого я почерпнул многое обо всем, что касается состояния духа военной партии.
- ⁹⁶ Ср. *Neumann C.* Die Weltstellung... Op. cit. S. 78. Гинекей — женская часть императорского дворца (прим. науч. ред.)
- ⁹⁷ *Cedrenus Georgius*. Ioannis Scylitzae ope. Op. cit. T. 2. P. 611.
- ⁹⁸ Αωνύμου Σύνοψις χρονική // *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / επιστασία Κ.Ν. Σάθα*. Τόμος Ζ'. Εν Βενετία: Τύποις του Φοίνικος, 1894. Σ. 163. — *Zonaras J.* Op. cit. XVII, 29. P. 652–653.
- ⁹⁹ Μιχαήλ Ψελλος. Op. cit. Σ. 210–211. — *Cedrenus Georgius*. Ioannis Scylitzae ope. Op. cit. T. 2. P. 614–615.
- ¹⁰⁰ Ср. *Brehier L.* Le schisme oriental du XIe siècle. Paris: E. Leroux, 1899. Passim.
- ¹⁰¹ *Ibid.* P. 280.
- ¹⁰² *Skylitzés*. Op. cit. P. 644. Ср. *Brehier L.* Op. cit. P. 302–303.
- ¹⁰³ *Neumann C.* Die Weltstellung... Op. cit. Passim.

¹⁰⁴ *Du Cange Ch. du Fresne. Historia Byzantina duplici commentario illustrata. 1. Familiae augustae byzantinae seu stemmata imperatoribus christianis... Lutetiae Parisiorum: L. Billaine, 1690. P. 169.*

¹⁰⁵ *Никифор Вриенний. Исторические записки. Цит. соч. Вступление. С. 13 и далее. Кн. III, 6, 106.*

¹⁰⁶ *Μιχαήλ Ψελλος. Ἐγκώμιον εἰς τόν ὀσιώτατον κύρ Κωνσταντῖνον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως τὸν Λειχούδην // Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / ἐπιστολὴ Κ.Ν. Σάθα. Τόμος Δ'. Αθήνησι: ἐν τῷ βιβλιοπωλείῳ τῶν τέκνων Α. Κορομηλά, 1874. Σ. 407.*

¹⁰⁷ *Joannes Cantacuzenus. Joannis Cantacuzeni opera omnia // Migne. AG. T. 153. P. 509.*

¹⁰⁸ *Никифор Вриенний. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 26, 93. — Skylitzés. Op. cit. P. 622. То есть Папаригопулос: Παπαρρηγόπουλος Κ. Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους. Σν Αθήναις: Ἐκ τῆς τυπογραφίας Σ. Παυλίδου.. 1860–1874. 5 τόμοι. Τόμος Δ'. Σ. 407 ошибочно называет родиной Комнинов Пафлагонию. Ср. Fischer W. Beiträge zur historischen Kritik des Leon Diakonos und Michael Psellos // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 7 (1886). S. 359. — Кастамон ныне называется Кастамону. Ср. Ramsay W. M. The Historical geography of Asia Minor. London: J. Murray, 1890. P. 65–66.*

¹⁰⁹ Здесь любопытно упомянуть некоторое количество брошюр, которые были выпущены в XVIII и в начале XIX в., чтобы связать дом Комнинов с его мнимыми потомками. Приведу следующие названия: *Hénin de Cuvillers É.-F. Coup d'oeil historique et généalogique sur l'origine de la maison impériale de Comnène, par le chevalier d'Hénin. Venise: V. Formaleoni, 1789.* Автор приводит генеалогию этой семьи от Тевкра, царя Троады в 2500 г. до н. э., до своего времени. — *Comnène D. Notice sur la maison Comnène et sur ses vicissitudes, sur les circonstances qui l'ont transplantée en France, et sur le dévouement du prince Démétrius Comnène à la cause du roi pendant la Révolution. Londres: R. Juigné, 1815.* — *Comnène D. Précis historique de la maison impériale des Comnènes. Amsterdam: s.n., 1784.* — *Comnène D. Lettre de Démétrius Comnène à M. Koch. Paris: Rondonneau, 1807.* — *Comnène G. Sur la Grèce, par le prince Georges Comnène. Paris: F. Didot frères, 1831.* — Людовик XVI грамотами от апреля 1782 г., зарегистрированными 1 сентября 1783 г. в парламенте и 28 мая 1784 г. в Счетной палате, признал преемственность, о которой мы говорили, от Давида, последнего императора Трапезунда.

¹¹⁰ *Cedrenus Georgius. Joannis Scylitzae op. Op. cit. T. 2. P. 464–482.*

¹¹¹ Ср. *Schlumberger G. L'éporée byzantine... Op. cit. P. 391.*

¹¹² Больше подробностей об Исааке Комнине см. *Hertzberg G. F. Geschichte der Byzantiner... Op. cit. S. 241.* — Папаригопулос:

- Παπαρρηγόπουλος Κ. Op. cit. Τόμος Δ'. Σ. 407 приводит интересные сведения об антагонизме штатской и военной партий.
- ¹¹³ Skylitzés. Op. cit. P. 642 и далее.
- ¹¹⁴ Ср. Neumann C. Die Weltstellung... Op. cit. S. 73–74.
- ¹¹⁵ Zonaras J. Op. cit. XVIII. P. 666. — Никифор Вриенний. Исторические записки. Цит. соч. Кн. I, p. 19–20. В этой части рассказа я не ссылаюсь на «Алексиаду», потому что она представляет собой просто краткий пересказ Вриенния.
- ¹¹⁶ Никифор Вриенний. Исторические записки. Цит. соч. Кн. I, 21–22.
- ¹¹⁷ Rambaud A. Michel Psellos, homme d'Etat et philosophe du XIe siècle // *Revue historique*. 3 (1877). P. 271.
- ¹¹⁸ Никифор Вриенний. Исторические записки. Цит. соч. Кн. I, 23.
- ¹¹⁹ Zonaras J. Op. cit. XVIII. P. 764.
- ¹²⁰ Алексиада. I, 1, 13.
- ¹²¹ Зегер: Seger J. Byzantinische Historiker des zehnten und elften Jahrhunderts. 1. Nikephoros Bryennios; eine philologisch-historische Untersuchung. München: Lindauer, 1888. [München, Univ., Diss.] S. 11 утверждает, что в 1078 г. Алексею было 22 года.
- ¹²² Алексиада. III, 2, 137.
- ¹²³ Theophylactus. Παιδεία βασιλική // *Migne*. PG. T. 126. Col. 257, 265.
- ¹²⁴ Rambaud A. Michel Psellos... P. 248.
- ¹²⁵ Μιχαήλ Ψελλος. Επιστολα 207 // *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / επιστασία* Κ.Ν. Σάθα. Τόμος 5. Εν Βενετία: Τύποις του Φοίνικος, 1876. Σ. 508.
- ¹²⁶ Равноапостольный (прим. науч. ред.)
- ¹²⁷ Алексиада. III, 6, 157.
- ¹²⁸ Там же. III, 8, 163.
- ¹²⁹ Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Op. cit. P. 650.
- ¹³⁰ Du Cange Ch. du Fresne. Familiae augustae byzantinae... Op. cit. P. 161. Евдокия была дочерью Константина Далассина.
- ¹³¹ О царствовании Диогена см. Hertzberg G.F. Geschichte der Byzantiner... Op. cit. S. 245 и далее.
- ¹³² Никифор Вриенний. Исторические записки. Цит. соч. Кн. I, 6, 24.
- ¹³³ Протостратор — в византийской иерархии чинов начальник императорской конюшни, в военных походах как правило руководил кавалерийским авангардом (прим. науч. ред.)
- ¹³⁴ *Ibid.* L. I, 7, 25.
- ¹³⁵ Zonaras J. Op. cit. XVIII. 12, 694.
- ¹³⁶ *Ibid.*
- ¹³⁷ Никифор Вриенний. Исторические записки. Цит. соч. Кн. I, 12, 35. — Алексиада. I, 1, 13.

- ¹³⁸ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. I, 22, 49.
- ¹³⁹ *Там же*. Кн. I, 22, 50.
- ¹⁴⁰ Монастыри Принцевых островов часто служили для заключения лиц, осужденных по политическим соображениям. Ср. *Schlumberger G. Les îles des Princes*. Paris: C. Lévy, 1884.
- ¹⁴¹ У Ф. Шаландона ошибка. На самом деле он был царем Грузии (прим. науч. ред.). *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. I, 56. — *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. С. CX, p. 178 и примечания Дюлорье на p. 418. — Ср. *Du Cange Ch. du Fresne. Familiae augustae byzantinae...* Op. cit. P. 133–137. — Броссе: *Brosset M. F. Histoire de la Géorgie: depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle / trad. du géorgien*. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1849–1857. 2 t. Т. 2. P. 330, п. 2 утверждает, что вместо «аланских» надо читать «абхазских», и выдвигает предположение, что Ирина была дочерью Дмитрия, брата Баграта.
- ¹⁴² Ср. *Hertzberg G. F. Geschichte der Byzantiner...* Op. cit. S. 250 и далее.
- ¹⁴³ *Skylitzés*. Op. cit. P. 622.
- ¹⁴⁴ Оба этих факта сопоставляет Вриенний: *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 1, 56.
- ¹⁴⁵ *Там же*. Кн. II, 1 и 2, 56–57.
- ¹⁴⁶ Схолы — в византийской армии профессиональные подразделения гвардии, которые были расквартированы в Константинополе и его окрестностях, а со второй половины X века и в пограничных провинциях; командовали ими доместики (прим. науч. ред.)
- ¹⁴⁷ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 3, 58. Анна Комнина, должно быть, по ошибке, говорит, что ее дядя командовал Восточной и Западной армиями. Алексиада. I, 1, 15.
- ¹⁴⁸ Подробней обо всех этих событиях см. *Hertzberg G. F. Geschichte der Byzantiner...* Op. cit. S. 255 и далее.
- ¹⁴⁹ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 3, 58.
- ¹⁵⁰ *Там же*. Кн. II, 4, 58.
- ¹⁵¹ Фема — в Византийской империи — военно-административный округ (прим. науч. ред.)
- ¹⁵² *Никифор Вриенний*. Исторические записки. — Ср. *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula // Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores*. Op. cit. Т. 5. 1724. L. I, с. 33. — Ср. примечание Дюканжа к Вриеннию: *Nicephorus Bryennius. Historiarum libri 4*. Op. cit. P. 5, 8. — Ср. *Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: sceaux de Hervé et de Roussel de Bailleul*. Paris: Daubeley-Gouverneur, 1881. P. 8 и далее.

- ¹⁵³ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 57–72. — Алексиада. I, 2, 15 и далее. — Зонара: *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 16, 709 об Алексее не говорит.
- ¹⁵⁴ *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 183–184.
- ¹⁵⁵ *Skylitzés*. Op. cit. P. 708.
- ¹⁵⁶ *Wilken F.* Op. cit. P. 71.
- ¹⁵⁷ *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 199.
- ¹⁵⁸ *Skylitzés*. Op. cit. P. 713.
- ¹⁵⁹ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 73–83. — *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 189 и далее. — *Skylitzés*. Op. cit. P. 710.
- ¹⁶⁰ *Schlumberger G.* *Deux chefs normands...* Op. cit. P. 11.
- ¹⁶¹ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 19, 23–84.
- ¹⁶² Там же. Кн. II, 19, 84. — Атталиат: *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 199 говорит только, что Алексей был проедром.
- ¹⁶³ Стратопедарх — бувально «начальник военного лагеря», т. е. полевых войск. Должность, созданная императором Никифором II Фокой специально для патрикия Петра; в XI веке практически дублировала функции доместика, с той лишь разницей, что была доступна евнухам (прим. науч. ред.)
- ¹⁶⁴ *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 199.
- ¹⁶⁵ *Ibid.* P. 200.
- ¹⁶⁶ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 19, 84.
- ¹⁶⁷ Там же. Кн. II, 28, 86. — *Skylitzés*. Op. cit. P. 718.
- ¹⁶⁸ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 19, 84–95. — Алексиада. I, 2, 15–23.
- ¹⁶⁹ *Schlumberger G.* *Deux chefs normands...* Op. cit. P. 21 и далее. «Руссель» по-гречески писался как Ούρσίλιος.
- ¹⁷⁰ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. II, 27, 94–95; 28, 93–96.
- ¹⁷¹ *Muralt E. von.* *Essai de chronographie byzantine, 1057–1453*. Saint Pétersbourg: Eggers et Cie; Bâle et Genève: H. Georg, 1871–1873. 2 vol. T. 2. P. 23 и далее.
- ¹⁷² *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. III, 1, 100 и далее.
- ¹⁷³ Ср. с. 22.
- ¹⁷⁴ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 16, 713.
- ¹⁷⁵ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. III, 15, 118.

- ¹⁷⁶ *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 200, 211–212. — *Skylytzés*. Op. cit. P. 714. — *Zonaras J*. Op. cit. XVIII. 17, 713 и далее. — Глика: *Glykas, Michael*. Βίβλος χρονική = *Michaelis Glycae annales / recognovit I. Bekkerus*. Bonnae: Weber, 1836. P. 614–615 следует рассказу Зонары.
- ¹⁷⁷ *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 210.
- ¹⁷⁸ *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 246 и далее. — *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. III, 9 и 10, 111 и далее. — *Skylytzés*. Op. cit. P. 728. — *Glykas, Michael*. *Annales*. Op. cit. P. 615. — Ср. *Muralt E. von*. *Essai de chronographie byzantine...* Op. cit. 1077 год. Согласно ему, это восстание произошло в октябре.
- ¹⁷⁹ В марте 1078 г. *Muralt E. von*. *Essai de chronographie byzantine...* Op. cit. 1078 год.
- ¹⁸⁰ Об этих событиях см. *Hertzberg G. F*. *Geschichte der Byzantiner...* Op. cit. S. 257 и далее.
- ¹⁸¹ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. III, 6, 107.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ Ср. *Muralt E. von*. *Essai de chronographie byzantine...* Op. cit. P. 32.
- ¹⁸⁴ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. III, 115–116. — *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 247–250. — *Zonaras J*. Op. cit. XVIII. 17, 716.
- ¹⁸⁵ Об Афире, находившейся между Эски-Эрегли (Ираклией) и Константинополем, см. *Du Cange*. *Notis ad Villehardouin // Villehardouin G. de*. *Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs françois / texte édité par C. Du Fresne Du Cange*. Paris: Imp. royale, 1657. 2 t. P. 220.
- ¹⁸⁶ *Skylytzés*. Op. cit. P. 729. — *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 253–254. — *Zonaras J*. Loc. cit.
- ¹⁸⁷ *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 255–257.
- ¹⁸⁸ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. III, 121 и далее.
- ¹⁸⁹ Мятежи Вотаниата и Вриенния в некотором роде олицетворяют соперничество Востока и Запада, о котором я уже говорил. Вотаниат принадлежал к азиатскому роду. На мой взгляд, преимущество ему обеспечил тот факт, что его, помимо Азиатской армии, поддерживали сенат, знать и духовенство. Ср. *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. III, 103 и 118. — *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 237 и 240. — *Skylytzés*. Op. cit. P. 715 и 726. — *Zonaras J*. Op. cit. XVIII. 18, 718.
- ¹⁹⁰ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. III, 24, 125–126.

- ¹⁹¹ Лиутпранд Кремонский. Антаподосис [и др.] / пер. И. В. Дьяконова. М.: SPSL; Русская панорама, 2006. Кн. V, гл. 24. — Ср. *Rambaud A. L'Empire grec...* Op. cit. P. 22–23.
- ¹⁹² *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 18, 721. — Алексиада. I, 4, 25. — *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 4, 133.
- ¹⁹³ Об этом титуле см. *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin.* Op. cit. P. 331.
- ¹⁹⁴ *Zonaras J.* Loc. cit. — Скилица: *Skylitzés.* Op. cit. P. 736 и Глика: *Glykas, Michael.* Annales. Op. cit. P. 616 приписывают Алексею титул *нобилиссима* в таких выражениях, как если бы он получил этот титул раньше.
- ¹⁹⁵ Несомненно, его звали *Бориц*.
- ¹⁹⁶ *Michel Attaliates. Michaelis Attaliothae historia.* Op. cit. P. 285 и далее.
- ¹⁹⁷ *Ibid.* P. 288.
- ¹⁹⁸ *Ibid.* — *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 2, 130.
- ¹⁹⁹ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 4, 133. — Алексиада. I, 4, 25. — Хоматинцы были уроженцами местности, расположенной между реками Сангарий и Галис. Ср. *Ramsay W. M.* Op. cit. P. 216, 227.
- ²⁰⁰ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 4, 133.
- ²⁰¹ Вриенния ослепили. Вриенний: *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 28, 156 и «Алексиада» (I, 7, 38) утверждают, что это было сделано после того, как великий доместик передал пленника посланцам императора. — Зонара: *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 18, 721–722 обвиняет Алексея в том, что тот велел ослепить Вриенния. Скилица: *Skylitzés.* Op. cit. P. 737 просто упоминает этот факт. Я склонен верить Вриеннию, потому что Атталиат: *Michel Attaliates. Michaelis Attaliothae historia.* Op. cit. P. 291, который объективен, обвиняет посланцев василевса.
- ²⁰² *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 16, 146–147.
- ²⁰³ Веррия, древняя Бероя, находится южнее Водены.
- ²⁰⁴ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 27, 155 и далее.
- ²⁰⁵ Филиппы, к западу от Кавалы, бывшего Христополя.
- ²⁰⁶ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 28, 156. Существует печать Алексея как великого доместика и севаста, см. *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin.* Op. cit. P. 640.

²⁰⁷ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 30, 157 и далее. Мы видим, что Алексей после назначения великим доместиком жил в Адрианополе; позже мы увидим, что Бакуриан, заняв ту же должность, тоже поселится в Адрианополе. Может быть, этот город был в те времена официальной резиденцией великого доместики? Выбор такой резиденции легко объяснялся бы ее стратегическим значением.

²⁰⁸ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 1, 128, 129. — *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 275–276. — *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 19, 721. — *Ανωνύμου Σύνοψις χρονική*. Op. cit. Σ. 171.

²⁰⁹ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 16, 147.

²¹⁰ *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 294. — *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 19, 724.

²¹¹ Скилица: *Skylitzés*. Op. cit. P. 742–743 относит эти события к 13-му индикту. А ведь в царствование Вотаниата тринадцатого индикта не было. Вместо *ἰνδικτιώνος γ'* предлагаю читать *ἰνδικτιώνος γ'*, что дает 1079–1080 гг.

²¹² *Ramnaud A.* *L'Empire grec...* Op. cit. P. 23 и далее.

²¹³ Это следует из слов Вриенния: *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Вступление. *Passim*. Атталиат: *Michel Attaliates*. *Michaelis Attaliothae historia*. Op. cit. P. 304, конечно, упомянул этот факт, говоря об отношениях Вотаниата с предшественником. Согласно «Алексиаде» (III, 4, 150), Константин находился в промежуточном положении: не будучи василевсом, он не был и совсем отстранен от власти.

²¹⁴ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Вступление. *Passim*.

²¹⁵ Цит. соч. Кн. III, 25, 126. — *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 722. — *Skylitzés*. Op. cit. P. 738. — Матфей Эдесский: *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. С. СХ, р. 178 говорит, что этот преступный брак подготовило прелюбодение. Возможно, это отголосок слухов, ходивших об отношениях Марии с Алексеем Комнином — слухов, которые он по ошибке отнес к Вотаниату.

²¹⁶ На самом деле, постановление, которое Ф. Шаландон здесь приводит как новеллу Константина VII, является Томом Единения, изданном на Соборе 920 г. по поводу четвертого брака императора Льва VI (прим. науч. ред.) *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 227, nov. XIII. Ср. *Ramnaud A.* *L'Empire grec...* Op. cit. P. 9.

²¹⁷ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 32, 159.

- ²¹⁸ Там же. Кн. IV, 40, 165–166.
- ²¹⁹ Там же. Кн. IV, 32, 159.
- ²²⁰ Ср. *Lequien M. Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus, in quo exhibentur Ecclesiae, patriarchae, caeterique praesules totius Orientis. Parisiis: ex Typographia Regia, T. 1. P. 263.*
- ²²¹ Вриенний: *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Вступление. 8 говорит, что Алексей был подозрителен для императора изначально; мне кажется, что в таком случае необъяснимы дальнейшие события, — я предпочитаю верить Зонаре: *Zonaras J. Op. cit. XVIII. 726*. Вотаниат, очень старый, имевший слабый и апатичный характер, должен был испытывать влияние как императрицы, симпатизировавшей Комнинам, так и министров. Последние не смогли добиться от него ничего, что пошло бы во вред Алексею, почему и задумали убить последнего без ведома императора.
- ²²² *Schlumberger G. L'épopée byzantine... Op. cit. P. 350.*
- ²²³ Исаак Комнин вернулся из Антиохии, как раз когда Алексей возвратился из похода на Василаки, то есть к концу 1078 г. Это следует из рассказа Вриенния (Цит. соч. Кн. IV, 29, 156). Не знаю, из чего исходил Муральт, относя этот факт к 1079 г. Хейд в «Истории торговли в Леванте» (*Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge / édition française, publiée... par F. Raynaud. Leipzig: O. Harrassowitz, 1885–1886. 2 t. T. 1. P. 54, n. 1*) ошибается, когда говорит, что «в то время, когда Алексей Комнин взшел на престол, его брат Исаак был его наместником (в Антиохии); чтобы сохранить благосклонность Алексея, он часто посылал ко двору шелковые ткани». К 1081 г. Исаак уже давно вернулся.
- ²²⁴ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Вступление. *Passim*.
- ²²⁵ Алексиада. II, 1, 86.
- ²²⁶ Там же. II, 1, 84–85.
- ²²⁷ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. IV, 2, 130. — Алексиада. II, 1, 84–85. — Вриенний говорит, что Алексей был усыновлен, еще когда его послали против Вриенния. Я предпочитаю рассказ Анны, говорящей, что Алексей был усыновлен после того, как Исаак привлек на свою сторону служащих гинекея, убедивших императрицу. А ведь Исаак вернулся только после поражения Василаки.
- ²²⁸ Алексиада. III, 2, 140.
- ²²⁹ Там же. III, 8, 163.
- ²³⁰ *Zonaras J. Op. cit. XVIII. 20. 726.*
- ²³¹ Алексиада. II, 2, 87.

- ²³² О мятеже Никифора Мелиссина см. *Waddington W. H. Nicéphore Méliissène, prétendant au trône de Byzance (1080–1081) // Revue numismatique. Nouv. série. 8 (1863). P. 393–400.*
- ²³³ Алексиада. II, 2, 87–94.
- ²³⁴ Там же. II, 4, 93.
- ²³⁵ О положении Чорлу см. *Boué A. Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Vienne: Braumüller, 1854. 2 t. T. 1. P. 44.*
- ²³⁶ Алексиада. II, 4, 98.
- ²³⁷ Там же. II, 5, 104.
- ²³⁸ Сегодня это квартал Отакчилар. Ср. *Schlumberger G. Les îles des Princes. Op. cit. P. 339.*
- ²³⁹ Алексиада. II, 5, 103 и 6, 105.
- ²⁴⁰ Там же. II, 6, 105–106.
- ²⁴¹ Во время взятия Алексеем Константинополя Палеолог наглядно покажет своим поведением, что принадлежит к партии Дук, а не к партии Комнинов. См. с. 56.
- ²⁴² Алексиада. II, 6, 106 и далее.
- ²⁴³ *Konstantin VII. De cerimonia... Op. cit. I, 38, 193.*
- ²⁴⁴ Просфугион [Προσφύγιον], или церковь св. Николая. Ср. *Du Cange Ch. du Fresne. Historia Byzantina... Op. Cit. 2. Constantinopolis christiana, seu descriptio urbis Constantinolitanae qualis exstitit sub imperatoribus christianis. II, 130. — Прим. к «Алексиаде», 213.*
- ²⁴⁵ Алексиада. II, 5, 101.
- ²⁴⁶ Ср. *Du Cange. Notice in Alexiade. P. 54.*
- ²⁴⁷ Алексиада. II, 5, 103.
- ²⁴⁸ Там же. II, 9, 118–120.
- ²⁴⁹ Там же. II, 8, 114–115. Дамалис — это мыс, которым заканчивается район Скутари.
- ²⁵⁰ Там же. II, 8, 115.
- ²⁵¹ Там же. II, 8, 116.
- ²⁵² Находились в квартале, где у немцев всегда было кладбище. Мордтман в «Топографическом очерке Константинополя» (*Mordtmann A. S. Esquisse topographique de Constantinople. Lille: Desclée, de Brouwer et Cie, 1892*) в конечном счете отождествил Харисийские ворота с Адрианопольскими. Аргумент в поддержку его утверждения я усматриваю в том факте, что Зонара, рассказывая о мятеже Алексея, говорит, что тот бежал в Адрианополь. Зная, что Алексей атаковал Адрианопольские ворота, он сделал из этого вывод, что Комнин пришел из этого города, тогда как на самом деле тот пришел из Чорлу.

- ²⁵³ Zonaras J. Op. cit. XVIII. 20. 728. — Ср. Mordtmann A. S. Esquisse topographique de Constantinople. Op. cit. P. 19.
- ²⁵⁴ Mordtmann A. S. Esquisse topographique de Constantinople. Op. cit. P. 20.
- ²⁵⁵ Алексиада. II, 9, 119.
- ²⁵⁶ Там же. II, 10, 124.
- ²⁵⁷ Там же.
- ²⁵⁸ Zonaras J. Op. cit. XVIII. 20. 729.
- ²⁵⁹ Алексиада. II, 12, 129. Ср. Mordtmann A. S. Esquisse topographique de Constantinople. Op. cit. P. 21.
- ²⁶⁰ Du Cange Ch. du Fresne. Historia Byzantina... Op. cit. 2. Constantinopolis christiana... P. 170.
- ²⁶¹ Ср. Labarte J. Le Palais impérial de Constantinople et ses abords, Sainte Sophie, le Forum augustéon et l'hippodrome, tels qu'ils existaient au Xe siècle. Paris: V. Didron, 1861. P. 33.
- ²⁶² Алексиада. II, 12, 131.
- ²⁶³ Там же. II, 11, 125 и далее.
- ²⁶⁴ Там же. II, 12, 129 и далее.
- ²⁶⁵ Rambaud A. Le monde byzantin: le sport et l'hippodrome à Constantinople // *Revue des deux mondes*. 94 (1871). P. 761–794 (зд. 773).
- ²⁶⁶ Алексиада. II, 12, 131–132.
- ²⁶⁷ Там же. II, 12, 133–134.
- ²⁶⁸ Монтеस्कье Ш. Размышление о причинах величия и падения римлян. Гл. XXI: Беспорядки в Восточной империи // Монтеस्कье Ш. Избранные произведения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955.
- ²⁶⁹ См. Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Op. cit. P. 418.
- ²⁷⁰ Ανωνύμου Σύνοψις χρονική. Op. cit. Σ. 185.
- ²⁷¹ Алексиада. III, 2, 139.
- ²⁷² Ср. Labarte J. Le Palais impérial de Constantinople... Op. cit. P. 210 и далее. Вукелеон стоит на Мраморном море, недалеко от Старого сераля, между побережьем, святой Софией и мечетью Ахмета. Ср. Schlumberger G. Les îles des Princes. Op. cit. P. 335.
- ²⁷³ Алексиада. III, 1, 134 и далее.
- ²⁷⁴ Там же. III, 2, 137 и далее.
- ²⁷⁵ Lequien M. Op. cit. T. 1. P. 263.
- ²⁷⁶ Алексиада. III, 2, 139.
- ²⁷⁷ Там же. III, 2, 141.

- ²⁷⁸ Там же. III, 2, 142.
- ²⁷⁹ Там же. III, 2, 142–143.
- ²⁸⁰ Там же. III, 4, 150–151.
- ²⁸¹ Ср. *Du Cange Ch. du Fresne. Historia Byzantina...* Op. cit. 2. Constantinopolis christiana... P. 155.
- ²⁸² Pselli ad Alexium I Comnenum gratulatio // *Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs.* T. I. Paris: Imprimerie nationale, 1875. Pars I. P. 96.
- ²⁸³ Алексиада. III, 6, 154–155.
- ²⁸⁴ Великий друнгарий — в Византии эпохи Комнинов — командующий императорским флотом (прим. науч. ред.)
- ²⁸⁵ Алексиада. III, 4, 147–148. — О разных должностях и назначении на них см. *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin.* Op. cit. о печатях, соответствовавших каждой должности.
- ²⁸⁶ Ср. далее, гл. X.
- ²⁸⁷ Алексиада. III, 4, 149; это был Иванов день. Ср. *Martynov I. M. Annus ecclesiasticus Graeco-Slavicus, editus anno millenario sanctorum Cyrilli et Methodii, Slavicae gentis apostolorum.* Bruxellis: H. Goemaere, 1863. P. 124. — Дюканж: *Du Cange. Notice in Alexiade.* P. 79 ошибочно указывает 7 мая.
- ²⁸⁸ Алексиада. III, 6, 155 и далее.
- ²⁸⁹ Согласно Анне Комниной: Алексиада. III, 6, 159, на этой печати изображались Преображение и Успение; те, которые дошли до нас, сделаны по другому образцу.
- ²⁹⁰ Она заказала себе печать с девизом: «Боже, защити Анну I Далассину, мать василевса». Ср. *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin.* Op. cit. P. 650.
- ²⁹¹ Ср. *Delarc O. J. M. Les Normands en Italie depuis les premières invasions jusqu'à l'avènement de S. Grégoire VII (859–862, 1016–1073).* Paris: E. Leroux, 1883. — *Heinemann L. von. Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sicilien, bis zum Aussterben des normannischen Königshauses.* Leipzig: C. E. M. Pfeffer, 1894. — *De Blasiis G. La insurrezione pugliese e la conquista normanna nel secolo XI.* Napoli: A. Detken, 1864–1873. 3 v. — *Gauttier d'Arc É. Histoire des conquêtes des Normands, en Italie, en Sicile et en Grèce, accompagnée d'un atlas. Première époque 1016–1085.* Paris: L. de Bure, 1830. Достоинство этой книги в том, что она была первой, но исчерпывающей не стала. — Ф. Хирш рассмотрел некоторые частные вопросы в работах: *Hirsch F. Amatus von Monte Cassino und seine Geschichte der Normannen: eine kritische Untersuchung* // *Forschungen zur deutschen Geschichte.* 8 (1868). S. 203–325. — *Hirsch F. De Italiae inferioris annalibus saeculi decimi et undecimi:*

dissertatio inauguralis. Berolini: typis expressit G. Lange, 1864. — Труд Тафеля: *Tafel T. L. F. Komnenen und Normannen. Beiträge zur Erforschung ihrer Geschichte in verdeutschten und erläuterten Urkunden des 12. und 13. Jh.* Ulm: Helb, 1852 посвящен более позднему периоду. Подробную библиографию работ см. *Delarc O. J. M. Les Normands en Italie...* Op. cit. P. VI–VIII.

²⁹² Ср. *Delarc O. J. M. Les Normands en Italie...* Op. cit. Cap. VI. — *Heinemann L. von. Geschichte der Normannen...* Op. cit. S. 216–222.

²⁹³ Батиффоль: *Batiffol P. L'abbaye de Rossano: contribution à l'histoire de la Vaticane.* Paris: Picard, 1891. Préf. P. XXIII говорит, что последний греческий гарнизон покинул Италию в 1061 г. Это неточно. В Бари оставались катепан и греческие войска. Ср. условия капитуляции: *Delarc O. J. M. Les Normands en Italie...* Op. cit. P. 454. — *Heinemann L. von. Geschichte der Normannen...* Op. cit. S. 218.

²⁹⁴ *Delarc O. J. M. Les Normands en Italie...* Op. cit. P. 455.

²⁹⁵ Много подробностей об эллинизации Великой Греции можно найти у Ленормана: *Lenormant F. La Grande-Grèce, paysages et histoire.* Paris: A. Lévy, 1881–1884. 3 t. Passim. — Ср. *Batiffol P. L'abbaye de Rossano.* Op. cit. P. XXVI. — *Brehier L. Le schisme oriental du XIe siècle.* Op. cit. P. 2 и далее.

²⁹⁶ Норманнские государи выдавали себя за наследников василевсов. Рожер Сицилийский велел изобразить себя на мозаиках Мартораны в Палермо в костюме василевса. И на монетах он в одной руке держит лабарум, а в другой — державу. Ср. № 39 и далее в «Каталоге монет Неаполитанского музея». В чести были греческие титулы, даже когда у Италии было уже мало связей с империей. Так, донатор бронзовых дверей для Салернского собора носил титул севаста.

²⁹⁷ *Batiffol P. Chartes byzantines inédites de Grande Grèce // Mélanges d'archéologie ed d'histoire de l'École française de Rome.* 10 (1890). P. 103, 108.

²⁹⁸ *Dandolo A. Chronicon Venetum...* Op. cit. P. 245.

²⁹⁹ *Buchon J. A. C. Recherches historiques sur la principauté française de Morée...* Op. cit. T. 2. P. 360. Акт за июль 1079 г. Архивы Ла-Кавы.

³⁰⁰ Эта печать воспроизведена в издании: *Engel A. Recherches sur la numismatique et la sigillographie des Normands de Sicile et d'Italie.* Paris: E. Leroux, 1882. P. 82; по нему я и цитирую эту легенду.

³⁰¹ *Cecaumeni Strategicon: et incerti scriptoris De officiis regis libellus / ed. B. Wassiliewsky, V. Jernstedt. Petropoli: Typis Academiae Caesareae Scientiarum, 1896. Cap. 173, p. 66–67.* Год ознаменовался появлением в мае кометы, которую также упомянули: *Michel Attaliates. Michaelis Attalioetae historia.* Op. cit. P. 91. — *Skyllitzés.* Op. cit. P. 658. — *Zonaras J.*

Op. cit. XVIII. 9. 680. Луп Протоспафарий: *Lupi Protospatrii annales*. Op. cit. P. 59 говорит об этом после упоминания о приготовлениях норманнского вождя к походу на империю. Слухи, ходившие тогда в Константинополе, имели реальные основания, хотя Роберт не собирался сам возглавлять экспедицию. В тексте Лупа, изданном Муратори: *Muratori L. A. Regum Italicarum Scriptores*. Op. cit. T. 5. 1724. L. I, с. 44, греческий командир, отразивший это нападение, носит имя Маврика; это написание верней, чем приведенное в издании Перца: *Scriptores. MGH/ ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. V: Chronica et annales aevi Salici*. 1844. P. 59 — Маврика. Известны печати Константина Маврика (*Mabrikas*), претора Эллады и Пелопоннеса в XI в. Ср. *Mordtmann A. S. Plombs byzantins de la Grèce et du Péloponnèse // Revue archéologique*. 34 (1877). P. 47. — *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin*. Op. cit. P. 189. Эта печать с легендой, написанной ямбическим триметром, относится к концу XII в. Известна печать Михаила Маврика, вестарха и катепа-на Диррахия во времена Дук. Ср. *Mordtmann A. S. Plombs byzantins...* Op. cit. 34 (1877). P. 52. — *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin*. Op. cit. P. 204. Возможно, его следует отождествить с Мавриком, которого упомянули Анна Комнина (*Алексиада*. IV, 3, 195) и Вильгельм Апулийский (*Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. P. 292) в качестве командующего греческим флотом. Именно о нем говорит Никифор Вриенний (*Никифор Вриенний. Исторические записки*. Цит. соч. Кн. II, 26, 93) как о жителе окрестностей Гераклеи Азиатской: он был незнатен, но очень богат, был весьма искусным мореходом и имел множество рабов и людей, служивших ему на войне. О победе, одержанной им над норманнами, см. *Delarc O. J. M. Les Normands en Italie...* Op. cit. P. 424.

³⁰² Это самое раннее развернутое свидетельство о влахах, более раннее, чем у Анны Комниной и у Вениамина Тудельского, писавших уже в XII в. Ср. *Tafel G. L. F. De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica*. Berolini: Reimer, 1839. P. 473, 490. — *Fallmerayer J. Ph. Fragmente aus dem Orient*. Stuttgart und Tübingen: J. G. Cotta, 1845. 2 Bde. Bd. II. S. 240. — *Hopf K. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften und Künste / in alphabetischer Folge von genannten Schriftstellern bearb. und hrsg. von J. S. Ersch und J. G. Gruber*. Sect. 1: A–G. Theil 85: *Griechenland*. Leipzig: Gleditsch u.a., 1867. S. 163. — *Roesler R. E. Romänische Studien...* Op. cit. S. 104. — *Rambaud A. L'Empire grec...* Op. cit. P. 260. — *Picot É. Les Roumains de la Macédoine*. Paris: E. Leroux, 1875. — *Lenormant F. Les Pâtres valaques de la Grèce*. Paris: Challamel aîné, 1865. Ср. комментарий Васильевского об этом месте из «Стратегикона»: *Васильевский В. Г. Советы и рассказы*

византийского боярина... Цит. соч. С. 130. — Георгиадес говорит об этих влахах в издании: *Γεωργιάδης Ν. Η Θεσσαλία. Αθήναι, 1881. Σ. 118, 301.* Несколько дальше, на с. 69–70, «Стратегикон» упоминает о существовании крупной влашской колонии, центр которой находится в области Πλήρης. Ср. *Γεωργιάδης Ν. Op. cit. Σ. 48–49.*

³⁰³ Эти двойные переговоры, закончившиеся обручением Константина и Елены, имели довольно запутанную историю.

Существование планов брака между Константином, братом Михаила VII, и дочерью Гвискарда удостоверяют два письма Михаила VII, сохранившиеся в переписке Пселла (*Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / ἐπιστολαί Κ.Ν. Σάθα. Τόμος 5. Εν Βενετία: Τύποις του Φοίνικος, 1876. Σ. 392*).

Зегер в очерке о Никифоре Вриеннии попытался датировать эти письма (*Segeer J. Op. cit. S. 123–124*). По его мнению, они были написаны после восшествия Михаила VII на престол, несомненно, в 1073 г. Первым он ставит письмо № 143; думаю, он прав, потому что в этом письме Михаил VII некоторым образом уведомляет о своем восшествии на престол и обращает внимание адресата (что заметил Зегер) на превосходство своей династии над династией Диогенов; второе письмо (№ 144) могло быть написано только до 1074 г., года рождения сына Михаила VII (к моменту восшествия Алексея ему не было семи лет, см. Алексиада. III, 1, 135). Хейнеман: *Heinemann L. von. Geschichte der Normannen... Op. cit. S. 218* оспаривает утверждения Зегера.

Этот план брака с братом Михаила VII — единственный, о котором говорит Вильгельм Апулийский (*Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. III, p. 275, v. 502*).

План брака с Константином — сыном Михаила VII известен лучше. См. Алексиада. I, 10, 49 и 12, 57. — *Zonaras J. Op. cit. XVIII. 17. 714.* — *Skyllitzés. Op. cit. P. 720–724.* — *Aimé du Mont-Cassin. Ystoire de li Normant / publ. par O. Delarc. Rouen: A. Lestringant, 1892. VII, c. 26* (он относит это событие к 1075 или 1076 г.). — *Gaufrédus Malaterra. Historia Sicula. L. III, c. 13, p. 579.* — *Orderic Vital. Orderici Vitalis historiae ecclesiasticae libri tredecim / ex veteris codicis Uticensis collatione emendavit et suas animadversiones adjecit A. Le Prevost et L. Delisle. Parisiis: J. Renouard, 1838–1855. 5 t. T. III, l. VII, p. 166.* — Зегер, исходя из представления о гордости императоров, отказывается признавать, что был отказ, за которым последовала новая просьба. Свидетельство Амата на этот счет недвусмысленно. Думаю, вполне можно допустить, что Роберт Гвискард отказал брату императора и согласился на сына. Ссылку на гордость василевса нельзя считать серьезным доводом. Хоть Анна и говорит (Алексиада. I, 12), что союза с греками искал Гвискард, письма Михаила VII явно опровергают это утверждение. Зегер считает, что в Константинополь были

отправлены две дочери Гвискарда; он опирается на свидетельство Ордерика Виталия (*Orderic Vital.* Op. cit. Т. III, l. VII, p. 166–168). Но Ордерик в этой части осведомлен плохо — например, он говорит, что сын Михаила был ослеплен, что неверно; с другой стороны, Анна, перечисляя дочерей Гвискарда (Алексиада. I, 12, 62), конечно, упомянула бы эту вторую дочь, если бы ее прислали в Константинополь, притом что она называет еще двух дочерей, не имевших отношения к грекам.

³⁰⁴ Малатерра: *Gaufredus Malaterra.* Historia Sicula. Op. cit. Т. 5. 1724. L. III, c. 13, p. 579 говорит, что Вотаниат велел оскопить Константина; этого не может быть, потому что Алексей обручил последнего со своей дочерью.

³⁰⁵ Об итальянском восстании см. *Heinemann L. von.* Geschichte der Normannen... Op. cit. S. 289–300. — *Schwartz K.* Die Feldzüge Robert Guiscard's gegen das Byzantinische Reich, nach den Quellen dargestellt. Fulda: Uth, 1854. S. 3.

³⁰⁶ Лже-Михаил упоминается в письме Григория VII за 25 июля 1080 г.: *Regesta pontificum Romanorum: ab condita Ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII* / ed. Ph. Jaffé. Lipsiae: Veit, 1885–1888. 2 vol. 5178.

³⁰⁷ Алексиада. I, 12, 57. — *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi.* Op. cit. IV, p. 282, v. 162. — *Gaufredus Malaterra.* Historia Sicula. Op. cit. L. III, c. 13. — *Chronicon ignoti civis Barensis, sive Lupi Protospatae...* Op. cit. An. 1080. — *Lupi Protospatarii annales a. 855–1102.* Op. cit. An. 1080. Зонара: *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 19. 722 говорит, что Михаил VII стал епископом Эфесским и умер в Константинополе, в монастыре Мануила. Шварц: *Schwartz K.* Die Feldzüge Robert Guiscard's... Loc. cit. утверждает, что тот умер до восшествия Алексея на престол, так как Анна якобы это сказала, сообщая о благосклонности отца к Марии и Константину. А ведь Анна (Алексиада. I, 15, 72) сообщает, что Рауль, который был послом Гвискарда в Константинополе и возвращался оттуда во время восшествия Алексея на престол, видел Михаила VII. К тому же Зонара: *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 19. 723 рассказывает, что Михаил простил жену, когда она уже была монахиней, то есть к 1091 г. См. главу V.

³⁰⁸ *Gaufredus Malaterra.* Historia Sicula. Op. cit. L. III, c. 13; это место надо сопоставить с картиной, которую рисует Анна, изображая, как мало энтузиазма вызывал этот поход у норманнов. Краски в ее картине сгущены, но основа представляется верной. Алексиада. I, 14, 68 и далее.

³⁰⁹ *Regesta pontificum Romanorum* / ed. Ph. Jaffé. Loc. cit. Тогда произошло сближение между Робертом Гвискардом и Григорием VII,

которое должно было напугать Генриха IV. Ср. *Heinemann L. von. Geschichte der Normannen...* Op. cit. S. 304. — *Schwartz K. Die Feldzüge Robert Guiscard's...* Op. cit. S. 3. — *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi.* Op. cit. L. IV, p. 283, v. 171. — Рим в то время был в плохих отношениях с Византией. В ноябре 1079 г. Вотаниата отлучили: *Mansi J. D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae: A. Zatta, 1759–1798. 31 vol. T. XX. P. 508.*

³¹⁰ Тот возвращался из Константинополя, когда по дороге узнал о восшествии на престол Алексея. *Алексиада. I, 15, 72.*

³¹¹ Я склонен отождествить это лицо с Раулем де Понтуазом, упомянутым в *Алексиаде, V, 5, 242.* Таким было мнение Дюканжа: *Du Cange. Notice in Alexiade. P. 136.* Помимо грамот, где он выявил подпись этого человека, я нашел упоминание о Рауле в одной дарственной Ангеррана де Клери (не датированной) как о *Radulfus Delicatus*, сыне Амори де Понтуаза. Ср. *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Martin de Pontoise / publié d'après les documents inédits par J. Depoin. Pontoise: Société historique du Vexin, 1895–1909. 5 t.* Издатель датирует эту грамоту очень неопределенно — периодом с 1069 по 1092 г. Если допустить такую идентификацию, то это был Рауль II Проницательный. Об этой семье см. *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Martin de Pontoise. Op. cit. Appendice I.*

³¹² *Алексиада. I, 15, 71.*

³¹³ *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. IV, p. 282, v. 155.* Согласно Ордерiku Виталию: *Orderic Vital. Op. cit. T. III, l. VII, p. 168,* дочери Роберта оставались в Константинополе двадцать лет; император якобы обращался с ними очень хорошо, и их служба состояла в том, чтобы подавать императору полотенце и расчесывать ему бороду. Потом их передали Рожеру Сицилийскому.

³¹⁴ *Reclus É. Nouvelle géographie universelle: la terre et les hommes. Paris: Hachette, 1876–1894. 20 vol. T. 1. P. 194.*

³¹⁵ *Алексиада. I, 14, 70.*

³¹⁶ *Hirsch F. Desiderius von Monte Cassino als Papst Victor III // Forschungen zur deutschen Geschichte. 7 (1867). S. 1–108 (S. 76).*

³¹⁷ Авлона находится в 72 км от Отранто: *Reclus É. Op. cit. T. 1. P. 181.*

³¹⁸ Одна только «Алексиада» (I, 16, 75) сообщает, что он отплыл из Бриндизи; это ошибка. Ср. *Schwartz K. Die Feldzüge Robert Guiscard's...* Op. cit. S. 9, Anm. 2. Ордерик Виталий: *Orderic Vital. Op. cit. T. III, l. VII, p. 170* заблуждается, говоря, что Роберт направился из Отранто прямо к Диррахию.

³¹⁹ *Orderic Vital. Op. cit. T. III, l. VII, p. 170.*

³²⁰ *Chronicon breve Northmannicum ab anno MXLI usque ad annum MLXXXV // Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani: ex*

typographia Societatis Palatinae in Regia curia, 1723–1751. 25 t. T. 5. 1724. P. 278, ad an 1080.

³²¹ Paulus Diaconus. Petri chronicon a. 1075–1139. Op. cit. L. III, 49, p. 738.

³²² *Gaufredus Malaterra*. Historia Sicula. Op. cit. L. III, c. 24.

³²³ Алексиада. III, 9, 170. Анна делает вид, будто у василевса было всего 300 солдат; но из дальнейшего рассказа следует, что она имеет в виду только войска в столице.

³²⁴ Алексиада. IV, 4, 197.

³²⁵ Там же. III, 9, 170; V, 1, 225.

³²⁶ Там же. III, 9, 171; согласно Фишеру: *Fischer W.* Trapezus im elften und zwölften Jahrhundert. Op. cit. S. 183 и далее, они были независимыми.

³²⁷ Алексиада. III, 9, 172–173.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же. III, 12, 181. Алексей сумел добиться его возвращения, предоставив ему охранную грамоту.

³³⁰ *Oman C. W.C.* The Byzantine Empire. London: T. F. Unwin, 1892. P. 257.

³³¹ Алексиада. III, 10, 173.

³³² Ср. с. 62.

³³³ Ср. *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. IV, 530, p. 239. — *Paulus Diaconus*. Petri chronicon a. 1075–1139. Op. cit. L. IV, 2, p. 766.

³³⁴ Третий сын Танкреда де Отвила, Унфред прибыл в Италию вместе с Вильгельмом Железная Рука и Дрогоном; он стал графом Лавелло. После убийства Дрогона сменил его в качестве вождя норманнов Апулии; умер в 1057 г., попросив Гвискарда стать опекуном его сына. Роберт воспользовался своим положением, чтобы присвоить владения племянника. *Delarc O. J. M.* Les Normands en Italie... Op. cit. P. 75, 158, 199, 277. Об Абеяре см. *Romualdus Salernitanus*. Chronicon Romualdi II. Archiepiscopi Salernitani... // *Muratori L. A.* Rerum Italicarum Scriptores. Op. cit. T. 7. 1725. P. 1–246 (p. 169).

³³⁵ Chronicon breve Northmannicum... Op. cit. Ad an. 1079. — *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. III, 649, p. 279, av. 1080.

³³⁶ Алексею не удалось убедить Гервасия и его сторонников. См. *Regesta pontificum Romanorum* / ed. Ph. Jaffé. Op. cit. N°5234.

³³⁷ Генрих IV был коронован императорской короной 31 марта 1084 г. в Риме, в соборе св. Петра (прим. науч. ред.)

³³⁸ В письме Герману, епископу Мецскому, от 15 марта 1081 г. Григорий VII так говорит о Генрихе IV: «Henricum, hominem Christianæ

legis contemptorem, ecclesiarum videlicet et imperii destructorem atque hereticorum auctorem et consentaneum» [Генриха, человека, презирающего христианский закон, разумеется, разрушителя церквей и империи, а также покровителя еретиков и согласного с ними (*lam.*)]. *Regesta pontificum Romanorum* / ed. Ph. Jaffé. Op. cit. N°5201.

³³⁹ *Regesta pontificum Romanorum* / ed. Ph. Jaffé. Op. cit. N°5218.

³⁴⁰ Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. IV, 171, p. 283. Ср. *Regesta pontificum Romanorum* / ed. Ph. Jaffé. Op. cit. N°5218.

³⁴¹ Алексиада. III, 10, 175. Генрих немедленно попросил денег.

³⁴² Судя по хронологии Анны и по всей вероятности, эти переговоры должны были происходить до отплытия Роберта в Дирахий. Первое посольство прибыло из Константинополя; потом в Константинополь приехали посланцы Генриха. Алексиада. III, 10, 175. — Гфрёрер: *Gfrörer A.F. Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter*. Schaffhausen: Fr. Hurter, 1859–1864. 7 Bde. Bd. 7. S. 838 полагает, что послом был канцлер Бурхард, епископ Лозаннский. — Шварц: *Schwartz K. Die Feldzüge Robert Guiscard's...* Op. cit. S. 14 считает, что это был граф, а не епископ Мюнстерский, позже возглавивший посольство в Византий, в ходе которого он умрет. Burchardi et Cuonradi Urspergensium Chronicon // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. XXIII: *Chronica aevi Suevici*. 1874. Ad an. 1121.

³⁴³ Это известное лицо: существует его печать как претора Пелопоннеса и Эллады. Ср. *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin*. Op. cit. P. 188, 636. — Мордтман сделал о нем биографическую запись. *Mordtmann A. S. Plombs byzantins de la Grèce et du Péloponnèse // Revue archéologique*. 34 (1877). P. 48. Добавлю, что он упоминается как претор Эллады в «Житии святого Мелетия» Николая Мефонского (*Васильевский В. Г. Николая еп. Мефонского и Феодора Продрома житие Мелетия Нового с предисловием и русским переводом // Православный палестинский сборник*. 17 (1886). С. 34) в связи с чудесным исцелением одного из его слуг.

³⁴⁴ Алексиада. III, 10, 174 и далее. Бенцо: *Benzonis episcopi Albensis ad Heinricum IV. imp. libri VII*, ed. K. Pertz // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. XI: *Historiae aevi Salici*. 1854. P. 591–681. VI, 4 (p. 664) упоминает также приезд греческого посольства с дарами и реликвиями (о дате составления этого труда см. *Heinemann L. von. Geschichte der Normannen...* Op. cit. S. 396, он появился в конце 1081 г.). Это второе посольство, должно быть, прибыло тогда, когда Генрих IV был занят осадой Рима, приблизительно в июне 1081 г. (*Heinemann L. von. Geschichte der Normannen...* Op. cit.

S. 397). — Гфрëпер: *Gfrörer A. F. Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter*. Op. cit. Bd. 7. S. 837 ошибается, говоря, что Алексей принял Генриха IV на жалование после взятия Диррахия. — Хейнеман: *Heinemann L. von. Geschichte der Normannen...* Loc. cit. различает это посольство и посольство, упомянутое в 1083 г. Эккехардом: *Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis chronicon universale // Scriptores. MGH/ ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. VI: Chronica et annales aevi Salici. 1844. P. 205* и Бернольдом: *Bernoldi chronicon // Scriptores. MGH/ ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. V: Chronica et annales aevi Salici. 1844. P. 440*, и я полагаю, что посольств было довольно много. Анна: Алексиада. V, 3, 231 упоминает посольство 1082 г. Они могли иметь место также в 1083 и 1084 г. Но «Алексиада» об этом умалчивает.

³⁴⁵ Гфрëпер: *Gfrörer A. F. Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter*. Op. cit. Bd. 7. S. 839 полагает, что речь должна была идти о двух браках; не знаю, на чем он основывается.

³⁴⁶ Καυκίου σαρδωνύχιον. Ср. *Du Cange Ch. du Fresne. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Lugduni: apud Anissonios, J. Posuel et C. Rigaud, 1687–1688. 2 v. Καυκίου. — *Du Cange. Notice in Alexiade. P. 94.*

³⁴⁷ *Du Cange. Notice in Alexiade. P. 94.*

³⁴⁸ Ср. *Du Cange Ch. du Fresne. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Op. cit. Αστροπελεκη. По его мнению, это позолоченный топорик. — Гиббон: *Gibbon E. Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain*. Op. cit. C. LVI, p. 608, n. 1 полагает, что имеется в виду корона.

³⁴⁹ Ср. *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge*. Op. cit. T. 1. P. 112. Ср. Armingaud J. Venise et le Bas-Empire: histoire des relations de Venise avec l'empire d'Orient depuis la fondation de la république jusqu'à la prise de Constantinople au XIIe siècle // *Archives des missions scientifiques et littéraires. 4/2 (1868). P. 299–443.*

³⁵⁰ *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig...* Op. cit. Bd. 1. S. 42. — *Dandolo A. Andreae Danduli Venetorum ducis Chronicon Venetum*. Op. cit. P. 248. — *Lucius J.* Op. cit. L. II. P. 84–85.

³⁵¹ *Ughelli F. Italia sacra, sive de Episcopis Italiae et insularum adjacentium...* Romae: apud B. Tanum, 1644–1662. 9 t. T. 7. P. 824.

³⁵² См. далее, с. 74.

³⁵³ Алексиада. IV, 2, 192. Согласно Анне, эти переговоры состоялись уже после появления Гвискарда под Диррахием, то есть после 17 июня; это было бы так, если допустить, что Анна следовала хронологическому порядку, но я думаю, что прежде она упустила из виду эти переговоры и получила повод заговорить о них, когда

стала рассказывать о подходе венецианского флота. Как объяснить, что после приезда Роберта было отправлено посольство из Византии в Венецию, еще одно из Венеции в Византию, что последнее посольство смогло вернуться в Венецию и прислать флот, подошедший к Диррахию в конце июля? Должно быть, эти переговоры происходили в то же время, что и упомянутые ранее.

³⁵⁴ *Weil G. Geschichte der Chalifen. Op. cit. Bd. 3. S. 137.*

³⁵⁵ Финия — мыс, расположенный между Черным морем, Дарданеллами и Мраморным морем. См. *Spruner K. von. Historisch-geographischer Wand-Atlas. Gotha: J. Perthes, 1876–1877. 5 Bde. Bd. I. Bl. V.*

³⁵⁶ *Ramsay W. M. Op. cit. P. 216, 188.* Как река Дракон могла служить границей, не очень понятно. Она течет с юга на север; она отделяет только полуостров, заканчивающийся бывшим мысом Нептун, ныне мыс Буз-Бурну (*Schlumberger G. Les îles des Princes. Op. cit. P. 17.*). Возможно, следует допустить, что турки обязались не нападать на прибрежные города, расположенные справа от ее устья.

³⁵⁷ Алексиада. III, 11, 178 и далее.

³⁵⁸ Алексиада. I, 15, 70. — *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula. Op. cit. L. III, c. 24, p. 582.* Лагуна Бутринто отделена от моря земляной косой; она расположена рядом с проливом, отделяющим остров Корфу от берега.

³⁵⁹ *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. IV, p. 283, v. 217: «aestivo tempore» [в летнее время (лат.)]. — Chronicon ignoti civis Barensis, sive Lupi Protospatae... Op. cit. V, 153: за десять дней до конца мая. — Lupi Protospatarii annales a. 855–1102. Op. cit. V, 60: между апрелем и июнем.*

³⁶⁰ Малатерра: *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula. Loc. cit. и Вильгельм Апулийский: Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. IV, p. 282, v. 136, говорят, что он направился к Корфу. Анна: Алексиада. I, 16, 76, говорит, что Роберт послал людей захватить Корфу, а в III, 12, 183 сообщает, что Роберт соединился с Бозмундом в Бутринто, и не говорит, что он пошел на Корфу. Я принял версию Малатерры.*

³⁶¹ *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. IV, p. 282, v. 134.*

³⁶² *Reclus É. Op. cit. T. 1. P. 181.*

³⁶³ Алексиада. III, 12, 183. Мысом Глосса заканчивается полуостров, образующий один из берегов залива, в глубине которого находится Авлона.

³⁶⁴ Луп Протоспафарий: *Lupi Protospatarii annales a. 855–1102. Op. cit. V, 60* говорит об июле, но я предпочитаю датировку Анны (Алексиада. III, 12, 183), потому что она упоминает письмо Палеолога отцу,

сообщающее о подходе к Диррахию норманнской экспедиции; полагаю, она держала это письмо в руках либо получила сведения от Палеолога как очевидца.

³⁶⁵ Алексиада. IV, 2, 191. Должно быть, набор войск происходил с большими трудностями, ведь Алексей набирал воинов уже давно; предоставленная турками помощь еще раз подтверждает то, что я говорил выше о заключении греко-турецкого мира.

³⁶⁶ Алексиада. IV, 2, 191.

³⁶⁷ Алексиада. IV, 2, 192. — *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula. Op. cit. L. III, p. 584.* — *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. IV, p. 291–312, v. 285.*

³⁶⁸ Шварц: *Schwartz K. Die Feldzüge Robert Guiscard's...* Op. cit. S. 14, опираясь на текст Малатерры, полагает, что венецианский флот прибыл за три дня до даты, указанной Алексеем; но Малатерра говорит, что Алексей прибыл через день, тогда как мы знаем, что Алексей покинул Константинополь в августе, только узнав о поражении норманнов (Алексиада. IV, 4, 197). А ведь Малатерра датирует прибытие Алексея октябрём; он ошибается. Флот должен был прийти в июле. Луп Протоспафарий: *Lupi Protospatarii annales a. 855–1102. Op. cit. V, 60* говорит «in mense julii».

³⁶⁹ Алексиада. IV, 3, 195. Это темное место в тексте. Ср. далее, с. 342, прим. 445: оно побудило Муральта неверно датировать взятие города. *Muralt E. von. Essai de chronographie byzantine...* Op. cit. P. 50.

³⁷⁰ Алексиада. IV, 2, 194.

³⁷¹ Там же. IV, 4, 197.

³⁷² Там же. IV, 4, 198.

³⁷³ Там же. IV, 4, 198 и III, 6, 159 и далее.

³⁷⁴ Луп Протоспафарий: *Lupi Protospatarii annales a. 855–1102. Op. cit. V, 61. Ad an. 1082* (год надо начинать с сентября) приводит цифру в 70 тыс. — *Вильгельм Апулийский: Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. IV, p. 286, v. 362*, пишет «de more locustarum montes et plana teguntur» [наподобие саранчи покрыли горы и долину (*лат.*)], а на p. 285, v. 332, — «innumeras ducit varia de gente catervas» [ведет бесчисленные полчища разного народа (*лат.*)]. — Малатерра: *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula. Op. cit. L. III, c. 37, p. 584*, говорит, что армия была бесчисленной.

³⁷⁵ *Jus graeco-romanum. Op. cit. T. 3. P. 373.*

³⁷⁶ *Freeman E. A. The History of the Norman conquest of England, its causes and its results. Oxford: Clarendon press, 1875–1879. 6 v. T. IV. P. 628.*

³⁷⁷ В грамоте Вотаниата у Атталиата они не упоминаются. *Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana* / coll. et ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae: Gerold, 1860–1890. 6 t. T. V. P. 135. Ордерики Виталий: *Orderic Vital*. Op. cit. T. IV, l. II, p. 172, говорит, что они предложили свои услуги Алексею во время борьбы последнего с Робертом Гвискардом.

³⁷⁸ Алексиада. IV, 6, 208.

³⁷⁹ *Gaufredus Malaterra*. *Historia Sicula*. Op. cit. L. III, c. 27, p. 589.

³⁸⁰ Возможно, славонцы, поселившиеся в Македонии. *Schlumberger G. Nicéphore Phocas*. Op. cit. P. 50.

³⁸¹ Об этой турецкой колонии см. *Rambaud A. L'Empire grec...* Op. cit. P. 215. Аксий — это Вардар.

³⁸² Великий примикирий — придворная должность главы дворцовых примикириев (управляющих), впервые упоминающаяся со времени правления Алексея I Комнина. Также в его непосредственном подчинении находились командиры полков императорского эскорта: архонт аллагии, протоаллагатор и великий чауш. В войске он находился во главе императорской свиты, имел собственное знамя (прим. науч. ред.)

³⁸³ *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. I, p. 248, v. 341.

³⁸⁴ *Čámčéan M. Patmowt'iwn hayoc' i skzbanè ašxarhi minč'ew c'am tearn. Vênètik: Petros Vağvazean, 1784–1786*. 3 t. T. III. P. 10. Это и был Аспиет, о котором Анна пишет в связи с войной с Бозмундом. Ср. *Du Cange Ch. du Fresne. Le familles d'Outre-Mer de Du Cange* / publ. par M. E.-G. Rey. Paris: Imprimerie impériale, 1869. P. 163.

³⁸⁵ О варягах и составе их корпуса см. *Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. CLXXVI. 1874. № 11. С. 105–144. Ч. CLXXVII. 1875. № 1. С. 394–451. Ч. CLXXVIII. 1875. № 3. С. 76–152.

³⁸⁶ *Du Cange*. Notice in *Alexiade*. P. 109.

³⁸⁷ Алексиада. IV, 4, 198–199.

³⁸⁸ *Viollet-le-Duc E.E. Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XIe au XVIe siècle*. Paris: Bance, 1854–1868. 10 vol. T. VIII. P. 373.

³⁸⁹ Алексиада. IV, 4 и 5, 201–202.

³⁹⁰ Там же. IV, 5, 203.

³⁹¹ Это версия Вильгельма Апулийского: *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. IV, p. 285–286. Она кажется мне более правдоподобной, чем версия Анны, согласно которой ее отец послал предупредить Гвискарда. Это было бы более по-рыцарски, но куда менее соответствует характеру Алексея.

- ³⁹² Алексиада. IV, 5, 204; IV, 6, 214.
- ³⁹³ Алексиада. IV, 5, 204.
- ³⁹⁴ Алексиада. IV, 6, 208. — Луп Протоспафарий: *Lupi Protospatarii annales a. 855–1102*. Op. cit. Ad an. 1082 и Барийский аноним: *Chronicon ignoti civis Barensis, sive Lupi Protospatae...* Op. cit. V, 154 указывают на Лукин день.
- ³⁹⁵ *Gaufredus Malaterra*. *Historia Sicula*. Op. cit. L. III, c. 27, p. 584. — *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. IV, p. 286, v. 369.
- ³⁹⁶ Алексиада. IV, 6, 209 и далее.
- ³⁹⁷ Там же. IV, 8, 221.
- ³⁹⁸ Там же.
- ³⁹⁹ Там же. V, 1 и 2, 225–227.
- ⁴⁰⁰ Там же.
- ⁴⁰¹ Там же. V, 2, 227 и далее.
- ⁴⁰² Согласно Никите Хониату, эти ворота изображали двенадцать воскресных праздников. Ср. *Miller E. Fragment inédit de Nicéas Choniate relatif à un fait numismatique // Revue numismatique*. 11 (1866). P. 36.
- ⁴⁰³ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 356.
- ⁴⁰⁴ *Drapeyron L. L'empereur Héraclius...* Op. cit. P. 137.
- ⁴⁰⁵ Во время войны с печенегами; см. дело Льва Халкидонского, с. 93. — Г-н Миллер полагал, что монета, которую описал Соси: *Saulcy F. de. Essai de classification des suites monétaires byzantines*. Metz: S. Lamort, 1836. 2 vol. T. I. P. 323 как отчеканенную в какой-нибудь кризисный период, могла быть выпущена именно в связи с этим. См. *Miller E. Fragment inédit de Nicéas Choniate...* Op. cit. P. 41.
- ⁴⁰⁶ Алексиада. V, 3, 231.
- ⁴⁰⁷ Там же. V, 3, 232; ими командовали Ксанта и Кулеон. Ср. печать Ксанты: *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin*. Op. cit. P. 715.
- ⁴⁰⁸ Судя по рассказу Анны, процесс Итала происходил в 1084 г.; но акты процесса, опубликованные г-ном Успенским: *Успенский Ф. И. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси // Известия Русского археологического института в Константинополе*. 2 (1897). С. 1–66, позволяют уточнить датировку. Процесс пришелся на февраль, март и апрель 1082 г.
- ⁴⁰⁹ См. главу X.
- ⁴¹⁰ Есть три копии этого акта: одна — утраченная, выдержки из которой привел Лебре: *Le Bret J. F. Staatsgeschichte der Republik Venedig*. Leipzig; Riga: Hartknoch, 1769–1777. 3 Bde. Bd. I. S. 275; вторая входит

в состав одного хрисовула Мануила, а третья — хрисовула Исаака. Ср. *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig...* Op. cit. Bd. 1. S. 51–54, 116–123, 182–186. Все эти три редакции датированы по-разному. Заверенный хрисовул в акте Мануила содержит копию, датированную маем 6590 г., индиктом V; см. *Urkunden...* Op. cit. Bd. 1. S. 54. Дата во второй копии — август 6234 г., индикт IV; см. *Urkunden...* Op. cit. Bd. 1. S. 123. Наконец, хрисовул, который заверил Исаак, датирован маем 6600 г., индиктом XV; см. *Urkunden...* Op. cit. Bd. 1. S. 186. Первая дата дает 1082 г.; вторая соответствует временам, слишком далеким от царствования Алексея, поэтому Тафель предложил читать ее как 6634 (1126) г. В таком случае это дата, когда копию заверил Иоанн Комнин, и она была заверена также в акте Мануила, чем может объясняться изменение месяца. Третья дата дает нам 1092 г., и она очень поздняя: можно ли поверить, чтобы венецианцы ждали одиннадцать лет? Думаю, возможно вместе с Тафелем: *Urkunden...* Loc. cit. принять в качестве даты 1082 г.

⁴¹¹ *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge.* Op. cit. T. 1. P. 119.

⁴¹² *Fischer W. Trapezus im elften und zwölften Jahrhundert.* Op. cit. S. 183.

⁴¹³ *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula.* Op. cit. L. III, c. 27, p. 584. — *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi.* Op. cit. L. IV, p. 288, v. 440.

⁴¹⁴ *Chronicon ignoti civis Barensis, sive Lupi Protospatae...* Op. cit. Ad an. 1082: «8a die stante Februario» [на восьмой день февраля (*лат.*)]. Луп Протоспафарий говорит о январе 1082 г.

⁴¹⁵ Алексиада. V, 1, 223.

⁴¹⁶ *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi.* Op. cit. L. IV, p. 288, v. 449. — *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula.* Op. cit. L. III, c. 28, p. 584.

⁴¹⁷ Алексиада. V, 4, 236.

⁴¹⁸ *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula.* Op. cit. L. III, c. 29, p. 585.

⁴¹⁹ *Regesta pontificum Romanorum / ed. Ph. Jaffé.* Op. cit. N°5225. Ср. *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula.* Op. cit. L. III, c. 33, p. 506. — *Suger. Vie de Louis le Gros / suivie de l'Histoire du roi Louis VII / publ. par A. Molinier.* Paris: A. Picard, 1887. P. 28.

⁴²⁰ Ср. *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi.* Op. cit. L. IV, p. 280, v. 31–32:

Romani regni sibi promississe coronam

Рара ferebatur [папой было сказано, что он обещает ему корону Римского царства (*лат.*)].

⁴²¹ Вильгельм Апулийский: *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. IV, p. 289, v. 524, говорит: «год после его отъезда». — *Gaufredus Malaterra*. *Historia Sicula*. Op. cit. L. III, c. 33, p. 506. — Луп Протоспафарий: *Lupi Protospatarii annales a. 855–1102*. Op. cit. Ad an. 1082, утверждает, что это возвращение произошло вскоре после взятия Диррахия. Так же считает Ромуальд Салернский: *Romoaldus Salernitanus*. *Romoaldi II, archiepiscopi Salernitani Annales a. 893–1178* // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. XIX: *Annales aevi Suevici*. 1866. P. 460. А ведь Генрих под Римом появился в мае. Ср. *Bonizo Sutrinus*. *Bonizonis episcopi Sutринi Liber ad amicum post editionem Jaffeanae recognovit E. Dümmler* // *MGH. Libelli de lite imperatorum et pontificum saeculis XI. et XII. conscripti*. Hannover: Hahn, 3 t. 1891–1897. T. I. 1891. L. IX. P. 613; ср. *Heinemann L. von*. *Geschichte der Normannen...* Op. cit. S. 398. — Поскольку Алексей узнал, что Бозмунд осадил Янину, в мае, то Роберт должен был уехать в апреле. Алексиада. V, 4, 237.

⁴²² См. выше, с. 61.

⁴²³ Эта община влахов, в которую автор «Стратегикона» был назначен губернатором (*Cesaumeni Strategicon*. Op. cit. P. 86), существовала в XIV в. в том же виде отдельной общины, с особым чиновником. Кантакузин: *Joannes Cantacuzenus*. *Joannis Cantacuzeni opera omnia* // *Migne*. AG. T. 154. P. 220 управлять городами и деревнями влахов назначил Иоанна Ангела. См. *Васильевский В. Г.* *Советы и рассказы византийского боярина...* Цит. соч. *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. ССХVI. 1881. № 7. С. 130. Эти вlahи были еще очень дикими. Привожу их портрет, какой сделал наш автор (любопытно сравнить его с данными, какие сообщает Вениамин Тудельский, см. *Rimbaud A.* *L'Empire grec...* Op. cit. P. 260–261): «Род влахов — род совершенно неверный и развращенный, не сохраняющий прямой верности ни Богу, ни царю, ни сроднику, ни другу, но старающийся всех провести; они — большие лгуны и страшные воры; они готовы каждый день клясться самыми ужасными клятвами пред своими друзьями и легко отметаю т их; они заключают побратимства и вступают в кумовство, но этим только ухищряются обманывать простаков. Они никогда и ни к кому не соблюдали верности, даже к древним царям римским». *Васильевский В. Г.* *Советы и рассказы византийского боярина...* Цит. соч. С. 148–149; далее автор говорит, что они первоначально были даками и бессами и жили на берегах Дуная и Савы, откуда их якобы изгнал Траян.

⁴²⁴ *Успенский Ф. И.* Делопроизводство по обвинению Иоанна Ита-ла в ереси. Цит. соч. С. 32–33. Алексей, обращаясь к патриарху, писал: «Ныне же, исполнив, как должно, благочестивый сей путь

и совершив до конца твои боголюбезные заповеди, царство мое все внимание переносит на мирские дела». Это письмо было зачитано 20 марта. Отсюда не следует, что Алексей покинул Константинополь этого числа, и полученные таким образом данные можно согласовать с тем, что говорит Анна, V, 4, 237: по ее словам, ее отец покинул Византий только в мае. Надо вспомнить, что хрисовул в пользу венецианцев, составленный в Византии и подписанный Алексеем, датирован маем.

⁴²⁵ Алексиада. V, 4, 237 и далее.

⁴²⁶ Ωσπερ προγόνους τό βεδουγευμένον. Алексиада. V, 4, 238.

⁴²⁷ Там же. V, 4, 239.

⁴²⁸ Там же. V, 5, 236–242. Анна считает, что второе сражение произошло под Яниной, Малатерра: *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula*. Op. cit. L. III, с. 39, р. 528 — что близ Арты. Ср. *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. IV, р. 290, v. 6.

⁴²⁹ Алексиада. V, 5, 242.

⁴³⁰ Ныне Ускюб.

⁴³¹ Анна говорит, что Боэмунд прошел через Сервию, чтобы вступить в Верию; должно быть, она ошибается, потому что Сербия намного южнее Верии. Алексиада. V, 5, 242–243.

⁴³² Лebo: *Le Beau Ch. Histoire du Bas-Empire. Nouvelle édition. Tome XIV–XXI. Paris, 1823–1836. 8 vol. T. XV. 1824–1826. P. 154* отождествляет эту местность с Eclisso [Эдессой].

⁴³³ Это следует из того факта, что там, откуда уходил Боэмунд, вновь появлялся Бакуриани. Алексиада. V, 5, 243 и далее.

⁴³⁴ В издании «Алексиады» Дюканжа написано 'Ρεδόλδος, в издании Рейффершейда — 'Ρικάλδος.

⁴³⁵ Ср. *Du Cange. Notice in Alexiade*. P. 137.

⁴³⁶ Я не смог идентифицировать Цивиск. Пелагония находится между Острово и Деаболисом (Деволом).

⁴³⁷ Алексиада. V, 5, 243–244.

⁴³⁸ Это место у Анны — очень запутанное: она рассказывает, что из Белых Церквей Боэмунд пошел в Касторию, а оттуда в Лариссу, чтобы там зазимовать (V, 5, 243); потом (V, 5, 244) она говорит, что Боэмунд велел взять Пелагонию, Трикалы, Касторию и появился под Лариссой 23 апреля. Разве что следует предположить, что в октябре или ноябре (он был под Лариссой в мае, дал два сражения Алексею и провел три месяца в Белых Церквях) он подошел к Лариссе, оставил часть войск, чтобы блокировать город (который осаждал шесть месяцев), и вернулся в апреле?

⁴³⁹ *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. V, v. 43–74. — Алексиада. IV, 5, 6, 7, 244 и далее. — *Glykas, Michael*. *Annales*. Op. cit. P. 619. — Зонара: *Zonaras J*. Op. cit. XVIII. 227. 35 ошибается, относя эти события ко времени после осады Кастории.

⁴⁴⁰ Алексиада. V, 5, 6, 249 и далее.

⁴⁴¹ Об этом человеке см. *Du Cange*. Notice in *Alexiade*. P. 140.

⁴⁴² Алексиада. V, 7, 255–256.

⁴⁴³ Там же. VI, 1, 269–272.

⁴⁴⁴ См. далее, с. 87.

⁴⁴⁵ Алексиада. IV, 3, 195. Согласно попу Дуклянину, город взял Бодин и передал Алексею по соглашению. Вилькен: *Wilken F*. *Regum ab Alexio I...* Op. cit. P. 163; Вильманс: *Wilmans R*. *Über die Quellen der Gesta Roberti Wiscardi des Guillermus Apuliensis // Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde / hrsg. von G.H. Pertz*. Hannover: Hahn, 1819–1874. 12 Bde. Bd. 10. 1851. 103; Шварц: *Schwartz K*. *Die Feldzüge Robert Guiscard's...* Op. cit. S. 41, Anm. 1 отметили ошибку Анны в этом месте. По-моему, она смешала события двух разных лет. То, что она говорит о моральном воздействии поражения Роберта от венецианцев, можно отнести к 1081 г., но все остальное относится к 1083 г. Венецианский флот вернулся весной 1083 г., потому что, как отметил Шварц, Вильгельм Апулийский помещает это событие между походом Роберта 1082 г. и его выступлением против Иордана Капуанского в июле 1083 г. (*Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. V, p. 292, v. 80–106). Морская победа, о которой говорит Анна, больше не упоминается нигде. Это либо ошибка Анны, либо чрезмерная переоценка столкновения нескольких судов.

⁴⁴⁶ *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. V, p. 293, v. 143. — Малатерра: *Gaufredus Malaterra*. *Historia Sicula*. Op. cit. L. III, c. 40 говорит, что это было в сентябре.

⁴⁴⁷ Алексиада. VI, 5, 282, и Малатерра: *Gaufredus Malaterra*. *Historia Sicula*. Op. cit. L. III, c. 40 говорят, что он отплыл из Отранто; Вильгельм Апулийский: *Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi*. Op. cit. L. V, p. 294, v. 159 — что из Бриндизи. Вопреки Шварцу: *Schwartz K*. *Die Feldzüge Robert Guiscard's...* Op. cit. S. 41 я думаю, что правы Малатерра и Анна, потому что герцог направился к Корфу, куда ближе идти из Отранто.

⁴⁴⁸ Алексиада. VI, 5, 282.

⁴⁴⁹ *La chanson d'Antioche / composée au commencement du XIIe siècle par le pèlerin Richard, enouvelée sous le règne de Philippe Auguste par Graindor de Douay; publiée pour la première fois par P. Paris*. Paris: J. Techener, 1848. 2 t. T. I. P. 79, note 2.

⁴⁵⁰ Алексиада. VI, 5, 282.

⁴⁵¹ Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. V, p. 293, v. 152. — Алексиада. VI, 1, 283.

⁴⁵² *Dandolo A. Andreae Danduli Venetorum ducis Chronicon Venetum*. Op. cit. Ad an. 1084, p. 249. — С тех пор дож титуловался так: «Dalmatiae et Croatiae dux et imperialis protosebastos» [Герцог Далмации и Хорватии и императорский протосеваст (лат.)] (Ibid.). — Существует акт 1090 г., где дож носит следующий титул: «Dei gratia Venetiae et Dalmatiae dux et imperialis protosebastos» [Божьей милостью дож Венеции и Далмации и императорский протосеваст (лат.)]. См. *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig...* Op. cit. Bd. 1. S. 55. Должно быть, Анна смешала эти разные милости.

⁴⁵³ Алексиада. VI, 5, 283.

⁴⁵⁴ Роберт направился в Кассиопу, узнав о подходе флотов. Алексиада. Там же.

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Алексиада. VI, 5, 283–284; Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. V, p. 284, v. 56.

⁴⁵⁷ Алексиада. VI, 5, 285.

⁴⁵⁸ Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. V, p. 294, v. 191. — Lupi Protospatrii annales a. 855–1102. Op. cit. P. 61. — *Chronicon ignoti civis Barensis, sive Lupi Protospatae...* Op. cit. Ad an. 1085. — *Romualdus Salernitanus*. Chronicon Romualdi II. Archiepiscopi Salernitani... // *Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores*. Op. cit. T. 7. 1725. P. 175. Анна (Алексиада. VI, 5, 286) упоминает четвертое сражение, из которого венецианцы якобы вышли победителями; я вместе со Шварцем: *Schwartz K. Die Feldzüge Robert Guiscard's...* Op. cit. S. 43, Anm. 1 думаю, что это выдумка, поскольку противоречит словам Дандоло: *Dandolo A. Andreae Danduli Venetorum ducis Chronicon Venetum*. Op. cit. P. 249, который говорит (и ничто не позволяет ему не верить), что венецианцы сообщили дожу причину гибели флота.

⁴⁵⁹ Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. V, v. 202. Гликис впадает в море напротив острова Паксос.

⁴⁶⁰ На Артском заливе.

⁴⁶¹ Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. V, p. 294, v. 202. — Алексиада. IV, 3, 195–197.

⁴⁶² *Gibbon E. Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain*. Op. cit. C. LXI, p. 610.

⁴⁶³ Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. V, p. 295, v. 228. — *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula*. Op. cit. L. III, c. 49, p. 589.

⁴⁶⁴ Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi. Op. cit. L. V, p. 297, v. 331. — Алексиада. VI, 5, 288–289. — *Gaufredus Malaterra*. Historia Sicula. Loc. cit. — Барийский аноним: *Chronicon ignoti civis Barensis, sive Lupi Protospatae...* Op. cit. Ad an. 1085 говорит, что он умер на Алексеев день. Место смерти Гвискарда точно не известно. «Краткая норманнская хроника»: *Chronicon breve Northmannicum...* Op. cit. P. 279 в качестве места его смерти указывает Кассиопу, как и Ромуальд Салернский: *Romualdus Salernitanus*. Loc. cit. Луп Протоспафарий: *Lupi Protospatarii annales a. 855–1102*. Op. cit. Ad an. 1085 умалчивает о названии места. См. также *Schwartz K. Die Feldzüge Robert Guiscard's...* Op. cit. S. 45, Anm. 1. — Хейнеман: *Heinemann L. von. Geschichte der Normannen...* Op. cit. S. 401–403 сделал выбор в пользу Кассиопы; он придумал целую теорию, очень сложную и малоубедительную.

⁴⁶⁵ *Delarc O. J. M. Les Normands en Italie...* Op. cit. P. 168. — Алексиада. I, 12, 50–51.

⁴⁶⁶ Алексиада. VI, 11, 312.

⁴⁶⁷ См. выше, с. 22 и далее.

⁴⁶⁸ Несомненно, Аблистена, ныне Эльбистан. См. *Bar Hebraeus. Chronicon Syriacum*. Op. cit. P. 272 и далее.

⁴⁶⁹ Бар-Эбрей: *Bar Hebraeus. Chronicon Syriacum*. Op. cit. P. 273 говорит, что тот занял также Тарс и Тортосу. Тот факт, что крестоносцы в 1097 г. отобрали Тарс у турок, как будто подтверждает это сообщение: в таком случае турки прежде отняли Тарс у Филарета вместе с остальными его завоеваниями.

⁴⁷⁰ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 692. — *Skylitzés.* Op. cit. P. 681. — Алексиада. VI, 9, 299. — *Michel le Syrien. Chronique. de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche, 1166–1179 / éd. pour la première fois et trad. en français par J.-B. Chabot.* Paris: E. Leroux, 1900–1924. 4 t. P. 325. — *Matthieu d'Edesse.* Op. cit. C. CX, p. 173 и далее. — *Շատեան Մ. Patmowt'iwn hayoc'...* Op. cit. T. II. P. 997–1001.

⁴⁷¹ *Skylitzés.* Op. cit. P. 741.

⁴⁷² *Нукифор Вруенний. Исторические записки.* Цит. соч. Кн. II, 28, 96.

⁴⁷³ 2 марта 1078 г.–1 марта 1079 г.

⁴⁷⁴ Ср. *Matthieu d'Edesse.* Op. cit. Notes de l'éditeur. P. 418. О Григории Магистре см. *Bibliothèque historique arménienne, ou Choix et extraits des historiens arméniens traduits en français, avec un volume de Prolégomènes / par E. Delaurier, avec le concours du R.P. Gabriel Aïvasovski et de V. Langlois.* Paris: J. Rouvier, 1856. T. 1. P. 401.

⁴⁷⁵ *Matthieu d'Edesse.* Op. cit. C. CXI, p. 178–179.

⁴⁷⁶ *Ibid.* C. CXXII, p. 187 (532 г.: 1 марта 1083 г.–29 февраля 1084 г.).

- ⁴⁷⁷ Алексиада. VI, 9, 300. Анна путает то, что произошло в то время, с обращением Филарета в ислам, которое случилось только после того, как у него отняли Эдессу (в 1086–1087 г.). Ср. *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. С. СХХVIII, р. 196. — *Bar Hebraeus*. Chronicon Syriacum. Op. cit. P. 275. — *Michel le Syrien*. Chronique. Op. cit. P. 325.
- ⁴⁷⁸ *Ibn al-Athir*. Chronicon quod perfectissimum inscribitur / ed. C. J. Tornberg. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1851–1876. 14 v. Т. X. P. 89. — Матфей Эдесский: *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. P. 189 говорит, что Филарет тогда был в Малой Азии. Ср. *Ibn el-Athir*. Histoire des Atabecs de Mosul. // *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. Т. 2/2. P. 14.
- ⁴⁷⁹ *Abu-'l-Fida Ismail Ibn-Ali*. Abvlfedae annales Mvslemici, Arabice et Latine / opera et stvdiis I. I. Reiskii, svmtibus atqve avspiciis P.F. Svhmii. Nvnc primvm edidit I. G. Ch. Adler. Hafniae: Proft; Thiele, 1789–1795. 5 t. Т. III. P. 255. — *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. С. СХХV, р. 190. — *Ibn el-Athir*. Histoire des Atabecs de Mosul. Op. cit. P. 15, 16. — *Bar Hebraeus*. Chronicon Syriacum. Op. cit. P. 274 и далее. — *Weil G.* Geschichte der Chalifen. Op. cit. Bd. 3. S. 129.
- ⁴⁸⁰ *Abu-'l-Fida*. Abvlfedae annales Mvslemici, Arabice et Latine. Op. cit. Т. III. P. 261. — Алексиада. VI, 9, 301. — *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. С. СХХVII, р. 194. — *Ibn el-Athir*. Histoire des Atabecs de Mosul. Op. cit. P. 16. — *Ibn al-Athir*. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Op. cit. Т. X. P. 97–98. — Ср. *Kamal al-Din*. Selecta ex historia Halebi / edidit, latine versit et adnotationibus illustravit G. W. Freytag. Lutetiae Parisiorum: e Typ. regia, 1819. P. XIX. — *Derenbourg H.* Ousâma Ibn Mounkidh: un émir syrien au premier siècle des croisades (1095–1188). Paris: E. Leroux, 1886–1893. 4 t. Т. I. P. 28.
- ⁴⁸¹ Алексиада. VI, 9, 301.
- ⁴⁸² *Abu-'l-Fida*. Abvlfedae annales Mvslemici, Arabice et Latine. Op. cit. Т. III. P. 331.
- ⁴⁸³ Потомки Ашкенеза, внука Иафета; см. *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. P. 426. Note de É. Dulaurier.
- ⁴⁸⁴ Сонеидия, бывшая Селевкия Пиерия. *Matthieu d'Edesse*. Loc. cit.
- ⁴⁸⁵ *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. С. СХХIX, р. 166–197.
- ⁴⁸⁶ Я принял это написание [Yagu Siyan] вместо обычно применяемого, Bâgi Siyan, следуя примечанию Деренбурга: *Derenbourg H.* Ousâma Ibn Mounkidh. Op. cit. Т. I. P. 29, note 7. — Ср. *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. С. СХХIX, р. 197.
- ⁴⁸⁷ *Matthieu d'Edesse*. Loc. cit.
- ⁴⁸⁸ *Ibid.* P. 198.

- ⁴⁸⁹ Imad ad-Din. Fol. 116 v° // *Derenbourg H. Ousâma Ibn Mounkidh*. Op. cit. T. I. P. 27.
- ⁴⁹⁰ *Ibn el-Athir*. Histoire des Atabecs de Mosul. Op. cit. P. 17. — *Abu-'l-Fida*. *Abulfedae annales Myslemici, Arabice et Latine*. Op. cit. T. III. P. 263–264. — *Ibn al-Athir*. *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*. Op. cit. T. X. P. 97–98.
- ⁴⁹¹ *Ibid.*
- ⁴⁹² Об этой кампании Малик-шаха см. *Weil G. Geschichte der Chalifen*. Op. cit. Bd. 3. S. 131.
- ⁴⁹³ Алексиада. VI, 10, 304–306. Думаю, что в Просуке, о котором говорит Анна, надо видеть Борсука. Она говорит, что эту армию послал Баркиярук, недавно ставший султаном. Она перепутала Баркиярука с его отцом Малик-шахом, ведь Абу-ль-Касим был убит Бузаном при жизни Малик-шаха. См. далее.
- ⁴⁹⁴ Это была крепость Кивот. Ср. *Orderic Vital*. Op. cit. T. III, l. IX, p. 490–491.
- ⁴⁹⁵ Алексиада. VI, 11, 311–313.
- ⁴⁹⁶ Там же. VI, 8, 295–296.
- ⁴⁹⁷ Там же. VI, 4, 278.
- ⁴⁹⁸ *Zonaras J*. Op. cit. XVIII. 22, 736.
- ⁴⁹⁹ Алексиада. VI, 3, 276; но есть противоречие между тем, что она говорит здесь, и тем, что она писала выше, на V, 2, 228–229, а также VI, 13, 278; этому утверждению противоречит и свидетельство Никиты Хониата. См. с. 338, прим. 402.
- ⁵⁰⁰ Алексиада. VI, 3, 274–278. Ср. с. 93 и 100.
- ⁵⁰¹ Там же. XIV, 8, 297–298.
- ⁵⁰² Там же. XIV, 7, 289. — *Cedrenus Georgius*. *Ioannis Scylitzae ope*. Op. cit. T. 2. P. 382.
- ⁵⁰³ *Schlumberger G. L'épopée byzantine...* Op. cit. P. 179–180.
- ⁵⁰⁴ Алексиада. XIV, 8, 299.
- ⁵⁰⁵ Г-н Васильевский (*Васильевский В. Г. Византия и печенеги // Журнал министерства народного просвещения*. 164/2 (1872). С. 150 и далее) выдвинул на этот счет гипотезу, которая мне кажется скорей хитроумной, чем верной. Исходя из того, что некоторые арабские авторы упоминают о присутствии манихеев среди турок в очень отдаленные времена (IV в.), и из очень расплывчатого свидетельства ибн Саида (*Abu-'l-Fida Ismail Ibn-Ali. Géographie d'Aboulféda / texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par J. T. Reinaud... et W. Mac Guckin de Slane. Paris: Imprimerie Royale, 1840. T. II. P. 29*), который говорит о религии половцев, но не о религии печенегов, он делает вывод, что религия

печенегов должна была носить следы сабеизма, который был одним из источников учения Мани. В этой смутной религиозной аналогии он усматривает доказательство общности обычаев и представлений у печенегов и филиппопольских манихеев. На мой взгляд, союз манихеев с печенегами можно объяснить гораздо проще — для них всех Византия была врагом, так что союз между ними был совершенно естественным; должно быть, его заключили в прежние царствования и возобновили при Алексее.

⁵⁰⁶ См. с. 81.

⁵⁰⁷ Алексиада. VI, 2, 272 и далее.

⁵⁰⁸ Там же. VI, 2, 273.

⁵⁰⁹ Алексиада. VI, 4, 279.

Хронологию войн с печенегами в царствование Алексея выявить очень трудно, потому что единственный наш источник сведений — Анна Комнина. Это вопрос изучил г-н Дитер (*Dieter K. Zur Glaubwürdigkeit der Anna Komnena. I. Der Petschenegenkrieg 1084–1091 // Byzantinische Zeitschrift. 3 (1894). S. 386 и далее*). До него этим занимались Вилькен (*Wilken F. Rerum ab Alexio I... Op. cit. P. 247 и далее*), Зибель (*Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs. 2. Aufl. Leipzig: Fleischer, 1881. S. 462–463*), Финли (*Finlay G. A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time, B.C. 146 to A.D. 1864 / ed. by the rev. H. F. Tozer. Oxford: Clarendon press, 1877. 7 vol. T. 3. P. 100*), Герцберг (*Hertzberg G.F. Geschichte der Byzantiner... Op. cit. S. 272*), Васильевский (*Васильевский В. Г. Византия и печенеги. Цит. соч. С. 154 и далее*). Г-н Дитер обрушился на теории Зибеля и показал их ложность, объясняемую тем, что их автор исходил из представления о непрерывной череде походов; г-н Васильевский, работы которого г-н Дитер не знал, тоже допустил ошибку. Вот данные, какими располагаем мы: Алексей Комнин, выйдя из Кастории, прибыл в Константинополь 1 декабря 7 индикта (Алексиада. VI, 8, 265); это было 1 декабря 1083 г., и Анна должна была знать эту дату, потому что это был канун дня ее рождения. О возвращении отца перед тем, как ей предстояло родиться, ей расскажут позже, и точность ее рассказа не может вызвать у меня ни малейшего сомнения.

Возвращаясь, по пути Алексей приказал отправить в Константинополь главных манихеев. Они должны были прибыть либо в самом конце 1083 г., либо, что более вероятно, в первые месяцы 1084 г. (Алексиада. VI, 2, 273).

За их наказанием последовало восстание Травла, который бежал из Константинополя, узнав о дурном обращении с сестрами. Следовательно, чтобы осуществить меры, решение о которых было принято Алексеем, и чтобы о результатах этого стало известно

в Константинополе, понадобилось время. Это должно было произойти не позже середины или даже конца 1084 г. (Алексиада. VI, 4, 279).

Травл поселился в Белятове и вступил в переговоры с печенегами, занимавшими Дристру и Главиницу. Император узнал об этих переговорах и отправил к Травлу посольство, предлагая ему прощение. Все эти события должны были занять какое-то время, и мы, наверно, не ошибемся, датировав их концом 1084 г., потому что ради рассказа о них Анна прерывает повествование о войне с Гвискардом и далее возвращается к ним, чтобы описать случившееся с сентября 1084 г. по июль 1085 г. Потом случились события в Малой Азии, относящиеся к тому же периоду: она говорит о взятии Антиохии Сулейманом, которое произошло в 1085 г. (см. выше, с. 84), и о событиях турецкой войны 1086 г. Анна явно желает соблюдать хронологический порядок, и ничто не позволяет нам говорить, что она ошибается. Поэтому я считаю, что первые набеги, о которых говорит Анна, относятся к 1085 г. (Алексиада. VI, 2, 273). Далее мы имеем:

1) переход через Дунай отряда варваров, обратившего в бегство Бакуриани; согласно хронологическому порядку рассказа, это должно было случиться в 1086 г.;

2) следующей весной — большой поход печенегов вместе с бывшим венгерским королем Шаламоном (Алексиада. VII, 1, 330);

3) поход Алексея на Дунай, во время которого произошло солнечное затмение.

Все авторы, занимавшиеся этим вопросом, допустили, что речь идет о затмении 20 июля 1088 г. — Г-н Дитер (*Dieter K. Zur Glaubwürdigkeit der Anna Komnena. Loc. cit.*) заметил, что Анна не могла иметь в виду этого затмения, потому что в Европе его видно не было. По той же причине не могло быть речи о затмении 24 ноября 1090 г. С другой стороны, затмение 21 мая 1091 г. произошло позже битвы при Левунионе 29 апреля 1091 г., положившей конец войне (Алексиада. VIII, 5, 446).

Остаются затмения 2 октября 1084 г., 16 февраля 1086 г. и 1 августа 1087 г.

О землетрясении в октябре 1084 г. речи быть не может, потому что такая датировка отнесла бы начало войны на 1083 г., то есть слишком рано. Г-н Зегер (*Sege J. Op. cit. S. 14, Anm. 1*) выбрал землетрясение 16 февраля 1086 г. Г-н Дитер отвергает эту дату. Обоснования, которые он приводит, не кажутся мне убедительными, поскольку ничто в тексте «Алексиады» не позволяет заключить, как это делает он, что поход Маврокатакалона и пребывание Алексея в Лардее датируются одним и тем же годом. Чтобы уточнить хронологию, у нас есть два текста, которых г-н Дитер не знал. Для 1087 г. мы читаем

у Бернольда (Bernoldi chronicon. Op. cit. P. 446): «Salomon quondam rex Ungarorum [...] dum quiddam fortiter contra regem Graecorum molitur, post incredibilem hostium stragem et ipse viriliter occubuit» [Шаламон, прежде король венгров [...], смело предпринявший нечто против царя греков, и сам мужественно погиб после невероятного разгрома, учиненного противником (*лат.*)]. И Саксонский анналист (Annalista Saxo a. 741–1139 // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. VI: *Annales, chronica et historiae aevi Saxonici*. 1844. P. 724) подтверждает слова Бернольда — в разделе за 1087 г. он тоже пишет: «Salaman Ungariae quondam rex et Knut rex Danorum a suis occisi sunt» [Шаламон, когда-то король Венгрии, и Кнут, король датчан, убиты своими (*лат.*)]. Таким образом, Шаламон определенно умер в 1087 г. То есть речь может идти только о затмении 1 августа 1087 г. Следовательно, насколько позволяет нам предположить композиция рассказа, Анна во всей этой части соблюдала хронологический порядок, и вот какую хронологию предлагаю я:

1 декабря 1083 г.: возвращение Алексея в Константинополь;

1084 г.: наказание манихеев, бегство и восстание Травла;

1085 г.: набеги в области Белятова;

1086 г.: поражение Бакуриани и победа Татикия;

1087 г.: весной — большое вторжение с участием Шаламона; весной же — победа Маврокатакалона и после 1 августа — поражение Алексея.

На мой взгляд, г-н Дитер заблуждается, считая ошибкой Анны упоминание о появлении графа Фландрского в Берое в то время, когда там находился Алексей. См. Приложение.

⁵¹⁰ Я не смог идентифицировать это место. Я помещаю эту крепость к северу от Филиппополя, на один из отрогов Балкан, коль скоро ее положение позволило Травлу сделать проще переход для печенегов.

⁵¹¹ Бывший Доростол, ныне Силистрия.

⁵¹² Алексиада. VI, 4, 279–280.

⁵¹³ Ныне Камчия близ Варны.

⁵¹⁴ Theophylactus. Λόγος εἰς τόν αὐτοκράτορα κύριον Ἀλέξιον τόν Χομνηνόν // *Migne*. PG. T. 126. Col. 293.

⁵¹⁵ Алексиада. VI, 14, 323 и далее.

⁵¹⁶ Там же. VI, 14, 326.

⁵¹⁷ В одном дне пути от Берое (Эски-Загра). Ср. *Villehardouin G. de. Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs françois...* Op. cit. P. 266, § 443. Фишер (*Fischer K. Geschichte des Kreuzzugs Kaiser Friedrich's I. Leipzig: Duncker und Humblot, 1870. Bd. I. S. 95*) помещает этот город между Филиппополем и Адрианополем, там, где находится Папаслу.

- 518 Алексиада. VI, 14, 328. Татикий последовал за ними *ἀλλά πεζοῦς, φασιν, παρά Λύδιον ἄρμα* [как пеший, сказано, за лидийской колесницей (*греч.*)].
- 519 Алексиада. VI, 14, 328–329.
- 520 Там же. V, 2, 230–231.
- 521 Νικήτα του Χωνιατου. Θησαυρός ὀρθοδοξίας. XXIII // *Migne. PG. T. 140. Col. 133–136.* — *Anna Comnena. Supplementa historiam ecclesiasticam Graecorum seculi XI. et XII. spectantia* // ed. G. L. F. Tafel. Tubingae: Hopfer de l'Orme, 1832. P. 5–7.
- 522 *Montfaucon B. de. Bibliotheca Coisliniana, olim Segueriana. Parisiis: apud L. Guérin, et C. Robustel, 1715. P. 102 и далее.*
- 523 *Ibid.* P. 105–106.
- 524 Поскольку Бакуриани был убит в начале похода, эту должность должен был занимать Адриан Комнин.
- 525 Это вопрос *почитания* (*dulie*) или *поклонения* (*latrie*).
- 526 *Eustratius Nicaenus* // Demetrakopoulos A. *Bibliotheca ecclesiastica. Lipsiae: O. Bigand, 1866. P. 127 и далее. См. Вступление.*
- 527 Успенский Ф. И. Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков // *Журнал Министрства народного просвещения. Ч. CCLXXVII. 1891. № 9. С. 156.*
- 528 Алексиада. V, 2, 231. Ср. *Sakkélion. Documents inédits tirés de la bibliothèque de Patmos. I. Décret d'Alexis Comnène portant déposition de Léon, métropolitain de Chalcédoine* // *Bulletin de correspondance hellénique. 2 (1878). P. 102–128.*
- 529 Ныне Хайраболу. Алексиада. VII, 1, 331.
- 530 Ср. *Chronicon Posoniense* // *Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana* / ed. S. L. Endlicher. Sangalli: Scheitlin & Zollikofer, 1849. P. 56. — *Bernoldi chronicon. Op. cit. P. 439.* — *Sigebertus Gemblacensis. Chronica Sigeberti Gemblacensis a. 381–1111* // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. VI: *Chronica et annales aevi Salici. 1844. P. 362.*
- 531 Ср. *Schlumberger G. L'épopée byzantine... Op. cit. P. 82 и далее.*
- 532 Все эти города находятся в верховьях Тунджи, в долине, понижающейся к югу, к Ямболи.
- 533 *Schlumberger G. L'épopée byzantine... Op. cit. P. 92.*
- 534 Алексиада. VII, 2, 333 и далее.
- 535 Имеется в виду Малая Никея, ныне Хавса.
- 536 Алексиада. VII, 3, 339.
- 537 Это перевал Доброл [Вырбицкий]. Ср. *Boué A. Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Op. cit. T. 1. P. 120.*

- ⁵³⁸ Ныне Плиска; я ее идентифицировал по труду Васильевского: *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Цит. соч. С. 161, прим. 1.
- ⁵³⁹ Рассказ «Алексиады» кажется мне ошибочным: Анна говорит, что армия сначала пошла к Вичине, а потом вернулась в Плискову; думаю, рассказ надо исправить так, как это сделал я, потому что путь от перевала Доброл ведет в Плискову, а потом, если вновь спуститься на юг по долине Камчии, к Вичине. Ср. Алексиада. VII, 3, 340.
- ⁵⁴⁰ *Couret A.* La Russie à Constantinople: premières tentatives des Russes contre l'empire grec, 865–1116 // *Revue des questions historiques.* 19 (1876). P. 104.
- ⁵⁴¹ Г-н Васильевский: *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Цит. соч. С. 161 говорит, что армия пришла в движение и направилась на юг. Текст Анны об этом умалчивает.
- ⁵⁴² Ныне Эски-Загра.
- ⁵⁴³ Алексиада. VII, 3, 339 и далее. Здесь, как и в описании поражения при Диррахии, Анна приписывает отцу героическое поведение; ее свидетельство в этом плане вызывает мало доверия — она должна спасти хотя бы честь. Весь ее рассказ основан на сведениях, сообщенных Георгием Палеологом; важная роль, какую он играет, и многочисленные подробности о его бегстве, как мне кажется, в достаточной мере подтверждают этот вывод.
- ⁵⁴⁴ Алексиада. VII, 6, 355.
- ⁵⁴⁵ Там же. VII, 4, 352.
- ⁵⁴⁶ Там же. VII, 6, 355.
- ⁵⁴⁷ См. Приложение.
- ⁵⁴⁸ Текст «Алексиады» не позволяет уверенно установить эту дату; но если поражение при Дристре случилось осенью 1087 г., а впоследствии печенеги были разбиты половцами, то маловероятно, чтобы упомянутый поход был предпринят в конце 1087 г. С другой стороны, если датировать следующую экспедицию 1089 г., то можно, я полагаю, допустить предложенную дату.
- ⁵⁴⁹ Алексиада. VII, 6, 355–356.
- ⁵⁵⁰ Там же. VII, 6, 357.
- ⁵⁵¹ Там же.
- ⁵⁵² Ипсала, к югу от Адрианополя и Дидимотики.
- ⁵⁵³ Вот какой я вижу хронологию последующих событий:
Война закончилась битвой при Левунионе 29 апреля 1091 г. (Алексиада. VIII, 5, 446).
С 14 по 17 февраля 1091 г. был предпринят поход Алексея на Хировакхи (Алексиада. VIII, 1, 385).

Судя по рассказу Анны, оборона Цурула и Русия была немного раньше, то есть в конце 1090 г.

Предыдущей весной (1090 г.) был предпринят поход на Хариополь (Алексиада. VII, 7, 358). Этому походу предшествовало перемирие. А ведь Феофилакт намекает на это перемирие в речи, произнесенной 6 января 1090 г. (ср. с. 103) в присутствии двора. Если перемирие было заключено в 1089 г., то Кипселлы и Тавроком заняли зимой после перемирия, то есть зимой 1089–1090 гг. (Алексиада. VII, 7, 358).

⁵⁵⁴ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. Т. 3. Р. 355 и далее: эта новелла датируется августом 6590 г., индиктом V. Сахарие полагает, что эта датировка ложна (Ibid. Р. 356), — судя по клятвам, которые приводятся в конце новеллы, представляется невозможным, чтобы Алексей посмел посягнуть на священное достояние, а ведь это произошло в 1086 г., к тому же василевс не рискнул бы преследовать епископа Халкидонского. Новелла обосновывает то, что я говорил выше. Алексей говорит в соответствующих терминах, что желал вернуть церквям их имущество, но помешали обстоятельства. Сахарие полагал, что этот акт относится к моменту примирения Алексея со Львом Халкидонским. Г-н Васильевский датировал его августом 1088 г., исходя из того, что описанное нами здесь настроение можно соотнести с ситуацией, возникшей после Дристры; но если Дристра случилась в 1087 г., дату 1088 г. принимать нельзя; 1087 г. не годится тем более, потому что Алексей не мог быть в Константинополе в августе. Мне кажется, что можно допустить август 1089 г. — именно тогда Византия переживала самый острый кризис. Впрочем, описанное здесь состояние духа должно было существовать с 1087 по 1091 г.; я отношу эту новеллу к 1089 г., но не смею очень настаивать на этом. Ср. *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Цит. соч. С. 262–263.

⁵⁵⁵ Анна говорит об индикте 11. VI, 8, 297 (1 сентября 1087 г.—1 сентября 1088 г.).

⁵⁵⁶ *Labarte J.* Le Palais impérial de Constantinople... Op. cit. Р. 75 и далее.

⁵⁵⁷ Ср. *Labarte J.* Le Palais impérial de Constantinople... Op. cit. Р. 176 и далее.

⁵⁵⁸ *Konstantin VII.* De cerimoniis... Op. cit. II, 21–22 et not. — Reiske I.I. Commentarii // *Konstantin VII.* De cerimoniis... Loc. cit.

⁵⁵⁹ *Theophylactus.* Λόγος εἰς τόν αὐτοκράτορα κύριον Ἀλέξιον τόν Χομνηνόν // *Migne.* PG. Т. 126. Col. 293–297.

⁵⁶⁰ Я перевожу это место: τῶν δέ Σκύθων κατερεύεται — приблизительно, а Финетти перевел его очень точно: «in Scythas vero per contemptum eructat».

- ⁵⁶¹ Алексиада. VII, 6, 358.
- ⁵⁶² Вот в связи с этим описание бедственного положения фемы Пелагония, не имеющей возможности поставить требуемых рекрутов, — письмо Феофилакта кесарю Никифору Мелиссину: *Theophylactus*. Επιστολή ιζ'. Τῷ νόῳ τοῦ σεβαστοκράτορος // *Migne*. PG. T. 126. Col. 532.
- ⁵⁶³ Алексиада. VII, 7, 358–359.
- ⁵⁶⁴ Ср. *Du Cange*. *Notis ad Villehardouin*. Op. cit. P. 91.
- ⁵⁶⁵ Ныне Абраска — неверно, он располагался на месте современной турецкой деревни Кермиан (прим. науч. ред.).
- ⁵⁶⁶ Алексиада. VII, 7, 358–360.
- ⁵⁶⁷ Там же. VII, 7, 360–361.
- ⁵⁶⁸ Там же. VII, 8, 366.
- ⁵⁶⁹ Анна Комнина описывает историю завоеваний Чахи после событий войны с печенегами, о которых только что рассказали мы. Я вместе с г-ном Хагенмейером: *Hagenmeyer H*. *Der Brief des Kaisers Alexios I. Komnenos an den Grafen Robert I. von Flandern* // *Byzantinische Zeitschrift*. 6 (1897). S. 25 полагаю, что часть изложенных там фактов надо отнести к более ранним годам. Мне кажется вполне естественным, что Анна, которая в своей седьмой книге говорит почти исключительно о печенегах, не прерываясь рассказывает обо всей войне. Дойдя до заключения варварами союза с Чахой, она представляет нам турецкого эмира и описывает положение, в какое он поставил себя. Думаю, что рассказ о завоеваниях Чахи относится к 1088–1089 гг. и что только поход Далассина произошел в 1090 г., поскольку Анна (Алексиада. VII, 9, 369) изображает его одновременным с походом отца на Русий (Кешан). Выражения, которые она использует (Алексиада. VII, 8, 361), вполне приложимы к ситуации, которая, как мы видели, сложилась в 1088–1089 гг. (Алексиада. VII, 6, 357), когда Алексей упорно пытался отстоять свою территорию под натиском захватчиков. Наконец, подтверждение этого тезиса я нахожу в том факте, что Зонара говорит о мятеже Чахи как о событии, случившемся до печенежского похода (*Zonaras J*. Op. cit. XVIII. 25, 736), сразу же по окончании войны с Гвискардом.
- ⁵⁷⁰ Алексиада. VII, 8, 361–362. Зонара (*Zonaras J*. Op. cit. XVIII. 25, 737) называет Самос и Родос, о которых Анна не говорит.
- ⁵⁷¹ Алексиада. VII, 8, 362 и далее.
- ⁵⁷² Из того, что я говорил выше (с. 87), следует, что это был именно Абу-ль-Касим, как пишет Анна, а Дюканж (*Du Cange*. *Notice in Alexiade*. P. 205) ошибается, полагая, что это был Кылыч-Арслан.
- ⁵⁷³ Алексиада. VII, 8, 361.

- ⁵⁷⁴ Ныне Кешан между Малкарой и Родосто.
- ⁵⁷⁵ Ныне Абраска между Малкарой и Родосто.
- ⁵⁷⁶ Лье — старинная мера длины во Франции, равная примерно 4,5 км (прим. науч. ред.)
- ⁵⁷⁷ Ср. *Villehardouin G. de. Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs françois...* Op. cit. P. 204, § 344. Булгарофиг находился между Никицей (Малой Никеей) и Аркадиополем (Люлебургазом).
- ⁵⁷⁸ Алексиада. VII, 8, 367; VII, 9, 372.
- ⁵⁷⁹ Согласно г-ну Васильевскому (*Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Цит. соч. С. 253), эта деревня находится между Кучук-Чекмедже [Кючюкчекмедже] и Буюк-Чекмедже [Бююкчекмедже].
- ⁵⁸⁰ Должно быть, такова была его обычная численность. Описывая восшествие отца на престол, Анна называет цифру триста. Императорская гвардия, должно быть, в его состав не входила.
- ⁵⁸¹ Алексиада. VIII, 1, 385.
- ⁵⁸² Там же. VIII, 2, 390 и далее.
- ⁵⁸³ Там же. VIII, 3, 392.
- ⁵⁸⁴ Ср. *Du Cange Ch. du Fresne. Historia Byzantina...* Op. cit. 2. Constantinopolis christiana... P. 101, 139.
- ⁵⁸⁵ Алексиада. VIII, 3, 394.
- ⁵⁸⁶ Там же. VIII, 5, 401.
- ⁵⁸⁷ *Baronius C. Annales ecclesiastici.* Op. cit. T. XVIII. P. 314.
- ⁵⁸⁸ На мой взгляд, во всем этом деле речь шла о чисто религиозных вопросах. Алексей руководствовался только этим мотивом; думаю, ошибочно говорить вслед за Васильевским, будто он вел себя так затем, чтобы устранить все препятствия для получения помощи от Запада, о которой он собирался просить. Во время приезда в Византий епископа Миланского в 1112 г. нужды в Западе уже не было, и однако вопрос об объединении по-прежнему занимал императора. См. главу IX.
- ⁵⁸⁹ Об отношениях между Римом и Константинополем см. *Brehier L. Le schisme oriental du XIe siècle.* Op. cit. P. 91 и далее, 129 и далее. — *Gaufredus Malaterra. Historia Sicula.* Op. cit. L. IV, c. 12, p. 594.
- ⁵⁹⁰ *Bernoldi chronicon.* Op. cit. P. 450.
- ⁵⁹¹ *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Цит. соч. С. 266.
- ⁵⁹² Это следует из одного утверждения Димитрия Хоматина, архиепископа Болгарского в начале XIII в.: упоминая в тексте на эту тему мнения предшественников, он говорит о сочинении Феофилакта, адресованном диакону *προς κωνσταντινου* (ведущему священническими облачениями, см. *Du Cange Ch. du Fresne. Glossarium*

ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Op. cit.), Николаю. Ср. Васильевский В. Г. Византия и печенеги. Цит. соч. С. 266. — *Ράλλης Γ. Α., Ποτλής Μ. Σύνταγμα τών θειών και ίερών κανόνων.* Αθήνα, 1852–1859. 6 τόμοι. Τ. Ε'. Σ. 431.

⁵⁹³ *Theophylactus.* Προσλαλιά τινι των αυτου ομιλητών // *Migne.* PG. T. 126. Col. 224. [Цит. по: Васильевский В. Г. Византия и печенеги. Цит. соч. С. 267.]

⁵⁹⁴ *Ibid.* Col. 224–225. [Цит. по: Васильевский В. Г. Византия и печенеги. Цит. соч. С. 268.]

⁵⁹⁵ *Bernoldi chronicon.* Op. cit. P. 450.

⁵⁹⁶ Алексиада. VIII, 5, 401.

⁵⁹⁷ Там же. VIII, 3, 395.

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Г-н Васильевский (*Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Цит. соч. С. 279) отождествляет этих вождей с Тугорканом и Боняком русских летописей. Первое из этих отождествлений вполне допустимо; второе кажется мне вероятным, но надо внести поправку, какую делает г-н Леже (*Chronique dite de Nestor = Несторова или первоначальная летопись / trad. sur le texte slavon-russe avec introduction et commentaire critique par L. Léger.* Op. cit. P. 281). Если Боняк и участвовал в походе 1091 г., это не мог быть тот же человек, которого вновь встречают в 1166 г. Должно быть, их было два.

⁶⁰⁰ Алексиада. VIII, 4, 397–398.

⁶⁰¹ Там же. VIII, 5, 401.

⁶⁰² Там же. VIII, 5, 402. — Г-н Васильевский (*Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Цит. соч. С. 283, прим. 1) полагает, что это были русские воины Василько Ростиславича. Комментарий, который он дает к тексту Анны, вполне убеждает, что это были не обитатели македонских гор, а перебежчики из вражеской армии, жившие в горах; слово αὐτόμολος у Анны, конечно, имеет смысл «перебежчик» (Алексиада. VIII, 6, 358). Но были ли это русские — жители Карпат, с уверенностью сказать нельзя.

⁶⁰³ Алексиада. VIII, 5, 403 и далее.

⁶⁰⁴ Там же. VIII, 6, 406.

⁶⁰⁵ Там же. VIII, 7, 407–408.

⁶⁰⁶ Там же. VIII, 7, 408–410.

⁶⁰⁷ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 741.

⁶⁰⁸ *Matthieu d'Edesse.* Op. cit. С. СХХХVIII, p. 203. Матфей Эдесский ошибается, говоря, что Бузан двинулся на римлян, поскольку тот шел осаждать Nikeю, принадлежавшую тогда Абу-ль-Касиму.

- ⁶⁰⁹ *Matthieu d'Edesse*. Loc. cit. — Алексиада. VI, 12, 314.
- ⁶¹⁰ Анна (Алексиада. VI, 12, 317) ошибочно говорит, что он был убит своим братом Тутушем.
Матфей Эдесский (*Matthieu d'Edesse*. Op. cit. С. CXXXIX, p. 203) утверждает, что он был отравлен женой. Ср. *Ibn el-Athir*. Histoire des Atabecs de Mosul. Op. cit. P. 22–23. — *Abu-'l-Fida*. Abvlfedae annales Mvslemici, Arabice et Latine. Op. cit. T. III. P. 285.
- ⁶¹¹ *Matthieu d'Edesse*. Loc. cit.
- ⁶¹² Алексиада. VI, 12, 319.
- ⁶¹³ Ср. *Defrémery* C. Recherches sur le règne du Sultan seldjoukide Barkiarok (485–498 de l'hégire, 1092–1104 de l'ère chrétienne) // *Journal Asiatique*. Série V. 1 (1853). P. 425–458.
- ⁶¹⁴ Алексиада. VI, 13, 320–323.
- ⁶¹⁵ Алексиада. VI, 8, 296 и далее.
- ⁶¹⁶ Там же. III, 5, 151.
- ⁶¹⁷ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 21, 733. Ср. *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Цит. соч. Прил. III. С. 310 и далее.
- ⁶¹⁸ Алексиада. VI, 8, 298.
- ⁶¹⁹ Там же. III, 1, 136.
- ⁶²⁰ *Theophylactus*. Λόγος εις τόν αὐτοκράτορα κύριον Ἀλέξιον τόν Χομνηνόν // *Migne*. PG. T. 126. Col. 301.
- ⁶²¹ Ср. *Regii neapolitani archivi monumenta edita ac illustrata*. Neapoli: ex Regia typographia, 1845–1861. 6 t. T. V. Acti №№ 457, 458, 462, 464–467. Видно, что в ноябре 1092 г. отсчитывали первый год царствования Иоанна, а в сентябре 1093 г. — второй. Значит, Иоанн должен был короноваться в 1092 г., очень вероятно — в начале индикта (в сентябре).
- ⁶²² Алексиада. IX, 5, 442.
- ⁶²³ Там же. IX, 5, 431 и 442.
- ⁶²⁴ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 22, 728.
- ⁶²⁵ Существует печать этого человека: *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. Op. cit. P. 622.
- ⁶²⁶ Алексиада. VIII, 7, 411. — *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 22, 741.
- ⁶²⁷ Алексиада. X, 2, 9.
- ⁶²⁸ См. выше, с. 21 и 72.
- ⁶²⁹ *Lupi Protospatarii annales* a. 855–1102. Op. cit. Ad an. 1081. Он был женат на Яквинте, дочери Аргиры, жителя Бари.
- ⁶³⁰ *Петров А. Л.* Князь Константин Бодин. Цит. соч. С. 258.
- ⁶³¹ *Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum* // *Lucius J.* Op. cit. P. 300. Ср. *Петров А. Л.* Князь Константин Бодин. Цит. соч. С. 254; этот автор

пытается выяснить дату этой кампании; он ее относит к первым годам правления Бодина.

⁶³² *Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum* // *Lucius J.* *Loc. cit.* Видимо, сторонники Радослава бежали в Византию.

⁶³³ Алексиада. VII, 8, 367–368.

⁶³⁴ Между рекой Дрин и Скадарским озером.

⁶³⁵ Алексиада. VII, 8, 367–368.

⁶³⁶ Там же. IX, 4, 436; приток Моравы. См. *Reclus É.* *Op. cit.* Т. 1. Р. 199.

⁶³⁷ Алексиада. IX, 4, 436.

⁶³⁸ *Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum* // *Lucius J.* *Loc. cit.* Рашка находилась в долине Болгарской Моравы, между Плачником и Ябуковацем.

⁶³⁹ Жупан — князь или старшина у южных славян, руководитель округа (прим. науч. ред.)

⁶⁴⁰ Алексиада. VII, 8, 368; VIII, 7, 411.

⁶⁴¹ Алексиада. VII, 8, 368; VIII, 7, 411–413; IX, 4, 436 и далее; X, 4, 459; XII, 4, 149.

⁶⁴² *Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum* // *Lucius J.* *Op. cit.* Р. 301.

⁶⁴³ *Петров А. Л.* Князь Константин Бодин. Цит. соч. С. 239 и далее.

⁶⁴⁴ *Orderic Vital.* *Op. cit.* Т. III, l. IX, р. 483.

⁶⁴⁵ Алексиада. IX, 4, 436; X, 459–460.

⁶⁴⁶ Там же. I, 80, 203, 204, 294, 367, 368, 411–413, 423, 436, 437, 439, 459; II, 149, 174, 213.

⁶⁴⁷ Там же. VII, 8, 368.

⁶⁴⁸ Там же. VIII, 7, 412–413.

⁶⁴⁹ Это неправда, потому что Иоанн был отозван в 1091 г., а назначен не раньше возвращения Диррахия в 1085 г.

⁶⁵⁰ Алексиада. VII, 8, 368.

⁶⁵¹ Там же. VIII, 7, 412–413.

⁶⁵² Алексиада. I, 16, 80.

⁶⁵³ Там же. VIII, 7, 412–413.

⁶⁵⁴ Рачки (*Rački F.* *Vorba južnih Slovena...* *Op. cit.* S. 313–314) произвольно заменил имя Вукана именем Бодина, не обосновав эту замену.

⁶⁵⁵ Алексиада. VII, 8, 368.

⁶⁵⁶ Там же.

⁶⁵⁷ Там же. IX, 4, 436.

⁶⁵⁸ Там же. IX, 1, 425.

⁶⁵⁹ Там же. VIII, 7, 411 и далее.

⁶⁶⁰ Великий этериарх — начиная со второй половины XI века командир корпуса личных телохранителей императора (этерии), при Алексее Комнине, набравшегося в основном из варяжских и англо-саксонских секироносцев (прим. науч. ред.)

⁶⁶¹ Алексиада. VIII, 8, 414 и далее.

⁶⁶² Ср. с. 24.

⁶⁶³ Алексиада. VIII, 9, 417 и далее.

⁶⁶⁴ *Zachariä von Lingenthal K. E. Geschichte des griechischrömischen Rechts. 2^e, verbesserte und erweiterte Auflage. Berlin: Weidmann, 1892. S. 42. — Fischer W. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts. Plauen im Vogtland: F.E. Neupert, 1883. S. 41.*

⁶⁶⁵ *Zonaras J. Op. cit. XVIII. 22, 739.*

⁶⁶⁶ Алексиада. IX, 1, 423 и далее.

⁶⁶⁷ Там же. IX, 1, 425 и далее.

⁶⁶⁸ Там же. IX, 3, 433. Анна относит эти события ко времени после отплытия флота Дуки, и это наводит меня на мысль, что новый мятеж Чахи вспыхнул тогда, когда силы греков сократились.

⁶⁶⁹ Алексиада. IX, 2, 430.

⁶⁷⁰ Там же.

⁶⁷¹ *Zonaras J. Op. cit. XVIII. 25, 737.*

⁶⁷² *Васильевский В. Г. Николая еп. Мефонского и Феодора Продрома житие Мелетия Нового... Цит. соч. С. 27–28.*

⁶⁷³ Ныне Кирения.

⁶⁷⁴ Сохранились печати этого человека, позволяющие проследить за его карьерой (*Mordtmann A. S. Plombs byzantins de la Grèce et du Péloponnèse. Op. cit. P. 47 и далее; Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Op. cit. P. 190*); он был магистром, великим дукой, то есть великим адмиралом, и претором Пелопоннеса и Эллады. Его отправляли в Венгрию послом для переговоров о браке Иоанна Комнина: *Ἀνωθύμου Σύνοψις χρονική. Op. cit. Σ. 181–182.*

⁶⁷⁵ Ныне Липлян в долине реки Ситница.

⁶⁷⁶ Ныне Ускюб.

⁶⁷⁷ Алексиада. IX, 4, 436.

⁶⁷⁸ Алексиада. IX, 4, 437 и далее. — Алексей был в Серпе 17 февраля, на Феодоров день. Ср. *Martynov I. M. Annus ecclesiasticus Graeco-Slavicus... Op. cit. P. 75. — Алексиада. IX, 7, 448. Вране расположен в верховьях болгарской Моравы.*

⁶⁷⁹ Алексиада. IX, 5, 440 и далее.

⁶⁸⁰ В числе заговорщиков были сенаторы и полководцы. Алексиада. IX, 8, 453.

- ⁶⁸¹ Согласно «Алексиаде» (IX, 8, 453), заговор якобы раскрыл Константин, сын Марии.
- ⁶⁸² Диогена и Катакалона в тюрьме ослепили. Алексиада. IX, 9, 458.
- ⁶⁸³ Алексиада. IX, 10, 459 и далее.
- ⁶⁸⁴ Там же. X, 2, 6 и далее.
- ⁶⁸⁵ Там же.
- ⁶⁸⁶ Алексиада. IX, 6, 445; IX, 9, 457.
- ⁶⁸⁷ *Chronique dite de Nestor = Несторова, или первоначальная летопись / trad. sur le texte slavon-russe avec introduction et commentaire critique par L. Léger. Op. cit. P. 190.*
- ⁶⁸⁸ См. далее, гл. IX.
- ⁶⁸⁹ *Orderic Vital. Op. cit. T. IV, l. XI, p. 212. См. далее, гл. VIII.*
- ⁶⁹⁰ Алексиада. X, 2, 8 и далее. Алексей еще раз использовал этот прием в 1116 г., во время похода на турок. Ср. Алексиада. XV, 4, 471. Именно такую систему выбрала Ирина, жена Алексея, для избрания настоятельницы монастыря, который основала. Ср. *Irena Augusta. Typicum sive Regula // Migne. PG. T. 127. Col. 1020.*
- ⁶⁹¹ Алексиада. X, 3, 11 и далее.
- ⁶⁹² Алексиада. X, 4, 17 и далее. — *Васильевский В. Г. Николая еп. Мефонского и Феодора Продрома житие Мелетия Нового... Цит. соч. С. 26–27.*
- ⁶⁹³ Алексиада. X, 5, 26–27. Я думаю вместе с Томашеком (*Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. 1. Die Küstengebiete und die Wege der Kreuzfahrer. Wien: Tempsky, 1891. S. 7*), что озеро βοάωνη надо идентифицировать как озеро Софон. Ср. *Ramsay W. M. Op. cit. P. 159, 189.*
- ⁶⁹⁴ Гиббон сравнил Алексея с птицей, которая следует за львом, чтобы питаться его объедками! *Gibbon E. Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain. Op. cit. C. LIX, p. 676.*
- ⁶⁹⁵ Ср. Приложение.
- ⁶⁹⁶ *Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbat. Hierosolymita. Op. cit. C. I. P. 48–49.*
- ⁶⁹⁷ *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades. // Archives de l'Orient latin. 1 (1881). P. 105 и далее.*
- ⁶⁹⁸ *Orderic Vital. Op. cit. T. III, l. IX, p. 461.*
- ⁶⁹⁹ Ср. с. 126.
- ⁷⁰⁰ *Devic C., Vaissette J. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: É. Privat, 1872–1892. 15 vol. T. III. P. 479.*

⁷⁰¹ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria / publiée par le P. Riant. Genevae: I. G. Fick, 1879. P. 9.*

⁷⁰² Латиняне никак не хотели понять, что они терпят неудачи по собственной вине и из-за своей непредусмотрительности. Они упорно объясняли все свои несчастья изменой греков. *Finlay G. A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time...* Op. cit. T. 2. P. 140.

⁷⁰³ *Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. C. XXIV. P. 235 и далее.*

⁷⁰⁴ *Hammer-Purgstall J. von. Fundgruben des Orients. Wien: Schmid, 1809–1818. 6 Bde. Bd. V. S. 398.*

⁷⁰⁵ *Kugler B. Komnenen und Kreuzfahrer // Historische Zeitschrift. 14 (1865). S. 304. — Kugler B. Geschichte der Kreuzzüge. Berlin: Grote, 1880. S. 17, 31.*

⁷⁰⁶ ...λογοποιοουμένην ήκηκόει άπειρων Φραγγικών στρατευμάτων έπέλευσιν [до него дошел слух о приближении бесчисленного войска франков (греч.)]. Алексиада. X, 5, 28.

Риан (*Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 112*) допустил возможность, что крестоносные князья и Урбан II написали василевсу письмо, предупреждая о подготовке крестового похода и скором появлении крестоносцев. Но письмо к Одеризию, на которое он опирается, датировано 1112 г., и Тринкера (*Trinchera F. Syllabus Graecarum membranarum quae partim Neapoli in maiori tabulario et primaria bibliotheca partim in Casinensi coenobio ac Cavensi et in episcopali tabulario Neritino... Francisco Trinchera Neapolitanis archivis praefecto in lucem prodeunt. Neapoli: J. Cataneo, 1865. P. XXV*) лишь при помощи особых ухищрений сумел датировать его 1097 г. Риан видел эту проблему, но счел, что можно выйти из положения, изменив месяц; это неправильно. См. дальше, гл. IX, и *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 136*. Авторы, которых он цитирует, находились слишком далеко от места событий, чтобы стоило принимать на веру их свидетельства.

⁷⁰⁷ *Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 142 и далее.*

⁷⁰⁸ *Bikelas D. La Grèce byzantine et moderne: essais historiques. Paris: Firmin-Didot, 1893. P. 30.*

⁷⁰⁹ *Παπαρρηγόπουλος Κ. Ιστορία του έλληνικού έθνους. Op. cit. T. Δ'. Σ. 488 и далее.*

⁷¹⁰ *Gibbon E. Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain. Op. cit. C. LVIII, p. 656.*

⁷¹¹ Чтобы понять, на что были способны первые крестоносцы, надо вспомнить еврейские погромы, какими они отмечали проход через очень многие города. Напомню только о побоищах в Шпейере, Вормсе, Майнце, Кёльне, Нейсе, Кобленце, Андернахе, Ксантене, Мёрсе, Керпене, Гелдерне, Трире и на землях Швабии, Баварии (Регенсбург) и Чехии (Прага). Ср. *Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade. // Revue de l'Orient latin. 6 (1898). P. 229.* Об этих побоищах см. сообщения Соломона бар Симеона, Элизера бар Натана, Майнцкого анонима и Эфраима бар Якова, опубликованные Нойбауэром и Штерном: *Hebräische Berichte über die Judenverfolgung während der Kreuzzüge / hrsg. von A. Neubauer und M. Stern. Berlin: Simion, 1892. [Quellen zur Geschichte der Juden in Deutschland. 2.]* Приближение крестоносцев вызывало такой страх, что в Трире одни иудеи убивали единоверцев, а другие, особенно женщины, бросались в Мозель, чтобы не попасть в руки крестоносцам (*Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade. Op. cit. P. 238.*) Чаще всего последние нападали на евреев только затем, чтобы их грабить. Кстати, вожди выглядят столь же нетерпимыми, как и крестоносцы из народа. Готфрид Бульонский якобы заявил, что отомстит за кровь Христа, проливая кровь евреев, и истребит их до последнего, и только под давлением императора Генриха IV отказался от этих кровавых планов. Евреи Кёльна и Майнца якобы передали ему пятьсот серебряных монет. Ср. *Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade. Op. cit. P. 228–229.*

⁷¹² *Theophylactus. Επιστολή ΙΑ' Τῷ Κίτρου // Migne. PG. T. 126. Col. 324–325.*

⁷¹³ *Bikelas D. La Grèce byzantine et moderne... Op. cit. P. 29.*

⁷¹⁴ *Kugler B. Kaiser Alexius und Albert von Aachen // Forschungen zur deutschen Geschichte. 23 (1883). S. 486.*

⁷¹⁵ *Kugler B. Peter der Eremit und Albert von Aachen // Historische Zeitschrift. 44 (1880). S. 22–41. — Sybel H. von. Nachwort // Historische Zeitschrift. 44 (1880). S. 42–46.*

⁷¹⁶ Хагенмейер (*Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade. Op. cit. P. 111*) отметил, что бедность и суровость жизни на Западе около 1095 г. сильно сказались на крестоносном движении. Ср. *Sigebertus Gemblacensis. Chronica. Op. cit. An. 1095. — Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis chronicon universale. Op. cit. Ad an. 1094. P. 207. — Röhrich R. Quellenbeiträge zur Geschichte der Kreuzzüge. Berlin: Moeser, 1875. Bd. II. S. 7–9, 15, 16. — Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs. Op. cit. S. 190. — Kugler B. Geschichte der Kreuzzüge. Op. cit. S. 20.*

⁷¹⁷ Думаю, что Беньо (*Beugnot A. A. Mémoire sur le régime des terres dans les principautés fondées en Syrie par les Francs à la suite des croisades //*

Bibliothèque de l'École des chartes. 3e série. 15 (1854). P. 32) в связи с основанием Эдесского и Антиохийского княжеств приписал крестоносцам стратегические замыслы, каких у них никогда не было.

⁷¹⁸ *Hagenmeyer H. Peter der Eremiten*. Leipzig: O. Harrassowitz, 1879. S. 247.

⁷¹⁹ Ф. Шаландон, будучи представителем позднего позитивизма, преувеличивает политические мотивы крестоносцев и не берет в расчет религиозный фактор движения. См об этом: История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита. М.: Крон-пресс, 1998 (прим. науч. ред.)

⁷²⁰ *Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 259.

⁷²¹ *Kugler B. Komnenen und Kreuzfahrer*. Op. cit. S. 308.

⁷²² Алексиада. XIV, 4, 272 и далее.

⁷²³ Там же.

⁷²⁴ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. 44–45.

⁷²⁵ *Kugler B. Komnenen und Kreuzfahrer*. Op. cit. S. 309.

⁷²⁶ Алексиада. XIV, 2, 258–259.

⁷²⁷ *Kugler B. Geschichte der Kreuzzüge*. Op. cit. S. 32.

⁷²⁸ Алексиада. XIV, 2, 254.

⁷²⁹ *Raimundus de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Т. 3. P. 239–240.

⁷³⁰ *Kugler B. Geschichte der Kreuzzüge*. Op. cit. S. 33, Anm. 9.

⁷³¹ *Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium, ab anno Domini MXXV usque ad annum MCXXVII, auctore domno Fulcherio Carnotensi* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Т. 3. Op. cit. Т. I. С. IX. P. 332.

⁷³² Алексиада. X, 5, 31. — *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum, seu Tudebodis abbreviatus* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Т. 3. Paris: Imprimerie impériale, 1866. L. I, p. 121, II. Должно быть, этот факт врезался в память Анны, которая была еще ребенком; этим объясняется, почему позже в своем тексте она делает всех крестоносцев пришельцами из Италии.

Зибель (*Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 203) отождествляет этих крестоносцев с бандами Вальтера Голяка. Но их надо различать, так как уже явно шло движение из Италии в Византию, коль скоро Алексей провел Гуго де Вермандуа через Филиппополь, чтобы не допустить встречи крестоносных банд. Алексиада. X, 7, 39. — Ср. *Hagenmeyer H. Peter der Eremiten*. Op. cit. S. 171.

⁷⁵³ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Т. 4. Op. cit. L. I, cap. VI, p. 274–276. — Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 137. О движении отрядов Фолькмара и Готшалка см. Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs. Op. cit. S. 203 и далее.*

⁷⁵⁴ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. I, cap. XV–XVI, p. 283 и далее.*

⁷⁵⁵ О событиях крестового похода в Германии см. *Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 139. Его следует дополнить изданием: Hebräische Berichte über die Judenverfolgung während der Kreuzzüge / hrsg. von A. Neubauer und M. Stern. Berlin: Simion, 1892. — Ср. критику со стороны Поржеса: Porgés N. Les relations hébraïques des persécutions des Juifs pendant la première croisade // Revue des études juives. XXV (1892). P. 181–201. XXVI (1893). P. 183–197.*

⁷⁵⁶ Ныне Землин.

⁷⁵⁷ Ср. *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Op. cit. P. 239. — Mordtmann A. S. Sur les sceaux et plombs byzantins: conférence tenue dans la Société littéraire grecque. Constantinople: Impr. du Phare du Bosphore, 1873. P. 57. — Анна Комнина говорит о нем, рассказывая о войне с печенегами (Алексиада. VIII, 3, 339). Никиту назначили дуккой в Подунавье во время дела Гавры (Алексиада. VIII, 9, 422). Анна дает ему имя «Лев Никерит». На печати он носит имя Никита; в качестве стратига Эллады он упоминается также в «Житии святого Мелетия» Феодора Продрома (*Васильевский В. Г. Николая еп. Мефонского и Феодора Продрома житие Мелетия Нового... Цит. соч. С. 60, 61*). Позже мы встретим его на турецкой войне. О нем см. также *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. I, cap. VII–X, p. 276–280.**

⁷⁵⁸ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. I, cap. XIII, p. 282.*

⁷⁵⁹ *Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 145 и далее.*

⁷⁶⁰ *Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs. Op. cit. S. 207.*

⁷⁶¹ Алексиада. X, 5, 32–33.

⁷⁶² *Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 156. — Krebs F. Zur Kritik Alberts von Aachen. Inaug. Diss. Münster: Coppentrath, 1881. S. 2, 6. — Kugler B. Peter der Eremit und Albert von Aachen. Op. cit. S. 22–41. — Последний текст кратко изложен в соответствующем месте издания: *Kugler B. Albert von Aachen. Stuttgart: Kohlhammer, 1885.**

⁷⁶³ *Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 156 и далее.*

⁷⁶⁴ *Chronicon ignoti civis Barensis, sive Lupi Protospatae... Op. cit. P. 147.*

⁷⁶⁵ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. I, cap. VII, p. 276–277.*

- ⁷⁴⁶ Ibid. L. I, cap. X, p. 279.
- ⁷⁴⁷ Алексиада. X, 6, 33.
- ⁷⁴⁸ *Konstantin VII. Constantinus Porphyrogenitus De thematibus et de administrando imperio / recognovit I. Bekkerus. Bonnae: Weber, 1840. 2 t. T. II. C. XVIII, p. 81. — Jireček C.J. Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe, eine historisch-geographische Studie. Prag: F. Tempsky, 1877. S. 24.*
- ⁷⁴⁹ *Vercruysse F. Essai critique sur la chronique d'Albert d'Aix. Liège: s.n., 1889. P. 39.*
- ⁷⁵⁰ Ср. Алексиада. X, 10, 57.
- ⁷⁵¹ *Kugler B. Peter der Eremit und Albert von Aachen. Op. cit. S. 22–41.*
- ⁷⁵² Ср. *Vercruysse F. Essai critique sur la chronique d'Albert d'Aix. Op. cit. P. 30, 40; очень хорошая критика системы взглядов Куглера.*
- ⁷⁵³ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. I, c. II, p. 121. — Ср. Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 165, о хронологии похода Петра.*
- ⁷⁵⁴ Это были монеты, отчеканенные довольно плохо, на аверсе которых был изображен император со скипетром и державой, а на реверсе — погрудное изображение византийского Христа или панагии, иногда также святого Георгия или креста, сопровождаемого по углам священными монограммами. *Schlumberger G. Les îles des Princes. Op. cit. P. 349.*
- ⁷⁵⁵ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. I, c. II, p. 121.*
- ⁷⁵⁶ Ibid.
- ⁷⁵⁷ Я следую здесь «Деяниям». «Алексиада» (X, 6, 33) утверждает, что Петр переправился через Босфор вопреки воле императора; но Анна старается здесь оправдать отца, обвиненного в том, что из-за него случилось массовое убийство крестоносцев. Ср. *Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 176.*
- ⁷⁵⁸ Ср. *Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 173.*
- ⁷⁵⁹ Особенно *Raimundus de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. III. P. 240.*
- ⁷⁶⁰ Об этой крепости см. диссертация: *Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 179 и далее. — Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. Op. cit. S. 9 и далее.*
- ⁷⁶¹ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. I, c. II, p. 121; по утверждению Анны, они разрубали детей на куски, насаживали на колья и жарили; взрослых они пытали (Алексиада. X, 6, 33).*

- ⁷⁶² *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. I, cap. XV, p. 284.*
- ⁷⁶³ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Loc. cit.*
- ⁷⁶⁴ *Hagenmeyer H. Étude sur la Chronique de Zimmern; renseignements qu'elle fournit de la première croisade // Archives de l'Orient latin. II (1884). P. 84.*
- ⁷⁶⁵ Ср. *Hagenmeyer H. Peter der Eremit. Op. cit. S. 187, Anm. 4.*
- ⁷⁶⁶ Подробности см. *ibid.* S. 191.
- ⁷⁶⁷ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. I, c. IV, p. 122.*
- ⁷⁶⁸ Алексиада. X, 6, 36.
- ⁷⁶⁹ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. I, c. IV, p. 122–123.*
- ⁷⁷⁰ Алексиада. Там же.
- ⁷⁷¹ Там же. X, 5, 31–32.
- ⁷⁷² Выше мы видели, что у Анны Петр Пустынник прибыл из Италии.
- ⁷⁷³ Алексиада. X, 10, 57.
- ⁷⁷⁴ Алексиада. X, 7, 57; Анна пересказывает это письмо, где Гуго именуется себя βασιλέυς τῶν βασιλέων [царем царей (*греч.*)]; Зибель (*Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs. Op. cit. S. 261*) допускает, что в основе содержание письма было именно таким, как Анна его изложила. Остер (*Oster E. Anna Komnena. Rastatt: Mayer, 1868–1871. 3 Bde. Bd. II. S. 19*) рассматривает его как патриотическую выдумку дочери Алексея, так же как и Раумер (*Raumer F. L. G. von. Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1857–1858. 6 Bde. Bd. I. S. 65*). Ср. Riant P. É. D. *Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 120–121*; этот автор полагает, что βασιλέυς τῶν βασιλέων — перевод формулировки «Hugo filius et frater regum Francorum» [Гуго, сын и брат короля франков (*лат.*)]; по его мнению, это письмо было написано в августе 1096 г. Я считаю неверным мнение Леру (*Leroux A. La royauté française et le Saint Empire romain au Moyen Âge // Revue historique. 49 (mai–août 1892). P. 255, n. 4*) — исходя из того, что у историков поздней империи ὁ τῶν Φράγγων Ἀρχηγός означает «император Запада», он говорит: «Нельзя ли после этого допустить, что Анна Комнина была введена в заблуждение и приняла Гуго де Вермандуа за брата императора?»
- ⁷⁷⁵ Алексиада. X, 7, 36–39.
- ⁷⁷⁶ Там же. X, 7, 39.
- ⁷⁷⁷ *Fulcherius Carnotensis. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium. Op. cit. T. I. C. VI. P. 327.*

⁷⁷⁸ Алексиада. X, 7, 39. Роберт Монах (*Robertus Monachus*. *Roberti Monachi historia iherosolimitana* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 3. L. II, с. VII) приводит совсем другую, но ложную версию.

⁷⁷⁹ Рёрихт (*Röhricht R. Quellenbeiträge zur Geschichte der Kreuzzüge*. Op. cit. Bd. II. S. 33) сурово осуждает поведение Алексея по отношению к Гуго; думаю, он преувеличивает, — Гуго и впоследствии сохранил хорошие отношения с василевсом, выступив в качестве посредника между ним и Готфридом.

⁷⁸⁰ Анна Комнина говорит, что он отбыл за пятнадцать дней до Боэмунда, который, согласно «Деяниям» (*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. I, IX), был в Кастории 25 декабря 1096 г.; значит, эти события надо датировать серединой или концом ноября 1096 г.

Кребс (*Krebs F. Zur Kritik Alberts von Aachen*. Op. cit. S. 21) предлагает середину октября или начало ноября.

Хагенмейер (*Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade*. Op. cit. P. 259) допускает ноябрь.

⁷⁸¹ О критике хроники Альберта в этой части см. *Kugler B. Kaiser Alexius und Albert von Aachen*. Op. cit. Passim. — *Kugler B. Albert von Aachen*. Op. cit. S. 12 и далее. — *Krebs F. Zur Kritik Alberts von Aachen*. Op. cit. S. 16 и далее.

⁷⁸² Софию. У Ф. Шаландона неверно — Стерниц (прим. науч. ред.)

⁷⁸³ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. II, cap. VIII, p. 304–305.

⁷⁸⁴ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. I, с. IV, p. 123.

⁷⁸⁵ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. II, cap. IX, p. 305.

⁷⁸⁶ *Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 264.

⁷⁸⁷ Это следует из «Алексиады» (X, 9, 53).

⁷⁸⁸ *Kugler B. Albert von Aachen*. Op. cit. S. 18.

⁷⁸⁹ *Krebs F. Zur Kritik Alberts von Aachen*. Op. cit. S. 23.

⁷⁹⁰ Как отметил Зибель, эта тенденция явно проявилась уже у Роберта Монаха. *Robertus Monachus. Historia iherosolimitana*. Op. cit. L. II, с. 8.

⁷⁹¹ Зибель (*Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 265) говорит, что герцог обещал присягнуть; в тексте Анны, на который он ссылается, я не вижу ничего, что могло бы подтвердить это утверждение. Алексиада. X, 9, 48: ...μεταλεψαμένου γάρ του βασιλέως

τινάς τῶν μετὰ τοῦ Γοντοφρέ κομήτων ἐφ' ὃ τοῦτοις συμ βουλευσασθαι ὑποθέσθαι αὐτῷ πληρώσαι τὸν ὄρκον [Император призвал к себе нескольких графов, спутников Готфрида, и посоветовал им убедить Готфрида принести клятву (зреч.)].

⁷⁹² *La chanson d'Antioche*. Op. cit. T. I. P. 77.

⁷⁹³ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. II, cap. X, p. 305–306.

⁷⁹⁴ *Ibid.* L. II, cap. XI, p. 306. Кребс (*Krebs F. Zur Kritik Alberts von Aachen*. Op. cit. S. 23) полагает, что речь шла о Космидии, а не о Пере.

⁷⁹⁵ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Loc. cit.

⁷⁹⁶ *Алексиада*. X, 9, 47–48.

⁷⁹⁷ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. II, cap. XI, p. 306–307.

⁷⁹⁸ Зибель (*Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 266) допускает дату 2 апреля. Куглер (*Kugler B. Geschichte der Kreuzzüge*. Op. cit. S. 35) тоже допускал ее. Но позже он поменял мнение — см. *Kugler B. Kaiser Alexius und Albert von Aachen*. Op. cit. S. 497–499; *Kugler B. Peter der Eremit und Albert von Aachen*. Op. cit. S. 38; *Kugler B. Albert von Aachen*. Op. cit. S. 115 и далее. С ним согласны Кребс (*Krebs F. Zur Kritik Alberts von Aachen*. Op. cit. S. 33) и Хагенмейер (*Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade*. Op. cit. P. 265–266). Все эти авторы следуют рассказу Альберта Ахенского и относят события к январю. Вот их логика: как можно допустить, что Алексей в последние дни марта отправил посольство, чтобы поторопить Боэмунда прибыть в Константинополь, если Готфрид уже стоял под городом? Значит, надо принять версию Альберта Ахенского. — Очень конкретные данные, приведенные в «Алексиаде», явно противоречат сообщениям Альберта; чтобы избежать необходимости учитывать их, Куглер и Кребс придумали следующую теорию: «По их мнению, на Анну Комнину сильно влияла память о другом страстном четверге, когда произошли достопамятные события, — о страстном четверге 1081 г., когда ее отец сверг Никифора и когда наемники с Севера разграбили Константинополь. Этот грабёж, оказавший на нее сильное впечатление, ассоциировался для нее с роковой датой. В начале 1097 г. над Константинополем нависла угроза того же рода, напомнив ей о зловещем страстном четверге 1081 г. Из-за воспоминаний о нем в сочетании с привычным пренебрежением хронологией она смешала оба события и отнесла второе на тот же день, когда случилось первое». — Такова в изложении г-на Хагенмейера аргументация Куглера. Я попытаюсь ответить на оба аргумента сторонников датировки январем. Если бы Анна Комнина присутствовала при грабеже Константинополя солдатами отца, я

бы еще понял, что это событие могло произвести на нее достаточно сильное впечатление, чтобы так врезаться ей в память. Но, учитывая, что Анна Комнина родилась через два года после этого события, когда отец уже прочно утвердился на престоле, и что о константинопольском грабеже она знала только по рассказам, я отказываюсь верить, что это событие, память о котором должна была уже сильно стереться, могло так живо поразить ее воображение, как уверяют авторы. — На второй приведенный выше аргумент можно ответить, что посольство Алексея было отправлено именно затем, чтобы задержать движение норманнов. Бозмунд приехал, но приехал один; его армия подошла только через несколько дней. Комнин использовал это средство, рассчитывая выиграть сколько-то дней, только осознав, что больше ему ничего не остается. Его положение было критическим, и несколько дней значили для него много.

Чтобы отвергнуть рассказ Анны, г-н Хагенмейер ссылается на путаницу, царящую в этой части «Алексиады», и особенно на совершенную Анной ошибку: Бозмунд у нее подходит к Константинополю последним из всех крестоносцев. Рассказ Альберта Ахенского, напротив, по его словам, произвел на него впечатление основанного на оригинальных данных. Признаюсь: что касается меня, то при чтении Альберта Ахенского у меня совсем не сложилось такого впечатления. Если Анна Комнина и заблуждалась, то Альберт Ахенский в этой части своего труда тоже совершил многочисленные ошибки. Надо вспомнить, что Альберт говорит здесь о письме Бозмунда Готфриду, которое уже все признали фальшивкой, и сам г-н Хагенмейер признавал, что политика Бозмунда не могла быть такой, как утверждал Альберт (см. *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. I, p. 137. — *Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade*. Op. cit. P. 267–268).

Таким образом, и Анна Комнина, и Альберт Ахенский совершали ошибки, говоря о пребывании Готфрида под Константинополем; но у Анны ошибки менее существенны, чем у Альберта. Кроме того, в «Алексиаде» есть точность, какой не найти у Альберта Ахенского. Не надо забывать, что Анна Комнина вполне могла помнить эти события, для которых была очевидицей, а кроме того, могла получить сведения от Никифора Вриенния, игравшего в те дни важную роль. Поэтому я считаю, что следовать здесь надо «Алексиаде». Недоверие, проявляемое в отношении «Алексиады», порождено прискорбным чувством, побуждающим почти бездумно отвергать свидетельство греков всякий раз, когда они приписывают крестоносцам малопочтенную роль. Конечно же, в роли, какую в рассказе Анны играет Готфрид, он выглядит очень непохожим на свой привычный образ, но тем не менее он там абсолютно реален.

- ⁷⁹⁹ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. II, cap. XII, p. 307.
- ⁸⁰⁰ Алексиада. X, 9, 48.
- ⁸⁰¹ *Sybel H. von*. *Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 268.
- ⁸⁰² См. *Ekkardus de Uraugia*. *Ekkehardi Uraugiensis chronicon universale*. Op. cit. C. XIII. P. 138.
- ⁸⁰³ Алексиада. Там же.
- ⁸⁰⁴ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. II, cap. XIII, p. 308.
- ⁸⁰⁵ *Martène E*. *Thesaurus novus anecdotorum*. Lutetiae Parisiorum: sumptibus F. Delaulne, H. Foucault, M. Clouzier, J.-G. Nyon, S. Ganeau, N. Gosselin, 1717. 5 vol. T. I. P. 272–273. См. далее, с. 151.
- ⁸⁰⁶ Алексиада. X, 9, 54.
- ⁸⁰⁷ Там же. X, 9, 55.
- ⁸⁰⁸ См. *Tomaschek W*. *Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter*. Op. cit. S. 6. — На берегу Никомедийского залива, близ Харакса (Хереке).
- ⁸⁰⁹ Свою армию он покинул в Руси 1 апреля; *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. II, c. I, p. 125.
- ⁸¹⁰ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. I, c. VII, p. 123.
- ⁸¹¹ Op. cit. L. I, c. IX, p. 124.
- ⁸¹² Ср. *Hagenmeyer H*. *Chronologie de la première croisade*. Op. cit. P. 261.
- ⁸¹³ Алексиада. X, 8, 39 и далее.
- ⁸¹⁴ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. I, c. VIII, p. 124.
- ⁸¹⁵ Исходя из всего, что мы знаем о Бозмунде как из «Деяний», так и из «Алексиады», я рассматриваю письмо, которое привел Альберт Ахенский (*Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. II, cap. XIV, p. 309) и в котором Бозмунд призывает Готфрида захватить Константинополь, как вымысел.
- ⁸¹⁶ «Деяния» говорят о еретиках; думаю, под ними надо понимать скорей манихеев, тогда очень распространенных в этой области, чем греков, как это делает издатель Ордерики Виталия (*Orderic Vital*. Op. cit. T. III, p. 495).
- ⁸¹⁷ *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*, auctore Radulfo Cadomensi, ejus familiari // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. T. 3. Op. cit. IV. P. 607. — *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. I, c. X, p. 124. Это нападение случилось 18 февраля 1097 г.

⁸¹⁸ «Деяния» (*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. II, с. I, р. 124), Вильгельм Тирский (*Willelmus Tyrensis. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum a tempore successorem Mahumeth usque ad annum Domini MCLXXXIV edita a venerabili Willermo Tyrensi archiepiscopo // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 1. L. II, с. 14) и Рауль Канский (*Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. С. IX) говорят только о втором посольстве. Ср. *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 141.

⁸¹⁹ Степень родства Танкреда и Боэмунда выяснена плохо. Матфей Эдесский (*Matthieu d'Edesse*. Op. cit. P. 213, 229, 256) называет Танкреда племянником Боэмунда. Ср. *Saulcy F. de. Tancrede. 1er article: origine de Tancrede. // Bibliothèque de l'École des chartes*. 4 (1843). P. 301. — *Kugler B. Voemund und Tankred, Fürsten von Antiochien*. Tübingen: Fues, 1862. S. 59. — *Pirri R. Sicilia sacra: disquisitionibus et notitiis illustrata*. Panormi: ex typographia Petri Coppulae, 1644. 2 v. T. I. P. IX.

⁸²⁰ *Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Loc. cit. — *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Loc. cit. Серры — ныне Серре на реке Стримон.

⁸²¹ Рауль Канский (*Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. С. IX) говорит, что дело было в Шимпсале, Руси, ныне Кешан между Ипсалою и Малкарой.

⁸²² *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Loc. cit.

⁸²³ Алексиада. X, 11, 60–61.

⁸²⁴ Там же.

⁸²⁵ Там же. X, 11, 63–64.

⁸²⁶ Там же. X, 11, 65.

⁸²⁷ Раймунд IV по прозвищу Сен-Жиль, сын Понса, графа Тулузского. — Ср. *Devic C., Vaissete J. Histoire générale de Languedoc*. Op. cit. T. III. P. 452. Он дал обет остаться на Востоке: *ibid*. P. 481.

⁸²⁸ *Raimundus de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. С. I. P. 236.

⁸²⁹ *Ibid*. С. I. P. 237–238; согласно Зибелю (*Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 274), Сен-Жиль прибыл во второй половине апреля.

⁸³⁰ *Raimundus de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. С. I. P. 238.

⁸³¹ *Ibid*.

⁸³² Это следует из одного очень запутанного места в тексте Анны (Алексиада. X, 10) и из мер, какие принял Алексей, чтобы защитить

крестоносцев. *Martène E. Thesaurus novus anecdotorum. Op. cit. T. I. P. 272–273.* — О некоем Рауле, прибывшем тогда с флотом, см. гипотезу Риана (*Riant P. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades. Paris: impr. de A. Lainé et J. Havard, 1865. P. 135, n. 8).*

⁸⁵³ *Martène E. Thesaurus novus anecdotorum. Loc. cit.*

⁸⁵⁴ Это был корпус Татикия.

⁸⁵⁵ Ибн Хальдун (*Ibn Khaldūn. Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum in terras Islamismo subjectas / e codicibus bodleianis ed. et latine vertit C. J. Tornberg. Upsaliae: Leffler et Sebell, 1840. P. 50*) и ибн аль-Асир (*Ibn el-Athir. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh // Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux. Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. T. 1. 1872. P. 191*) в качестве важнейшего условия договора упоминают возвращение Антиохии.

⁸⁵⁶ *Martène E. Thesaurus novus anecdotorum. Op. cit. T. I. P. 272–273.*

⁸⁵⁷ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. II, c. III, p. 126;* к Никее крестоносцы подошли 6 мая.

⁸⁵⁸ Алексиада. XIV, 4, 273 и далее.

⁸⁵⁹ Там же. X, 10, 60.

⁸⁶⁰ Там же. X, 10, 58 и далее.

⁸⁶¹ *Stephan, comitis Carnotensis, ad Adela, uxorem suam, epistola // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 3. P. 885.*

⁸⁶² *Ibid. P. 886.*

⁸⁶³ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. II, cap. XXVIII, p. 321.* — Ср. *Raimundus de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. I. P. 239–240.*

⁸⁶⁴ О подробностях осады см. *Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs. Op. cit. S. 278 и далее.*

⁸⁶⁵ Алексиада. XI, 2, 74.

⁸⁶⁶ Близ Никомедийского залива. Ср. *Ramsay W. M. Op. cit. P. 185* и *Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. Op. cit. S. 6.*

⁸⁶⁷ *Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. Op. cit. C. XVII, p. 618.* — Алексиада. XI, 2, 75.

⁸⁶⁸ Алексиада. Там же. — *Matthieu d'Edesse. Op. cit. P. 214.*

⁸⁶⁹ Алексиада. XI, 2, 70–71, 77.

⁸⁷⁰ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. II, c. V, p. 127.* — *Stephan, comitis Carnotensis, ad Adela, uxorem suam, epistola. Op. cit. P. 887.* Фульхерий Шартрский (*Fulcherius Carnotensis.*

Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium. Op. cit. T. I. C. X. P. 333) ошибочно говорит, что флот построили крестоносцы.

⁸⁵¹ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. II, c. VII, p. 127.

⁸⁵² *Raimundus de Aguilers*. *Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. C. I. P. 239–240.

⁸⁵³ Loc. cit.

⁸⁵⁴ Stephan, comitis Carnotensis, ad Adela, uxorem suam, epistola. Op. cit. P. 886.

⁸⁵⁵ *Fulcherius Carnotensis*. *Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium*. Op. cit. T. I. C. X. P. 333–334.

⁸⁵⁶ Алексиада. XI, 3, 82.

⁸⁵⁷ *Raimundus de Aguilers*. *Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. P. 238; сообщая о трудностях в отношениях Алексея и Раймунда, он говорит: «Quapropter pauca ei largitus est imperator» [Вот почему император ему даровал немного (лат.)]. Такой же, видимо, ситуация была и после Никеи.

⁸⁵⁸ Алексиада. XI, 3, 82.

⁸⁵⁹ Stephan, comitis Carnotensis, ad Adela, uxorem suam, epistola. Op. cit. P. 887.

⁸⁶⁰ *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. XVIII. Анна (Алексиада. XI, 3, 83) утверждает, что Танкред присягнул; это неправда, потому что Алексей никогда не ссылался на это, уличая Танкреда. Ср. главу VIII «Алексей и Бозмунд».

⁸⁶¹ *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 223.

⁸⁶² *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. 43.

⁸⁶³ Ibid. P. 44–45. Ср. *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 161, 152.

⁸⁶⁴ Ф. Шаландон называет его Петром из Ольпса (прим. науч. ред.)

⁸⁶⁵ *Du Cange*. Notice in *Alexiade*. P. 119.

⁸⁶⁶ Алексиада. XI, 3, 83–84. Раймунд Ажилский говорит о Татикии: «Quem pro se nobis tradiderat (imperator)» [Которого ради себя дал нам (император) (лат.)] (*Raimundus de Aguilers*. *Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. P. 245). То есть Татикий был представителем Алексея при совете крестоносцев.

⁸⁶⁷ Тюркское имя — Тэнгри-Бэрмиш (прим. науч. ред.)

⁸⁶⁸ Алексиада. XI, 5, 92.

- ⁸⁶⁹ Муральт (*Muralt E. von. Essai de chronographie byzantine...* Op. cit. Т. 1. Р. 81) говорит о преемниках Чахи; он полагает, что Чаха был убит Кылыч-Арсланом (ср. Алексиада. IX, 3, 435). Но в том месте Анна просто говорит, что произошло покушение на убийство и Чаху едва не убили; она однозначно говорит, что Дука имел дело с Чахой (Алексиада. XI, 5, 93).
- ⁸⁷⁰ Алексиада. XI, 5, 92–94; по словам Анны, было убито десять тысяч человек.
- ⁸⁷¹ Там же. XI, 5, 94–95.
- ⁸⁷² О Лампи см. *Ramsay W. M.* Op. cit. P. 163. Согласно Анне (Алексиада. VI, 12, 315), существовала река с таким же названием, Лампи, близ Лопадия. Ср. *Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter.* Op. cit. S. 12.
- ⁸⁷³ Алексиада. XI, 5, 95.
- ⁸⁷⁴ Там же. XI, 6, 96.
- ⁸⁷⁵ *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades.* Op. cit. P. 169 и далее.
- ⁸⁷⁶ Ныне Болвадин.
- ⁸⁷⁷ Ныне Акшехир. Г-н Парис (*La chanson d'Antioche.* Op. cit. Т. II. L. VII, p. 155) ошибочно идентифицировал его как Селевкию. Ср. *Ramsay W. M.* Op. cit. P. 197.
- ⁸⁷⁸ Ныне Эскишехир.
- ⁸⁷⁹ *Ramsay W. M.* Op. cit. P. 197.
- ⁸⁸⁰ Ср. *Sybel H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs.* Op. cit. S. 380.
- ⁸⁸¹ Рауль Канский (*Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana.* Op. cit. С. LXXII, p. 658–659) говорит о ста тысячах человек.
- ⁸⁸² Антиохия была взята 3 июня. *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum.* Op. cit. L. IV, XXVII, p. 142. Кербога подошел через три дня, то есть 6 июня (*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Loc. cit.*); в четверг 10 июня произошло сражение, и «канатные плясуны» бежали следующей ночью, то есть 11 июня (*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. IV, p. 146*). Хагенмейер ошибочно относит их побег к 12 июня (*Hagenmeyer H. Peter der Eremit.* Op. cit. S. 377).
- ⁸⁸³ Кербога — атабек (букв. — «отец-правитель», регент) Мосула (196–1102), потерпел поражение от крестоносцев возле Антиохии (прим. науч. ред.)
- ⁸⁸⁴ Алексиада. XI, 6, 96–99. — *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum.* Op. cit. L. IV, XXXVII, p. 148–149. — *Radulfus*

Cadomensis. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. LXXII, p. 658–659. — Письмо луккского духовенства: *Riant P. É. D.* *Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 225.

⁸⁸⁵ О подробностях см. *Sybel H. von*. *Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 291 и далее.

⁸⁸⁶ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. IV, c. II–III, p. 130–131. — *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. XXXIV, p. 630–631. — *Fulcherius Carnotensis*. *Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium*. Op. cit. T. I. C. XIV. P. 337. Ср. *Saulcy F. de*. *Tancrede*. 1er article: *origine de Tancrede*. Op. cit. P. 305 и далее.

⁸⁸⁷ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. IV, c. IV, p. 131. — *Baudouin*. L. II. C. VII. P. 39.

⁸⁸⁸ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. IV, c. VII, XI, p. 133–134. О подробностях осады см. *Sybel H. von*. *Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 320 и далее.

⁸⁸⁹ *Raimundus de Aguilers*. *Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. C. VI. P. 245.

⁸⁹⁰ *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. LIX, p. 649–650. C. LX, p. 651.

⁸⁹¹ *Ibid.* C. LIV, p. 647. Ср. строки из «Песни об Антиохии», приведенные на с. 144.

⁸⁹² *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. IV, XIV, p. 135.

⁸⁹³ *Ibid.* L. IV, c. XIV, p. 135–136. — *Raimundus de Aguilers*. *Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. C. VI. P. 245.

⁸⁹⁴ Это мнение Зибеля: *Sybel H. von*. *Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 330–331.

⁸⁹⁵ *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. XIX, p. 620.

⁸⁹⁶ *Rey E.-G.* *Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre*. Paris: Imprimerie nationale, 1871. P. 183 и далее.

⁸⁹⁷ *Raimundus de Aguilers*. *Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. C. VI. P. 245–246. Ср. *Sybel H. von*. *Geschichte des ersten Kreuzzugs*. Op. cit. S. 330.

⁸⁹⁸ Алексиада. XI, 4, 87.

⁸⁹⁹ Селевкии. Ср. *Rey E.-G.* *Les périples des côtes de Syrie et de Petite Arménie // Archives de l'Orient latin*. 2/1 (1884). P. 336.

⁹⁰⁰ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. IV, XXIV, p. 140.

- ⁹⁰¹ Ibid. L. IV, XXIV, p. 142.
- ⁹⁰² Алексиада. XI, 6, 96–99. — *Raimundus de Aguilers*. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. VI. P. 246. — *Radulfus Cadomensis*. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. Op. cit. C. LXII, p. 658–659. — Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. IV, c. XXXVII, p. 148–149. — *Ekkardus de Uraugia*. Ekkehardi Uraugiensis chronicon universale. Op. cit. C. XXV. P. 240 и далее.
- ⁹⁰³ *Ibn el-Athir*. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh. Op. cit. P. 194.
- ⁹⁰⁴ Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. IV, c. XXXIX, p. 150.
- ⁹⁰⁵ *Raimundus de Aguilers*. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. XIII. P. 261–262. По его утверждению, с Готфридом и графом Фландрским Боэмунд обошелся так же, как с Раймундом.
- ⁹⁰⁶ Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Op. cit. L. IV, c. LI, p. 152. — *Albertus Aquensis*. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. V, cap. III, p. 434. Ср. *Riant P. É. D.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 171–178.
- ⁹⁰⁷ *Baluze É.* Miscellanea novo ordine digesta et non paucis ineditis monumentis opportunisque animadversionibus aucta opera ac studio Joannis Dominici Mansi Lucensis. Lucae: Vincentius Junctinius, 1761–1764. 4 t. T. III. P. 61. [Цит. в переводе М. А. Заборова.]
- ⁹⁰⁸ Имеются в виду рукописи А, В, F, G, N, изданные Академией.
- ⁹⁰⁹ Этот список сделан в начале XII в.; это кодекс Pluteo LXV Лауренцианской библиотеки.
- ⁹¹⁰ *Raimundus de Aguilers*. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. XVI. P. 277.
- ⁹¹¹ Аль-Афдалъ был всеильным; см. *Ibn Muyassar*. Extraits d'Ibn Moyesser // *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. T. 3. 1884. P. 465.
- ⁹¹² Ордерик Виталий (*Orderic Vital*. Op. cit. T. X, l. IV, p. 138) говорит, что Арпен Буржский передал Алексею просьбу освободить его через византийских купцов. После битвы при Рамле Алексей хотел выкупить христиан; халиф отдал их ему без выкупа.
- ⁹¹³ Historia belli sacri. // *Museum Italicum seu collectio veterum scriptorum ex bibliothecis Italicis*, eruta a D.J. Mabillon et M. Germain. Lutetiae Parisiorum: Martin, 1689–1724. 2 t. T. 1/2. 1689. P. 181. На мой взгляд, это подтверждается отправкой аналогичных писем Торосу, князю Эдессы, и Константину, сыну Рубена (*Matthieu d'Edesse*. Op. cit. P. 216). Ср. *Riant P. É. D.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 146. — *Albertus Aquensis*. Historia Hierosolymitana.

Op. cit. L. III, cap. LIX, p. 379. — *Ibn Khaldūn*. *Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum*. Op. cit. P. 50. — То, что аноним говорит о втором посольстве, подтверждают и другие источники. Написанному им здесь нет оснований не доверять: он использовал утраченный источник об этих посольствах. См. *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Loc. cit.

⁹¹⁴ Официально этому посольству было поручено договориться с крестоносцами о завоевании Сирии и Палестины, как говорит Раймунд Ажилский (*Raimundus de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. C. VII. P. 247), но главной его задачей были шпионаж и осведомление султана о силах крестоносцев. Ср. *Ibn Khaldūn*. *Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum*. Op. cit. P. 123. Ибн аль-Асир (*Ibn el-Athir. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh*. Op. cit. T. 1. P. 191) относит это обращение из Египта ко времени до крестового похода. Ср. *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. IV, c. XVII–XXVII, p. 137–139. — *Orderic Vital*. Op. cit. T. III, l. IX, c. IX, p. 528. — *Stephan, comitis Carnotensis, ad Adelaem, uxorem suam, epistola*. Op. cit. P. 889. — *Anselmi de Ribodi Monte ad Manassem, archiepiscopum Remensem, epistola // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 3. P. 893. — Ср. *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 162–163.

⁹¹⁵ *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 124, основание: *Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis chronicon universale*. Op. cit. P. 171.

⁹¹⁶ *Historia belli sacri*. Op. cit. C. XLVI. P. 189.

⁹¹⁷ *Riant P. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades*. Op. cit. P. 134 и далее. — *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 190.

⁹¹⁸ *Kugler B. Voemund und Tankred, Fürsten von Antiochien*. Op. cit. S. 9 и далее; S. 59.

⁹¹⁹ Алексиада. XI, 7, 105.

⁹²⁰ *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 190.

⁹²¹ Об этих датах см. с. 177.

⁹²² Вскоре после 2 февраля: *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. IV, c. XLVI, p. 157.

⁹²³ *Raimundus de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. C. XV. P. 276. — *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Loc. cit.

- ⁹²⁴ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. IV, c. XLVI, p. 156.
- ⁹²⁵ *Ibid.* L. IV, c. XLVI, p. 157.
- ⁹²⁶ *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. XLIX, p. 650.
- ⁹²⁷ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. VI, cap. XLV, p. 501.
- ⁹²⁸ *Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades. Op. cit. P. 135. — *Riant P. É. D.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 190.
- ⁹²⁹ *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. XLVIII, p. 649.
- ⁹³⁰ Алексиада. XI, 7, 105.
- ⁹³¹ *Ousāma Ibn Mounkidh*. Texte arabe de l'autobiographie d'Ousāma. P. 80. Цит. по: *Derenbourg H.* Vie d'Ousāma. P. 27 // *Derenbourg H.* Ousāma Ibn Mounkidh. Op. cit. T. I.
- ⁹³² *Kamal al-Dīn*. *Selecta ex historia Halebi*. Op. cit. P. 37–38. Согласно этому автору, пираты только разграбили город.
- ⁹³³ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Loc. cit.
- ⁹³⁴ *Orderic Vital*. Op. cit. T. IV, l. IX, p. 70. Новые издатели «Истории Лангедока» (*Devic C., Vaissete J.* *Histoire générale de Languedoc*. Op. cit. T. III. P. 539) не учли этих свидетельств. Ордерик относит это событие ко времени осады Антиохии.
- ⁹³⁵ *Willelmus Malmesburiensis*. *De gestis regum Anglorum* / ed. by W. Stubbs. London: Eyre and Spottiswoode, 1887–1889. 2 t. T. II. P. 310. Он относит это событие к более позднему времени — периоду битвы при Рамле.
- ⁹³⁶ Свергнутый английский король. Об этих лицах см. *Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades. Op. cit. P. 135–137, 141.
- ⁹³⁷ *Riant P. É. D.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 224, 184–185.
- ⁹³⁸ *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. XLVIII, p. 649.
- ⁹³⁹ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. III, cap. LIX, p. 386.
- ⁹⁴⁰ *Guibertus Novigentius*. *Historia quae dicitur Gesta Dei per francos*, edita a venerabili Domno Guiberto, abbate monasterii Sanctae Marii Novigenti // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. T. 4. P. 254.

⁹⁴¹ *Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades. Op. cit. P. 136. — *Riant P. É. D.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 190.

⁹⁴² *Radulfus Cadomensis.* Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. Loc. cit.

⁹⁴³ *Riant P. É. D.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 190.

⁹⁴⁴ *Raimundus de Aguilers.* Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. XVIII. P. 286.

⁹⁴⁵ Ibid. C. XIV. P. 267. — *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum.* Op. cit. L. IV, c. XLIII, p. 153–154.

⁹⁴⁶ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum.* Op. cit. L. IV, c. XLIV, p. 154–155. — *Raimundus de Aguilers.* Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. P. 270, и Абу Йала, цитирующийся в «Мират аз-заман»: *Sibt Ibn el-Djeuzi. Extraits du Mirât ez-Zêmân // Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux.* Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. T. 3. 1884. P. 519.

⁹⁴⁷ *Raimundus de Aguilers.* Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. XIV. P. 271. — *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum.* Op. cit. L. IV, c. XLVI, p. 156.

⁹⁴⁸ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum.* Loc. cit. — *Raimundus de Aguilers.* Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. XIV. P. 272. Через недолгое время к Раймунду присоединились граф Нормандский и Танкред.

⁹⁴⁹ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum.* Op. cit. L. IV, c. XLVII, p. 157–158. — *Raimundus de Aguilers.* Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. XV. P. 277 и далее.

⁹⁵⁰ *Raimundus de Aguilers.* Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. Op. cit. C. XVIII. P. 286.

⁹⁵¹ *Willelmus Tyrensis.* Historia rerum in partibus transmarinis... Op. cit. L. VII, c. XX, p. 307.

⁹⁵² *Riant P. É. D.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 189.

⁹⁵³ Если верить Анне, эту экспедицию следовало бы отнести к 1103 г., но совпадение подробностей, приведенных Анной, с теми, какие дают пизанские хроники, побуждает меня датировать поход 1099 г., как уже сделал Куглер (*Kugler B.* *Voemund und Tankred, Fürsten von Antiochien.* Op. cit. S. 59 и далее).

⁹⁵⁴ *Gesta triumphalia per Pisanos facta // Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores.* Op. cit. T. 6. 1725. P. 99. — *Bernardus Marangonis.* *Annales*

Pisani a. 1004–1175 // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. Т. XIX: *Annales aevi Suevici*. 1866. P. 239. — Хейд (*Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge*. Op. cit. Т. 1. P. 191) полагает, что на пизанцев напали греки, но очень похоже, что агрессорами были пизанцы. Ср. *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. IX, cap. XVI, p. 599–600. Латинские источники говорят, что напали византийцы; но случаи агрессии по отношению к венецианцам, в которых был повинен этот флот, позволяют полагать, что они вели себя так и в отношении греков. Ср. *Monachus anonymus Littorensis. Historia de translatione sanctorum magni Nicolai...* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. Т. 5. P. 259. Коль скоро Анна говорит, что Татикий недавно вернулся из Антиохии, это еще раз подтверждает, что данная экспедиция была предпринята именно в 1099 г. Алексиада. XI, 10, 116.

⁹⁵⁵ Алексиада. Там же.

⁹⁵⁶ Там же. XI, 10, 117.

⁹⁵⁷ Там же. XI, 11, 120.

⁹⁵⁸ Там же. XI, 11, 120–121.

⁹⁵⁹ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. VI, cap. LV, p. 500 и далее.

⁹⁶⁰ *Raimundus de Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. P. 301.

⁹⁶¹ *Ibid.* Loc. cit.

⁹⁶² Ср. *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*. Op. cit. L. IV, c. LII, p. 161.

⁹⁶³ *Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. CXXXVIII, p. 225. — *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. VI, cap. XXXI.

⁹⁶⁴ «Princes [...] milicie christiane in Ierosolimitano itenere» [глава христианского воинства на пути в Иерусалим (*лам.*)]. *Donatio dimidia civitatis quae vocatur Gibellet* // *Assises de Jérusalem*. Paris: Imprimerie nationale (royale), 1841–1843. Т. II. N°1. P. 479.

Рено (*Reinaud J. T. Extraits des historiens arabes, relatifs aux guerres des Croisades*. Paris: Impr. royale, 1829. Т. I. P. 13) цитирует арабскую поэму, где Раймунд изображен главой крестоносцев при Аскалоне; ему они и обязаны победой. Ибн Муяссар (*Ibn Muyassar. Extraits d'Ibn Mouesser*. Op. cit. P. 464) объясняет конечную неудачу похода разобщенностью крестоносцев.

⁹⁶⁵ Этим и объясняется поездка в Лаодикею, так как у Раймунда было намерение вернуться в Иерусалим. Ср. письмо от 11 сентября:

Veterum scriptorum et monumentorum historicorum, dogmaticorum, moralium amplissima Collectio... prodiit nunc primum studio et opera E. Martene et U. Durand. Parisiis: Montalant, 1724–1733. 9 v. T. V. P. 520–522.

⁹⁶⁶ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. VI, cap. LIII, p. 499.

⁹⁶⁷ *Ibid.* L. VI, cap. LVII, p. 502.

⁹⁶⁸ Ср. *Hagenmeyer H.* Der Brief der Kreuzfahrer an den Pabst und die abendländische Kirche v. J. 1099 nach der Schlacht bei Askalon // *Forschungen zur deutschen Geschichte*. 13 (1873). S. 400. — *Kugler B.* Ueber den Brief der Kreuzfahrer von 1099 // *Forschungen zur deutschen Geschichte*. 15 (1875). S. 157. — *Riant P. É. D.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 202. — *Veterum scriptorum et monumentorum historicorum...* Loc. cit.

⁹⁶⁹ Альберт Ахенский (*Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. VI, cap. LX) и Эккехард (*Ekkardus de Uraugia*. *Ekkehardi Uraugiensis chronicon universale*. Op. cit. C. XVIII. P. 184) говорят, что состоялось собрание, на котором было заключено соглашение между Боэмундом и Раймундом. Письмо определено об этом не говорит. Отношения оставались напряженными долго: Боэмунд, направляясь осенью 1099 г. в Иерусалим, не шел через Лаодикею. Ср. *Fulcherius Carnotensis*. *Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium*. Op. cit. T. I. C. XXXIII.

⁹⁷⁰ *Orderic Vital*. Op. cit. T. IV, l. X, p. 73–75.

⁹⁷¹ *Fulcherius Carnotensis*. *Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium*. Op. cit. T. I. C. XXXI.

⁹⁷² *Ibid.* T. I. C. XXXIV.

⁹⁷³ *Ekkardus de Uraugia*. *Ekkehardi Uraugiensis chronicon universale*. Op. cit. P. 252–254. — *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. CXLV. Это следует из «Алексиады» (XI, 8, 111). Вернувшись в 1102 г. из Константинополя, Раймунд вновь присоединился к своей армии, которую оставил осаждать Триполи. О поддержке со стороны греков говорят «Алексиада» (XI, 7, 106; XI, 7, 107) и ибн Хальдун (*Ibn Khaldūn*. *Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum*. Op. cit. P. 65–66), но без уточнения, когда это было.

⁹⁷⁴ *Ibn el-Athir*. *Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh*. Op. cit. T. 1. P. 204.

⁹⁷⁵ См. отрывок из книги «Мират аз-заман» Абу-ль-Музаффара Юсуфа ибн Кызоглу: *Sibt Ibn el-Djeuzi*. *Extraits du Mirât ez-Zêmân*. Op. cit. P. 522.

⁹⁷⁶ *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. C. CLXVII. P. 229–230.

⁹⁷⁷ Ср. *ibid.* P. 437. Note de É. Dulaurier.

⁹⁷⁸ *Ibid.* P. 229–230.

⁹⁷⁹ Это был знаменитый сын Данишменда. Бар-Эбрей (*Bar Hebraeus*. *Chronicon Syriacum*. Op. cit. P. 288) путает его с Исмаилом, его отцом. Ср. *Casanova P.* *Numismatique des Danischmendites // Revue numismatique*. 3e série. 12 (1894). P. 319, 455. 13 (1895). P. 389–402. — *Cohler Ch.* *Casanova P.* *Numismatique des Danischmendites [critique] // Moyen Âge*. 10 (1897). P. 99.

⁹⁸⁰ *Fulcherius Carnotensis*. *Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium*. Op. cit. T. I. C. XXXV. — *Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. CXLI. — *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. VII, cap. XXVII. — *Ekkardus de Uraugia*. *Ekkehardi Uraugiensis chronicon universale*. Op. cit. P. 330, n. 29. — *Ibn Khaldūn*. *Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum*. Op. cit. P. 54. — *Kamal al-Din*. *Selecta ex historia Halebi*. Op. cit. P. 48. — *Ibn el-Athir*. *Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh*. Op. cit. T. 1. P. 203. — *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. C. CLXVII. P. 230–231. — Бар-Эбрей (*Bar Hebraeus*. *Chronicon Syriacum*. Op. cit. P. 283–284) говорит, что его предал греческий правитель Мелитены. Ср. *Dulaurier É.* *Recherches sur la chronologie arménienne technique et historique*. Op. cit. P. 52. — *Röhricht R.* *Quellenbeiträge zur Geschichte der Kreuzzüge*. Op. cit. S. 7. — *Röhricht R.* *Geschichte des Königreichs Jerusalem (1100–1291)*. Innsbruck: Wagner, 1898. S. 9–10. — *Mordtmann A.D.* *Die Dynastie der Danischmende // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 30 (1876). S. 475.

⁹⁸¹ *Kugler B.* *Boemund und Tankred, Fürsten von Antiochien*. Op. cit. S. 11, 12. — *Röhricht R.* *Geschichte des Königreichs Jerusalem*. Op. cit. S. 70.

⁹⁸² В устье Курка; ныне Корикос.

⁹⁸³ Силифке, в устье Салефа.

⁹⁸⁴ Алексиада. XI, 10, 121.

⁹⁸⁵ Рауль Канский (*Radulfus Cadomensis*. *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. CXLIII) говорит, что их отбил Танкред, прибыв в Антиохию в 1101 г., но мы не знаем, когда греки отобрали их у крестоносцев. Похода, видимо, было два, так как многие подробности, какие Анна приводит о походе Вутумита, не позволяют считать, что он случился до взятия Лаодикеи Танкредом; греческую армию послали потому, что Боэмунд отказался вернуть эту крепость.

⁹⁸⁶ Алексиада. XI, 9, 115.

- ⁹⁸⁷ De translatione sanctorum magni Nicolai. Op. cit. P. 19. — *Hagemeyer H.* Die Translatio Sancti Nicolai // *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. S. 377.
- ⁹⁸⁸ *Röhricht R.* Geschichte des Königreichs Jerusalem. Op. cit. S.1.
- ⁹⁸⁹ Авторы «Истории Лангедока» (*Devic C., Vaissete J.* Histoire générale de Languedoc. Op. cit. T. III. P. 629), видимо, ошибаются, когда сообщают, что он прибыл в Константинополь только в сентябре. Ср. *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. S. 252, n. 28.
- ⁹⁹⁰ Алексиада. X, 11, 66 и далее. Гиббон ошибочно относит их к первому пребыванию: *Gibbon E.* Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain. Op. cit. C. LVIII, p. 657.
- ⁹⁹¹ Алексиада. XI, 8, 108.
- ⁹⁹² *Cafaro de Caschifelone.* De liberatione civitatum Orientis. Op. cit. C. XII. P. 50.
- ⁹⁹³ *Matthieu d'Edesse.* Op. cit. C. CLXVII. P. 231.
- ⁹⁹⁴ Ср. *Röhricht R.* Geschichte des Königreichs Jerusalem. Op. cit. S.17.
- ⁹⁹⁵ *Radulfus Cadomensis.* Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. Op. cit. C. CXLIII. — *Fulcherius Carnotensis.* Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium. Op. cit. T. II. C. VI. P. 382. — *Albertus Aquensis.* Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VI, cap. CXLV.
- ⁹⁹⁶ *Radulfus Cadomensis.* Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. Op. cit. C. CXLIII.
- ⁹⁹⁷ Ibid. C. CXLIV.
- ⁹⁹⁸ См. в качестве примера письмо Манассии, архиепископа Реймского, Ламберту Аррасскому: Der Brief des Erzbischofs Manasse an den Bischof Lambert von Arras // *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. S. 352–353. Ср. *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria.* Op. cit. P. 43.
- ⁹⁹⁹ *Васильевский В. Г.* Николая еп. Мефонского и Феодора Продрома житие Мелетия Нового... Цит. соч. С. 32 и далее.
- ¹⁰⁰⁰ *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. C. XXII. P. 224 и далее.
- ¹⁰⁰¹ Силиври.
- ¹⁰⁰² *Albertus Aquensis.* Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. III, p. 560. Ср. *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 228, note.
- ¹⁰⁰³ *Albertus Aquensis.* Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. V, p. 562.

¹⁰⁰⁴ Ibid. L. VIII, cap. V, p. 561.

¹⁰⁰⁵ *Orderic Vital*. Op. cit. T. IV, l. X, p. 118.

¹⁰⁰⁶ Ср. *Dantine M., Clémencet C., Durand U.* L'Art de vérifier les dates des faits historiques, des chartes, des chroniques et autres anciens monuments, depuis la naissance de Jésus-Christ, par le moyen d'une table chronologique... Paris: l'éditeur, 1818–1819. 5 v. T. II. P. 631.

¹⁰⁰⁷ *Du Chesne A.* Histoire généalogique de la maison royale de Dreux et de quelques autres familles illustres (de Bar-le-Duc, de Luxembourg et de Limbourg, du Plessis de Richelieu, de Broyes, et de Chasteauvillain) qui en sont descendues par femmes. Paris: S. Cramoisy, 1631. P. 13.

¹⁰⁰⁸ *Gallia Christiana, in provincias ecclesiasticas distributa*. Parisiis: ex Typographia Regia, 1715–1785. 13 v. T. X. P. 353–354.

¹⁰⁰⁹ Бьяндрате в Италии, несколько севернее Верчелли. См. *Ekkardus de Uraugia*. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 225, n. 12.

¹⁰¹⁰ *Albertus Aquensis*. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. VI, p. 562–563.

¹⁰¹¹ Куглер (*Kugler B.* Geschichte der Kreuzzüge. Op. cit. S. 7) говорит, что Алексей и Раймунд договорились использовать эту экспедицию в своих интересах. Алексей, очевидно, пытался извлечь выгоду из этого похода, чтобы вернуть себе города на северо-востоке Малой Азии, а Раймунд был его представителем у крестоносцев.

¹⁰¹² *Albertus Aquensis*. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. VII, p. 563. — «Алексиада» (XI, 8, 109) сообщает, что Алексей поручил Раймунду по возможности избегать несчастий, предвидя, что они будут. Ордерик Виталий (*Orderic Vital*. Op. cit. T. IV, l. X, p. 120), перепутавший всё, рассказывает, что крестоносцы, узнав об отказе Раймунда принять командование, три дня штурмовали Константинополь, который Алексей защищал с помощью львов и леопардов. Возможно, исток этой занятой легенды можно усмотреть в одном сообщении Альберта Ахенского (*Albertus Aquensis*. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XXIV): в ходе штурма города крестоносцы якобы убили любимого льва императора.

¹⁰¹³ *Albertus Aquensis*. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. VIII. — Алексиада. XI, 8, 109. — *Orderic Vital*. Op. cit. T. IV, l. X, p. 126: через три недели. Ср. *Ekkardus de Uraugia*. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 230, note.

¹⁰¹⁴ Ныне Чанкыры. Ср. *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. Op. cit. S. 87. Ошибку Вилькена (*Wilken F.* Geschichte der Kreuzzüge nach morgenländischen und abendländischen Berichten. Leipzig: S. L. Crusius (F. C. W. Vogel), 1807–1832. 7 Bde. Bd. II.

С. 26), который считал, что речь идет не о Ганграх в Пафлагонии, заметил Хагенмейер (*Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 230, note*).

Зибель напрасно считает мифом все, что Альберт говорит о событиях похода после Гангр. Ср. Préface // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Paris: Imprimerie Royale (Impériale, Nationale), 1844–1895. 5 t. Т. 4. P. XXV, n. 4.

¹⁰¹⁵ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XII, p. 566.*

¹⁰¹⁶ Кызылырмак.

¹⁰¹⁷ Хагенмейер (*Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 231*) ошибается, отрицая реальность этого сражения. Томашек (*Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. Op. cit. S. 88*) показал, что дело было не при Мараше, а при Амасье; он приводит целый ряд трансформаций этого названия.

¹⁰¹⁸ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XIII.*

¹⁰¹⁹ Ср. *Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. Op. cit. S. 88.*

¹⁰²⁰ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Loc. cit.*

¹⁰²¹ Алексиада. XI, 9, 109. — Cafaro de Caschifelone. *De liberatione civitatum Orientis. Op. cit. C. XII.*

¹⁰²² *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. IX, p. 564.*

¹⁰²³ Одним из самых враждебных Алексею авторов был Ордерик Виталий (*Orderic Vital. Op. cit. T. IV, l. X, p. 120*).

¹⁰²⁴ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XXV, p. 574–575.*

¹⁰²⁵ *Ibid. L. VIII, cap. XXXII, p. 578.*

¹⁰²⁶ *Ibid. L. VIII, cap. XXVI, p. 575.* Ср. *Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 241, note.*

¹⁰²⁷ Альберт Ахенский (*Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XXVII*) пишет «Станкона». Ср. *Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 240, note.* — *Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. Op. cit. S. 89.*

¹⁰²⁸ *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XXXIII; ныне Эрегли.*

¹⁰²⁹ *Ibid. L. VIII, cap. XXXI.*

¹⁰³⁰ Ibid. L. VIII, cap. XXX; ныне Эрменек. *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. Op. cit. S. 89.

¹⁰³¹ Возможно, Св. Андрей на побережье Киликии или Св. Андрей на Кипре. Ср. *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. Op. cit. S. 89.

¹⁰³² *Albertus Aquensis.* Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XXXIII.

¹⁰³³ Эккехард (*Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. C. XXVI. P. 251) путает первую и вторую экспедиции.

¹⁰³⁴ *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. C. XXIII. P. 234–235. — *Albertus Aquensis.* Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XXXIV.

¹⁰³⁵ *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. C. XXIII. P. 232–233.

¹⁰³⁶ Ibid.

¹⁰³⁷ Ibid. C. XXIV. P. 238–239.

¹⁰³⁸ *Albertus Aquensis.* Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XXXIV–XL. — *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 240–241, note. — Матфей Эдесский (*Matthieu d'Edesse.* Op. cit. C. CLXXII, CLXXIII. P. 241 и далее) смешал все экспедиции.

¹⁰³⁹ Между Наварзой, Аданой и Тарсом; этот город получил имя от Лонгина Кесарийского. Ср. *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. Op. cit. S. 89.

¹⁰⁴⁰ *Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades. Op. cit. P. 159–161.

¹⁰⁴¹ *Matthieu d'Edesse.* Op. cit. C. CLXXII. P. 241.

¹⁰⁴² Ibid. C. CLXXII. P. 243.

¹⁰⁴³ *Samouel d'Ani.* Tables chronologiques. Op. cit. T. 2. P. 457.

¹⁰⁴⁴ Алексиада. XI, 8, 109.

¹⁰⁴⁵ Там же. X, 11, 66.

¹⁰⁴⁶ *Albertus Aquensis.* Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XLII, p. 582. — *Radulfus Cadomensis.* Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. Op. cit. C. CXLV.

¹⁰⁴⁷ *Matthieu d'Edesse.* Op. cit. C. CLXXII. P. 242.

¹⁰⁴⁸ *Albertus Aquensis.* Historia Hierosolymitana. Loc. cit.

¹⁰⁴⁹ Этот флот покинул Геную осенью 1101 г.; он встретил у Корфу суда, идущие из Кесарии; вернувшись из Иерусалима, он поступил

на службу к Раймунду и осадил Тортосу. *Cafaro de Caschifelone*. De liberatione civitatum Orientis. Op. cit. C. XXII, XXIII. — *Ibn Khaldūn*. Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum. Op. cit. P. 60.

¹⁰⁵⁰ 21 апреля, если верить Анналам св. Максенция: *Chronicon Sancti Maxentii Pictavensis // Chroniques des églises d'Anjou / rec. et publ. par P. Marchegay et E. Mabille*. Paris: Ve J. Renouard, 1868. P. 421. — Алексиада. XI, 7, 105. — *Albertus Aquensis*. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. VIII, cap. XLII. — *Cafaro de Caschifelone*. De liberatione civitatum Orientis. Op. cit. C. XXIII. — *Fulcherius Carnotensis*. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium. Op. cit. T. II. C. XVII. — *Ibn el-Athir*. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh. Op. cit. T. 1. P. 212. — *Ibn Khaldūn*. Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum. Op. cit. P. 58. — *Abu-'l-Fida*. Abulfedae annales Mvslemici, Arabice et Latine. Op. cit. T. III. P. 339. Бар-Эбрей (*Bar Hebraeus*. *Chronicon Syriacum*. Op. cit. P. 285) говорит, что это был штурм Тарса.

¹⁰⁵¹ Алексиада. XI, 7, 105. — *Ibn Khaldūn*. Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum. Op. cit. P. 57–58. — *Ibn el-Athir*. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh. Op. cit. T. 1. P. 211–212.

¹⁰⁵² *Kamal al-Dīn*. Selecta ex historia Halebi. Op. cit. P. 50. — *Al-Makīn Jirjis Ibn al-'Amīd*. Historia saracenicā / latine reddita opera ac studio Th. Erpenii. Lugduni Batavorum: ex typographia Erpeniana linguarum orientalium, 1625. P. 294. Cp. Defrémery C. Nouvelles recherches sur les Ismaéliens ou Bathiniens de Syrie, plus connus sous le nom d'Assassins // *Journal Asiatique*. Série V. 3 (1854). P. 378. Батиниты — общее название сторонников свободного, аллегорического толкования Корана и сунны (прим. науч. ред.)

¹⁰⁵³ Алексиада. XI, 7, 106. — *Ibn Khaldūn*. Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum. Op. cit. P. 65–66. — *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. C. CLXXII. P. 242. — *Radulfus Cadomensis*. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. Op. cit. C. CXLV. — *Fulcherius Carnotensis*. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium. Op. cit. T. II. C. XXX. — *Ibn el-Athir*. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh. Op. cit. T. 1. P. 235. — *Ekkardus de Uraugia*. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 328.

¹⁰⁵⁴ *Radulfus Cadomensis*. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. Op. cit. C. CXLIV.

¹⁰⁵⁵ Алексиада. XI, 7, 107.

¹⁰⁵⁶ *Ibn el-Athir*. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh. Op. cit. T. 1. P. 212. — *Kamal al-Dīn*. Selecta ex historia Halebi. Loc. cit.

¹⁰⁵⁷ Cp. *Röhrich R*. Geschichte des Königreichs Jerusalem. Op. cit. S.45.

¹⁰⁵⁸ *Radulfus Cadomensis*. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. Op. cit. C. CXLVII.

- ¹⁰⁵⁹ Алексиада. XI, 9, 111.
- ¹⁰⁶⁰ Там же. XI, 9, 111 и далее.
- ¹⁰⁶¹ О стратегическом значении Киликии см. *Schlumberger G. Nicéphore Phocas*. Op. cit. P. 154.
- ¹⁰⁶² Греки заняли Корикос и Селевкию в 1099 г.
- ¹⁰⁶³ Алексиада. XI, 9, 113.
- ¹⁰⁶⁴ *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. C. CLXXXVI. P. 257. Матфей Эдесский считает, что взятие Мараша случилось после битвы при Харране, но, коль скоро при Харране Жослен попал в плен, оно должно было предшествовать поражению латинян.
- ¹⁰⁶⁵ *Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. CXLIX. — *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. IX, cap. XXXIX–XLI. — *Fulcherius Carnotensis. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium*. Op. cit. T. II. C. XXVII. P. 408. — *Abu-'l-Fida. Abulfedae annales Mvslemici, Arabice et Latine*. Op. cit. T. III. P. 343. — *Ibn el-Athir. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh*. Op. cit. T. 1. P. 221–223. Cp. *Weil G. Geschichte der Chalifen*. Op. cit. Bd. 3. S. 185–186. — *Kugler B. Albert von Aachen*. Op. cit. S. 337–338. — *Kugler B. Boemund und Tankred, Fürsten von Antiochien*. Op. cit. S. 25–26. — *Kugler B. Geschichte der Kreuzzüge*. Op. cit. S. 82–84.
- ¹⁰⁶⁶ *Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*. Op. cit. C. CLI.
- ¹⁰⁶⁷ Ibid.
- ¹⁰⁶⁸ Алексиада. XI, 11, 123.
- ¹⁰⁶⁹ *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie aux XIIe et XIIIe siècles*. Paris: A. Picard, 1883. P. 122.
- ¹⁰⁷⁰ Ibid. P. 346.
- ¹⁰⁷¹ *Rey E.-G. Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre*. Op. cit. P. 19 и далее.
- ¹⁰⁷² Занятие Алексеем Джеблы в 1104 г. — еще один аргумент в пользу утверждения Хейда (*Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge*. Op. cit. T. 1. P. 139, n. 3), что Раймунд взял в 1104 г. не Джеблу, а Джебайл (*Gibelet*), вопреки мнению Вейля (*Weil G. Geschichte der Chalifen*. Op. cit. Bd. 3. Nachträge. S. VI).
- ¹⁰⁷³ Алексиада. XI, 11, 123 и далее.
- ¹⁰⁷⁴ *Derenbourg H. Ousâma Ibn Mounkidh*. Op. cit. T. I. P. 73.
- ¹⁰⁷⁵ *Chronicon ignoti civis Barenis, sive Lupi Protospatae...* Op. cit. P. 155. Фульхерий Шартрский (*Fulcherius Carnotensis. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium*. Op. cit. T. II. C. L) говорит, что он уехал летом, по словам Анны (Алексиада. XI, 12, 126–127), Боэмунд распустил слух о своей смерти и был перевезен в гробу; эту легенду можно

сравнить с аналогичными слухами, ходившими на Сицилии о Харальде (ср. *Vasильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. Цит. соч. Ч. CLXXVII. 1875. № 1. С. 404) и о Хастинге (ср. *Dudon de Sant-Quentin.* *Dudonis decani S. Quintini, de moribus & actis primorum Normanniæ ducum libri tres // Historiæ Normannorum scriptores antiqui / ed. A. Duchesnius. Lutetiae Parisiorum: apud R. Foüet, N. Buon et S. Cramoisy, 1619. P. 62).*

¹⁰⁷⁶ *Albertus Aquensis.* *Historia Hierosolymitana.* Op. cit. L. VIII, cap. XLV–XLVIII, p. 584–585. — *Annales Beneventani a. 788–1130 // Scriptores. MGH / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. III: Annales, chronica et historiae aevi Saxonici. 1839. An an 1102. Ср. Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 237, note 19.*

¹⁰⁷⁷ Может быть, тогда же был заключен договор между Алексеем и Генуей. В 1101 г. на генуэзский флот, возвращавшийся из Арсуфа и Кесарии, на траверсе Итаки напал греческий флот и потерпел поражение. На Корфу начались переговоры, которые продолжили в Константинополе Райнальдус из Родульфо и Ламбертус Гези, но результат нам неизвестен. *Cafaro de Caschifelone. De liberatione civitatum Orientis.* Op. cit. C. XXII. P. 68–69.

¹⁰⁷⁸ Алексиада. XII, 1, 132.

¹⁰⁷⁹ Там же. XII, 1, 133 и далее. Ордрик Виталий рассказывает, что Арпен Буржский, воспользовавшись посредничеством византийских купцов, написал Алексею и попросил освободить его (*Orderic Vital.* Op. cit. T. IV, l. X, p. 157–158). Альберт Ахенский говорит, что император Генрих просил василевса выкупить Конрада (*Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana.* Op. cit. L. X, cap. XXXIX). Эту просьбу Алексея следует сопоставить с той, о которой Анна рассказывает в другом месте (Алексиада. XI, 7, 104), хотя имя посланца там другое.

¹⁰⁸⁰ О смерти Раймунда см. *Fulcherius Carnotensis. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium.* Op. cit. T. II. C. XXX. — *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitana.* Op. cit. L. IX, cap. XXXII. — *Cafaro de Caschifelone. De liberatione civitatum Orientis.* Op. cit. C. XII. — *Matthieu d'Edesse.* Op. cit. C. CLXXX. P. 261. — *Abu-'l-Fida. Abulfedae annales Myslemici, Arabice et Latine.* Op. cit. T. III. P. 357. — *Ibn el-Athir. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh.* Op. cit. T. 1. P. 236. — *Du Cange Ch. du Fresne. Le familles d'Outre-Mer de Du Cange / publ. par M. E.-G. Rey. Paris: Imprimerie impériale, 1869. P. 478. — Reinaud J. T. Extraits des historiens arabes.* Op. cit. T. I. P. 22. Ср. его завещание: *Regesta regni Hierosolymitani (1097–1291) / ed. R. Röhrich. Innsbruck: Wagner, 1893. №44. — Devic C., Vaissete J. Histoire générale de Languedoc.* Op. cit. T. V. №340.

¹⁰⁸¹ Алексиада. XI, 9, 111.

¹⁰⁸² Там же. XII, 4, 148.

¹⁰⁸³ Сын Алексея Иоанн женился на дочери венгерского короля Кальмана, см. Алексиада. XIII, 12, 246; жупаны упоминаются в рассказе о заключении договора с Боэмундом в 1108 г.; ср. *Leger L. Histoire de l'Autriche-Hongrie jusqu'à l'année 1894. 4e édition, revue et complétée. Paris: Hachette, 1895. P. 74*; к тому времени Хорватия была присоединена к Венгрии.

¹⁰⁸⁴ Ср. *Du Cange Ch. du Fresne. Le familles d'Outre-Mer. Op. cit. P. 163*. Ошин был из тех армян, которые эмигрировали в 1072 г.; он отобрал у мусульман крепость Ламброн, право на владение которой за ним признал князь Абелгариб из рода Арцруни. Анна Комнина называет его Аспиет. Там она говорит только об услугах, оказанных им во время норманнской войны. См. Алексиада. XII, 2, 136 и далее. — *Āmĉĕan M. Patmowt'iwn hayoc' i skzbanê ašxarhi minĉ'ew s'am tearn. Op. cit. T. III. P. 10. — Matthieu d'Edesse. Op. cit. C. CLI. P. 217. — Samouel d'Ani. Tables chronologiques. Op. cit. T. 2. Ad an. 532*.

¹⁰⁸⁵ Анна (Алексиада. XII, 3, 141) говорит, что это было в 14-м индикте, на двадцатый год царствования; она ошибается — это был двадцать четвертый год. Ср. *Du Cange. Notice in Alexiade. P. 351*.

¹⁰⁸⁶ Анна упоминает комету, появившуюся в феврале-марте 1106 г. Ср. *Du Cange. Notice in Alexiade. P. 355. — Matthieu d'Edesse. Op. cit. C. CLXXXIII. P. 262*.

¹⁰⁸⁷ Алексиада. XII, 4, 149.

¹⁰⁸⁸ Там же: год и два месяца, но в Валависте Алексей был в январе 1106 г.

¹⁰⁸⁹ Алексиада. XII, 4, 148.

¹⁰⁹⁰ *Dandolo A. Andreae Danduli Venetorum ducis Chronicon Venetum. Op. cit. P. 261*.

¹⁰⁹¹ В Валависте он был на день святого Димитрия (25 января). Алексиада. XII, 4, 149.

¹⁰⁹² Ордерик Виталий (*Orderic Vital. Op. cit. T. IV, l. XI, p. 212*) говорит, что при Боэмунде было несколько недовольных греческих вельмож. Может быть, между двумя этими фактами есть связь.

¹⁰⁹³ См. *Schlumberger G. Nicéphore Phocas. Op. cit. P. 112*.

¹⁰⁹⁴ Речь идет именно о большом Коитоне, ведь Анна говорит, что он соседствовал с капеллой, которая была посвящена Святой Деве и которую чаще всего называли капеллой святого Димитрия. Это капелла Богоматери Фаросской, рядом с которой находился наос капеллы святого Димитрия; ср. *Labarte J. Le Palais impérial de Constantinople... Op. cit. P. 172–173*. Под открытым для всех местом,

о котором говорит Анна, надо понимать Фаросский Гелиакон, широкий двор, служивший атрием для обеих капелл — Фаросской Богородицы и святого Димитрия. Ср. *Labarte J. Le Palais impérial de Constantinople...* Op. cit. P. 171.

¹⁰⁹⁵ Алексиада. XIII, 5–7, 151 и далее.

¹⁰⁹⁶ Там же. XIII, 7, 163, 14-й индикт = сентябрь 1105 г.—сентябрь 1106 г.

¹⁰⁹⁷ Там же. XIII, 7, 162, с 12-го индикта = сентябрь 1103 г.—сентябрь 1104 г.

¹⁰⁹⁸ См. с. 119.

¹⁰⁹⁹ Ныне Байбурт; о важности этого города см. *Gfrörer A. F. Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter*. Op. cit. Bd. 3. S. 295. — *Fallmerayer J.P. Original-Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt*. München: Weiss, 1843–1846. 2 Bde. Bd. I. S. 122, 296.

¹¹⁰⁰ Алексиада. XI, 6, 98.

¹¹⁰¹ Фишер (*Fischer W. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts*. Op. cit. S. 201) обоснованно полагает, что Таронита надо отличать от Гавры, не соглашаясь с Хопфом (*Hopf K. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit*. Op. cit. S. 178) и Фальмерайером (*Fallmerayer J. P. Original-Fragmente... zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt*. Op. cit. Bd. I. S. 19). Анна Комнина (Алексиада. XII, 7, 162) ясно говорит, что Даватин передал сандуки Тарониту.

¹¹⁰² *Gfrörer A. F. Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter*. Op. cit. Bd. 3. S. 332–334.

¹¹⁰³ Алексиада. XII, там же.

¹¹⁰⁴ Бывшая Кавия, между Севастией (Сивасом) и Амасьей. См. *Spruner K. von. Historisch-geographischer Wand-Atlas*. Op. cit. Bd. I. S. 76, 80.

¹¹⁰⁵ *Никифор Вриенний*. Исторические записки. Цит. соч. Кн. I, 6. — *Fischer W. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts*. Op. cit. S. 204.

¹¹⁰⁶ Близ Байбурта, сыграла важную роль: см. *Saint-Martin J. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie*. Op. cit. T. 1. P. 24, 189. T. 2. P. 189, 395. — При Константине Багрянородном стала столицей фемы Колоней: *Konstantin VII. De thematibus...* Op. cit. T. II. C. I, p. 32–33. Ср. *Banduri A. M. Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae*. Parisiis: J. B. Coignard, 1711. 2 t. T. I. P. 12.

¹¹⁰⁷ Алексиада. XII, 7, 164.

¹¹⁰⁸ *Chronicon ignoti civis Barenis, sive Lupi Protospatae...* Op. cit. P. 155.

¹¹⁰⁹ *Orderic Vital.* Op. cit. T. IV, l. XI, p. 210. — *Suger.* Vie de Louis le Gros. Op. cit. P. 29–30. — *Chronicon Sancti Maxentii Pictavensis.* Op. cit. P. 423. — *Chronicon Vindocinense seu de Aquaria // Chroniques des églises d'Anjou /* rec. et publ. par P. Marchegay et E. Mabille. Paris: Ve J. Renouard, 1868. P. 161–162.

¹¹¹⁰ *Orderic Vital.* Op. cit. T. IV, l. XI, p. 213.

¹¹¹¹ 9 апреля 1106 г. он был в Нормандии, где встречался с английским королем. Он ходил в паломничество в Сен-Леонар-де-Нобла близ Лиможа, где, чтобы исполнить данный в плену обет, повесил на гробницу святого серебряные цепи, весившие столько же, сколько те, какие он носил в плену; 26 июня он присутствовал на Пуатевинском соборе и призывал там к крестовому походу. Его популярность была настолько велика, что многие приходили к нему с просьбой стать крестным отцом их детей, которым давали его имя — Марк. Ср. *Willelmus Malmesburiensis.* De gestis regum Anglorum. Op. cit. Lib. IV. C. 387. T. II. P. 452. — *Orderic Vital.* Op. cit. T. IV, l. XI, p. 156, 212. — *Chronicon Sancti Maxentii Pictavensis.* Op. cit. P. 423.

¹¹¹² От этого брака и родится Боэмунд II, который унаследует княжество Антиохийское после смерти Танкреда. Ср. *Orderic Vital.* Op. cit. T. II, p. 448. T. IV, p. 213. — *Алексиада.* XII, 1, 32. — *Fulcherius Carnotensis.* Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium. Op. cit. T. II. C. XXIX. — *Romoaldus Salernitanus.* Annales a. 893–1178. Op. cit. P. 414. — *Suger.* Vie de Louis le Gros. Op. cit. P. 29–30. Ср. *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 293–295, note.

¹¹¹³ *Chronicon ignoti civis Barensis, sive Lupi Protospatæ...* Loc. cit. О хронологии см. *Ekkardus de Uraugia.* Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Loc. cit.

¹¹¹⁴ *Алексиада.* XII, 9, 171. По мнению Анны, в этом был виноват греческий адмирал Исаак Контостефан. Согласно «*Алексиаде*», его послали, когда — точно установить невозможно, стеречь Адриатическое море. Он якобы попытался внезапным ударом захватить Отранто, вопреки полученным приказам, и потерпел поражение благодаря смелости матери Танкреда, солдаты которой по ее приказу взяли в плен печенегов, находившихся на службе у Алексея. Боэмунд использовал этих пленных, чтобы представить Алексея врагом христиан, и именно тогда папа оказал ему поддержку. Контостефан, узнав о приготовлениях Боэмунда, испугался и укрылся в Химаре, на берегу, оставив командовать флотом Ландульфа. Тот был вынужден пропустить силы Боэмунда, численно превосходившие его силы. *Алексиада.* XII, 8, 165 и далее.

¹¹¹⁵ *Алексиада.* XIII, 1, 176–178.

- ¹¹¹⁶ Там же. XIII, 1, 177.
- ¹¹¹⁷ Ср. *Du Cange*. Notice in *Alexiade*. P. 376.
- ¹¹¹⁸ Алексиада. XIII, 1, 177.
- ¹¹¹⁹ Там же. XIII, 1, 182.
- ¹¹²⁰ Там же. XIII, 2, 183.
- ¹¹²¹ Там же. XIII, 2, 185.
- ¹¹²² Там же. XIII, 3, 186. *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. X, cap. XLI, p. 650.
- ¹¹²³ Алексиада. XIII, 4, 194.
- ¹¹²⁴ Там же. XIII, 4, 195 и далее; на кого из соратников Боэмунда следует бросить подозрение, Алексея научили старые норманны, находившиеся у него на службе.
- ¹¹²⁵ *Albertus Aquensis*. *Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. X, cap. XLIV, p. 651.
- ¹¹²⁶ Алексиада. XIII, 5, 199 и далее.
- ¹¹²⁷ После того как флот пропустил один караван с продовольствием, Алексей послал Маврокатакалона, чтобы ужесточить блокаду. Алексиада. XIII, 7, 208–209.
- ¹¹²⁸ Алексиада. XIII, 8, 214 и далее; 9, 221.
- ¹¹²⁹ Там же. XIII, 8, 215.
- ¹¹³⁰ Там же. XIII, 8, 215–216.
- ¹¹³¹ Там же. XIII, 9, 217–218.
- ¹¹³² Последовали долгие дискуссии о протоколе встречи. Ср. Алексиада. XIII, 9, 218–220.
- ¹¹³³ Поначалу Боэмунд не хотел уступать ничего и прервал беседу; лишь когда Вриенний убедил его, что сопротивляться бесполезно, он уступил. Алексиада. XIII, 11, 226–227.
- ¹¹³⁴ Алексиада. XIII, 10, 225.
- ¹¹³⁵ Зонара (*Zonaras J*. Op. cit. XVIII. 25, 740) говорит, что Алексей приехал для встречи из Фессалоники в Колонею, но Анна категорична — встреча произошла в Деволе.
- ¹¹³⁶ Алексиада. XIII, 12, 228–231.
- ¹¹³⁷ Там же. XIII, 12, 232.
- ¹¹³⁸ Там же. XIII, 12, 233.
- ¹¹³⁹ Там же. XIII, 12, 233–234.
- ¹¹⁴⁰ Там же. XIII, 12, 235.
- ¹¹⁴¹ Там же. XIII, 12, 238–239.
- ¹¹⁴² Суэтий, или порт Святой Симеон, недалеко от Оронта.
- ¹¹⁴³ Этот город я не смог идентифицировать.

- ¹¹⁴⁴ Кавка — может быть, Бакас в долине Оронта, недалеко от Шугура. Ср. *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie. Op. cit. P. 331.*
- ¹¹⁴⁵ Лул — северо-западной Поданда? Ср. *Ramsay W.M. The Historical geography of Asia Minor. Op. cit. P. 351–352.*
- ¹¹⁴⁶ От мыса Ханзир вдоль реки Джейхан тянется Черная гора, а это бывший Аман. Ср. *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie. Op. cit. P. 347.* Думаю, надо различать Черную гору и Удивительную гору — первая упомянута отдельно несколько дальше.
- ¹¹⁴⁷ Не идентифицирована.
- ¹¹⁴⁸ Гора святого Илии есть между Тайбой и Сорокадневной горой, но, похоже, это слишком далеко. Ср. *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie. Op. cit. P. 382.*
- ¹¹⁴⁹ Бурзиях или Бурзайех на левом берегу Оронта, напротив Фемии. Ср. *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie. Op. cit. P. 332.*
- ¹¹⁵⁰ Шейзар — по-гречески Ларисса, бывшая Кесария. *Derenbourg H. Vie d'Ousāma. P. 27 // Derenbourg H. Ousāma Ibn Mounkidh. Op. cit. T. I. P. 6–7.*
- ¹¹⁵¹ Ныне Эртеси в Джебель-Семаан. *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie. Op. cit. P. 330.*
- ¹¹⁵² Феод княжества Эдесского; носил также название Тулуп; в пяти-шести милях от Дулука, близ Айнтаба. *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie. Op. cit. P. 322.*
- ¹¹⁵³ Западной Самосаты, на Евфрате, к югу от Мараша. Ср. *Röhricht R. Geschichte des Königreichs Jerusalem. Op. cit. S. 67, Anm. 1.*
- ¹¹⁵⁴ Юго-западная часть Амана.
- ¹¹⁵⁵ Близ Бейланского ущелья; *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie. Op. cit. P. 331.*
- ¹¹⁵⁶ Возможно, Балатуний из текста Баха ад-Дина. См. *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie. Op. cit. P. 331–332.*
- ¹¹⁵⁷ Близ Равендана, ныне Джоремус. *Rey E.-G. Les colonies franques de Syrie. Op. cit. P. 332.*
- ¹¹⁵⁸ Бозанты-хан, к северу от Тарса. *Ramsay W.M. The Historical geography of Asia Minor. Op. cit. P. 350.*
- ¹¹⁵⁹ Бывшая Мопсуестия, ныне Мисис.
- ¹¹⁶⁰ Айн-Зарба.
- ¹¹⁶¹ Рэмси полагает, что «Гермон» означает «Пирам». *Ramsay W.M. The Historical geography of Asia Minor. Op. cit. P. 386.*
- ¹¹⁶² Алексиада. XIII, 12, 235.
- ¹¹⁶³ Вот названия, упомянутые в договоре: Пласты, Хоний, Ромаины, Арамис, Амира Тилия, Телхампсон, Сарван, Славотий, Сген,

Калциер, Коммермоери, Кафисмат, Сарсап, Некра. Алексиада. XIII, 12, 242. Рёрихт (*Röhricht R. Geschichte des Königreichs Jerusalem*. Op. cit. S. 66, Anm. 4) предлагает «Арабис» вместо «Арамис» и «Тель-Хамдун» вместо «Телхампсон». «Арабис» мне кажется очень вероятным. Возможно, это слово было прочтено ошибочно из-за сходства μ и β в греческих рукописях.

¹¹⁶⁴ Ср. *Du Cange*. Notice in Alexiade. P. 414. Здесь имеются в виду фунты. Ср. *Dulaurier É*. Recherches sur la chronologie arménienne technique et historique. T I. Op. cit. P. 15, note.

¹¹⁶⁵ Толкование этой статьи создает некоторые трудности. Сначала Анна Комнина говорит, что этот дар делается пожизненно (Алексиада. XIII, 12, 241), а позже — что Боэмунд имеет право назначить преемника. Лебо (*Le Beau Ch. Histoire du Bas-Empire*. Op. cit. T. XV. P. 240) полагал, что здесь смешаны акт, предложенный Алексеем, и акт, на который согласился Боэмунд после внесения изменений и поправок. Рейффершейд считал, что во втором случае имелся в виду только дукат Эдесса. Можно допустить, что было сделано добавление, ведь следующее место как будто указывает, что к первоначальному акту было что-то дописано: *πλὴν καὶ τοῦτο προσκείσθω ταῖς συμφωνίαις* [кроме того, пусть будет прибавлено в соглашение следующее (греч.)]. Алексиада. XIII, 12, 242.

¹¹⁶⁶ Алексиада. XIII, 12, 235.

¹¹⁶⁷ *Fulcherius Carnotensis*. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium. Op. cit. T. II. C. XXXIX, p. 418. — Ср. *Albertus Aquensis*. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. X, cap. XLV, p. 652.

¹¹⁶⁸ Алексиада. XIII, 12, 245.

¹¹⁶⁹ *Chronicon ignoti civis Barenis, sive Lupi Protospatae...* Op. cit. P. 155. Октябрь 1108 г.

¹¹⁷⁰ Анна Комнина и Вильгельм Тирский говорят, что он умер в 1109 г., через шесть месяцев после снятия осады с Диррахия в сентябре 1108 г.; Алексиада. XIV, 1, 248; *Wilhelmus Tyrensis*. Historia rerum in partibus transmarinis... Op. cit. L. VI, c. XI. Петр Диакон (*Paulus Diaconus*. Petri chronicon a. 1075–1139. Op. cit. L. IV, c. 47) говорит, что он умер, когда Генрих IV был в Риме; то же утверждает Альберт Ахенский (*Albertus Aquensis*. Historia Hierosolymitana. Op. cit. L. XI, cap. XLVIII). Ромуальд Салернский пишет, что он умер в 1111 г., так же как «Хроника Фоссановы» за 1111 г. и Ордерик Виталий (*Orderic Vital*. Op. cit. T. IV, l. XI, p. 243). Хагенмейер (*Ekkardus de Uraugia*. Ekkhardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 298) допускает 1111 г. Датировка 1111-м годом наиболее вероятна.

¹¹⁷¹ Согласно Деренбургу (*Derenbourg H*. Ousâma Ibn Mounkidh. Op. cit. T. I. P. 73), Рейске ошибочно (*Abu-'l-Fida*. Abulfedae annales

Mvslemici, Arabice et Latine. Op. cit. Т. III. P. 335) прочитал «Шейзар» вместо «Тизин», и эту ошибку воспроизвел Вейль (*Weil G. Geschichte der Chalifen. Op. cit. Bd. 3. S. 187*). Над Тизином господствует цитадель Артаха. Ср. *Kremer A. von. Beiträge zur Geographie des nördlichen Syriens (nach Ibn Schihne's: Dorr-el-Montacheb fi Târîch Haleb). Wien: K.-k. Hof- und Staatsdruckerei, 1852. S. 31.*

¹¹⁷² *Kamal al-Dîn. Selecta ex historia Halebi. Op. cit. P. 53.*

¹¹⁷³ *Kamal al-Dîn. Selecta ex historia Halebi. Loc. cit. — Ousâma Ibn Mounkidh. Texte arabe de l'autobiographie d'Ousâma. P. 94. Цит. по: Derenbourg H. Vie d'Ousâma. P. 74 // Derenbourg H. Ousâma Ibn Mounkidh. Op. cit. Т. I. — Ibn el-Athir. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh. Op. cit. Т. 1. P. 235–238. Ср. Weil G. Geschichte der Chalifen. Op. cit. Bd. 3. S. 187–190. — Defrémery C. Nouvelles recherches sur les Ismaéliens... Op. cit. P. 384.*

¹¹⁷⁴ Эту грамоту опубликовал Муратори: *Tancredi Principis Antiocheni Charta, qua Pisanis pollicetur locum in Urbe Laodicea, & Vicum unum in Civitate Antiochiae concedit, Anno 1108 // Muratori L. A. Antiquitates italicæ mediæ ævi. Mediolani: ex typographia Societatis Palatinae in regia curia, 1738–1742. 6 vol. Т. 2. 1739. P. 905–906.* Документ, которым он воспользовался, — копия, сохранившаяся в архивах капитула Пизы, № 314. Такие авторы, как Даль Борго (*Dal Borgo F. Raccolta di scelti diplomî pisani. In Pisa: appresso Giuseppe Pasqua, 1765. P. 85*), Хейд (*Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge. Op. cit. Т. 1. P. 145*), Деренбург (*Derenbourg H. Ousâma Ibn Mounkidh. Op. cit. Т. I. P. 75*), Рёрихт (*Röhrich R. Geschichte des Königreichs Jerusalem. Op. cit. S. 77*), Прутц (*Prutz H. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Berlin: Mittler, 1883. S. 370*), Кюн (*Kühn F. Zur Kritik Alberts von Aachen // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 12 (1887). S. 557*), принимают эту дату, но Куглер (*Kugler B. Albert von Aachen. Op. cit. S. 344–345; Kugler B. Voemund und Tankred, Fürsten von Antiochien. Op. cit. S. 37*) дает 1106 г. Уступка, сделанная пизанцам, побуждает меня выбрать 1108 г.

¹¹⁷⁵ Алексиада. XII, 2, 138–139.

¹¹⁷⁶ 13 июля, по Хагенмейеру (*Ekkardus de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita. Op. cit. P. 328, note*). Согласно Рёрихту (*Röhrich R. Geschichte des Königreichs Jerusalem. Op. cit. S. 81*) — 12 июля. Ср. *Fulcherius Carnotensis. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium. Op. cit. Т. II. С. XXXIX, p. 420. — Cafaro de Caschifelone. De liberatione civitatum Orientis. Op. cit. С. XXVII, p. 73. — Sicardus Cremonensis. Chronicon à Nativitate Christi usque ad Annum aerae Christianae MCCXIII // Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores. Op. cit. Т. 7. 1725. P. 590. — Sibt Ibn el-Djeuzi. Extraits du Mirât ez-Zêmân. Op.*

cit. P. 536. — *Ibn Hallikān*. Biographical dictionary. Op. cit. T. III. P. 455. — *Reinaud J. T.* Extraits des historiens arabes. Op. cit. T. I. P. 23. — *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge. Op. cit. T. 1. P. 141. — *Weil G.* Geschichte der Chalifen. Op. cit. Bd. 3. S. 178. — Куглер (*Kugler B.* Albert von Aachen. Op. cit. S. 366; *Kugler B.* Boemund und Tankred, Fürsten von Antiochien. Op. cit. S. 174) обоснованно оспаривает сообщение Вильгельма Тирского. Ибн аль-Асир (*Ibn el-Athir*. Extrait de la chronique intitulée *Kamel-Altevarykh*. Op. cit. T. 1. P. 274) и Абу-ль-Фида (*Abu-'l-Fida*. *Abvlfedae annales Mvslemici, Arabice et Latine*. Op. cit. T. III. P. 371) в качестве даты взятия города указывают следующий год.

¹¹⁷⁷ *Annales Januae a. 1099–1294 // Scriptores. MGH / ed. de G. H. Pertz.* Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. XVIII: *Annales aevi Suevici*. 1863. P. 15. — *Ibn el-Athir*. Extrait de la chronique intitulée *Kamel-Altevarykh*. Op. cit. T. 1. P. 274. — *Ibn Khaldūn*. *Ibn Khalduni Narratio de expeditionibus Francorum*. Op. cit. P. 71. — *Sibt Ibn el-Djeuzi*. Extraits du *Mirāt ez-Zè mân*. Op. cit. P. 536. — *Ibn Taghribirdi*. Extraits du *Nodjoùm ez-Zahireh // Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. T. 3. 1884. P. 490. — *Kugler B.* Boemund und Tankred, Fürsten von Antiochien. Op. cit. S. 74.

¹¹⁷⁸ *Wolff A.* König Balduin I. von Jerusalem, Inaugural-Dissertation. Königsberg in Pr.: R. Leupold, 1884. S. 48.

¹¹⁷⁹ *Sibt Ibn el-Djeuzi*. Extraits du *Mirāt ez-Zè mân*. Op. cit. P. 537, исправленные сведения: *Derenbourg H.* Ousâma Ibn Mounkidh. Op. cit. T. I. P. 86, note 1.

¹¹⁸⁰ *Sibt Ibn el-Djeuzi*. Extraits du *Mirāt ez-Zè mân*. Op. cit. P. 539–540. Матфей Эдесский (*Matthieu d'Edesse*. Op. cit. C. CCIV. P. 270) говорит, что его призвали граф Эдесский и Жослен. Ср. *Kamal al-Dīn*. *Selecta ex historia Halebi*. Op. cit. P. 56. — *Derenbourg H.* Ousâma Ibn Mounkidh. Op. cit. T. I. P. 57, 58, notes. — *Röhricht R.* Geschichte des Königreichs Jerusalem. Op. cit. S. 84–85.

¹¹⁸¹ *Kamal al-Dīn*. *Selecta ex historia Halebi*. Op. cit. Loc. cit. — *Wolff A.* König Balduin I. Op. cit. S. 52–53.

¹¹⁸² *Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades. Op. cit. P. 104.

¹¹⁸³ *Kamal al-Dīn*. *Selecta ex historia Halebi*. Op. cit. P. 59. — *Ibn el-Athir*. Extrait de la chronique intitulée *Kamel-Altevarykh*. Op. cit. T. 1. P. 279.

¹¹⁸⁴ *Derenbourg H.* Ousâma Ibn Mounkidh. Op. cit. T. I. P. 88.

¹¹⁸⁵ *Ibn el-Athir*. Extrait de la chronique intitulée *Kamel-Altevarykh*. Op. cit. T. 1. P. 280.

¹¹⁸⁶ Ср. *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. C. CCVI. P. 275. — *Röhricht R.* Geschichte des Königreichs Jerusalem. Op. cit. S. 89.

- ¹¹⁸⁷ Алексиада. XIV, 2, 253.
- ¹¹⁸⁸ На объединение с франками против Танкреда, сделавшего много зла всем соседям, надеяться было можно; больше всего подробностей на этот счет сообщает Матфей Эдесский: *Matthieu d'Edesse*. Op. cit. С. CLXXXIX. P. 266 и далее.
- ¹¹⁸⁹ *Du Cange Ch. du Fresne. Le familles d'Outre-Mer*. Op. cit. P. 479.
- ¹¹⁹⁰ Алексиада. XIV, 2, 259.
- ¹¹⁹¹ *Fulcherius Carnotensis. Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium*. Op. cit. Т. II. С. XXXII, p. 464.
- ¹¹⁹² *Du Cange Ch. du Fresne. Le familles d'Outre-Mer*. Op. cit. P. 480.
- ¹¹⁹³ Алексиада. XIV, 2, 260 и далее.
- ¹¹⁹⁴ 12 декабря 1112 г.; *Röhricht R. Geschichte des Königreichs Jerusalem*. Op. cit. S. 97.
- ¹¹⁹⁵ Алексиада. XIV, 1, 249.
- ¹¹⁹⁶ Атталия к юго-востоку от Хлиар. Ср. *Ramsay W. M. The Historical geography of Asia Minor*. Op. cit. P. 127.
- ¹¹⁹⁷ Ныне Эдремит.
- ¹¹⁹⁸ Близ Лопадия. Анна Комнина (Алексиада. XIV, 1, 315) говорит, что близ Лопадия есть одноименная река. Ср. *Ramsay W. M. The Historical geography of Asia Minor*. Op. cit. P. 163.
- ¹¹⁹⁹ Эта фигура плохо известна. Должно быть, он стал независимым после смерти Кылыч-Арслана. Его убил Малик-шах II. Ср. Алексиада. XV, 6, 340.
- ¹²⁰⁰ Алексиада. XIV, 1, 251 и далее.
- ¹²⁰¹ В феме Фракисия. Ср. *Ramsay W. M. The Historical geography of Asia Minor*. Op. cit. P. 114.
- ¹²⁰² Ныне Ниф. Здесь Михаил Палеолог подписал договор с генуэзцами в 1261 г.
- ¹²⁰³ Хлиары, ныне Кыркагач, к востоку от Пергама.
- ¹²⁰⁴ Об этом месте в тексте Анны см. *Ramsay W. M. The Historical geography of Asia Minor*. Op. cit. P. 115.
- ¹²⁰⁵ Все сведения о пребывании Сигурда в Константинополе я почерпнул из труда графа Риана: *Riant P. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades*. Op. cit. P. 195 и далее.
- ¹²⁰⁶ У героев поэтической литературы средневековья мы находим много примеров такой борьбы между гордостью и тщеславием. У всего, что сага говорит о приеме Сигурда в Константинополе, есть явные аналогии с тем местом в «Эмери Нарбоннском», где рассказывается, как посланцев Эмери принял Дезидерий, король лангобардов. Очень похожий рассказ находим мы и у Васа — о том, как

император Востока принял Роберта I, герцога Нормандии (*Wace. Maistre Wace's Roman de Rou et des ducs de Normandie* / hrsg. von H. Andresen. Heilbronn: Henninger, Paris: Vieweg, 1877–1879. 2 Bde. V. 3067 и далее). Ср. *Paris G. Sur un épisode d'Aimeri de Narbonne // Romania*. 9 (1880). P. 515–546.

¹²⁰⁷ Алексиада. XIV, 3, 264 и далее.

¹²⁰⁸ Эти детали известны нам из хрисовула Алексея, приведенного в одном акте Исаака Ангела; *Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana*. Op. cit. T. III. P. 9–13.

¹²⁰⁹ Лебо (*Le Beau Ch. Histoire du Bas-Empire*. Op. cit. T. XV. P. 442) ошибочно относит это нападение к 1112 г., но оно случилось в 1111 г., ведь зимой 1112 г. корабль из этого флота пришел в Тир. Ср. с. 197.

¹²¹⁰ Хейд (*Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge*. Op. cit. T. 1. P. 194) делает вид, будто верит, что этот флот выжег и залил кровью берега империи. «Алексиада» (XIV, 3, 266) утверждает обратное.

¹²¹¹ *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge*. Op. cit. T. 1. P. 193–194.

¹²¹² *Epistola CCXLVII Urbani II // Migne*. PL. T. 151. Col. 516. — *Dom Ruinart. Vita Urbani II // Migne*. PL. T. 151. Col. 241–244. — *Lupi Protospatarii annales a. 855–1102*. Op. cit. P. 63. — *Eadmer. S. Anselmi ex Beccensi abbate Cantuariensis archiepiscopi Opera omnia*. Parysis: ex typis J.-P. Migne, 1863–1865. 2 vol. T. II. Vita S. Anselmi. C. 5. — *Willelmus Malmesburiensis. De gestis pontificum Anglorum // Migne*. PL. T. 179. Col. 1492–1493. — *Orderic Vital*. Op. cit. T. IV, l. X, p. 15. Ср. *Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 186, notes 5, 6. Манси (*Mansi J. D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Op. cit. T. XX. P. 947) относит этот собор к 1097 г. Речь святого Ансельма см.: *S. Anselmus, Cantuariensis archiepiscopus. De processione Spiritus sancti contra Graecos // Migne*. PL. T. 158. Col. 285–324.

¹²¹³ Это мнение русских авторов, занимавшихся этим вопросом. См. игумен Арсений. Об отношениях церкви латинской и греческой в период крестовых походов // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. СXXXIII. 1867. С. 503. Автор очень пристрастен в отношении греков. — *Васильевский В. Г. Византия и печенеги*. Цит. соч. Прил. III. С. 315.

¹²¹⁴ *Baronius C. Annales ecclesiastici*. Op. cit. T. XVIII. Ad an. 1097. P. 46 и далее.

¹²¹⁵ Алексиада. XIII, 12, 246.

¹²¹⁶ См. *Petrus Pisanus. Vita Paschalis II papae // Pontificum Romanorum qui fuerunt inde ab exeunte saeculo IX usque ad finem saeculi XIII vitae /*

ed. J. M. Watterich. Lipsiae: Engelmann, 1862. 2 vol. T II. P. 9. — *Regesta pontificum Romanorum* / ed. Ph. Jaffé. Op. cit. T. I. P. 743. Жаффе указывает и другие источники. Ср. *Giesebrecht W. von. Geschichte der deutschen Kaiserzeit*. Leipzig: Duncker und Humblot, 1890. 5 Bde. Bd. III. S. 776 и далее.

¹²¹⁷ Ср. *Regesta pontificum Romanorum* / ed. Ph. Jaffé. Op. cit. № 6310.

¹²¹⁸ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. 46. См. *Hopf K. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit*. Op. cit. S. 155. — *Tosti L. Storia della Badia di Montecassino*. Roma: L. Pasqualucci, 1888–1890. 4 v. T. II. P. 33.

¹²¹⁹ *Petrus Diaconus. Chronicon a. 1075–1139*. Op. cit. P. 785.

¹²²⁰ Петр Диакон (*Petrus Diaconus. Chronicon a. 1075–1139. Loc. cit.*) для этой части своей хроники использовал не письмо Алексея к Герарду деи Марси, а другой источник, так как в этом письме нет ни намека на поездку аббата Монтекассино в Диррахий.

¹²²¹ Письмо Алексея к Герарду деи Марси включено в реестр Петра Диакона. Помещено оно третьим, после двух писем к Одеризию. Тости (*Tosti L. Storia della Badia di Montecassino*. Op. cit. T. II. P. 95) и Тринкера (*Trincher F. Syllabus Graecarum membranarum...* Op. cit. P. 78–79) произвольно датируют это письмо июнем 1097 г. Риан (*Riant P.É.D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 136 и далее) предлагает январь 1097 г., но не очень на нем настаивает. А ведь в шапке этого письма, датированного 5-м индиктом, значится: «№ 148, f. 67°. Epistola ejusdem imperatoris, ad gir... ge...m». То есть адресатом был Герард, а не Одеризий, и 5-й индикт приходится на 1111–1112 гг. Коль скоро предыдущие письма расположены, как отметил Риан, в хронологическом порядке, почему бы делать исключение для этого? Нам неизвестно, чтобы в 1096–1097 гг. Алексей имел сношения с итальянцами, в то время как за 1112 г. Петр Диакон говорит о связях между Римом и Византией. У нас нет сведений, чтобы Алексей хворал в 1096–1097 гг., тогда как в 1112 г. он тяжело заболел (*Zonaras J. Op. cit. XVIII. 25, 751*). Поэтому я склонен датировать это письмо 1112 г., так как приведенные в нем сведения согласуются с данными хроники Петра Диакона, полученными из другого источника. Остается индикт (сентябрь 1111–сентябрь 1112 г.). Согласно Петру Диакону, посланцы римлян отправились в Византию в конце мая или в начале июня. Исключено, чтобы император об отказе ехать в Диррахий написал в июне. Он говорит, что не смог поехать «*in praesenti aestate*» [нынешним летом (*лат.*)], но поедет «*in principio aestatis*» [в начале лета (*лат.*)], из чего, как отметил Риан, можно было бы заключить, что письмо было написано зимой

(*Riant P. É. D. Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 137*). Надо допустить, что ошибся переписчик. Тем не менее я думаю, что это письмо датируется 1112 г., и его следует связывать с письмом Пасхалия II Алексею, тоже написанным в конце 1112 г.

¹²²² *Regesta pontificum Romanorum / ed. Ph. Jaffé. Op. cit. № 6364. Гизебрехт (Giesebrecht W. von. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Op. cit. Bd. III. S. 1201), исходя из того, какое место это письмо занимает в рукописи, датировал его последними месяцами 1112 г. О переговорах Алексея с Римом см. Giesebrecht W. von. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Op. cit. Bd. III. S. 808.*

¹²²³ В западной традиции его имя звучит как Гроссолан (прим. науч. ред.)

¹²²⁴ Это случилось, несомненно, по возвращении Петра Хрисолана со Святой земли, в 1112 г. Ср. Landulphus junior. *Historia Mediolanensis ab anno MХCV. usque ad annum MСXXXVII. // Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores. Op. cit. T. 5. 1724. P. 487. — Baronius C. Annales ecclesiastici. Op. cit. T. XVIII. Ad an. 1116. P. 273 и далее; прим. Паджи (Pagi). Речь Петра Хрисолана опубликована у Миня: Petrus Chrysolanus Mediolanensis archiepiscopus. Oratio de Spiritu Santo ad imperatorem Alexium Comnenum // Migne. PG. T. 127. Col. 911–920. Ответы Евстратия изданы в «Церковной библиотеке» Димитракопулоса: Δημητρακόπουλος Α. Ἑκκλησιαστικὴ βιβλιοθήκη. Помимо Евстратия, брали слово и другие представители греческого духовенства, а именно Николай Мефонский. Ср. *Allatius L. De utriusque Ecclesiae occidentaliis atque orientalis perpetua in dogmate de purgatorio consensione. Romae: apud J. L. Maronitam, 1655. II, 10, 626. — Fabricius J. A. Bibliotheca graeca. Hamburg: C.E. Bohn, 1790–1809. 12 t. T. XI. 1808. P. 622 и далее.**

¹²²⁵ *Weil G. Geschichte der Chalifen. Op. cit. Bd. 3. S. 144 и далее.*

¹²²⁶ *Matthieu d'Edesse. Op. cit. C. CXСIV. P. 263.*

¹²²⁷ *Ibid. C. CXСIV. P. 264.*

¹²²⁸ Алексиада. XIV, 3, 265. Это было в 1111 г., ведь в начале 1112 г. пизанский корабль отделился от пизанского флота и привез Балдуину, занятому осадой Тира, сообщение, что Алексей находится в Херсонесе. Ср. с. 197.

¹²²⁹ *Zonaras J. Op. cit. XVIII. 26, 752. — Алексиада. XIV, 3, 265.*

¹²³⁰ Алексиада. XIV, 5, 278 и далее.

¹²³¹ Близ Лопадия. См. *Ramsay W. M. The Historical geography of Asia Minor. Op. cit. P. 157.*

¹²³² Между Варином и Лампсаком.

¹²³³ «Алексиада» (XIV, 8, 295) указывает, что это было в восьмом индикте и в ноябре; Зонара (*Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 26, 753) считает, что эта экспедиция была предпринята весной, и относит пребывание Алексея в Филиппополе к периоду до похода на турок в 1113 г.

¹²³⁴ Много сведений о павликианах можно найти у Карапета Тер-Мкртчяна: *Ter-Mkrtschian K.* Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1893. Passim.

¹²³⁵ Ср. *Muralt E. von.* Essai de chronographie byzantine... Op. cit. T. 1. P. 115, 118. — *Couret A.* La Russie à Constantinople: premières tentatives des Russes contre l'empire grec, 965–1116 // *Revue des questions historiques.* 19 (1876). P. 126–127.

¹²³⁶ *Orderic Vital.* Op. cit. T. IV, l. XI, p. 212.

¹²³⁷ *Rambaud A.* Histoire de la Russie: depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris: Hachette, 1893. P. 84.

¹²³⁸ Алексиада. XV, 1, 308 и далее.

¹²³⁹ Там же. XV, 1, 310 и далее; 2, 312; 3, 317.

¹²⁴⁰ *Ramsay W. M.* The Historical geography of Asia Minor. Op. cit. P. 209. Олимп — ныне Кешишдаг.

¹²⁴¹ Алексиада. XV, 3, 321.

¹²⁴² Между Никеей и Малагиной. Ср. *Ramsay W. M.* The Historical geography of Asia Minor. Op. cit. P. 201.

¹²⁴³ Несколько южнее Наколии; должно быть, там проходила дорога из Котиея в Каворкий. Ср. *Ramsay W. M.* The Historical geography of Asia Minor. Op. cit. P. 235.

¹²⁴⁴ Точно выяснить положение этой крепости не удастся. Ср. *Ramsay W. M.* The Historical geography of Asia Minor. Op. cit. P. 234.

¹²⁴⁵ Сын Баркиярука. *Bar Hebraeus.* Chronicon Syriacum. Op. cit. P. 285.

¹²⁴⁶ Алексиада. XV, 4, 329. — *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 26, 757.

¹²⁴⁷ Алексиада. XV, 5, 330.

¹²⁴⁸ Там же.

¹²⁴⁹ *Никита Хониат.* Царствование Иоанна Комнина // *Никита Хониат.* История. СПб: тип. Трусова, 1860–1862. Т. 1. Гл. 4, с. 17.

¹²⁵⁰ См. акты Алексея в пользу св. Христодула, опубликованные в издании: *Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana.* Op. cit. T. V, VI. Passim.

¹²⁵¹ Алексиада. VI, 7, 293.

¹²⁵² Там же. X, 4, 21.

¹²⁵³ *Typicum sive Regula Irenes Augustae* // *Analecta graeca sive Varia opuscula graeca hactenus non edita* / apud viduam E. Martin, J. Boudot &

S. Martin. Parisiis: G. Martinus, 1688. P. 128. Ср. *Palaeographia graeca, sive de Ortu et progressu literarum graecarum, et de variis omnium saeculorum scriptionis graecae generibus...* opera et studio D. Bernardi de Montfaucon. Parisiis: L. Guérin, J. Boudot et C. Robustel, 1708. P. 46.

¹²⁵⁴ Zonaras J. Op. cit. XVIII. 24, 746.

¹²⁵⁵ Ср. *Palaeographia graeca*. Op. cit. P. 47.

¹²⁵⁶ Он упоминается в рассказе о заговоре Анемадов: Алексиада. XII, 6, 157. Он должен был умереть до 1108 г., поскольку Феофилакт говорит о его смерти в одном из своих писем: Theophylactus. Επιστολή ΙΑ'. Τῷ μητροπολίτῃ Θεσσαλονικῆς κυρίῳ Θεοδούλῳ // *Migne*. PG. T. 126. Col. 376–378.

¹²⁵⁷ Алексиада. XII, 3, 141.

¹²⁵⁸ Zonaras J. Op. cit. XVIII. 24, 747.

¹²⁵⁹ Алексей имел еще двух детей — Михаила и Зою, которые умерли в младенческом возрасте (прим. науч. ред.)

¹²⁶⁰ Ошибочно было бы полагать, что Андроник был убит в сражении с турками во время второго похода Алексея. Это место в тексте Анны было плохо понято (Алексиада. XV, 6, 383). Ср. *La Porte du Theil F. J. G. Notice d'un manuscrit de la Bibliothèque du Vatican, coté CCCV parmi les manuscrits grecs // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques*. Paris: Bibliothèque Nationale, 1787–1965. 43 t. T. 8/2. 1810. P. 152. — *Du Cange Ch. du Fresne. Familiae augustae byzantinae...* Op. cit. P. 176.

¹²⁶¹ Zonaras J. Op. cit. XVIII. 24, 748. — *Glykas, Michael*. Annales. Op. cit. IV. P. 622.

¹²⁶² Алексиада. XII, 3, 141.

¹²⁶³ Там же. XIII, 1, 180.

¹²⁶⁴ *Никита Хониат*. Царствование Иоанна Комнина. Цит. соч. С. 8, 9.

¹²⁶⁵ Анна говорит, что отец слег менее чем через восемнадцать месяцев после похода 1116 г. (осеннего) на турок. Это дает январь-февраль 1118 г., так как Алексей болел шесть месяцев и умер 15 августа 1118 г. Алексиада. XV, 11, 366 и 368.

¹²⁶⁶ Zonaras J. Op. cit. XVIII. 24, 759.

¹²⁶⁷ *Никита Хониат*. Царствование Иоанна Комнина. Цит. соч. С. 10 и далее.

¹²⁶⁸ Ср. Ανωνύμου Σύνοψις χρονική. Op. cit. Σ. 187.

¹²⁶⁹ Zonaras J. Loc. cit.

¹²⁷⁰ *Никита Хониат*. Царствование Иоанна Комнина. Цит. соч. С. 11 и далее.

¹²⁷¹ Theophylactus. Επιστολή ΙΖ'. Τῷ υἱῷ τοῦ σεβαστοκράτορος // *Migne*. PG. T. 126. Col. 532.

¹²⁷² При Никифоре Фоке это было правилом. Ср. *Schlumberger G. Nicéphore Phocas*. Op. cit. P. 537–538, note 2. — *Ramnaud A. L'Empire grec...* Op. cit. P. 295.

¹²⁷³ *Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana*. Op. cit. T. VI. № 13. P. 47. Ср. *Васильевский В. Г.* Советы и рассказы византийского боярина... Цит. соч. С. 324.

¹²⁷⁴ *Ramnaud A. L'Empire grec...* Op. cit. P. 287 и далее.

¹²⁷⁵ Ф. Шаландон под словом «феод» имеет в виду стратиотский надел — «стратию». Этот термин обозначал также и саму обязанность военной службы, и, в рассматриваемый период, налог, который уплачивался населением и который шел непосредственно на набор и организацию войска. Поэтому напрямую отождествлять византийскую «стратию» и европейский «феод» не следует. Об организации войска при Комнинах см.: *Haldon J. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204*. — London, 1999; *Birkenmeier J. W. The Development of the Komnenian Army: 1081–1180*. Leiden, 2002 (прим. науч. ред.)

¹²⁷⁶ *Алексиада*. VI, 2, 274.

¹²⁷⁷ *Ramnaud A. L'Empire grec...* Op. cit. P. 290.

¹²⁷⁸ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 25, 752.

¹²⁷⁹ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 873.

¹²⁸⁰ *Васильевский (Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков*. Цит. соч. Ч. CLXXVIII. 1875. № 3. С. 129–130) полагает, что это слово означало немцев [?]. Нойман (*Neumann C. Über zwei unenklärte Völkernamen in der byzantinischen Armee // Byzantinische Zeitschrift*. 3 (1894). S. 374–385) думает, что это были печенеги. Ср. *Hopf K. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit*. Op. cit. S. 149. О разных гипотезах, выдвинутых на этот счет, см. *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches, 527–1453*. 2. Aufl. München: Beck, 1897. S. 1106.

¹²⁸¹ Ср. *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. Цит. соч. С. 133 и далее.

¹²⁸² Ср. *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. Цит. соч. Ч. CLXXVI. 1874. № 11. С. 105–144. Ч. CLXXVII. 1875. № 1. С. 394–451. Ч. CLXXVIII. 1875. № 3. 76–152. Автор очень объективно рассматривает разные теории о происхождении варягов.

¹²⁸³ *Алексиада*. IX, 2, 433. Ср. *Du Cange. Notice in Alexiade*. P. 10.

¹²⁸⁴ Этот корпус при Алексее еще существовал. Ср. *Успенский Ф. И.* Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. Цит. соч. С. 42.

¹²⁸⁵ *Алексиада*. IV, 4, 199.

- ¹²⁸⁶ Там же. VII, 7, 359.
- ¹²⁸⁷ Там же. XV, 3, 332. Алексей был знаком с «Тактикой» Элиана.
- ¹²⁸⁸ Там же. XII, 4, 147; XIII, 2, 182; XV, 3, 320.
- ¹²⁸⁹ Там же. XIV, 2, 264.
- ¹²⁹⁰ Там же. XI, 10, 115 и далее.
- ¹²⁹¹ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 29, 766.
- ¹²⁹² *Ibid.* XVIII. 29, 736, 741, 745.
- ¹²⁹³ Алексиада. IX, 2, 432–433.
- ¹²⁹⁴ *Michel Attaliates.* Michaelis Attaliothae historia. Op. cit. P. 60–61.
- ¹²⁹⁵ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 29, 767.
- ¹²⁹⁶ *Theophylactus.* Επιστολή ΙΘ'. Τῷ Μερμουνοπούλῳ // *Migne.* PG. T. 126. Col. 533.
- ¹²⁹⁷ *Ράλλης Γ. Α., Ποτλής Μ.* Σύνταγμα τῶν θειῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Αθήνα, 1852–1859. 6 τόμοι. Τ. Ε'. Ζ. 20 и далее.
- ¹²⁹⁸ *Ibid.* Ζ. 23 и далее.
- ¹²⁹⁹ Ср. *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. Цит. соч. С. 405.
- ¹³⁰⁰ *Michel Attaliates.* Michaelis Attaliothae historia. Op. cit. P. 200–201.
- ¹³⁰¹ См. «Обзор источников», с. 281.
- ¹³⁰² *Joannes Antiochenus episcopus.* Oratio de disciplina monastica et de monasteriis laicis non tradendis // *Migne.* PG. T. 132. С. VI. Col. 1128.
- ¹³⁰³ *Ibid.* С. VII. Col. 1128–1129. [Здесь и далее цит. по: Иоанн Антиохийский. Харистикий // *Сборник документов по социально-экономической истории Византии.* М.: изд-во АН СССР. 1951. С. 186–187.]
- ¹³⁰⁴ *Ibid.* С. IX. Col. 1129. [Иоанн Антиохийский. Харистикий. Цит. соч. С. 186.]
- ¹³⁰⁵ *Ibid.* С. IX. Col. 1129–1132. С. XIII. Col. 1137.
- ¹³⁰⁶ *Ibid.* С. X. Col. 1132.
- ¹³⁰⁷ Опубликован Васильевским: Хрисовул императора Алексея I Комнина Великой лавре св. Афанасия на Афоне (август 1084 г.) // *Византийский временник.* 3 (1896). Отдельный оттиск. С. 1–2.
- ¹³⁰⁸ Между заливом Кассандра и Салоникским заливом.
- ¹³⁰⁹ *Joannes Antiochenus episcopus.* Oratio de disciplina monastica... Op. cit. С. XII. Col. 1136. [Иоанн Антиохийский. Харистикий. Цит. соч. С. 187.]
- ¹³¹⁰ *Ibid.* С. XIV. Col. 1140.
- ¹³¹¹ *Ibid.* С. XV. Col. 1144. [Иоанн Антиохийский. Харистикий. Цит. соч. С. 187–188.]
- ¹³¹² *Ibid.* С. XIV. Col. 1141. [Иоанн Антиохийский. Харистикий. Цит. соч. С. 188.]

- ¹³¹³ Ibid. C. XIV. Col. 1144.
- ¹³¹⁴ Ferradou A. Des biens des monastères à Byzance. Bordeaux: Cadoret, 1896. P. 239.
- ¹³¹⁵ Joannes Antiochenus episcopus. Oratio de disciplina monastica... Op. cit. C. XIII. Col. 1136–1137.
- ¹³¹⁶ Michel Attaliates. Michaelis Attaliotae historia. Op. cit. P. 60–61.
- ¹³¹⁷ Eustathius Thessalonicensis metropolita. Ἐπίσκεψις βίου μοναχικού // Migne. PG. T. 135. C. VI. Col. 826 и далее. Ср. Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur... Op. cit. S. 536 и далее.
- ¹³¹⁸ Schlumberger G. Nicéphore Phocas. Op. cit. P. 535.
- ¹³¹⁹ Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως... Op. cit. P. 62 и далее. Ср. Γεδεῶν Μ. Ὁ Ἄθως. Κωνσταντινούπολη, 1885. P. 100–106. — Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster / hrsg. von Ph. Meyer. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1894. S. 163.
- ¹³²⁰ Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως... Op. cit. P. 62 и 70.
- ¹³²¹ Ibid. P. 64, 17.
- ¹³²² Ibid. P. 70, 38.
- ¹³²³ Ibid. P. 63, 10.
- ¹³²⁴ Ibid. P. 66, 21.
- ¹³²⁵ Le Barbier E. Saint-Christodule et la réforme des couvents grecs au XIe siècle. Paris: Firmin-Didot, frères fils et Cie, 1863. P. 33.
- ¹³²⁶ Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως... Op. cit. P. 66, 22, и 67, 25.
- ¹³²⁷ Jus graeco-romanum. Op. cit. T. 3. P. 422.
- ¹³²⁸ Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως... Op. cit. P. 67, 26.
- ¹³²⁹ Jus graeco-romanum. Op. cit. T. 3. P. 370. — Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Op. cit. T. VI. P. 346.
- ¹³³⁰ Ferradou A. Des biens des monastères à Byzance. Op. cit. P. 224.
- ¹³³¹ Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Op. cit. T. VI. 1. P. 51.
- ¹³³² Ibid. P. 94–95.
- ¹³³³ Leunclavius J. Juris graeco-romani... Op. cit. T. 1. P. 141. — Jus graeco-romanum. Op. cit. T. 3. P. 407.
- ¹³³⁴ О разных видах монастырей см. Ferradou A. Des biens des monastères à Byzance. Op. cit. P. 90 и далее.
- ¹³³⁵ Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως... Op. cit. P. 72. См. также *ibid.*, p. 64 и далее, переписку между Алексеем и патриархом Николаем. Император отстаивал права Афона.
- ¹³³⁶ Cotelier J.-B. Ecclesiae Graecae Monumenta. Op. cit. T. II. P. 178 и далее.

- ¹³³⁷ *Theophylactus*. Επιστολή ιζ'. Τῷ νίῳ τοῦ σεβαστοκράτορος // *Migne*. PG. T. 126. Col. 529.
- ¹³³⁸ *Theophylactus*. Επιστολή ιζ'. Τῷ νίῳ τοῦ σεβαστοκράτορος // *Migne*. PG. T. 126. Col. 532. Это письмо следует сопоставить с написанным в тот же период кесарю Никифору Мелиссину, которому было поручено заняться организацией армии в Болгарии (Алексиада. VIII, 3, 395). *Theophylactus*. Επιστολή Θ'. Τῷ Καίσαρι Μελισσηνώ // *Migne*. PG. T. 126. Col. 517.
- ¹³³⁹ 80-я новелла.
- ¹³⁴⁰ *Ton Basilicon Biblia* Ε'. *Basilicon Libri LX*. C.A. Fabrotus... latinè vertit, & græcè editit... Parisiis: S. Cramoisy, 1647. 7 t. T. VI. 6, 5–14. Ср. *Rimbaud A. L'Empire grec...* Op. cit. P. 287.
- ¹³⁴¹ *Rimbaud A. L'Empire grec...* Loc. cit.
- ¹³⁴² *Theophylactus*. Loc. cit.
- ¹³⁴³ Ср. *Du Cange Ch. du Fresne*. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Op. cit., ζευγάριον.
- ¹³⁴⁴ *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. Цит. соч. С. 366, 367.
- ¹³⁴⁵ Ср. *Du Cange Ch. du Fresne*. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Loc. cit.
- ¹³⁴⁶ Это следует из одного сирийского текста, опубликованного Ландом: *Leges Saeculares «e sermone Romano in Aramaeum translatae», et e codice saeculi sexti ineuntis Latine redditae* // *Anecdota syriaca* / collegit, edidit, explicuit J. P. N. Land. Lugduni Batavorum: apud E. J. Brill, 1862–1875. 4 t. T. 1. P. 128–155. По нему видно, что земля делилась на семь классов в зависимости от характера почвы или насаждений.
- ¹³⁴⁷ Упоминается Васильевским: *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. Цит. соч. С. 361.
- ¹³⁴⁸ *Monnier H. Études de droit byzantin: «ἑπιβολή»* // *Nouvelle revue historique de droit français et étranger*. 16 (1892). P. 147.
- ¹³⁴⁹ *Theophanis continuatus*. De vita et rebus gestis avi sui Basilii Macedonis // *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. [24,3]. *Theophanis continuatus*, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnae: Weber, 1838. P. 346–347.
- ¹³⁵⁰ *Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana*. Op. cit. T. IV. P. 125. Ср. *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. Цит. соч. С. 366.
- ¹³⁵¹ *Monnier H. Études de droit byzantin: «ἑπιβολή»*. Op. cit. P. 127–128.
- ¹³⁵² *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. Цит. соч. С. 367. Ср. *Sophocles*. Op. cit. καπνικός.

- ¹³⁵³ *Cedrenus Georgius*. Ioannis Scylitzae ope. Op. cit. T. 2. P. 413.
- ¹³⁵⁴ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 374. — *Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana*. Op. cit. T. VI. P. 47.
- ¹³⁵⁵ Идентичность обоих терминов показал Васильевский: *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. Цит. соч. С. 371.
- ¹³⁵⁶ *Zachariä von Lingenthal K. E.* Geschichte des griechischrömischen Rechts. Op. cit. S. 263. Имеются в виду хрисовулы Алексея I Комнина за 1088 г., Иоанна Дуки Ватаца за 1228 г. и Андроника Младшего за 1331 г. в пользу монастырей на Патмосе и Лембросе.
- ¹³⁵⁷ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 571.
- ¹³⁵⁸ *Ibid.* T. 3. P. 374.
- ¹³⁵⁹ *Ibid.* T. 3. P. 374, 571.
- ¹³⁶⁰ *Ibid.* T. 3. P. 374.
- ¹³⁶¹ *Ibid.*
- ¹³⁶² *Ibid.*
- ¹³⁶³ *Ibid.*, έξοπλίσεως πλοίμων, τοξοτών, ιπποτοξοτών, ματζουκάτων, κουνταράτων καί ἐτέρων στρατιωτών.
- ¹³⁶⁴ *Ibid.*
- ¹³⁶⁵ σιδήρου δόσεως ή καρφοπετάλου καί μαζιόν.
- ¹³⁶⁶ έκδολής χортаσμάτων.
- ¹³⁶⁷ Ср. *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. Цит. соч. С. 378 и далее.
- ¹³⁶⁸ *Ferradou A.* Des biens des monastères à Byzance. Op. cit. P. 216.
- ¹³⁶⁹ *Αλέξιος Α' Κομνηνός.* Λογαρική Παλαιά και Νέα // *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 393.
- ¹³⁷⁰ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 385 и 401. Видно, что монастыри платили поземельную подать. Ср. *Monnier H.* Études de droit byzantin: «l'έπιβολή». Op. cit. P. 513. Для более ранних времен — *Ferradou A.* Des biens des monastères à Byzance. Op. cit. P. 218 и далее.
- ¹³⁷¹ Согласно Успенскому (*Успенский Ф. И.* Образование второго Болгарского царства. // *Записки императорского Новороссийского университета.* 27 (1879). С. 116), клирики были потомками безместных иереев, упомянутых Феофилактом в одном из писем (*Theophylactus.* Επιστολή Η' // *Migne.* PG. T. 126. Col. 516), потомками, которые стали крестьянами. По мнению Тринкера (*Trinchera F.* Syllabus Graecarum membranarum... Op. cit. P. 182), слова πάροικοι и κληρικοι означали одних и тех же лиц. Ср. *Καλλιγά Π.* Μελέται καί λόγοι. Εν Αθήναις: Εκ των Καταστημάτων Ανδρέου Κορομηλά, 1882. Σ. 183 и далее.

- ¹³⁷² Эти привилегии предоставила Болгарии новелла Василия II: *Jus graeco-romanum*. Op. cit. Т. 3. P. 319–320, цитируется также у Успенского (Успенский Ф.И. Образование второго Болгарского царства. Цит. соч. Там же) по публикации в издании: Голубинский Е. Е. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской. М.: Унив. тип., 1871. С. 259–263.
- ¹³⁷³ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. Т. 3. P. 322–323.
- ¹³⁷⁴ *Theophylactus*. Επιστολή Κ' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 533. Ср. Успенский Ф. И. Образование второго Болгарского царства. Цит. соч. С. 115.
- ¹³⁷⁵ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. Т. 3. P. 365.
- ¹³⁷⁶ См. с. 222. Из переписки Феофилакта ясно видно, что Болгария утратила особые привилегии, которые ей были предоставлены во время присоединения к империи, и что при Алексее ей пришлось терпеть греческую администрацию со всеми ее чиновниками. То есть, полагаю, данные, которые сообщает Феофилакт, можно относить ко всей империи.
- ¹³⁷⁷ *Theophylactus*. Επιστολή Κ' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 533: Ἐγὼ γάρ, αὐθέντη μου, τό χωρίον ὁ ἰξ ἀρχαίων τῶν χρόνων κατεῖχεν ἡ Ἐκκλησία, μηδὶ πρακτικῶ ὑποκειμενον, ἀφαιρ[εθ]έν παρά τοῦ βασιλείως εὐρον καί τῆς Ἐκκλησίας ἀλοσπασθέν' ὡσπερ οὖν καί τὰ τῶν ἀρχόντων πάντων.
- ¹³⁷⁸ *Theophylactus*. Επιστολή ΙΖ' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 343; ср.: Επιστολή ΑΓ' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 433: Καί δὴ καί τοῦτο ἡμῖν, μάλλονδὶ καί τῷ θεῷ χαρίζεται, τό μή ἀναγραφεῖς ἐπιπέμψαι τῷ χωρίῳ.
- ¹³⁷⁹ *Theophylactus*. Επιστολή Κ' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 533. — Ibid. Επιστολή ΚΓ' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 540.
- ¹³⁸⁰ Ibid. Επιστολή Κ' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 533.
- ¹³⁸¹ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. Т. 3. P. 365.
- ¹³⁸² Это следует из письма Феофилакта: *Theophylactus*. Επιστολή ΜΑ' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 448 (61 и 62). Похоже, Алексей требовал выплаты поземельной подати с людей, живущих на церковных землях. Ср. новеллу о владениях монастырей: *Jus graeco-romanum*. Op. cit. Т. 3. P. 453.
- ¹³⁸³ *Theophylactus*. Επιστολή Η' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 516–517. Ср. уточнение Успенского: Успенский Ф. И. Образование второго Болгарского царства. Цит. соч. С. 116.
- ¹³⁸⁴ *Jus graeco-romanum*. Op. cit. Т. 3. P. 393. Ср. *Cecaumeni Strategicon*. Op. cit. С. 95. P. 39.
- ¹³⁸⁵ *Jus graeco-romanum*. Loc. cit.
- ¹³⁸⁶ *Theophylactus*. Επιστολή ΚΔ' // *Migne*. PG. Т. 126. Col. 405.

- 1387 Ibid. Επιστολή ΙΒ' // *Migne*. PG. T. 126. Col. 512. См. уточнение Успенского: *Успенский Ф. И.* Образование второго Болгарского царства. Цит. соч. С. 118, прим. 2.
- 1388 *Theophylactus*. Επιστολή ΙΖ' // *Migne*. PG. T. 126. Col. 337.
- 1389 Ibid. Επιστολή ΚΓ' // *Migne*. PG. T. 126. Col. 537 и далее.
- 1390 Ibid.
- 1391 Ibid. Επιστολή ΜΑ' // *Migne*. PG. T. 126. Col. 441 и далее. — Επιστολή ΜΓ' // *Migne*. PG. T. 126. Col. 456.
- 1392 Ibid. Επιστολή ΜΑ' // *Migne*. PG. T. 126. Col. 444.
- 1393 Ibid. Col. 445. [Цит. по: *Успенский Ф. И.* Образование второго Болгарского царства. Цит. соч.]
- 1394 Ibid. Επιστολή Δ' // *Migne*. PG. T. 126. Col. 313–315. — Επιστολή ΚΔ' // *Migne*. PG. T. 126. Col. 405.
- 1395 Επιστολή ΜΑ' // *Migne*. PG. T. 126. Col. 448.
- 1396 Loc. cit. Col. 449.
- 1397 Ibid.
- 1398 Обо всем, что касается налоговой системы, см. *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. Цит. соч. С. 385 и далее. Я многое почерпнул из этой статьи.
- 1399 Ср. *Sabatier J.* Description générale des monnaies byzantines frappées sous les empereurs d'Orient, depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople par Mahomet II. Paris: Rollin et Feuardent, 1862. 2 t. T. 1. P. 53 и далее.
- 1400 Ibid.
- 1401 Цахарие (*Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 385, note 2) полагает, что этот счет был составлен позже царствования Алексея.
- 1402 *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 386.
- 1403 *Theophanes Confessor*. Chronographia / recensvit C. de Boor. Lipsiae: in aedibus V. G. Teubneri, 1883–1885. 2 vol. T. 1. P. 634. — *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 387.
- 1404 *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 386.
- 1405 Ibid. P. 387.
- 1406 Ibid. P. 391–392.
- 1407 Ibid.
- 1408 Ibid. P. 391.
- 1409 Ibid.
- 1410 Ibid. P. 392.
- 1411 Ibid. P. 393.
- 1412 Ibid. — *Cesaumeni Strategicon*. Op. cit. C. 95. P. 39.
- 1413 *Jus graeco-romanum*. Op. cit. T. 3. P. 392.

¹⁴¹⁴ Ibid. P. 397: платить следовало *διὰ χαράματος νομισματος* [в цельных номисмах].

¹⁴¹⁵ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII. 22, 738.

¹⁴¹⁶ Среди монет Кабинета медалей, которые я изучал, можно найти эти разные номисмы. Есть образцы обоих видов монет, чеканившихся при Алексее. У обеих монет одинаковое назначение, изображения, форма и размеры, только одна золотая, а другая выглядит серебряной, только слабый желтоватый отлив говорит о присутствии золота. Именно такие монеты обычно называют «бледными». Эти совсем разные монеты отличаются по назначению и облику от других серебряных монет. Думаю, в такой монете и надо видеть «белую номисму» Алексея. Ср. *Dissertatio de numismatibus // Du Cange Ch. du Fresne.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. P. 162. C. CVI. — *Sophocles.* Op. cit. ασπρος. Я должен здесь выразить благодарность г-ну Пру за любезность, с какой он предоставил мне сведения о византийских монетах.

¹⁴¹⁷ *Jus graeco-romanum.* Op. cit. T. 3. P. 393 и далее.

¹⁴¹⁸ Цахарие относит составление этого документа к 1094 г., исходя из упоминания (*Jus graeco-romanum.* Op. cit. T. 3. P. 395) об отсутствии Алексея в 15-м и 1-м индиктах. Но Алексей отсутствовал в Константинополе также значительную часть 1107 г. (15-й индикт) и 1108 г. (1-й индикт). Сделать уверенный выбор между обеими датами невозможно.

¹⁴¹⁹ *Jus graeco-romanum.* Op. cit. T. 3. P. 393.

¹⁴²⁰ Ibid. P. 394.

¹⁴²¹ Ibid.

¹⁴²² Ibid. P. 394–395.

¹⁴²³ Ibid. P. 395.

¹⁴²⁴ Χαράσμα νομισμα διὰ τραχέων ασπρον νομισματών. Ibid. P. 395.

¹⁴²⁵ Ibid. P. 395–396.

¹⁴²⁶ Ibid. P. 398.

¹⁴²⁷ Ibid. P. 400.

¹⁴²⁸ *Никита Хониат.* Царствование Иоанна Комнина. Цит. соч. Гл. II. С. 97.

¹⁴²⁹ Халкидонский собор, 6-я сессия. *Gasquet A.* L'Empire byzantin et la monarchie franque. Paris: Hachette, 1888. P. 26.

¹⁴³⁰ Ср. *Gasquet A.* L'Empire byzantin et la monarchie franque. Op. cit. P. 31 и далее.

¹⁴³¹ *Rambaud A.* L'Empire grec... Op. cit. P. 273–274.

¹⁴³² Алексиада. XIV, 8, 300 и далее.

- ¹⁴³³ Там же. V, 8, 256 и далее. Ср. *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur...* Op. cit. S. 440–445.
- ¹⁴³⁴ *Le Beau Ch. Histoire du Bas-Empire.* Op. cit. T. XV. P. 163.
- ¹⁴³⁵ *Успенский Ф. И.* Синодик в неделю православия (состав и происхождение частей его). Одесса: Типография Одесского военного округа, 1893. С. 163.
- ¹⁴³⁶ *Алексиада.* V, 8 и 9, 256 и далее.
- ¹⁴³⁷ Νικήτα του Χωνιατου. Θησαυρός ὀρθοδοξίας. Ed. Tafel. P. 1 и далее.
- ¹⁴³⁸ В «Алексиаде» в качестве даты указывается 1084 г.; акты процесса датируются 5-м индиктом, как и обе рукописи «Синодика» — № 55 из Софийской библиотеки и № 33 из Кутлумышского монастыря на Афоне. Ср. *Успенский Ф. И.* Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. Цит. соч. С. 2.
- ¹⁴³⁹ *Успенский Ф. И.* Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. Цит. соч. С. 37, 39 и 66.
- ¹⁴⁴⁰ Там же. С. 38–39.
- ¹⁴⁴¹ Там же. С. 40.
- ¹⁴⁴² Там же. С. 41 и далее.
- ¹⁴⁴³ Там же. С. 30 и далее.
- ¹⁴⁴⁴ Там же. С. 57 и далее.
- ¹⁴⁴⁵ Там же. С. 61.
- ¹⁴⁴⁶ Там же. С. 36.
- ¹⁴⁴⁷ Там же. С. 40.
- ¹⁴⁴⁸ Там же. С. 31–32.
- ¹⁴⁴⁹ Там же. С. 63.
- ¹⁴⁵⁰ Там же. С. 30.
- ¹⁴⁵¹ Там же. С. 35.
- ¹⁴⁵² Там же. С. 36–37.
- ¹⁴⁵³ Там же. С. 62 и далее.
- ¹⁴⁵⁴ Там же. С. 65 и далее.
- ¹⁴⁵⁵ Там же. С. 9.
- ¹⁴⁵⁶ *Успенский Ф. И.* Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков. Цит. соч. С. 102 и далее.
- ¹⁴⁵⁷ *Успенский Ф. И.* Синодик в неделю православия (состав и происхождение частей его). Цит. соч. С. 14 и далее.
- ¹⁴⁵⁸ *Ramnaud A. Michel Psellos...* Op. cit. P. 264.
- ¹⁴⁵⁹ Упоминаются в издании: *Успенский Ф. И.* Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков. Цит. соч. С. 98.
- ¹⁴⁶⁰ Там же. С. 107.

- ¹⁴⁶¹ Успенский Ф. И. Синодик в неделю православия. Цит. соч. С. 19.
- ¹⁴⁶² Алексиада. X, 1, 1 и далее.
- ¹⁴⁶³ Успенский Ф. И. Синодик в неделю православия. Цит. соч. С. 19.
- ¹⁴⁶⁴ Алексиада. Там же. Ср. очень полное изложение учения Нила в издании: Успенский Ф.И. Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков. Цит. соч. С. 145 и далее.
- ¹⁴⁶⁵ Алексиада. X, 1, 3.
- ¹⁴⁶⁶ Παπαδοπουλος-Κεραμευς Α. Αναλεκτα Ιεροσολυμιτικής σταχυολογίας. Πετρούπολις: Β. Κιρβάουμ, 1891. Об армянах см. Ter-Mikelian A. Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zur byzantinischen (vom IV. bis zum XIII. Jahrhundert). Leipzig: G. Fock, 1892.
- ¹⁴⁶⁷ Theophylactus. Επιστολή ΙΗ' // Migne. PG. T. 126. Col. 345.
- ¹⁴⁶⁸ Ibid. Επιστολή Γ' // Migne. PG. T. 126. Col. 520.
- ¹⁴⁶⁹ Алексиада. XIV, 8, 297.
- ¹⁴⁷⁰ Там же. XIV, 9, 303 и далее.
- ¹⁴⁷¹ Изложение этого учения см. Döllinger J. von. Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters. 1. Geschichte der gnostisch-manichäischen Sekten in früheren Mittelalter. München: Beck, 1890. К. 3. S. 24.
- ¹⁴⁷² Νικήτα του Χωνιατου. Θησαυρός ὀρθοδοξίας. Op. cit. P. 21. — Успенский Ф. И. Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков. Цит. соч. С. 147.
- ¹⁴⁷³ Работы Евстратия изданы в «Церковной библиотеке» Димитракопулоса: Δημητρακόπουλος Α. Ἐκκλησιαστικὴ βιβλιοθήκη. Τ. Α.
- ¹⁴⁷⁴ Zonaras J. Op. cit. XVIII. 23, 743.
- ¹⁴⁷⁵ Алексиада. XV, 8, 350. Вся переписка Феофилакта полна упоминаний богомилов. Ересь Василия, должно быть, возникла раньше, ведь к ней был причастен Исаак Комнин, а он, видимо, умер до 1108 г. Ср. Успенский Ф. И. Образование второго Болгарского царства. Цит. соч. С. 178, прим. 3.
- ¹⁴⁷⁶ См. в издании: Neumann C. Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert: Studien zu Anna Comnena, Theod. Prodromus, Joh. Cinnamus. Leipzig: Duncker & Humblodt, 1888. S. 31–35 очень любопытное стихотворное произведение из рукописи «Паноплии», хранящейся в Ватикане (Cod. Vat. Gr., 666), где Алексей восхваляется как защитник веры.
- ¹⁴⁷⁷ Пс. 79: 13.
- ¹⁴⁷⁸ Hugo Floriacensis. Hugonis liber qui modernorum regum Francorum continet actus, a. 1108 // Scriptores. MGH / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. IX: Chronica et annales aevi Salici. 1851. P. 392–393.

- ¹⁴⁷⁹ *Hagenmeyer H.* Der Brief des Kaisers Alexios I. Komnenos an den Grafen Robert I. von Flandern // *Byzantinische Zeitschrift*. 6 (1897). S. 1–32.
- ¹⁴⁸⁰ *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Цит. соч. Прил. IV. О послании императора Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому. 164 (1872). С. 316–328. 207 (1880). С. 223–260.
- ¹⁴⁸¹ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria* / publiée par le P. Riant. Genevae: I.G. Fick, 1879.
- ¹⁴⁸² *Riant P.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades // *Archives de l'Orient latin*. I (1881). P. 71–89.
- ¹⁴⁸³ *Paris G.* Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria [рецензия] // *Revue critique d'histoire et de littérature*. 8/2 (1879). P. 379–388.
- ¹⁴⁸⁴ *Hirsch F.* Byzantinische Geschichte // *Jahresberichte des Geschichtswissenschaft*. 3 (1880). Heft 2. S. 221. — *Paparrigopoulo C.* Histoire de la civilisation hellénique. Paris: Hachette, 1878. P. 327.
- ¹⁴⁸⁵ *Hagenmeyer H.* Der Brief des Kaisers Alexios I. Komnenos... Op. cit. S. 22–23.
- ¹⁴⁸⁶ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. XX и далее.
- ¹⁴⁸⁷ *Guibertus Novigentius.* Historia quae dicitur Gesta Dei per francos... Op. cit. P. 246.
- ¹⁴⁸⁸ *Ibid.* P. 131, 148.
- ¹⁴⁸⁹ *Sybel H. von.* Geschichte des ersten Kreuzzugs. Op. cit. S. 8.
- ¹⁴⁹⁰ *Hagenmeyer H.* Der Brief des Kaisers Alexios I. Komnenos... Op. cit. S. 21–22.
- ¹⁴⁹¹ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. XI.
- ¹⁴⁹² *Васильевский В. Г.* О послании императора Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому. Цит. соч. 207 (1880). С. 246.
- ¹⁴⁹³ Там же. С. 257.
- ¹⁴⁹⁴ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. XXVIII, note 3.
- ¹⁴⁹⁵ *Hagenmeyer H.* Der Brief des Kaisers Alexios I. Komnenos... Op. cit. S. 19.
- ¹⁴⁹⁶ *Iohannus Longus de Ipra.* Chronica S. Bertini // *Scriptores. MGH* / ed. de G.H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. XXV: *Gesta saec. XIII*. 1880. P. 784.
- ¹⁴⁹⁷ *Genealogia comitum Flandriae Bertiniana* // *Scriptores. MGH* / ed. de G.H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. IX: *Chronica et annales aevi Salici*. 1851. P. 307.

¹⁴⁹⁸ Алексиада. VII, 6, 355. — *Kervyn de Lettenhove J.M.B.C.* Histoire de Flandre. Bruxelles: Vandale, 1847–1850. 5 v. T. I. P. 305. — *Le Glay E.* Histoire des comtes de Flandre et des Flamands au Moyen Âge. Lille: Société Saint-Augustin, 1886. 2 v. T. I. P. 215. — *Hagenmeyer H.* Der Brief des Kaisers Alexios I. Komnenos... Op. cit. S. 20, Anmerkung.

¹⁴⁹⁹ Алексиада. VII, 4, 350–352.

¹⁵⁰⁰ Там же. VII, 6, 355.

¹⁵⁰¹ Там же. VI, 14, 328.

¹⁵⁰² *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria.* Op. cit. P. XXIX.

¹⁵⁰³ Ср. с. 104 и далее.

¹⁵⁰⁴ *Riant P.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 88, 89.

¹⁵⁰⁵ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria.* Op. cit. P. 11–14. В кратком изложении Гвиберта этого перечисления нет.

¹⁵⁰⁶ *Ibid.* P. 14–16.

¹⁵⁰⁷ *Ibid.* P. 15. — Алексиада. VII, 8, 361.

¹⁵⁰⁸ Ср. с. 105.

¹⁵⁰⁹ Ср. с. 94–104 и далее.

¹⁵¹⁰ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria.* Op. cit. P. XXX.

¹⁵¹¹ Алексиада. VII, 8, 361.

¹⁵¹² *Muralt E. von.* Essai de chronographie byzantine... Op. cit. T. II. P. 65, 68.

¹⁵¹³ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria.* Op. cit. P. 15.

¹⁵¹⁴ *Paris G.* Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria... Op. cit. P. 385.

¹⁵¹⁵ Ср. отрывок из примечаний к трактату «О фемах», III, 281: Προποντιδες δύο, ή μέν κατά την Αβυδον, ή δέ κατά τό Γερόν και Ψαμμαφίи (*греч.*; пер. В. Г. Васильевского), процитированный Васильевским. Ср. *Riant P.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Op. cit. P. 82. Мнение Васильевского могло бы найти подтверждение и в том, что в некоторых рукописях написано «in». Ср. также *Hagenmeyer H.* Der Brief des Kaisers Alexios I. Komnenos... Op. cit. S. 29, Anm. 1. Что до меня, я скорей склонен согласиться с мнением Васильевского.

¹⁵¹⁶ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria.* Op. cit. P. 14.

- ¹⁵¹⁷ *Ibid.* P. 15–20.
- ¹⁵¹⁸ *Ibid.* P. XVIII.
- ¹⁵¹⁹ *Theophylactus*. Λόγος εις τόν αὐτοκράτορα κύριον Ἀλέξιον τόν Χομνηνόν // *Migne*. PG. T. 126. Col. 293–297.
- ¹⁵²⁰ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. 17.
- ¹⁵²¹ *Raimundus de Aguilers*. *Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem*. Op. cit. P. 251–251, 288.
- ¹⁵²² *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. XVI.
- ¹⁵²³ *Ibid.* P. XVII.
- ¹⁵²⁴ *Schlumberger G*. *Sigillographie de l'empire byzantin*. Op. cit. P. 301.
- ¹⁵²⁵ *Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum Graecae et Romanae: maiorem partem e sanctioribus Vaticani tabulariis* / ed. A. Theiner et F. Miklosich. Vindobonae: Braumueller, 1872. P. 1 и далее.
- ¹⁵²⁶ Ср. *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. 41 и далее.
- ¹⁵²⁷ Алексиада. X, 10, 59.
- ¹⁵²⁸ Ср. *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria*. Op. cit. P. XIV, note 1. Риан приводит список большинства дошедших до нас актов Алексея.
- ¹⁵²⁹ *Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum Graecae et Romanae*. Op. cit. P. 1
- ¹⁵³⁰ Алексиада. VII, 7, 360.
- ¹⁵³¹ *Васильевский В. Г.* О послании императора Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому. Цит. соч. 207 (1880). С. 232. Речь идет о двух письмах, которые Сатас опубликовал как адресованные Роберту Гвискару, см. выше, с. 61. Г-н Васильевский (*Васильевский В. Г.* Византийские отрывки: Два письма Византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. CLXXXII. 1875. С. 270–315) попытался доказать, что адресатом двух этих посланий был Всеволод Ярославич, а не Гвискар, но его аргументация неубедительна.
- ¹⁵³² *Riant P*. *Inventaire critique des lettres historiques des croisades*. Op. cit. P. 84.
- ¹⁵³³ *Wilken F*. *Geschichte der Kreuzzüge nach morgenländischen und abendländischen Berichten*. Op. cit. Bd. I. S. 73.
- ¹⁵³⁴ *Paris G*. *Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria...* Op. cit. P. 386.
- ¹⁵³⁵ *Ibid.* P. 385.

- ¹⁵³⁶ *Riant P.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. Loc. cit.
- ¹⁵³⁷ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria.* Op. cit. P. 20.
- ¹⁵³⁸ *Riant P.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. P. 80, note 9.
- ¹⁵³⁹ *Alexis I. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria.* Op. cit. P. XLVII.
- ¹⁵⁴⁰ *Riant P.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades. P. 79, 155 и далее.
- ¹⁵⁴¹ *Paris G. Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria...* Op. cit. P. 383.
- ¹⁵⁴² См. с. 165 и далее.
- ¹⁵⁴³ Торквато Тассо — итальянский поэт XVI в., автор поэмы «Освобожденный Иерусалим», написанной в 1575 г. (прим. науч. ред.)
- ¹⁵⁴⁴ «История» Атталиата описывает события 1034–1079 гг. Ср. *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur...* Op. cit. S. 269 и далее.
- ¹⁵⁴⁵ Хроника Скилицы начинается свосшествия на трон Михаила Рангаве (811 г.) и кончается царствованием Вотаниата (1079 г.). Ср. *Hirsch F. Byzantinische Studien.* Leipzig: Hirzel, 1876. S. 356. — *Krumbacher K.* Op. cit. S. 365 и далее.
- ¹⁵⁴⁶ О Вриенни и его семье см. *Seger J.* Op. cit. S. 1 и далее.
- ¹⁵⁴⁷ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII, 22, 738.
- ¹⁵⁴⁸ Алексиада. X, 9, 50.
- ¹⁵⁴⁹ Там же. II, 6, 110.
- ¹⁵⁵⁰ Там же. XIII, 11, 227.
- ¹⁵⁵¹ Там же. XIV, 8, 301.
- ¹⁵⁵² Там же. XV, 6, 333.
- ¹⁵⁵³ Там же. Введение, 3, 6. Анна говорит об этом определенно. Значит, два стиха, приписываемые Феодору Продрому, Ла Порт дю Тей толкует ошибочно. Согласно последнему, Никифор якобы умер вскоре после Алексея. Приведенный Ла Портом отрывок не доказателен. Ср. *La Porte du Theil F. J. G. Notice d'un manuscrit de la Bibliothèque du Vatican.* Op. cit. T. 8/2. 1810. P. 171–172.
- ¹⁵⁵⁴ Алексиада. Введение, 7.
- ¹⁵⁵⁵ Ср. *Krumbacher K.* Op. cit. S. 272.
- ¹⁵⁵⁶ Ср. *Seger J.* Op. cit. S. 36 и далее.
- ¹⁵⁵⁷ Ср. *Никифор Вриенний.* Цит. соч. Вступление. Passim.
- ¹⁵⁵⁸ Обо всех этих реалиях см. с. 113 и ниже.

- ¹⁵⁵⁹ Алексиада. XIV, 7, 292. Превосходное исследование Анне Комниной посвятил Остер: *Oster E. Anna Komnena. Rastatt: Mayer, 1868–1871. 3 Bde. Ср. также Krumbacher K. Op. cit. S. 274 и далее.*
- ¹⁵⁶⁰ *Zonaras J. Op. cit. XVIII, 26, 754.*
- ¹⁵⁶¹ Алексиада. Введение, 4, и IX, 10, 460. Ср. Никиты Хониата История. 3, 15.
- ¹⁵⁶² Там же. Введение, 4; V, 8, 260; V, 9, 263.
- ¹⁵⁶³ Там же. Введение, 4; VIII, 6, 410–411; XII, 5, 154; XIII, 1, 178; XIII, 4, 194; XIV, 8, 297.
- ¹⁵⁶⁴ Там же. V, 9, 263.
- ¹⁵⁶⁵ Там же. V, 9, 262; XIV, 8, 297.
- ¹⁵⁶⁶ Ср. *Oster. Op. cit. Bd. III. S. 58–62.*
- ¹⁵⁶⁷ Алексиада. III, 7, 161; XIV, 11, 381.
- ¹⁵⁶⁸ Там же. I, 8, 43.
- ¹⁵⁶⁹ Там же. II, 6, 108; III, 3, 144; VIII, 7, 410; X, 2, 5.
- ¹⁵⁷⁰ Там же. XIV, 7, 291.
- ¹⁵⁷¹ Там же.
- ¹⁵⁷² Там же. VI, 10, 310.
- ¹⁵⁷³ Там же. VII, 3, 342–343.
- ¹⁵⁷⁴ Там же. III, 2, 140.
- ¹⁵⁷⁵ Там же. X, 1, 1 и далее.
- ¹⁵⁷⁶ Там же. Введение, 5; II, 7, 113; III, 5, 152; VII, 3, 343 и т.д. Ср. *Oster. Op. cit. Bd. III. S. 57, Anm. 178.*
- ¹⁵⁷⁷ Там же. V, 9, 363–364.
- ¹⁵⁷⁸ Ср. *Muralt E. von. Essai de chronographie byzantine, 1057–1453. Saint Pétersbourg: Eggers et Cie; Bâle et Genève: H. Georg, 1871–1873. 2 vol. T. 2. P. 135 и далее.*
- ¹⁵⁷⁹ Алексиада. Введение, с. 6–7; XIV, 7, 291–292.
- ¹⁵⁸⁰ Там же. XIV, 7, 292.
- ¹⁵⁸¹ Там же.
- ¹⁵⁸² Об источниках «Алексиады» см. *Oster. Op. cit. Bd. II. S. 32 и далее.*
- ¹⁵⁸³ Алексиада. XIV, 7, 291.
- ¹⁵⁸⁴ *Wilmans R. Über die Quellen der Gesta Roberti Wiscardi des Guillelmi Apuliensis // Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 1819–1874. 12 Bde. Bd. 10. 1851. S. 87–121. О связях между «Алексиадой» и утраченной хроникой Иоанна Барийского см. также Wilken F. Op. cit. P. 126; Wilmans R. // Scriptorum. MGH / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. X: Annales et chronica aevi Salici. Vitae aevi Carolini et*

Saxonici. 1866. P. 110; *Arndt W. Romoaldi II, archiepiscopi Salernitani Annales a. 893–1178 // Scriptores. MGH / ed. de G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 30 t. 1826–1896. T. XIX: Annales aevi Suevici. 1866. P. 394; ср. Krumbacher K. Op. cit. S. 275.*

¹⁵⁸⁵ Алексиада. XIV, 7, 292–293.

¹⁵⁸⁶ Хрисовулл (греч. Χρυσόβουλλων) — императорская грамота. Отличался от других видов грамот большей торжественностью оформления. Император собственноручно пурпурными чернилами вписывал несколько слов, ставил подпись и дату. Грамота скреплялись золотой печатью (отсюда название) на шёлковом шнуре (прим. науч. ред.).

¹⁵⁸⁷ Алексиада. III, 6, 157 и далее.

¹⁵⁸⁸ Там же. VIII, 7, 412–413.

¹⁵⁸⁹ Там же. V, 5, 245.

¹⁵⁹⁰ Там же. III, 10, 173.

¹⁵⁹¹ Там же.

¹⁵⁹² Там же.

¹⁵⁹³ Там же. III, 10, 173 и далее; V, 3, 231 и далее.

¹⁵⁹⁴ Там же. X, 7, 37.

¹⁵⁹⁵ Там же. XI, 7, 103.

¹⁵⁹⁶ Там же. XI, 9, 111 и далее.

¹⁵⁹⁷ Там же. VI, 9, 302.

¹⁵⁹⁸ Там же. IX, 3, 433–434.

¹⁵⁹⁹ Там же. IV, 3, 194; VI, 5, 286–287.

¹⁶⁰⁰ Там же. XIII, 12, 228 и далее.

¹⁶⁰¹ Там же. V, 2, 226 и далее.

¹⁶⁰² Там же. V, 8, 236.

¹⁶⁰³ Там же. X, 1, 1.

¹⁶⁰⁴ Там же. XV, 7, 345 и далее.

¹⁶⁰⁵ Ср. 346, прим. 509.

¹⁶⁰⁶ *Kugler B. Boemund und Tankred, Fürsten von Antiochien: ein Beitrag zur Geschichte der Normannen in Syrien. Tübingen: Fues, 1862. S. 59–60.*

¹⁶⁰⁷ Алексиада. XIV, 2, 259.

¹⁶⁰⁸ Там же. XIV, 3, 265 и далее.

¹⁶⁰⁹ *Krumbacher K. Op. cit. S. 275–276.*

¹⁶¹⁰ См., например, то, что она говорит о Григории VII: Алексиада. I, 13, 63.

¹⁶¹¹ Алексиада. XIV, 7, 299. Ср. *Neumann C. Griechische Geschichtschreiber Griechische Geschichtschreiber... Op. cit. S. 17 и далее.*

- ¹⁶¹² Алексиада. XIV, 7, 290.
- ¹⁶¹³ Там же. XV, 11, 377.
- ¹⁶¹⁴ *Krumbacher K.* Op. cit. S. 275.
- ¹⁶¹⁵ *Krumbacher K.* Op. cit. S. 276.
- ¹⁶¹⁶ Алексиада. XIII, 6, 206.
- ¹⁶¹⁷ *Sévigné M.* Lettres de Madame de Sévigné, de sa famille et de ses amis / recueillies et annotées par L. J. N. Monmerqué. 14 t. Paris: L. Hachette et Ce, 1862–1866. Т. 5. 1862. P. 278.
- ¹⁶¹⁸ *Krumbacher K.* Op. cit. S. 276.
- ¹⁶¹⁹ Ср. *Krumbacher K.* Op. cit. S. 370 и далее; *Hirsch F.* Op. cit. S. 357.
- ¹⁶²⁰ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII, 22, 738–739.
- ¹⁶²¹ Ibid. XVIII, 24, 746.
- ¹⁶²² Ibid. XVIII, 24, 748; XVIII, 26, 754; XVIII, 27, 759 и далее.
- ¹⁶²³ Ibid. XVIII, 25, 737.
- ¹⁶²⁴ Ср. *Krumbacher K.* Op. cit. S. 380 и далее.
- ¹⁶²⁵ *Hirsch F.* Op. cit. S. 396. — *Ἀνωτόμου. Σύνοψις χρονική / επιστασία* К.Ν. Σάθα. Εν Βενετία; Εν Παρισίοις; τυπ. Φοίνιξ; Maisonneuve, 1894. [Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. 7/7.]
- ¹⁶²⁶ *Theophylacti Bulgariae archiepiscopi opera quae reperiri potuerunt omnia / accedit Fr. J. F. Mariae Bern. de Rubeis dissertatio // Patrologia Graeca / accurante J. P. Migne.* Lutetiae Parisiorum: Migne, 1864. Т. 126. Ep. 2, col. 312; ep. 4, col. 512.
- ¹⁶²⁷ Ibid. Col. 133.
- ¹⁶²⁸ *Georgius Cedrenus: Ioannis Scylitzae ope.* Op. cit. P. 742.
- ¹⁶²⁹ Алексиада. III, 1, 135.
- ¹⁶³⁰ *Theophylactus.* Παιδεία βασιλική // *Migne.* PG. Т. 126. Col. 254–287. Очень хорошее исследование Феофилакту посвятил Васильевский: *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги // *Журнал министерства народного просвещения.* 164/2 (1872). С. 116–165, 243–332.
- ¹⁶³¹ Алексиада. III, 4, 150; VI, 8, 297.
- ¹⁶³² См. *Васильевский В. Г.* Цит. соч. С. 309 и далее, и *Успенский Ф. И.* Образование второго Болгарского царства. Цит. соч. С. 101 и далее. Аргументы Успенского, датирующего назначение Феофилакта архиепископом Охридским более ранним временем, чем это сделал Васильевский, не кажутся мне убедительными.
- ¹⁶³³ В качестве сопровителя отца (прим. науч. ред.)
- ¹⁶³⁴ *Zonaras J.* Op. cit. XVIII, 21, 733: «μόνιω τώ Χομνήνω ἢ τῆς αὐαρχίας κλήσις καί ἡ βασιλεία περιελέλειπτο». Значит, был такой период, когда Алексей царствовал один.

- ¹⁶³⁵ *Zonaras J.* Op. cit.
- ¹⁶³⁶ *Theophylactus.* Παιδεία βασιλική. С. 7; с. 27 // *Migne.* PG. Т. 126. Col. 260, 285.
- ¹⁶³⁷ *Theophylactus.* Παιδεία βασιλική. С. 3, col. 256.
- ¹⁶³⁸ *Theophylactus.* Λόγος εις τόν αὐτοκράτορα κύριον Ἀλέξιον τόν Χομνηνόν // *Migne.* PG. Т. 126. Col. 288 и далее.
- ¹⁶³⁹ Op. cit. Col. 301.
- ¹⁶⁴⁰ *Васильевский В. Г.* Цит. соч. С. 306 [313] и далее.
- ¹⁶⁴¹ Ср. *Miller E.* Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial. Paris: Imprimerie Nationale, 1848. P. 208–209.
- ¹⁶⁴² *Theophylactus.* Ep. 2 // *Migne.* PG. Т. 126. Col. 309.
- ¹⁶⁴³ Ibid. P. 305.
- ¹⁶⁴⁴ *Theophylactus.* Ep. 5. Ep. 9 // *Migne.* PG. Т. 126. Col. 512, 517. Эти письма адресованы кесарю Никифору Мелиссину, которому в 1091 г. была поручена организация болгарской армии. Ср. Алексиада. VIII, 3, 394–395.
- ¹⁶⁴⁵ См. новое издание писем Феофилакта: *Théophylacte d'Achrida. Lettres / ed et trans. P. Gautier.* Thessalonika, 1986 (прим. науч. ред.).
- ¹⁶⁴⁶ Ср. *Успенский Ф. И.* Цит. соч. С. 99 [3].
- ¹⁶⁴⁷ О письмах Феофилакта см. *Finetti B.* Praefatio // *Migne.* PG. Т. 125. P. 470, 474.
- ¹⁶⁴⁸ Ср. *Krumbacher K.* Op. cit. S. 133, 463. — *Fabricius J.A.* Bibliotheca graeca. Op. cit. Т. VII. 1801. P. 586 и далее.
- ¹⁶⁴⁹ *Theophylactus.* Προσλαλιά τινι τών αὐτοῦ ὀμιλητῶν περι ὧν ἐγκαλοῦνται Λατίνοι // *Migne.* PG. Т. 126. Col. 222–250.
- ¹⁶⁵⁰ *Praechter K.* Antike Quellen des Theophylaktos von Bulgarien // *Byzantinische Zeitschrift.* 1 (1892). S. 399–414.
- ¹⁶⁵¹ *Joannes Antiochenus episcopus.* Λόγος, περί τοῦ ὅτι οἱ τά μοναστήρια διά δωρεῶν λαμβάνοντες, είτε ἀρχιερατικῶν, είτε βασιλικῶν καί ἐκ τῶν μοναστηρίων κέρδη ἔχοντες, ἀσεδούσιν // *Migne.* PG. Т. 132. Col. 1117–1150.
- ¹⁶⁵² *Cotelier J.-B.* Ecclesiae Graecae Monumenta. Op. cit. Т. 1. 1677. P. 159.
- ¹⁶⁵³ *Lequien M.* Op. cit. Т. 2. P. 756–757.
- ¹⁶⁵⁴ *Ferradou A.* Des biens des monastères à Byzance. Op. cit. P. 236.
- ¹⁶⁵⁵ *Oudin C.* Commentarius de scriptoribus ecclesiae antiquis. Lipsiae: Weidmann, 1722. 3 t. Т. 2. P. 842.
- ¹⁶⁵⁶ Διήγησις μερική τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως... Op. cit.
- ¹⁶⁵⁷ *Guillelmus Apuliensis.* Historicum poema de rebus Normannorum in Sicilia, Apulia, et Calabria gestis // *Muratori L. A.* Rerum Italicarum

Scriptores. Mediolani: ex typographia Societatis Palatinae in Regia curia, 1723–1751. 25 t. Т. 5. 1724. P. 253–278. — Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi // *Scriptores. MGH* / ed. de G. H. Pertz. Op. cit. Т. IX: Chronica et gesta aevi Salici. 1851. P. 239–298.

¹⁶⁵⁸ *Wilmans R.* Über die Quellen... Op. cit. S. 87 и далее.

¹⁶⁵⁹ *Gaufredus Malaterra.* Historia Sicula // *Muratori L. A.* Rerum Italicarum Scriptores. Op. cit. Т. 5. 1724. P. 537–602.

¹⁶⁶⁰ Ср. *Hirsch F.* De Italiae inferioris annalibus saeculi decimi et undecimi, diss. historica critica. Lipsiae: Hirzel, 1865. P. 60 и далее.

¹⁶⁶¹ *Петров А. Л.* Цит. соч. С. 242.

¹⁶⁶² Там же.

¹⁶⁶³ Во всем, что касается латинских историков первого крестового похода, я многое почерпнул в «Курсе историографии», который в Школе хартий читает г-н Огюст Молинье.

¹⁶⁶⁴ Ср. *Sybel H. von.* Geschichte des ersten Kreuzzugs. Op. cit. S. 22 и далее. — *Hagenmeyer H.* Das Verhältnis der Gesta Francorum zu dem Hierosolymita Ekkehards von Aura // *Forschungen zur deutschen Geschichte.* 15 (1875). S. 21 и далее. См. также его предисловие к изданию «Gesta Francorum». — *Prutz H.* Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Op. cit. S. 456. — *Thurot Ch.* Études critiques sur les historiens de la première croisade // *Revue historique.* 1 (1876). P. 67 и далее. — *Saulcy F. de.* Tancrede. 1er article: origine de Tancrede. Op. cit. P. 302–303.

¹⁶⁶⁵ *Petri Tudebodi seu Tudebovis, sacerdotis Sivracensis, historia de Hierosolymitano itinere* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux.* Т. 3. Paris: Imprimerie impériale, 1866. P. 1–118.

¹⁶⁶⁶ *Historia belli sacri.* Op. cit. P. 130–239. По рукописи из Монте-кассино.

¹⁶⁶⁷ *Tudebodus imitatus et continuatus* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux.* Т. 3. Op. cit. P. 165–230.

¹⁶⁶⁸ Ср. *Sybel.* Op. cit. S. 15. — *Klein C.* Raimund von Aguilers: Quellenstudie zur Geschichte des ersten Kreuzzuges. Berlin: E. S. Mittler & Sohn, 1892.

¹⁶⁶⁹ См. *Raimundi de Aguilers, canonici Podiensis, historia Francorum qui ceperunt Iherusalem* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux.* Т. 3. Op. cit. P. 239, где он говорит о поведении Алексея после взятия Никеи. Его версия категорически противоречит всем остальным латинским источникам.

¹⁶⁷⁰ Ср. *Sybel.* Op. cit. S. 46 и далее.

¹⁶⁷¹ *Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium, ab anno Domini MCV usque ad annum MCXXVII, auctore domno Fulcherio Carnotensi* //

Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Т. 3. Op. cit. P. 311–486.

¹⁶⁷² В современной традиции больше известен как Бодри Дольский (прим. науч. ред.)

¹⁶⁷³ *Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana, auctore Radulfo Cadomensis, ejus familiari // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Т. 3. Op. cit. P. 587–716.

¹⁶⁷⁴ *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Т. 4. Op. cit. P. 265–714.

¹⁶⁷⁵ *Ibid.* L. I, cap. 1. P. 271.

¹⁶⁷⁶ *Bock C. P. Albertus Aquensis // Niederrheinisches Jahrbuch für Geschichte und Kunst*. 1 (1843). S. 42–101.

¹⁶⁷⁷ *Wattenbach W. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts*. Berlin: W. Hertz, 1893–1894. 2 Bde. Bd. 2. S. 136 (Anmerkung).

¹⁶⁷⁸ *Meyer P. Préface // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Т. 4. Op. cit. P. XXII.

¹⁶⁷⁹ *Sybel*. Op. cit. S. 62 и далее.

¹⁶⁸⁰ *Meyer P. Préface // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Т. 4. Op. cit. P. XXV, XXVI.

¹⁶⁸¹ Г-н Куглер посвятил этому вопросу несколько статей. См. далее список литературы. Свою теорию он сформулировал отчетливее всего в издании: *Kugler B. Albert von Aachen*. Stuttgart: Kohlhammer, 1885. Ср. также *Krebs F. Zur Kritik Alberts von Aachen*. Op. cit. Г-н Хагенмейер допустил, что Альберт использовал утраченную хронику: *Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade*. Op. cit. P. 216.

¹⁶⁸² *Vercruyse F. Essai critique sur la chronique d'Albert d'Aix*. Op. cit. P. 7.

¹⁶⁸³ *Meyer P. Préface // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Т. 4. Op. cit. P. XXV.

¹⁶⁸⁴ Ср. *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Т. 4. Op. cit. L. IV, cap. 8. Он обвиняет Раймунда де Сен-Жиля в предательстве крестоносцев, и в той же книге, гл. 46, он сам снимает это обвинение с Алексея и Раймунда.

¹⁶⁸⁵ *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana*. Op. cit. L. II, cap. 28.

¹⁶⁸⁶ Ср. *Sybel*. Op. cit. S. 57.

¹⁶⁸⁷ *Hagenmeyer H. Das Verhältnis der Gesta Francorum zu dem Hierosolymita Ekkehard von Aura*. Op. cit. S. 21 и далее. Его же введение к изданию «Иерусалимца»: *Hagenmeyer H. Einleitung // Ekkardus*

de Uraugia. Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita / nach der Waitz'schen Recension, mit Erläuterungen und einem Anhang hrsg. von H. Hagenmeyer. Tübingen: Fr. Fues, 1877. S. 1–38. Passim.

¹⁶⁸⁸ *Cafari de Caschifelone*. Genuensis consulis, De liberatione civitatum Orientis // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. T. 5. Op. cit. P. 47–74.

¹⁶⁸⁹ *Riant P. É. D.* Inventaire critique des lettres historiques des croisades // *Archives de l'Orient latin*. 1 (1881). P. 1–234.

¹⁶⁹⁰ Ср. *Paris P.* Chansons de geste // *Histoire littéraire de la France*. Paris: Firmin Didot, 1733–2008. 43 t. T. 25. 1869. P. 519–526. — *Paris P.* Nouvelle étude sur la Chanson d'Antioche. Paris: Techener, 1878. — *Paris G.* La Chanson d'Antioche provençale et la Gran conquista de ultramar // *Romania*. 17 (1888). P. 513–541. — *Pigeonneau H.* Le Cycle de la croisade et de la famille de Bouillon. Thèse de doctorat. Saint-Cloud: Impr. de Mme veuve E. Belin, 1877.

¹⁶⁹¹ *Matthieu d'Edesse*. Op. cit.

¹⁶⁹² *Bar Hebraeus*. Bar-Hebraei Chronicon Syriacum / e codicibus Bodleianis descriptum coniunctim ediderunt P.J. Bruns et G. G. Kirsch. Lipsiae: A. F. Boehmius, 1789.

¹⁶⁹³ Михаил Сириец был патриархом Антиохийским с 1166 по 1199 г. Его хроника доступна только в армянском переводе. Г-н Шабо только что начал публикацию сирийского текста: *Michel le Syrien*. Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche, 1166–1179 / éd. pour la première fois et trad. en français par J.-B. Chabot. Paris: E. Leroux, 1900–1924. 4 t.

¹⁶⁹⁴ *Ibn-Alatyr*. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh // *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. Paris: Imprimerie Nationale, 1872–1906. 5 t. T. 1. 1872. P. 189–744. T. 2/1. 1887. P. 3–180. — *Ibn el-Athir*. Histoire des Atabecs de Mosul. Op. cit. T. 2/2.

¹⁶⁹⁵ Рус.: «Полный свод всеобщей истории» (прим. науч. ред.)

¹⁶⁹⁶ Résumé de l'histoire des croisades tiré des annales d'Abou'l-Fedâ // *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. T. 1. 1872. P. 1–186.

¹⁶⁹⁷ Об этих разных историках см. *Wüstenfeld F.* Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1881–1882. 3 Bde. и предисловия издателей из Академии к «Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux».

СОДЕРЖАНИЕ

**Морозов М. А.— Фердинанд Шаландон
и его книга об Алексее I Комнине с. 5-14**

Предисловие к французскому изданию с. 16

Глава I

Византийская империя после смерти

Василия II (1025–1108).....с. 17–31

Упадок империи. Слабость правительства. — Соседи Византии. Продвижение печенегов в область между Балканами и Дунаем. — Неудачные попытки эллинизировать Болгарию. Враждебные отношения между греками и болгарами. — Сербь. Константин Бодин. — Далмация, ее отношения с Венецией. — Итальянские норманны. — Турки в Малой Азии. Завоевания Тогрул-бека, Алп-Арслана и Малик-шаха. — Владения греков в Малой Азии. — Партии в империи. Аристократия и сенаторское сословие. — Военная партия. — Духовенство. — Империя утратила всякую способность к ассимиляции.

Глава II

Происхождение Комнинов.

Юность Алексея и его пришествие к власти с. 32–53

Комнины. — выходцы из деревни Комни под Адрианополем. — Старейшие представители этой фамилии участвуют в византийской истории при Василии II (976–1025). — Мануил Комнин; его сыновья. Рождение Алексея. — Отречение Исаака Комнина. Политическая линия Анны Далассины, матери Алексея. — Опала

Комнинов после падения Романа Диогена; их возвращение в милость. Женитьба Исаака Комнина на кузине василиссы Марии, жены Михаила VII. Фавор Комнинов следует связывать с удалением Дук. — Боевое крещение Алексея при брате Исааке. Его поход на Русселя де Байоля. — Состояние империи. Недовольство, вызываемое управлением внуха Никифорицы, фаворита Михаила VII. Влияние Комнинов. Женитьба Алексея на Ирине Дукине. Политическое значение этого брака. — Мятеж Вотаниата и отречение Михаила VII. Фавор Алексея Комнина при новом василевсе. Комнин подавляет мятежи Вриенния и Василаки; он сделан великим доместиком и севастом. — Непопулярность Вотаниата, ее причины. — Популярность Комнинов, их борьба с фаворитами Вотаниата. Усыновление Алексея императрицей Марией; значение этой меры. — Приготовления к мятежу Комнинов; сбор войск в Чорлу. Бегство Комнинов. Алексея провозглашают императором в Схизах, он идет на Константинополь. Взятие и разграбление столицы.

Глава III

Начало царствования и война

с Робертом Гвискардом (1081–1085) с. 54–82

Портрет Алексея Комнина. — Соперничество между сторонниками Комнинов и сторонниками Дук, интриги разных партий. Коронация Алексея. Вмешательство патриарха Косьмы, который коронует Ирину. Соправителем при новом василевсе становится Константин, сын Михаила VII. — Власть, предоставленная Анне Далассине. — Алексей должен сражаться с турками и норманнами. Роберт Гвискард; что его побудило вмешаться в дела на Востоке. Василевсы искали союза с норманнами. — Проекты брака между сыном Романа Диогена и дочерью Гвискарда, потом между дочерью Гвискарда и Константином, братом Михаила VII. Обручение Елены, дочери Гвискарда, с Константином, сыном Михаила VII. — Узурпация Вотаниата дает Гвискарду повод

вмешаться в дела на Востоке в качестве защитника прав Михаила VII. Итальянские дела мешают Роберту активно действовать до 1081 г. Лже-Михаил VII. Отплытие норманнской армии. — Политика Алексея, который создает себе союзников в Италии. — Договор василевса с Генрихом IV, римским королем. — Союз Комнина и Венецианской республики. — Соглашение с турками; границы греческих владений в Малой Азии. — Первые успехи норманнов; взятие Авлоны, Канины, Иерихона, Корфу. Осада Диррахия; поражение норманнского флота. — Алексей доверяет регентство матери и приходит на помощь осажденной крепости; он терпит поражение (в октябре 1081 г.). — Комнин собирает новую армию. Дефицит императорских финансов. Конфискация церковных имуществ. — Венеция и империя. — Продвижение норманнов; взятие Диррахия и Кастории. — Гвискард вынужден вернуться в Италию в связи с мятежом вассалов и вестью о подходе Генриха IV. Он оставляет командование сыну Боэмунду. — Кампания Боэмунда; победы норманнов при Янине и Арте. — Победа Алексея при Лариссе, отход Боэмунда к Кастории. Алексей при помощи интриг и обещаний привлекает на свою сторону армию Боэмунда, который возвращается в Италию. — Греки отбивают Касторию. — Новый поход Гвискарда в 1084 г. Его первые успехи. Он умирает близ Кефалинии.

Глава IV

Борьба империи с турками и печенегами

(1084–1092)с. 83–112

Греки на Востоке. Филарет Вахамий основывает независимое государство со столицей в Антиохии. Взятие Антиохии Сулейманом. — Последствия побед Сулеймана для мелких турецких государств. Вмешательство сельджукского султана Малик-шаха в дела Сирии. — У греков больше нет ни одной сильной крепости в Сирии. Отношения Алексея Комнина и Абу-ль-Касима, эмира Никеи. — Восстание манихеев в области

Филиппополя; они призывают печенегов. — Первое вторжение печенегов. Поражение великого домашнего Бакуриани. Татикий останавливает варваров под Адрианополем. Сложное положение Алексея, который, не имея денег, хочет снова изъять сокровища церквей. Протесты против этой меры. Протестующих возглавляет Лев, епископ Халкидонский. Он низложен. — Вторая экспедиция печенегов в союзе с Шаламоном, свергнутым королем Венгрии (1087 г.). Поражение варваров. Поход греков на Дристру; их поражение. — Вмешательство половцев. Алексей Комнин реорганизует армию в Эски-Загра. Проезд графа Фландрского, возвращающегося из Иерусалима. — Поход 1088 г. на печенегов и половцев. Переговоры Алексея с варварами. Победы печенегов; последние продвигаются до Ипсалы. Договор с печенегами. — Недовольство населения Константинополя. Новелла Алексея о церковных имуществвах. Рождение Иоанна Комнина. — Поход 1090 г. на печенегов; их союз с Чахой, эмиром Смирны. Поход Константина Далассина на Чаху. — Алексей пытается набирать войска даже в Италии. Отношения между Римом и Византией с 1088 по 1091 г. — Поход 1091 г. на печенегов; союз греков с половцами. Победа византийцев. — Переговоры между Алексеем и Малик-шахом.

Глава V

Сербы и половцы (1092–1095)с. 113–126

Иоанн Комнин — соправитель императора. Опала Марии Дукини. Заговор. — Восстание сербов во главе с Константином Бодином. Последнего следует отличать от Вукана, жупана Рашки, с которым его по ошибке смешивают. Поход Алексея на сербов в 1091 г. — Война с Чахой (1092 г.). Заговор. Союз византийцев с Кылыч-Арсланом, эмиром Никеи. Мятежи на островах Крит и Кипр. — Новое восстание Бодина; поражение Иоанна Комнина, дуки Диррахия. Заговор. Поход Алексея на сербов. Вторжение половцев во главе с мнимым сыном Романа Диогена, Львом. Поражение половцев.

Глава VI

Алексей Комнин и первый крестовый поход.

Крестоносцы под Константинополем.....с. 127–152

Алексей никогда не обращался к Западу с призывом о помощи против турок. Эта легенда основана на письме, в котором Алексей просил у графа Фландрского подкрепление в пятьсот всадников, на его сношениях с Григорием VII и Генрихом IV во время вторжения Роберта Гвискара, и, наконец, на просьбе об отправке наемников для защиты от половцев, посланной в Рим в 1091 г. — Греки и латиняне с самого начала опасаются друг друга. Мотивы, диктовавшие поведение Алексея. — Крестовый поход Петра Пустынника. О том, насколько можно доверять Альберту Ахенскому в рассказе об этом походе. Прибытие Петра Пустынника в Константинополь. Его пребывание под этим городом. Переправа крестоносцев в Малую Азию. Их разгром. — Прибытие Гуго де Вермандуа в Константинополь. Поведение Готфрида Бульонского по Альберту Ахенскому. Прибытие крестоносцев под Константинополь. Пребывание Готфрида Бульонского под стенами столицы. Трения между греками и латинянами. — Боэмунд в Константинополе. Он хочет основать княжество с помощью греков. — Прибытие в Византию Раймунда де Сен-Жиля, графа Тулузского. Его отношения с Алексеем. Танкред отказывается приносить клятву императору. — Договор, заключенный между Алексеем и крестоносцами. Большинство латинян в армии, должно быть, хорошо относятся к Алексею.

Глава VII

Крестоносцы в Малой Азии и Сириис. 153–173

Осада и взятие Никеи. Партии в крестовом походе. — Выступление крестоносцев на Антиохию. План Алексея, желающего отвоевать западную часть Малой Азии. Кампания Иоанна Дуки, который в июне 1098 г. присоединяется к Алексею, идущему на Антиохию. Встреча в Филомелии «канатных плясунов» и василевса,

который, обманутый лживыми сообщениями латинян, возвращается в Византий. — Роль, какую во время крестового похода играет Татикий. Изменение политики Боэмунда, интриги которого вынуждают Татикия покинуть Антиохию. — Взятие Антиохии. Соперничество графа Тулузского и Боэмунда за власть над городом. Послание крестоносцев Алексею. До этой даты нет ни одного положительного свидетельства, которые бы позволило делать вывод о существовании разногласий между Алексеем и латинянами. — Переговоры между Алексеем и графом Тулузским. События, центром которых служит Лаодикея. — Письмо Алексея, сообщающее крестоносцам, что он прибудет в июне 1099 г.; они отказываются его ждать. — Алексей и поход пизанцев 1099 г. Начало борьбы с Боэмундом.

Глава VIII

Алексей и Боэмунд с. 174–198

Осада Лаодикеи Боэмундом (1099 г.). Алексей не порвал отношений с другими крестоносцами; в 1099 г. он возвращает некоторое количество крестоносцев на родину за свой счет. — Боэмунд попадает в плен к Малику-гази. Власть над княжеством принимает Танкред. — Поездка графа Тулузского в Византий [Константинополь]. — Крестовый поход 1101 г. — Походы графа Неверского, Гильома Аквитанского и Эрика Доброго. — Влияние этих походов на формирование легенды, враждебной по отношению к Алексею. — Борьба Танкреда с греками. Освобождение Боэмунда. Кантакузин в Лаодикее. — Боэмунд в поисках помощи отправляется в Европу. — Внутренние события в империи. — Боэмунд на Западе. Он хочет вернуться к плану Гвискарда, направленному против Алексея. Осада Диррахия. Боэмунд вынужден заключить договор с Комнином. Значение этого договора. — Смерть Боэмунда препятствует выполнению договора. Танкред расширяет Антиохийское княжество за счет турок и греков. Алексей замышляет объединить глав латинских государств Сирии в лигу, которая бы поддержала греков в борьбе с Танкредом. Он терпит неудачу.

Глава IX**Последние годы Алексея.....с. 199–216**

Вторжение турок в Малую Азию (1109–1110). — Проезд через Константинополь Сигурда, короля Норвегии. — Договор, заключенный между греками и пизанцами в 1111 г. — Алексей и Пасхалий II. Попытки воссоединения церквей. Алексей помышляет об императорской короне. — Война с турками. Походы 1112 и 1113 г. — Вторжение половцев в 1114 г. — Поход 1115 г. в Малую Азию. Договор с турками. — Придворные интриги. Влияние Ирины Дукини. Ее замыслы: она хочет, чтобы Алексей лишил наследства Иоанна Комнина в пользу Никифора Вриенния. — Последняя болезнь Алексея. Коронация Иоанна Комнина.

Глава X**Управление.....с. 217–320**

I. Военный характер, какой империи придал Алексей. Реорганизация флота и армии. — Средства, использовавшиеся базилиевсом для добывания денег. Конфискация монастырских владений. Чрезмерное территориальное расширение монастырей. Алексей задумывает реформы. Упадок института греческого монашества. Дело влахов на Афоне. Святой Христул.

II. Финансовая политика Алексея. Бремя, лежащее на податных. Поведение по отношению к духовенству.

III. Способ взимания налогов. Дополнительные налоги. Изменения курса монет. Счет для податного, задолжавшего за два года.

IV. Роль религии при Алексее. Идеиное брожение в его царствование приводит к возникновению многочисленных ересей. Синодик. Иоанн Итал. Его процесс. Его философская система. — Нил. Алексей и филиппопольские манихеи. Евстратий, епископ Никейский. Богомилы. Алексей заказывает Евфимию Зигавину написать «Догматическую паноплию».

Заключение	с. 251–252
Приложение. Письмо Алексея графу Фландрскому.....	с. 253–264
Обзор источников по истории Алексея I Комнина.....	с. 265–290
<i>I. Архивные документы с. IV–V</i>	
<i>II. Повествовательные источники. — А) Греческие источники. — Атталиат, Скилица. — Никифор Ври- енний. — Анна Комнина. — Зонара. — Глика. — Фе- офилакт. — Иоанн Антиохийский. — Б) Латинские источники. — Вильгельм Апулийский. — Готфрид Малатерра. — «Gesta Francorum». — Раймунд Ажил- ский. — Фульхерий Шартрский. — Рауль Канский. — Альберт Ахенский. — Эккехард из Ауры. — «Песнь об Антиохии». — В) Восточные источники.</i>	
Литература	с. 291–308
Примечания	с. 309–423

**Фердинанд Шаландон
Алексей I Комнин:
история правления (1081–1118)**

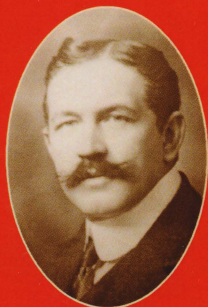
Научное издание

Директор издательства *Чубарь В. В.*
Главный редактор *Трофимов В. Ю.*
Корректор *Исупова Н. К.*
Дизайн макета: *Шуктомова Н. А.*

ООО «Издательство „Евразия“»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Подписано в печать 03.07.2017
Усл.-печ. л. 27 Формат 60х90 1/16, Гарнитура «PT Serif»,
Тираж 500 экз. Печать офсетная.
Заказ №

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

Книга французского историка Ф. Шаландона (1875–1921) посвящена периоду правления императора Алексея I Комнина (1081–1118), первого императора из династии Комнинов. Основанный на большом фактическом материале, этот труд до сих пор остается единственной сводной работой по начальному периоду правления Комнинов и уже поэтому заслуживает внимания. Будучи основателем новой династии, Алексей I дал византийской политике то направление, которое она сохраняла в продолжение всего XII века. Его царствование открыло новую эру в истории взаимоотношений между Востоком и Западом.

Непосредственной заслугой Ф. Шаландона является разработка фактической истории византийской политики в Малой Азии и реконструкция хронологии всего периода правления Алексея I. На основании анализа всех доступных ученому сведений он воссоздал датировку войн этого императора с итальянскими норманнами, с печенегами и половцами на Балканском полуострове, с Иконийским султанатом и отдельными эмиратами турок-сельджуков в Малой Азии. В книге также скрупулезно анализируется внешняя политика Византийской империи, в частности, реконструируется хронология взаимоотношений Алексея Комнина и лидеров Первого Крестового похода.

ISBN 978-5-8071-0354-3

9 785807 103543